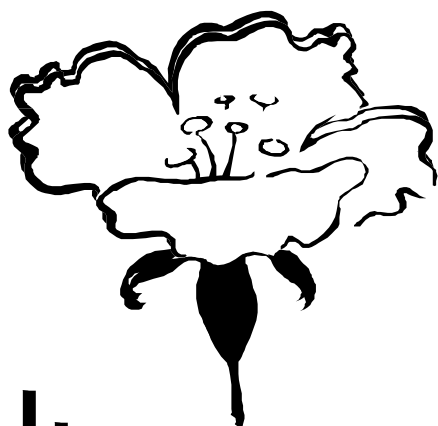

№ 13 – 15
ОКТЯБРЬ 2009 г.

*«Исповедь читателя – 2» П.П. Супруненко
отредактирована и подготовлена
к печати Ю.П. Супруненко.*

ТРОИЦК ЛИТЕРАТУРНЫЙ

Павел Супруненко

ИСПОВЕДЬ ЧИТАТЕЛЯ – 2
(литературные воспоминания)

Литературно-критический журнал
“Троицк литературный”

Редакционная коллегия:

Алексей Мильков
Ирина Шлионская
Анатолий Коробов

leomilk@yandex.ru
IShlion@inetcomm.ru
8-905-577-67-19

Литературное объединение г.Троицка собирается каждую последнюю среду в 18.00 в библиотеке №1 им. Михайловых по адресу: М-н “В” №38. Председатель ЛИТО Мильков Алексей Леонтьевич. Секретарь ЛИТО Елисеев Владимир Валентинович, тел. 51-70-35

Редакционный совет:

Владимир Бланк, директор ФГУ ТИСНУМ,
Председатель Совета депутатов г. Троицка.
Глеб Шульпяков, гл. редактор журнала
“Новая Юность”.
Татьяна Исаева, начальник Отдела культуры.
Людмила Подорожная, директор библиотеки №1 им. Михайловых.
Наталья Тимошенко, директор школы №1
им. Пушкина

Номер издан при содействии ФГУ ТИСНУМ
и Совета депутатов г. Троицка.

Директор ФГУ ТИСНУМ,
Председатель Совета депутатов г. Троицка
Бланк В.Д.

Фонтан “Крутящийся шарик” на Сиреневом
бульваре перед Городской больницей 2008 г.

Троицк: издательство “Тровант”, 2009 г.
Печ. листов 15,6. Страниц 112. Тираж 100.

СОДЕРЖАНИЕ

Павел СУПРУНЕНКО
ЛЮБИМ ЛИ МЫ ГЕОГРАФИЮ

(Размышления о месте Троицка в жизни авторов)

2 стр.

Павел СУПРУНЕНКО

ИСПОВЕДЬ ЧИТАТЕЛЯ – 2 (литературные воспоминания)

стр.

I. Вот так и воевали	4	Записки эмигрантки (Любовь Белозерская)	44
Между боями – мордобой	4	Приобретение автомашины не исключалось (М. Булгаков)	44
Как отвязаться от смерша	4	Втроем под одной крышей (жены М. Булгакова)	45
Когда война кончится	5	«Я – персонаж нереальный»	
Расхрабрились	6	(сеанс спиритизма с духом М. Булгакова)	45
Разве можно забыть	7	Не много ли сомнений (солженицынские дни)	47
Самое страшное	7	Пострадавший диссидент	50
В объятиях пражанок	7	Собственное воспоминание о «престарелых хунвейбинах»	50
Все не верилось	8	Чёрт – в деталях. Но и ангелы – в них же	51
Послеконцертная печаль	10	Журналистика	52
		Переписка с Солженицыным	52
		Верить или не верить	52
II. Война не забывается	11	III. Незабываемые встречи и интервью	53
Солдатская исповедь	11	Заботы деда Корнея (К. Чуковский)	53
Дальше фронта не пошлют (из фронтового блокнота)	13	Удивительная живучесть (Л. Успенский)	55
Пустынный замок с глобусом и пианино (Бургберг, гора военно-детективная)	16	Ночь без ночлега (А.П. Довженко)	57
Толовая шашка	16	Где море, а где лужи (А.П. Довженко)	58
Нет часов ни у кого	16	Из записной книжки (А.П. Довженко)	59
Комроты разрешил	16	Базардюю – не южная точка России, но гора интересная	59
Хорти мятущийся	17	Горский Генрих	59
Не знали, куда шли	17	Известный горопожиратель (альпинист Анохин)	60
Как лучше драпать	17	Скажи, караванщик	60
Гора, памятная сапёрам	18	Только на крупномасштабной карте	60
		Адыгене, воспетая в прозе (В. Солоухин)	61
III. Из невыдуманных рассказов	19	Хохма или быль (В.С. Высоцкий)	63
Разве можно забыть	19	Ещё один Гамлет (В.С. Высоцкий)	63
Неудача неслучайна (памятник Г. Жукову)	20	Что значила эта потеря (В.С. Высоцкий)	64
Самый ужасный момент	20	Из «проклятого» прошлого	64
Танковая частушка	20	Крутая сопка, столично-эзковская	65
Что посылали	21	Неожиданная рецензия	67
Стоит жить	21	Город основан писателем	68
Скромность безопаснее	21		
ЧП в госпитале	21	III. Солженицын и его время	69
Предусмотрительные немцы	22	Многое шло из юности	69
Чем заменили солдатские бордели	22	Упреки и недопонимания	70
Ссора из-за войны	22	Маргиналии – «боковки» на книгах (А.И. Солженицын)	72
Торжества не получилось	23	Внешняя суровость – не показатель	79
Трудодни за собранные трупы	23	Когда обостряется сознание	79
Фронтовые открытки (о чем писали с войны)	24	Откуда сила	80
Каланчевка в эпицентре взрыва	25	Почему рассердился (Илья Глазунов)	81
Всё было бы смешно	27	О монахе и витязе (Е.А. Евтушенко и А. Солженицын)	82
Из записных книжек	28	Открытие классики (А. Тарковский, П. Паламарчук)	83
		Дань классике (В. Бунич, Ю. Андропов, М. Веллер)	83
IV. Пережитое и памятное	29	Двойное братство (Г. Бёлль)	84
Какой я читатель	29	Не даёт покоя (М. Шолохов)	84
Среди миллиардов помощниц	31	Литературно-любовное признание (Л.К. Чуковская)	86
От утиных перьев до секс-ручек (история вещей)	33	Кто без греха (Н.А. Решетовская)	87
Ода рюкзаку (биография вещей)	34	Жена, как главнокомандующий (Н.Д. Солженицына-Светлова)	88
Мой адрес – красный стекловар	34	Логичное приобщение (Н.В. Ледовских)	89
		Среди здравомыслящих	90
V. Топонимика по-советски	35	Солженицынскими маршрутами (взгляд географа)	90
(«созвучие эпохи» по-коммунистически)		Что сказать на презентации	91
Победным шествием	35	За чтением – осмысление	91
Совдепия – страна советов	35	Кандидаты в энциклопедию	91
Кто красному рад (красный – не прекрасный)	35	Последний рубеж	93
Обираловка – не звучит гордо	36	Осмысление продолжается	93
Комсомоломания (комсомольцев поощряли городами)	36		
Коммуналки на карте	37	IX. Из споров с родителями	94
Топонимикой заматают следы (Кировым заматали следы)	37	и наставлений сыновьям	
Из ряда коминтерновских (в честь компартии Германии)	38	Будьте как дети	94
		Как убедить отца	95
VI. Кто достоин (книги в мусорке)	38	Когда приходит зрелость	96
Завещание книг	39	Самая интересная книга – это жизнь	97
Мистика в жизни писателей	41	Вера необходима	98
До и после смерти (неизвестное о Булгакове)	43	О том времени	99
Штрихи к знакомому портрету (М. Булгаков)	43	Завещание Хрущева	100
Рогаш – существо загадочное	43	Родовая честь проявляется	100
Демидовская гимназистка (Любовь Белозерская)	44		

Павел СУПРУНЕНКО

ЛЮБИМ ЛИ МЫ ГЕОГРАФИЮ

(Размышления о месте Троицка в жизни авторов)

Все мы с детства усваиваем отрицательное отношение к фонвизинскому Митрофанушке, не признававшему географию, знающему, что извозчик довезет его куда надо и без неё. Только зарубками на носу и где-то поглубже, возможно, даже в подсознании остаются в нас названия памятных мест, где мы родились, учились, женились... Одним словом, жили, дружили, служили...

А мы с моим младшим сыном Юрием, географом по профессии, замахнулись даже на авторство содержательного томика в серии «Популярная энциклопедия» (издательство «Терра-Книжный клуб») – «Топонимика» с помещением в нем географических названий нашей планеты не только с их расшифровкой, но и подвёрсткой стихов, где они упоминаются.

Можно понять, с каким повышенным вниманием, интересом тройчане (чуть не написалось слово «трояницы»), и в этой оговорке – намёк на созвучную связь города с древней Троей) встречают упоминание Троицка в СМИ, а тем более в стихах. А тут в этой книжке не просто упоминание, а сочиненный «Гимн Троицку». Речь идёт о сборнике, изданном в 1997 году к 20-летию образования научного центра Российской Федерации. Изданном местным издательством «Тривант», со временем обретшим солидность. Издание оригинально преподнесено читателю как «Препарированный чемодан стихотворных текстов, сочиненных жителями небольшого российского города».

Хочешь – не хочешь, а географию, если не любить, то не терять из виду надо обязательно. Иначе забудешь расположение гор и рек, городов и краев, распространение растений и животных. Да и свои жизненные маршруты потеряешь. Это как лошади кушают овес, и Волга впадает в Каспийское море. Не забыли традицию классиков и троичские поэты. Среди лирики, веселых шуток, научных терминов и даже формул в стихах мелькают Индия, Сахара, Аппенины, Атлантика, Нью-Йорк, Париж, Швеция, Манчестер, Пуэрто-Рико, Монте-Карло и т.д. и т.п. Конечно, и наши близкие, частые на слуху Москва, Волга, Жигули, Колыма, да и менее известные Углич, Шуя, Кленцы, Селигер... Не затерялись приметные Ватутинки.

**Где-то там вдали скромной бусинкой
На суровой нитке шоссе
Без меня загрустили Ватутинки
В самой средней моей полосе.**

(В. Копытов)

У А.Хатова юморные наброски к гимну России.

**Как из города, града-стольного,
Под названием Процветухлово,
Выезжал Иван-дурак – добрый молодец
Да на лихом коне,
Да на кривой козе.**

А вот у М. Пушкова вполне серьёзный, представленный на конкурс альтернативный текст гимна родного Троицка.

**...Живет средь дубрав и березовых рош
Народ, что силен этим Духом,
И помнит, и чтит твою прежнюю мощь...
О, Троицк, земля тебе пухом!**

(намек на умирающую науку в 90-е годы –

Прим. сост.)

В своё время И.А. Бунин так объяснял своей любимой женщине Авиловой желание поехать в Смоленск, Витебск или Полоцк. Та удивлялась: «Зачем?» Он отвечал, что не знает, что, прежде всего, очень нравятся эти названия. «Я не шучу. Разве вы не знаете, как хороши некоторые слова?»

Случись, что Иван Алексеевич вернулся бы в Россию и дожил бы до наших дней, он бы в свой топонимический ряд добавил бы и содержательный, благозвучный Троицк.

Местные поэты, в большинстве своём научные работники, не случайно затронули в сборнике, в своих стихах мифологию, космос, НЛО, сублимацию, аннигиляцию, компьютеризацию, сексологию... В городе живут прогрессивно-мыслящие читатели. Первый поэтический сборник быстро стал библиографической редкостью с его очень небольшим тиражом. А хотелось бы такую книжку и внукам передать.

Словом, назрела пора издать и второй подобный сборник. Как выросли, углубились в темы знакомые нам поэты, какие новые появились имена? Ей богу, тройчане с их драгоценным чувством самоиронии и юмора читаются с большим интересом и понятливостью, чем столичные авангардисты и модернисты с их попсовой модой, замутненностью и умопомрачением. Если не хватит хороших стихов, можно дополнить книжку (даже желательно) виршами, сочиненными по заданной программе компьютером.

Вот один из образцов компьютерных стихов:

**Все девушки рыдают, словно тихие снега.
У ложа эта девушка не будет плакать.
Дожди суть глупые любовники, но я не робок:
Запнуться, простонать, идти.
Та девушка плыла под парусом...**

Пока жизнь создаёт ошибочные, совершенно пустые образы:

**Пока медленно время течет мимо полезных дел,
А звезды уныло кружатся в небе,
Люди не могут смеяться...**

Кроме поэтического зуда, эти компьютерные программы, вероятно, обладают ещё и чувством юмора.

Читатели давно уже ждут книжки такой поэтической виртуальности. Может, за издание её возьмется инициативный «Тровант»?

И вот, как образец – из местных поэтов.

ВОСХОЖДЕНИЕ

Все мы совершаем восхождения: кто по карьерной лестнице, кто – по финансовой, коммерческой, кто – по творческой, а кто – и по любовно-эротической с составлением дон-жуанских списков.

Но немало счастливых, кому представляется возможность совершить подъём и на вершины настоящих гор. И вот там, среди ледников и скромно расцветших махровых цветов, рядом со снегами, среди взлетающих скал и совершается чудо. При такой первозданной, чарующей красоте трудно удержаться, чтобы не начать рифмовать слова. Как сказал один остроумец: «если не писать стихи, то можно сойти с ума...»

Борис Штерн – один из Троицких поэтов, кто не стал сходить с ума и сумел передать свои чувства, побывав в горах.

**Слава камнерезущим ледникам,
Изваявшим великую готику гор!
Слава вечно голубым снегам,
Увенчавшим тысячелетний собор!**

**Сердцу и перетруженным легким – честь!
Браво, ноги – стонали, но донесли.
Вот вершина, вот камень, и можно сесть,
Сесть и слушать безмолвный орган Земли.
(ЛиТр. (Литературный Троицк))¹.**

Но этого оказалось мало. Тот же Борис Штерн вдохновился в горах до такой степени, до того, что замахнулся подняться, ни много ни мало, – на сам Олимп... Нет, не иносказательно – на поэтический, и даже не на тот реальный, божественный, что в Греции, а на тот, что аж на самом Марсе. Причем без применения мощнейших телескопов и сложнейшей аппаратуры, а опять же при помощи своего могучего поэтического воображения.

**Пелена оседает ночевать в долины.
И опять в просветленной дали,
Прямо в небе седеющим исполином
Проступал марсианский Олимп...**

**В пустоте, без богов, вне времени
Серебрится Олимп углекислою сединой...
Мир безмолвный, мертвый от сотворения,
Достижимый безумной ценой!
(ЛиТр., с.345)**

Те, кто, может, и не рифмовали никогда слова, не умели поэтически взглянуть на небо, на звёзды, и начали реальный путь к марсианскому Олимпу. В преддверии будущего восхождения на него ученые совершили удивительную разведку. По астрономическим исследованиям, эта гора – самая высокая в Солнечной системе – 27 км над уровнем поверхности планеты и с основанием в перечнике 600 км. Чтобы подняться на вершину, которая в три раза выше Эвереста, не понадобится никакого альпинистского снаряжения. Хотя придётся очень долго идти вверх по уклону в 5 градусов. А ещё под горой могут существовать карманы-резервуары с жидкой водой, а в ней не исключена марсианская жизнь. Словом, первые восходители, возможно, с шуткой «Есть ли жизнь на Марсе?» вспомнят и строчки поэта с марсианского Олимпа.

¹ Препарированный чемодан стихотворных текстов, сочиненных жителями небольшого российского города Троицка.

– Троицк. ТОО «Тровант». 1996 г. 400 стр. Студия «Вагант» («Байтик-4»). стр.351.

Мемуарная литература по читательскому выбору идет на смену художественной, «выдуманной». Это отмечали Лев Толстой, Александр Солженицын и другие авторитетные писатели.

Напомнить о себе можно ответами на вопросы, которые задает сама жизнь. Мы живем, пока нас помнят. «Мне жизнь дорога как память», – говорил незабвенный Остап Бендер. А серьезнее: чем дольше жизнь, тем дороже прошлое. А еще говорят, жизнь состоит на две трети из воспоминаний и на одну треть – из надежд.

(Из отзыва о П.П. Супруненко в книге «Корреспонденты Победы», издательство «Комсомольской правды», М., 1995.)

Павел СУПРУНЕНКО

ИСПОВЕДЬ ЧИТАТЕЛЯ-2

(литературные воспоминания)

I. ВОТ ТАК И ВОЕВАЛИ

«Мне кажется, со временем вообще перестанут выдумывать художественные произведения. Писатели, если они будут, будут не сочинять, а только рассказывать то значительное или интересное, что им случалось наблюдать в жизни»

Л.Н. Толстой

МЕЖДУ БОЯМИ – МОРДОБОЙ

«Вперед на Запад!» Этот призыв уже примелькался в глазах. Он был написан и мелом, и краской на бортах автомашин, на оружейных стволах, на танковых башнях и котлах передвижных кухонь. И чем дальше продвигались на этот вождельный «запад», тем больше пьянок. И надо же было дожить до такого времени, что вино нам надоело. Его запасы в венгерских подвалах были неисчерпаемы. Мы пили его как водичку – и перед едой и после, и перед сном и натошак. Нет, не русский это напиток – только живот пучит. Эх, раздобыть бы водочки – ее бы, драгоценную можно пить наперстками. А можно налить в миску, крошить туда хлебушка и хлебать ложками.

Одно из таких застольных обсуждений «культуры» питья в свободном от бежавших хозяев венгерском доме было неожиданно прервано. Вбежавший солдат, запыхавшись, выпалил: «На окраине немецкие танки!»

На улице уже все было в движении. Одевались на бегу, слышались какие-то отрывистые команды, но на них никто уже не обращал внимания. Нагрязнул, как снег на голову, даже не страх, а обвал общей суматохи и неразберихи. Каждого подхватывал поток отступающих солдат. Ругань, стоны раненых. Начиналась паника.

Легче было выскочить, пробраться дворами. Оказавшись на окраине, я со взвodom своих уцелевших солдат

уходил подальше от дороги. По опыту знал, там на большаке начальство задерживает бегство, размахивая пистолетами и автоматами. Но ни генеральские погоны, ни угроза расстрела не могли уже наладить порядок.

На склоне ползали немецкие «Тигры». Вслед за огненными вспышками из стволов хлопали взрывы у дороги. Повозки съезжали на обочину, в поле, подальше от пристрелянных целей. Ездовые неистово ругались, гнали лошадей. По полю метались испуганные зайцы. Казалось, они не выдерживали «соревнования» в беге со своими двуногими собратьями. Многие из бегущих бросали свои ватники, вещмешки. Один из солдат сверкал пяткой, будучи обутом только на одну ногу.

В районе Комарно на севере Венгрии состоялось одно из последних наших панических отступлений. Драп-марш был настолько стремительным, что артиллеристы бросали пушки, минометы. А уж о повозках с боеприпасами, провиантом, барахлом и говорить нечего. В нашей 375-й из окружения выскочили только штабы да связисты, саперы. Почти вся пехота и даже разведчики попали к немцам в лапы. Не помогли ни «боевые сто грамм», положенные для взбадривания, ни разлитое море вина. Пьянство губило много людей, понижало боеспособность. Потом, очухавшись, солдаты невесело посмеивались, больше всего жале-

ли брошенный тыловиками спирт. У запасливых старшин и каптенармусов он-таки водился, как «НЗ».

Мы одними из последних переправились по понтонному мосту через речку Грон. С трудом разыскал батальон. Комроты приболел после перепоя. Пришлось мне идти докладывать комбату о прибытии. Бойко отрапортовал, что я не потерял ни одного солдата. Подполковник похвалил за находчивость. Он сидел с замполитом за обильно накрытым столом и «причащался». Ни с горя, ни с радости, а скорее уже по привычке. «Молодцы, – великодушно начал осоловелый комбат, – отдыхайте». Я обнаглел, не откозырял «слушаюсь», а кивнул на бутылку: «Хорошо бы после такого броска по сто грамм солдатам».

Комбат не рассердился, но решил, видимо, проучить зарвавшегося взводного. Он щедро налил полную кружку спирта и поднес: «Посмотрим, умеешь ли ты сам пить». Отступать было некуда: я принял угощение. И лихо, не отрываясь от кружки, без передышки выдул. Замполит забеспокоился, пододвинул закуски, предложил присесть к столу. Но я почувствовал, если сяду, то сам уже не поднимусь. Сбудется пророчество комбата, который обещал вынести меня на носилках. Поблагодарил начальство и в каком-то тумане добрался до расположения взвода.

После мне сказали, что проспал более суток. «Мы уже думали, что вы заболели». Я похвалился «коллеге», комвзвода Молоткову, как выдержал испытание, и что проснулся без головной боли: чист, как стеклышко. Он нашел, что это очень подходящий повод отметить событие. Да не простым вином. От Витьки несло не перегаром, а не то духами, не то одеколоном. Оказалось, что в какой-то парикмахерской солдаты раздобыли ароматно пахнущую жидкость. Знатоки разбавили, попробовали, определили степень крепости. Я же не смог пересилить тошнотворности от этой эссенции. «Не тот органон».

К нам забрел, напросился на угощение замкомбат Рогачев. Предвкушая удовольствие, капитан потирал руки: «Прекрасная штука – долго действующая. Несколько дней только воду пьешь и ходишь, как соколик». Мадьярка, хозяйка дома, где мы обитали, наварила картошки к шпику. В Венгрии мы с ходу привыкли к этому необычному салу, обильно притрушенному паприкой – перцем. Не пожалела она и вкусных солений. Но еще больше этого угощения согревала солдатское сердце женская улыбка.

У Витьки с этой симпатичной мадьярочкой установились, скажем так, доверительные отношения. Но капитан повел себя по-хамски. «Выйдите из комнаты, я останусь с ней наедине!» Попытка урезонить Рогачева не удалась. (А ведь трезвый он был даже стеснительный с женщинами, краснел перед ними.) Замкомбат не унимался, а Молотков хохотал и подначивал его. Потом мне шепнул: «Давай его оставим с ней. Посмотрим, что из этого получится».

Я клюнул на «развлечение». Мы вышли в соседнюю комнату. За дверью началась возня. Вскоре к нам вбежала раскрасневшаяся мадьярка и начала возмущенно лепетать, показывая в сторону капитана. А тот настаивал, чтобы мы покинули дом. «Придется его проучить». И Витька повел замкомбата за дверь. Между ними началась драка. Витька был тоже упившись, и поэтому я ему немного помог. На следующий день крупный разговор с замполитом, его угрозы разбирательства, заведения «дела». Мы с Молотковым твердо стояли на своем: не могли же мы допустить насилия советского офицера над беззащитной женщиной. Коли дело дойдет до огласки, мы ничего не скроем. Стоит ли позорить батальон? История замялась. Слава благодарному начальству!

КАК ОТВЯЗАТЬСЯ ОТ СМЕРША

Вызов к начальству всегда интригует: чаще всего, если не свинью тебе подсунут, то последует приказ идти на задание. А вызов к особисту и вовсе выглядел загадкой. Зачем я понадобился контрразведчику? Порочащих связей с «врагами народа», оккупантами и их пособниками у меня не было. Шпионов в нашем батальоне вроде не обнаруживали. Словом, никаких контрреволюционных грехов я за собой не чувствовал. Хотя один недавний эпизод всплыл в памяти.

Случилась передышка, заданий не было, и мы в полном сборе – два командира взвода и комроты – сидели за столом, и винишко нам подавала очень и очень симпатичная мадьярка Эржика. Со вступлением на венгерскую территорию проблем с закусками не было, а вино лилось морем разлитым. Проблема была с мадьярками: они не очень любезны были с нами. Да это и понятно – у большинства из них мужья и братья были в армии на передовой, на стороне гитлеровцев. Эржика, правда, почему-то прониклась к нам с Витькой уважением и даже допускала улыбку, не менее загадочную, чем у Моны Лизы.

Может, в связи с этим особист нашел для себя подходящую работу? Даже без того, чтобы преподнести Эржику как шпионку. Можно казнить себя за это идиотское развлечение, раскаиваться и зарекаться, но если за наше покаяние возьмется особый отдел дивизии, то мы будем иметь бледный вид и крупные неприятности. В таком невеселом настроении и шел я к особисту. Ничего – ни хорошего, ни плохого, я о нем не мог сказать. Беседовал он со мной один раз, когда пришел я в батальон: все больше выспрашивал, кто из родственников оставался на оккупированной территории. А так держался от офицеров особняком, был сдержан, малоразговорчив, возможно, войдя в положенный ему образ чекиста. Даже с бабой окружил себя таинственностью. К комбату его ППЖ², медсестра из медсанбата, приходила на ночевки. Весь медсанбат был расхвачан дивизионно-штабным начальством, причем, как правило, стариками (такими нам казались 40-50-летние битюги). О молодых жеребцах-лейтенантах никто не позаботился. У немцев даже для солдат, говорят, были передвижные бардаки. Так вот «шмара», кажется, так она именовалась по литературе в гражданскую войну, была не то связисткой, не то официанткой из дивизионной obsługi и являлась к нашему капитану-особисту редко и незаметно. Да и сам он часто отсутствовал в батальоне. Конечно, ему можно было не снисходить до знакомства с мадьярками. Но не скажешь же ему об этом.

А он об Эржике и побитой морде замкомбата и словом не обмолвился. Вначале то да се, о наградах да продвижении по службе, а потом как бы для надежности этого дела и врезал предложение – сотрудничество с «органами». Никаких особенных поручений и выполнения от меня не потребуется. Просто время от времени он будет со мной беседовать. О чем? О том, что мне станет известно о настроении своих солдат и сержантов, офицеров, с которыми придется общаться. Есть опасность происков противника, проникновения шпионов. «Ну, о шпионах я и так вам сразу сообщу». Нет, он хочет от меня именно сотрудничества, даже подписи об этом.

И так, и этак я увертывался. Не отстают. В уговаривании или обработке, не знаю, как у них это называется, помогал капитану еще и майор, его начальник или сослуживец. «СМЕРШ – это не только «смерть шпионам». Я сделал вид, что не понял намека, хотя и наслышан был, что эти

² ППЖ – походно-полевая жена. Иногда трактуется: полковая полевая жена.

ребята способны на многое. Убеждения меня в необходимости таким образом быть патриотом затягивались. И, видно, отставать они не собирались. И тут мне пришла одна счастливая мысль. Я не скажу, что мне помог Бог или нечистая сила, или что я такой уж смысленный да находчивый. Я объясню это попроще. Еще со школьных и даже дошкольных лет к доносчикам и фискальству устоялось презрение. «Сексот» хоть и расшифровывался как «секретный сотрудник», но было кличкой хуже «мудозвона» или даже совсем ругательного слова. Не знаю, как у кого, но у нас в классе Павлик Морозов не был героем даже среди подлиз-девочек. Между прочим, в заключении майор обозвал меня «школьником с молоком на губах». Наверное, я его тоже обидел.

Позже я узнал, что вызывали к СМЕРШевцам и других наших взводных. И страшали их не только подписью и грозной ответственностью о неразглашении прошедшего разговора. А мы все равно делились пережитым испугом. И даже храбрились своей лейтенантской поговоркой: «Дальше фронта не пошлют, больше взвода не дадут».

А может, кто и клюнул на наживку. Но мы с Витькой, вроде, легко отделались. Впрочем, после общения с ними в родном брате засомневался. Но это Витькины слова: он не раз дразнил меня такими шутками. Так чем я мог обидеть майора? О, я, можно сказать, гордился своей находчивостью. Черт меня дернул сказать им, что для работы у них надо быть артистом. Вроде шутка, но СМЕРШевцам она явно не понравилась. Я просил их понять меня правильно: мол, у них нужно уметь скрывать свои переживания, мысли, а я человек общительный, даже легкомысленный, могу их просто подвести. Вот тут они от меня и отстали.

Может мой «ход конем» кому-нибудь пригодится?

КОГДА ВОЙНА КОНЧИТСЯ

На участке 41 стрелкового полка наши солдаты поймали приبلудившуюся козу, привязали ей белый платок и пустили в сторону немецких окопов. Оттуда ответа не последовало, но и стрельбу по «парламентеру» не открывали. Попавшие в плен гитлеровцы объясняли, почему многие из них стремились на Западный фронт – к американцам. Русские, мол, грозятся и везде пишут: «смерть немецким захватчикам!» По дороге с передовой я задержался в штабе полка. Окончание войны, как и везде, тут витало в воздухе. Особенно по связи. Беспрерывно продувая трубки для лучшей слышимости, орали так, что через стенку слышно: «Передай комбату, если расстреляет пленных, я ему голову сорву!» – «Николай, сообщи семерке, что Берлин окружен. Конечно русскими, а кем же еще!» Знакомый штабист толкал в плечо: «Ну, старина, еще пару бросков и «капут» им!» Рядом другой не разделял восторга: «Скажи «гоп», как перескочишь. Вот они тут на Мораве, как огрызаются. Потери большие».

Но оптимист не сдавался: «На Рейне фронт уже развалился, союзники продвигаются без остановок». «Как же, по несколько ярдов в день». «Ярд – это сколько?» «91,6 сантиметра». «Ядрена их мать! Наш Иван из-за таких ядров не захотел бы из окопа подниматься». «А он и так не дюже поднимается. В третьей роте взводный погиб: пинками их поднимал».

В штабе очень уж суетливая обстановка: принимают пополнение, прибежал, запыхавшись, посыльный: «Связь нарушена, артиллеристы, не разобравшись или спьяну, фугуют по своим боевым порядкам».

Своих саперов нашел на противоположной окраине в этом же селении. Обычно мы два-три км дистанцируемся

от стрелков. Сейчас же и дивизионных штабников подвинули к передовой поближе, явный расчет, чтоб подтолкнули пехоту. В ожидании приказа у нас тот же треп вокруг завершения войны. Только по другим приметам. Фельдшер сообщил о веселой заметке в «Красной звезде»: в комендатуру города пришли три немки и изъявили желание работать для Красной Армии по своей специальности. А до этого они трудились в публичном доме.

Вошел начштаба и сообщил новый приказ о дислокации, о форсировании Тиссы. «Вот и нагребемся». И начались рейды, изнурительные переходы по заболоченной моравской низменности, по мадыарско-австрийско-словацким селениям. Где-то здесь проходила граница, укрепленная дотами. Случалось всякое: и встречи с напуганными пропагандой австрийцами, и общение с отзывчивыми словачками. А приходилось кое-кому и в одних портках высказывать. Хорошо, что мы, окопники, не привыкли ночлежничать в нижнем белье. Даже не верилось, что такая возможность вскорости может представиться. А дело шло к этому. Но предполагать одно, а располагать – другое. Вопреки ожиданиям, гитлеровцы усилили сопротивление. Весть об окружении Берлина оказалась преждевременной. Но там хоть силенка у Жукова: новый котел заварили. А мы здесь опять в роли «демонстрантов»: делаем вид, что идем на прорыв, отвлекаем силы. «Пошла не война, а хреновина одна». Подавлены и измотаны солдаты. Мартовская погода со своими взбрыками, апрельская с холодами, ветрами, дождями доводила иногда до отчаяния. Все казалось беспросветным, обреченным, роковым. Но стоило попасть под кров, хорошо выспаться, как возвращались надежды.

Только выбрались из грязи, полузатопленных окопов, сержант обращался к бойцу-старика Кваку, который нутром не переносил обстрелов, первым бросался в окоп и последним из него выбирался. «Квак, вылазь! Война кончилась!» Это он так шутовал по поводу прекратившегося артобстрела. Крыша над головой воспринималась как награда. Зашли в усадьбу зажиточного мадыара. А, между прочим, бедных домов мы что-то не видели. В оставленных комнатах разбросаны вещи, книги, открытки, рассыпана крупа. Капитан Слоним, не сняв даже сапог, лег на перину. Он только с задания: ползал в грязи под минометным шквалом. «Ну, и видик у капитана: родная жена навряд ли узнала бы». Он, засыпая, бормотал: «Если останусь жив, может еще буду человеком».

РАСХРАБИЛИСЬ

Рассветало. Усиленным пересвистом и перепевом начинали новый день птицы. В низине задержался еще туман. На небе ни облачка. Боже, как может быть прекрасен мир. Особенно при осознании, что это уже трое суток не слышно выстрелов, взрывов, и вот-вот они прекратятся совсем. Посыльный подоспел с вестью, что дорога свободна, разминирована. Предстояло позавтракать, и дальше – в путь. Бодрый настрой не мог испортить даже надоевший гороховый суп. Те, кто похозяйственной, позапасливей, доставали из сумок шпик, лук, чеснок. Делили на кучки сахар к чаю. Кто-то менял свой табак. Звякали ложками об алюминевые котелки.

Это о них неразлучных походных спутниках солдатских фронтовые поэты слагали стихи и песни – вносили свой вклад в победу. С таким творением я отправил вчера открытку отцу: «Все пройдем с отвагой, и настанет срок – мы наполним брагой мирный котелок!» Кстати, в последнее время замполит стал раздавать нам подобные почтовые

открытки с вдохновляющими надписями. Вроде таких: «Стреляю так: что ни патрон – то немец», или «Будь начеку, в такие дни подслушивают стены. Недалеко от болтовни и до измены». И это, в отличие от замусоленных самодельных конвертных треугольников, тоже новая примета нашего нескончаемого походного быта.

Я загадал – предугадал, что получу в этот день письмо от Клавды. Но в памятный тот день случилось событие не менее значительное. Сквозь полудрему я услышал выстрелы. Сон как рукой сняло. Могли быть всякие неожиданности, можно было все предположить, но только не контратаку немцев. Сделать завал на дороге, поставить минное поле и атаковать при их повальном бегстве. Но чем черт не шутит, а тем более на «передке».

А пальба открылась такая, что мы давно уже ничего подобного не помнили. Стреляли, кто из чего мог: автоматов и пистолетов, пушек и ракетниц. Неужели гитлеровцы зашли в тыл. Нужно быть готовым ко всему. Я приказал быстрее сворачивать манатки. От селения бежал солдат и размахивал руками. Из того, что он кричал, нельзя было ничего понять. Не зная, куда он направляется, я послал двоих солдат ему навстречу.

«Немцы капитулировали!!! Кончилась!»

Посыльного подхватили и начали качать, подбрасывать вверх! Его, дебелого здоровяка, могли растряссти, не поймать в порыве неистовой радости. Обнимали, трясли друг друга так, что кости хрустели. Плясали. Вновь салютовали выстрелами.

По очищенной от завала мин дороге пошли солдатские колонны, потянулись вереницы машин, артиллерии, повозок. Саперы с разведчиками поехали впереди. С песнями и свистом гнали лошадей. В селениях нас встречали чехи с цветами, духовыми оркестрами, в праздничных нарядах. Остановки были короткими, расспросы на ходу.

«Товарищ старшина, давайте я вас побрею, хоть ради Победы, а то вы заросли, як Пушкин». Мы с Витькой смеялись и по поводу и без повода. Сравнение же старшины с Пушкиным, выданное конюхом, вызвало взрыв хохота. Улыбки не сходили с лиц. При коротком привале смыли пыль, пришили белые подворотнички. Бог ты наш, какими мы были праздничными! Сияющими. И, кажется, не меньше изнутри, чем снаружи. «Подтянуть штаны! – командовал старшина. – На нас теперь смотрит Европа!»

По улицам текли нескончаемые потоки пленных немцев. Они брели безо всякого конвоя, бросив где-то оружие. Спрашивали, куда идти. Некоторые немцы ехали на легковых машинах. Чехи недоумевали: победители на повозках, а пленные на автомашинах. Старшина их понял. Он остановил два «Мерседеса» с открытым верхом и нерешительно предложил нам с комроты пересесть в них.

А чехи не унимались, огорчались тем, что солдаты отказываются от угощений. Я кивнул Молоткову: поняли друг друга без слов. Мы не только сами, но вместе с солдатами уселись на «Мерседесы». Взвод у меня укороченный. Уместились кто как: на капоте, багажнике, ступеньках. Шоферами остались немцы. Взвыли моторы. «Шнеллер на Прагу!»

Автомобили рванулись по шоссе. Воздух оглашался чешскими возгласами: «Живио! Наздар!» До чего же ласковый ветер веял на нас. Я был доволен, что покинули городок, что никто не сорвался, не поддавался на уговоры, не наклюкался, не отстал. Неприятности сейчас, как никогда, нектати.

Выехали на простор. Открывался вид на долину. Навстречу то и дело брели те же нескончаемые колонны немцев, понурых, угрюмых, неутешных даже финальным для

них паролем – «Гитлер капут!» – концом войны. Дорога на время опустела. И чей-то резкий возглас: «Самоходка!» По шоссе приближалась немецкая «пантера». Раскрашенная в желто-зеленый маскировочный цвет, с увесистым набалдашником – пушкой. Тормознули. «Укрыться в кювет! – командовал комроты. – Не стрелять!» Да и смешно было бы пулять по броне с автоматов.

Самоходка с каждой секундой приближалась. Я не успел перемолвиться с Молотковым и парой слов. Хотел переползти к нему, но он сорвался с места и выскочил на шоссе. На ходу распорядился: никому не выходить. И пошел навстречу самоходке с поднятой вверх рукой. Так спокойненько, как будто «голосовал» перед попутным мо- локовозом.

Лязг гусениц. Машина сбавила ход, остановилась. Но мотор не заглушен. Молотков подал знак тем, кто находился за броней. Появилась фуражка с кокардой, а потом и голова офицера. Он показывал дорогу в сторону запада. «Старшой» требовательно махнул рукой, приглашая гитлеровцев выйти из машины. Неожиданно взревел мотор. Самоходка рванулась с места.

В клубах пыли я потерял из виду Молоткова. Задели его гусеницы? Жив ли? В каком-то вихре путалось в голове все происшедшее. Страх за товарища, ошеломление его выходкой, «непослушание» немцев.

Пыль рассеялась. Молотков отряхивался и матерился. Я присоединил свои словоизлияния об анике-воине, ударившей в голову моче и несусветной глупости. Ведь могли и похлеще, огнем отплюнуть. Витька не спорил, свел к шутке: «Недисциплинированные фрицы попались. Думают, американцы их со шнапсом встретят».

Вдогонку, видно было, как на развилке самоходка направилась на запад.

Я Молоткова поругивал, а сам наверняка поступил бы примерно так же. Откровенно сказать, я причастен еще к большей глупости. В ней и признаваться как-то совестно. Поводаю как-нибудь потом. Победный хмель нам всем ударял тогда в головы.

РАЗВЕ МОЖНО ЗАБЫТЬ

О том, что значит, обмен письмами для людей, распространяться не надо. Но о том, как почта помогала фронтовикам, сказать, вспомнить необходимо. Об этом слагались песни, сочинялись стихи, ходили легенды. Переписка спасала от отчаянья, от тоски, поднимала дух, благодаря ей завязывалась любовь (ее называли заочной, а новообретенных подруг – «заочницами»).

Даже высокое начальство понимало повышенное значение эпистолярного жанра и дало установку – на радио и в печати сообщались адреса для переписки. А находчивыми солдатами, а может и адресатами в тылу – авторство неизвестно, – было изобретено и средство для ускорения и упрощения этого процесса. Знаменитые почтовые «треугольнички» хитроумно складывались из написанного на одной стороне листка так, что его не надо было клеить или долго распечатывать. Это удобство, кроме экономии дефицитной в войну бумаги, было очень на руку и военной цензуре, которая распечатывала и проверяла каждое послание.

Понятно, в получаемых солдатами новостях случались и сообщения, мягко говоря, неприятные, травмирующие. К примеру, о том, что скурвилась жена или вышла замуж любимая девушка. Но это редкость – как правило, фронтовиков щадили и старались больше радовать, чем огорчать.

Я храню одно письмо, которое и военная цензура милостиво сочла не вымарывать, и содержанием которого я делился не только с близкими мне друзьями-офицерами. Но и с солдатами. Во-первых, затронутый в нем вопрос был, что называется животрепещущим. Да и написано оно было умно и прочувствованно обеспокоенной и обожаемой мною Клавой. Вот что ее студентку института встревожило: «...находилась, две недели в колхозе, и не было ни кусочка бумаги, и потому не могла раньше ответить. Надо ли говорить, как я рада и жду твоих писем. Но вот о чем не могу тебе не сказать, меня начало смущать в твоих письмах частое употребление слова «вино». Причина этому то, что... Нет, начну по порядку. Мне очень не нравится поведение многих офицеров здесь в тылу. Мне пришлось «познакомиться» с одним нашим сверстником, бывшим учеником нашей школы. Теперь он офицер-танкист, приехал в отпуск. Ордена, медали. Вроде бы герой – только приветствуй и восхищайся. А вот встреча была не из приятных. Его пьяный разговор и поведение вызывали неприязнь, негодование. И знаешь, Павлик, это заставило подумать, что «вино» не только слово в твоих письмах ко мне, но и предмет твоего употребления (я хочу сказать злоупотребления для некоторых!). Это тревожно».

САМОЕ СТРАШНОЕ

Мы сели в свой трофейный «Мерседес». И да простят нас милые чехи: их цветы приходилось выбрасывать где-нибудь по дороге. Если не делать этого, то мы были бы завалены давно сиренью, маками, тюльпанами. Что не селение, то новые объятия, поцелуи, здравицы. Нигде не давали нам проехать без остановки. Куда мы спешили? А черт его знает! Было какое-то всеобщее устремление вперед. И не обязательно погоня за противником. Немцы уже, в большинстве своем, сами без конвоя искали пункты по приему военнопленных.

Только офицерство бежало безудержно и целеустремленно к Эльбе и Рейну – к американцам и англичанам. Их уже не догнать. Можно было и не торопиться, но возник какой-то гончий азарт. Как на состязаниях – кто первый вернется в населенный пункт, кто больше увидит, кто скорее остынет под встречным ветром. Только скорость, казалось, могла утолить жажду.

Привалы были короткими, заправлялись на ходу. От угощений не было отбоя. Не узнавали себя: отказывались от вина. «Жаль, что им нельзя заправлять моторы, а то бы далеко заехали!». Чехи помогали разыскивать бензин в немецких обозах и складах.

В одном селении я отлучился для такой заправки машины. Когда возвращался к дому, где остановился взвод, ожидал, что опять комроты будет подгонять со сборами, торопить в путь. Мне иногда хотелось взорваться от его понуканий. Если нападет на этот раз, могу не сдержаться. Если бы не солдаты рядом, я бы уже послал его подальше. Возле домика, увитого виноградом, шофер резко затормозил. Навстречу чуть ли не под колеса выскочили Товкач и Порубаймих.

«Вы че, наклюкались?!» – «Старший лейтенант убит!!!» – «Какой лейтенант?!» – «Молотков!»

Вместо объяснений Товкач показал на раскрытую дверь. Я вбежал в комнату и увидел бледное безжизненное лицо Молоткова с прикрытыми веками. Гимнастерка была разорвана, в пятнах крови. За расстегнутым воротом – толстый слой бинтов. «В машину! В санбат!»

По дороге мне объяснили, что произошло. И сколько ни проверяли, я так и не смог понять, не мог представить,

как это случилось. Витька пошел в соседний дом. Его попросил зайти хозяин. Позвал не для угощения. Как мог объяснил, что там находится русский солдат, и что он не знает, что с ним делать. Солдат очень пьян. Молотков вошел в комнату, растормошил действительно не ворочавшего языком сержанта. Очевидно, тот был из соседней части: тут смешались тылы, резервы, передовые, задние, средние. О чем уж с ним пытался говорить Молотков, хозяин так и не мог рассказать толком. Офицер только прикрикнул на солдата, а тот взял автомат и, вроде бы, уже собирался выходить из дома, и как будто ведь и не целился. А вот резанул очередью из автомата, и лейтенант свалился на пол. Прибежали солдаты моего взвода. Ну, били эту очумелую тварь, вонючего выродка до потери сознания, зверски, потеряв самообладание и чувство чужой боли. И, может, убили бы совсем, если бы не остановил их старшина, не отвел от второго бешенства.

Ведь как не зlobствуй, не мсти, а случившегося не поправить. Мне не хотелось слышать гневные слова возмущения по адресу пьяных кретинов, сожаления по поводу Витькиной молодости. Все это казалось кошмарным сном, который все-таки должен прекратиться. Но он продолжался, а я все не мог прийти в себя, поверить, что все случилось наяву. И ничего не оставалось, как выпить и помянуть товарища. И давил ком в горле.

В ОБЪЯТИЯХ ПРАЖАНОК

Проснулся я в комнате с высоким потолком, росписью и лепниной. В роскошной кровати. Один. Спросонья сразу даже не сообразил, как я сюда попал. Вскочил, взглянул в окно на город и стал приходить в себя. Хмель улетучился. Один в комнате, подозрительная тишина, дверь на замке, который я не знаю, как открыть. Я невольно потянулся к кобуре: пистолет на месте. Проверил ванную, заглянул в шкафы и даже под кровать. Вроде никого. Постучал в дверь: никто не отозвался. Как же выбираться? Не звать же прохожих с балкона на высоком этаже.

Вспомнил, что с Бубликом я условился встретиться у гостиницы «Астория»: солдат переименовал ее в «историю». Нигде бы в другом городе я бы не отпустил его от себя. А здесь в Праге, да в такой день я сдался и уступил его доводам: «Вы же сами пообещали ей. Ну, вы не можете, так она хоть меня просит не обидеть ее и зайти на полчаса в гости». Чешка доверчиво улыбалась и кивала головой в подтверждение. «А, будь что будет! Валяй, Бублик! Нельзя обижать прекрасных пражанок». Я был веселым, добрым и великодушным: Прага опьяняла.

Только считанные часы в столице, а впечатления обрушивались шквалом. Спокойно постичь красоту зданий, мостов, соборов, дворцов не удавалось. Архитектура с политикой, история с прогнозами, восторги с приглашениями в гости. Недостатка в провожатых, гидах, попутчиках не было. Не знаю, кому как, а мне импонировали воркующе-говорливые чехи, с их мягкостью, приветливостью. Не зря они называли себя голубиным народом. Действительно, смешно и глупо рядиться претенциозно в орлиные перья. Хищных птиц предпочитали властолюбцы, захватчики. Я показывал сваленный на улице разбитый фашистский штандарт со свастикой и орлом. Чехи называли меня, улыбаясь, паном философом, и я расцветал от похвал, как майская роза.

Прошла колонна гитлеровцев под конвоем наших автоматчиков. Один из провожатых все допытывался, знаю ли я, где нахожусь. «Очевидно, в Праге?» «Вот именно в Праге – на пороге». Так переводится название города. И не

для гостеприимной занимательности поведал легенду. Мол, здесь в излучине Влтавы, скалистую гору издавна навещала чешская княгиня – пророчица Либуша. Указала она тогда на каменотеса: тот был занят нелегким трудом – обтесывал ступени, ведущие к необыкновенному дому. На том заметном месте, по предсказанию Либуши, должен вырасти город с многозначительным наименованием: Прага – порог на реке, порог дома. И самые могущественные владыки, князья и полководцы вынуждены будут склонять головы, переступая этот порог.

Сказочка не без намека. Многие из пражан гадали и предсказывали, как будут развиваться события после освобождения. Останется ли Чехословакия с довоенным устроением, или будет образована новая республика. Может, даже советская. Я дипломатично отделялся неопределенностями: «Все будет пекни...». Собеседник улыбался моему освоению чешского. Но не скрывал скептических ноток: мол, поживем – увидим. Другие не сомневались. Особенно женщины. Они восхищались, пленяли, умиляли. И не только своим цветеньем, яркими весенними нарядами, стройными ножками из-под коротеньких штанцов-шортов, невиданного доселе средства прельщения. Но и восторженной признательностью: «Вы явились как боги. Русские танки спасли нашу Злату Прагу: она принимает вас в свои объятия». И чтоб подтвердить, что это не только аллегория, одна из пражанок чмокнула меня в щеку, зарделась от смущения. «Красна наша Прага?» – допытывалась чешка. «Да, да! Она может пленить любого победителя». Не знаю, больше растрогала похвала городу, или сравнение ее самой с легендарной Либушей, но она взялась сопровождать нас по Праге. «О, вам надо посмотреть ее сверху, с Патриаршего холма или башни святого Вита. Это в кремле – в Градчанах». Пражский кремль утопал в зелени, отражался во Влтаве, тянулся к небу.

Я, шутя, пренебрег визитом к президенту Бенешу и заявил с неподдельной искренностью, что с большим удовольствием посижу с ней в кафе. Сам удивлялся своей галантности. Но на улицах буйствовала весна 45-го. Так мы оказались в ресторане.

Видели бы меня замполит, особист и все эти надсмотрщики. Не скажу, что в дивизии, но из батальона точно только я один «ворвался» в Прагу. Самовольно! До города дивизия не дошла с полсотни километров, и дальше нас не пустили по штабным предназначениям. Хотя благодарность самого Верховного за освобождение столицы Чехословакии вручили каждому персонально (расцвеченный листок, похожий на грамоту передовику производства).

Значит, интенданты и штабники будут разгуливать по столице, а нам, сиволапым – иллюстрации в печати. Обидевшись, я принял решение. Замкомбату сообщил, что поеду в соседний городок на поиски фотографа, а сам, прихватив с собой ездового Бублика, фляги со спиртом и сухой паек, махнул в столицу. Подводу мы благоразумно оставили на окраине во дворе одного хозяина.

Из гостиничного номера я, конечно, выбрался: сообщил найти кнопку звонка, дверь открыла горничная. Внизу приветливо встретил администратор: «Камрад офицер отдохнул? Ваш солдат...». Бублик уже давно ожидал у входа.

Конечно, риск какой-то был, что нас засекут, задержат патрули или еще какие-то согладатаи. Тем более, при общении с группой англичан: я и с ними успел распить несколько кружек в пивной «У Швейка». Ну, что это по сравнению с той опасностью, что мы уже пережили! Да и никаких особистов, СМЕРШевцев не хватит, чтобы всех

уж так проследить, проконтролировать, оградить, упредить, изолировать. Да и скромники мы со своей подводой и лопухим савраской «Концентратом», упрянтых на окраине. Не то что другие, говорят, оседлавшие «Мерседесы» и махнувшие через всю Европу не куда-нибудь, а в самый Париж.

Вот такая маета в этом мае. Не знаю, кого и благодарить (не тех же особистов и полит-попов?) за то, что я опомнился, не зарвался, вовремя смотался, распрощался с Прагой в тот же день, пока не закружила она весенне-хмельным соблазном.

ВСЕ НЕ ВЕРИЛОСЬ

Настроение такое, что даже неприятности не могли его испортить. А некоторые осложнения оказывались вовсе не к стати к таким историческим дням. Война вроде бы закончилась. «Вроде» потому, что иногда не верилось: все казалось сном, а сны – с боевым бредом – явью. Нет-нет, да какое-нибудь ответственное поручение и поступало от замкомбата Рогачева. Он намекал, что не исключена возможность моей кандидатуры на комроты. Все, мол, будет зависеть от того, как я себя проявлю.

«Боевая задача! – растолковывал он необычный приказ. – В честь Победы генерал устраивает грандиозный прием. Для всех офицеров, всех ППЖ в дивизии. Даже с фейерверком. Твой вклад... ты должен раздобыть рыбы». «Да что я снабженец?!» «Ты стал непонятлив. Задача боевая: две-три противотанковые мины во Влтаву и порядок». Я все понял, но, оказалось, не совсем. Перед уходом Рогачев еще не преминул предупредить, чтобы проезжал я подальше от селения – для безопасности. Случайные рыболовы, зеваки. Словом, чтобы все как можно аккуратнее и без шума.

Но только на месте я осознал боевитость «операции». Въехали мы на подводах, взяли с собой две резиновые надувные лодки. Поначалу поездка выглядела прогулкой. Чем сидеть на глазах у начальства, лучше выбраться на лоно природы. Меня поражало, что в Чехословакии обилие зелени, чистых озер, уютных рощ, лугов, заповедных уголков, и всё – рядом с заводами и фабриками. Влтава катила мирно свои спокойные воды. Веселыми бликами играли волны. Мы быстро, как десантники, спустили лодки и поплыли. Благодать! Не надо опасаться укрытых на берегу вражеских снайперов и автоматчиков. Спокойно, без суеты были зажжены бикфордовы шнуры, сброшены мины. Река вздрогнула и звякнула как струна. Фонтаны воды взвились ввысь, и через минуту-другую начали всплывать вверх брюхом серебристые сазаны и судаки. Можно быть спокойным за порученное дело.

И только когда с богатым уловом мы подплыли к берегу, на нас напал «неприятель». Он оказался щуплым и небольшого роста чехом, от которого никто и не подумал ожидать каверзы. Но этот шпиндык потребовал у меня удостоверение личности. Я снизошел до того, что объяснил нахалу, кто я такой, а также и то, что офицер, нужно полагать, не обязан отчитываться перед представителем – чего, кого? Но он настаивал предъявить ему документ, сообщить фамилию. Не выдержал рядом стоящий сержант: «Дядя, опомнись, и вспомни, кто тебя еще вчера вытянул из фашистской петли». «Это не может оправдать преступления». «Слушай, камрад, иди разговаривай со своими камрадами». «Любой из чешских солдат попал бы за это под суд. Я буду жаловаться вашему генералу в Праге». «Да кто ты такой?»

Сержант еще пытался выяснить, не обиделся ли попросту чех, что мы не угостили его рыбой. Но тот презрительно отвернулся и быстро зашагал от берега на дорогу. Все это выглядело для меня чудачеством школьного учителя. И хотя и не ощущалось какой-то опасности, но мешкать не приходилось. Ведь нельзя же диктовать человеку, как он должен благодарить за оказанную помощь. Впрочем, мы здесь не в гостях, и оправдание напрашивалось само собой.

Солнце светило ярче и веселее, чем в любой из майских дней. Потому как более страшной войны люди не переживали. «И как только я остался жив? И что день грядущий нам готовит?» Уже в который раз задавал себе эти вопросы.

Подобные размышления прервала неожиданная встреча на улице с бравым солдатом Швейком. Именно его напомнил мне тюфяковый и дотошный полицейский, который остановил меня на дороге. Да прицепился так, что я не знал как от него отделаться. В другом же месте я послал бы его подальше. А тут прохожие, зеваки останавливались из любопытства – чем закончится «поединок» полицейского и русского офицера. Чех энергично жестикулировал и сыпал словами: «То не добре. Доски треба вернутъ. На разбой есть закон».

Все и произошло из-за этих чертовых досок. Они были нагружены на подводу, и рядом стоял солдат – ездовой из нашей роты. Склад этих досок я разыскал в одном, казалось, безнадзорном дворе. Замкомбат дал мне еще одно «боевое задание» – изготовить солдатские нары для солдат, чтоб расположить их покомпактнее. Пришлось вести поиск, склад подвернулся кстати. Но двор был, очевидно, не совсем безнадзорным. Нашлись хозяева, появился этот зануда-полицейский. Где-нибудь в Австрии я бы его укротил одним взглядом, а тут свои братья – славяне. Надо было вести себя, если не дипломатом, то хотя бы не поднимать шума на улице. «Швейк» из жандармерии повышал голос, доказывал, что за доски надо платить. А так, мол, если каждый начнет тащить, что ему вздумается, то чем же тогда «Руда Армада» отличается от германа.

Я обиделся: «Мало, мол, немцы вам насолили». Чех тоже оскорбился. Но моя обида была больше. «Мы жизни не жалели, а им, видите ли, этого барахла жалко». Я сгоряча приказал ездовому сбросить доски прямо здесь же на обочину. «Война кончилась – не добре продолжать разбой». Я в сердцах передразнил Швейка с его «разбоем» и пошел в расположение роты. «Что сказать этому болвану Рогачеву?» Во время ходьбы страсти поутихли, и я даже не без удовольствия представил недовольную физиономию замкомбата. Пусть, скотина, идет и сам договаривается с властями, а не толкает меня на «разбой». Если подумать, то «Швейк» не так уж неправ.

Но солнце сияло так приветливо, сады благоухали буйноцветьем. Встреченные по дороге чешки улыбались так доброжелательно. И жизнь без стрельбы и убийств выглядела такой торжествующей, что никакие неприятности не могли в те дни омрачить душу...

ПОСЛЕКОНЦЕРТНАЯ ПЕЧАЛЬ

Нас стали потчевать лекциями, газетами, брошюрками, беседами. Лектор, подлаживаясь под аудиторию, щеголяет нецензурными словечками. А на днях угостили даже концертом. Продвигаемся к мирной жизни! Но ухватки еще окопные. В помещении, где мы соорудили помост для артистов, нельзя было протиснуться. Дом штурмовали гораздо с большим усердием, рвением, чем немецкие окопы.

Концерт слабенкий: певичка с писклявым голосом, плясуны не ахти, декламатор, фокусник. Тут хотелось бы по случаю Победы громовых шалашинских голосов, необыкновенно проникновенной музыки, потрясающих стихотворений. Конферансье извинялся за свою хрипоту: от перегрузки, мол, еле на ногах держались, да и простудились. «Знаете, ведь ноги промочишь – горло не работает, горло промочишь – ноги не действуют». Эти бородастые хохмы мы еще в детстве слышали. Впрочем, публике не много и надо. Смех по любому поводу. После того, как два «моряка» отбили чечетку, конферансье, между прочим, заметил, что они не простые моряки в сухопутных войсках, а матросы-подводники. Потому как передвигались по фронтовым дорогам на подводах...

Хохмы хохмами, а я подумал о том, что, если будут возводить со временем памятники с танками и орудиями на постаментах, то надо не забыть и саврасого бедолагу. Интересно было бы посчитать, сколько лошадей находилось в армии. В нашем саперном батальоне, к примеру, только одна автомашина и около тридцати повозок: ротных, штабных, интендантских (а у комбата была даже коляска). Конечно, были части на сплошной автомобильной тяге («война моторов!»), но больше «подводных» батальонов. Ведь такие лопухие, безропотные и терпеливые, как наш «Концентрат», тянули и пушки, и кухни, и боеприпасы, и всякую всячину. Выволакивали из непролазной грязи, проходили там, где застревали машины. А сколько их погибло от пуль и осколков. И так выручала нас конина тогда на Северо-Кавказском фронте в голодную зиму 1942-го. Словом, надо бы, обязательно надо, Савраску на пьедестал. Я почему еще предался таким трогательным лирическим отступлениям. В хозяйском сарае стояла моя «персональная» верховая лошадь с настоящим кавалерийским седлом. Я привязался к ней: как выпадал свободный часок, выезжал на прогулку, вспоминая описание верховой езды в классических романах... Какой еще Ванька-взводный мог похвалиться такой роскошью. Ха-ха, почему бы и не покуражиться в такие необыкновенные победные дни (будет ли еще в жизни более счастливое время?).

Как попал ко мне этот конек-горбунок? Был приказ сдать интендантам все трофейные автомашины и правильно, конечно: генералы получают инфаркты, если взводные станут ездить на «Мерседесах». Я свою автомашину подарил славному Яношеку, чешскому пареньку, посаженному за руль вместо немца-шофера. Даже справку ему состряпали по этому поводу с прилепленной печатью какого-то муниципалитета. Мол, чех-партизан содействовал, и командование сочло необходимым и т.д. Яношек, понятно, был на седьмом небе, если не выше. Но сразу не уехал и через пару часов подвел мне боевого коня: естественно, от имени чешского народа – герою освободителю и т.д. Хохотали до упаду. Держал я коня можно сказать полуподпольно, а если сниматься с места, куда его. Хозяин дома предлагал мне за него патефон... «А патефон махнете на часы, часы на тусы...» Это так шутовали мои старички-солдаты (тогда в ходу была такая мода – все менять, часто «не глядя»).

Утром меня вызвали в штаб вместе с другими офицерами. Был получен приказ подготовиться к выходу. Куда? Зачем? Этого пока не дано знать. Военная тайна. «Продолжим путь до Парижа». «А как же с демобилизацией?» «Надо же в Берлин зайти!» «А, может, через Бердичев домой в Россию лучше?». Последний вопрос с оттенком грусти и суеверия – как бы не сглазить самим упоминанием. Прощались с гостеприимными хозяевами, с жителями местечка. Обнимались, трясли крепко по-дружески руки, по-

махивали прощально пилотками. Даже в минуты расставания чехи с нами откровенны. «Надоели мы вам, наверное?» Мы не то, чтоб напрашивались на похвалу, скорее извинялись: ведь засидевшийся гость и надоесть может. И хозяйка протестовала: «Что вы! Вы – камрады добрые. Вот только кони у вас недобрые: шехно погрызли».

Проходили по улицам местечка под звуки духового оркестра с развернутым знаменем. Таков приказ сверху. В селениях слезать с повозок, подтянуть пояса, подкрутить у кого есть усы и шагать строевым. Пусть видит Европа наш боевой дух.

Улыбка, помахивание руками высыпающих от мала до стара: не менее, а может и более, чем при встрече. У солдат грудь колесом, особенно от перекинутых через плечи скаток – скрученных валиком шинелей.

Ликующая погода, голуби над крышами, светлые надежды. Под марши были пройдены не один поселок и не

один город. Остались позади Чехословакия, Австрия, Венгрия... Еще Румыния, а там и долгожданная родина. Но... мы не дошли, не доехали до Румынии. Случилось событие, которое омрачило все-таки наши лица. Никакая мажорная музыка и самая веселая бригада не могли поднять нашего падающего настроения.

На одном из привалов комбат собрал офицеров, чтобы мы не расхолаживались сами и людей исподволь готовили. Наша дивизия останется в Венгрии. Надо охранять СССР и освобожденные народы. Приказ есть приказ.

А нам так хотелось домой...

«Информ Прага» №17 (Издательский Дом «Информ Пресс», «Информ Прага» – еженедельное издание на русском языке, выходящее в Праге с 1999 г.; с 2007 г. еженедельник выходит с приложением «Комсомольская правда в Чехии»)

II. ВОЙНА НЕ ЗАБЫВАЕТСЯ

СОЛДАТСКАЯ ИСПОВЕДЬ

«Война прежде всего убивает правду»
(Из давно установленных истин)

“Впереди 50-летие окончания второй мировой войны и нашей Победы. Давно уже назрела необходимость честно осмыслить то испытание, которое выпало на долю народа в 1941-1945 гг. Вот и авторы вновь готовящейся к изданию 10-томной истории Великой Отечественной войны обещают, что на сей раз в ней будет «правда и только правда». Давно бы пора! Думается даже, что если бы раньше была сказана эта правда, то, вероятно, было бы меньше возможностей для принятия авантюрных решений по поводу введения наших войск в тот же Афганистан...

Всё меньше остаётся нас, участников великой войны. Но у тех, кто сохранил здравомыслие, есть ещё возможность исповедаться”.

(В сокращенном виде опубликовано в «Московской правде», 19 апреля 1994 г., с.8)

Ах, до чего хороша меткая поговорка: «Стрельба прошла, похвальба пошла».

Героизм надо бы не только оснащать эпитетами, но и классифицировать поточнее, с помощью психологов и психиатров: инстинктивный («самосохранительный»), коллективно-порывный, вынужденный, нетрезво-очумелый, тщеславно-отпускной (с надеждой на отпуск домой, на орден), бесшабашный, иступленный, безвыходный и т.д. и т.п.

Я врубился в фронтовые ряды памятным летом 1942 года 17-летним юнцом. Нас – вместе с безостановочно бегущими нашими войсками – остановили под Сочи заградотряды. Прочитали знаменитый совершенно секретный приказ Наркома обороны №227. Волосы дыбом поднимались от слов «...народ проклинает Красную Армию, кото-

рая оставляет на растерзание врагу женщин, стариков и детей...»

На многие размышления наводит этот документ и теперь, после его полувекового замалчивания и засекречивания. Было бы интересно знать, как создавался этот много определивший текст? По-видимому, если не авторство полностью, то уж вдохновляющая роль «гениального полководца всех времён» Сталина налицо. «Народ проклинает Красную Армию» – такое позволено было изречь только ему!

Но армия – что, не народ? Она ведь и состояла в основном из вчерашних крестьян. Их же до того замордовали «сплошной коллективизацией», налогами, голодовками, судами за «колоски», что они в массе своей в бой, мягко говоря, особенно и не рвались.

Проехав летом 1941 года эвакуированным на подводе Украиной и Россией, я сам был свидетелем того, как при подходе немецких войск наши бойцы прятались по плавням, густым зарослям, балкам. Думал, это характерно лишь для Украины, с её памятным людоедским 1933 годом. Но нет. В беседах со многими фронтовиками из Подмосковья тоже приходилось слышать, что, как только наши части отступали к родным местам, они иногда «организованно» бросали винтовки и расходились по домам.

Я неоднократно был свидетелем и того, как гнали в бой «чernорубашечников». Так пренебрежительно «особисты» называли мобилизованных в освобожденных сёлах и городах мужиков (среди них много было и юных, вовсе не обученных парней), которых не находили нужным даже обмундировывать. В домашних – черных, серых – одеждах они и шли в атаку. Под «прикрытием» – с тыла – заградотрядов. Считалось, что позор оккупации люди должны искупить кровью. Для этой «скоростной мобилизации» при каждой стрелковой дивизии существовали так называемые полевые военкоматы.

Допустим, всё это – мои субъективные впечатления. Но в таком случае пусть уважаемые историки объяснят, откуда появилось убогое число – 5 млн. 800 тыс. наших пленных? А ведь аналогов этой цифре в исто-

рии войн, очевидно, нет. Так же, как не имеет аналогов и возникновение многотысячной армии предателей-власовцев. И одним превосходством вооружения, неожиданностью нападения, отобилизованностью противника эти факты, очевидно, не объяснить. Не форма ли это возникшей с началом войны своеобразной... войны гражданской? Не социальными ли причинами нужно во многом объяснять и трагедию наших поражений в 1941-1942 гг.?

Мы по праву гордимся Сталинградской битвой. Но она покажется ещё более ошеломляющей, если помнить, что ей предшествовали окружения наших войск под Киевом (в 1941 г.: полумиллионный «котёл», в два раза превосходивший Сталинградский), в Крыму, под Харьковом (с 200-300 тысячами наших пленных). Вот в каких страшных цифрах нашёл своё выражение полководческий гений «генералиссимуса» (справедливо будет, наверное, писать это присвоенное Сталину холоуями и подхалимами звание именно так, в кавычках; так же, как и «маршальское» звание «героя войны» Брежнева).

Вдумаемся в невероятные, не укладывающиеся в голове потери на советско-германской фронте: 11 миллионов наших солдат против 3 миллионов вражеских (это из «частных» подсчётов; а пора бы уже дать официальную статистику)! Вспомним тысячные братские могилы, куда трупы сваливались без счёта и зачастую безвестно (а порой не хоронились вовсе)!

Потери наши увеличивались и многочисленными штурмами укрепленных пунктов, станций, городов, приуроченными к определенным праздникам – к 1 Мая, 7 ноября, Новому году, дню Красной Армии. Впрочем, и без этих дат многие бои походили на мясорубку. Мясорубка же эта диктовалась не просто «перестраховкой» командиров, пытавшихся взять не умением, а числом, но и приказом вышестоящих начальников с угрозами понижений, штрафных, трибуналов, а то и расстрелов. И это при том, что с первого до последнего дня войны у нас было явное превосходство в численности войск перед гитлеровской Германией (факт, тоже замалчиваемый многими военными историками).

Жесток в своей красноречивости эпизод, о котором я случайно узнал из разговора двух командиров, когда только начинал свой боевой путь под Туапсе, на Северо-Кавказском фронте, в 1942 г. Командиры обсуждали «новость»: одному высокопоставленному чину давал указания сам член Совета обороны Берия. Он обводил карандашом на карте селения на Северном Кавказе, которые должна была бомбить наша авиация. Тот высокий чин решился объяснить Лаврентию Павловичу его неосведомленность: мол, эти селения ещё не заняты врагом... Ответ последовал незамедлительно: «Бомбите! Кавказский народ уважает силу...» (речь шла о «профилактике» мятежей).

«За Родину!» «За Сталина!» А теперь попробуем ответить на вопрос: могли ли солдаты идти в бой с именем Сталина на устах, – как это модно утверждать в печати. Я лично четыре раза ходил в атаку, был участником многочисленных наступательных боёв, пройдя путь от Кавказа до Праги, и могу сказать, не кривя душой: ни разу не слышал изъявлений преданности «вождю и учителю» в атакующих рядах. Не слышали их и фронтовики-окопники, с которыми доводилось говорить на эту тему. (Я не исклю-

чаю отдельных случаев, которые никак не могут определить массового явления, о котором стоило бы говорить серьёзно.)

Ни для кого не секрет, что даже в менее экстремальных условиях, чем жестокие бои, у нас принято проявлять свои чувства русской матерщиной. А уж, говоря о боях, можно поубавить выдумки политработников и пишущей братии тех времён.

Один старый солдат разоткровенничался. Помнишь, мол, как тогда расписывали в газетах о работе снайперов (и многие из них были бабами), сколько кто из них убил немцев. Столько-то десятков и даже сотней. Ну, как они могли подсчитывать? Что они бегали в немецкие окопы проверять? Впрочем, не о них речь. Я вот теперь с удовлетворением признаюсь и самому себе, и внукам, что не убил ни одного человека в своей жизни. Правда, на фронте я был не в пехоте. Кличка-то какая – «пехтура». Ни у кого из других родов войск не было такого подобного простека-пренебрежительного, а может и сочувствующего наименования.

Так далеко мы зашли в своём пафосе и прославлении «массового героизма», что не зря вынудили Виктора Астафьева сказать о выдуманной «другой войне». Действительность же выглядела, ох, как сурово и неприглядно! Был, к примеру, в нашей 375-й стрелковой дивизии на 2-ом Украинском фронте при форсировании Днепра такой эпизод: командир дивизии застрелил... нет, не рядового, не помвзводного или ротного, а командира полка! И поплатился за это лишь небольшим понижением в должности.

Конечно, прошу понять правильно, на фронте были и подвиги, и отвага. Но выглядело это гораздо суровее, а нередко случалось – вынужденно! Во всяком случае, не так, как это наворочено в политдонесениях, наградных листах и безудержном потоке позднейших очерков и художественных описаний. Тот, кто мёрз, голодал и соседствовал со смертью в окопе, при наличии совести и долга перед погибшими не станет славословить войну. И, говоря о так называемых «подвигах», нелишне вспомнить честные слова рядового немецкого солдата, трижды раненого, прошедшего и огонь, и плен – Генриха Белля: «Может быть, вы поймете... что смелым человека делает страх, положение, в котором у него нет другого выбора, кроме как погибнуть – или быть смелым».

Одну милую дамочку я попросил перенести правку в машинописных листах. Возвращая работу, она сердилась: «Да ну Вас. Я почти ночь не могла уснуть. Мне всё казалось, по мне вши ползают». Так ей запомнились мои страницы с описанием окопных вшей, то, как мы раздирали из-за них кожу в кровь, как они, здоровенные, хлопали, когда мы стряхивали их в костёр и т.п. Мне подумалось: вот так бы надо писать и другие вещи, чтоб читатели не могли уснуть от прочитанного.

Документы, особенно наградные, источник «малонадёжный». Наш начштаба как-то откровенно признался, что не верит реальным описаниям при представлении к награде. Он попросту точно осуществляет... распоряжение на-

чаинства – кого к какому ордену представить (а ведь известно, что существовало даже такое понятие, как «солдатские» и «лейтенантские» ордена). Потом переписывает абзацы из «Положения о награждениях» и – «попадает в яблочко»!

Одним словом, права старая поговорка о том, что ни где так не врут, как на охоте и на войне.

* * *

Я, как мог, всю жизнь старался развенчивать «боевое вранье» в мутном послевоенном потоке книг и фильмов. Слава Богу, удавалось не лгать ученикам в школе, где я одно время работал, да и своим сыновьям. Хотя это было и нелегко, я старался объяснить, что фронт – это не только подвиги, но и разлагающиеся трупы на минных полях и нейтральной полосе, и человеческие кишки на ветвях деревьев, и обилие вшей. И мордобой, и угрозы, и массовая трусость тех, кто старался пристроиться в штабах, на складах, в тылах!

Словом, я хоть и не дошёл до такого эмоционального взрыва, как Астафьев (ему, когда он смотрел наши фильмы о войне, хотелось запустить утюгом в телеэкран), но вполне могу понять его чувства. И поэтому в заключение обращаюсь к оставшимся в живых ветеранам. С просьбой воздержаться... ну, как бы это не обидно сказать... от гипербол и выдумок о фронте.

Правдивая исповедь, говорят, зачтется и на том свете. А на этом главное – не потерять уважение молодых, не обмануть их. Обман, как показывает опыт, чреват их разочарованием, цинизмом, насмешкой над бахвальством и враньем. Правда же способствует созданию трезвого, здорового общественного мнения. А это не так уж мало в нашем всё-таки грядущем возрождении.

ДАЛЬШЕ ФРОНТА НЕ ПОШЛЮТ

Согласитесь, небезынтересно извлечь записки полувековой давности, да еще сделанные с очень слабой надеждой на то, что – если не вернешься с фронта – эти листки попадут к близким людям. Я выбрал только те строчки, которые показались чем-то примечательными сегодня.

Война не вошла, а въелась в плоть и кровь. Это сказывалось и на нашей речи. «Пыль подняла, как после арт-подготовки», – говорил солдат хозяйке, подметавшей хату. «Будет гореть до победы», – замечал другой о костре; это значило – очень долго. А от людей, побывавших в немецкой оккупации, приходилось слышать такие обороты: «шрайбен вилами по васер». Какой бы стал язык, продлись оккупация дольше?

«Верность девушки – это своеобразная помощь бойцу на фронте» (из армейской газеты).

Трассирующие пули солдаты называли праздничными. Это при успешном наступлении.

Молодой солдат показывал письмо. Хвалился своей невестой – какие она трудности преодолевает. Она студентка. В аудиториях ужасный холод. Завывание ветра студенты заглушали топаньем ног, иначе можно было отморозить пальцы. На переменах устраивали дикие пляски. «А у тебя что слышно?» – обращался парень к бойцу постарше. «Пошла работать молотобойцем».

Старые солдатские присказки и байки, очевидно, передаются из поколения в поколение. «Чем вас угощать, сыночки?» «Да все равно, бабка, что хлеб, что пирожки. Давай, бабка, пирожки».

Через ухабы, крутые подъемы толкали завязшую в грязь походную кухню. Выбились из сил. Старшина подначил: «Суворовские солдаты Чертов мост одолели, а мы кухню не вытянем». После реплики ухнули, крикнули, почти на руках вынесли эту двухколесную печку с котлом. Помог Суворов или сознание, что можно остаться без приварка?

При комдиве кто-то высокопарно заговорил о героизме. «Ты с этим героизмом не того, – заметил генерал. – Мне, когда речь заводят о подвигах, припоминается случай на пароходе. Упала с борта женщина, тонула. За ней бросился в воду мужчина, спас её. Его окружили, хвалили, восхищались. Вот, мол, настоящий герой. А он им и говорит: «Подождите о героизме, скажите лучше, какая это б... меня с палубы толкнула?»

«Знаешь солдатскую молитву?» «Нет». «Господи Иисусе, вперед не суйся, позади не отставай, а то пинка получишь». «Не в рифму». «Хоть не в рифму, зато правда».

Медсестра подарила сержанту фотографию с надписью: «На память о взаимодействии санбата и роты разведчиков».

«10 метров окопов лучше, чем 2 метра могилы» (из фронтовой газеты).

До войны в колхозе быка-производителя называли «немцем». При фашистской оккупации случилось так, что быка закололи и содрали шкуру. Кто-то «разъяснил» коменданту, тот пригрозил гестаповцами. Но расправы не было. А вообще-то солдаты, побывавшие в оккупации, побаиваются говорить о «хороших» немцах.

После ожесточенного боя говорил с лейтенантом-связистом о несчастной пехоте: «Сколько на нее обрушивают мин, пуль, снарядов, бомб – ад крошечный». «А ты знаешь, где еще страшней? В похоронной команде: ходить и собирать для братских могил разбросанные по полю ноги, руки, головы, кишки, как на показ развешанные взрывами на ветках деревьев».

Сынишка написал в письме отцу-солдату «жалобу» на учительницу. «Почему она исправляла в тетради слова «людоедская Германия»? Почему посчитали это за ошибку?»

Не стреляли ни наши, ни немцы. Замполит назвал это «окопной болезнью». А еще недавно он объяснял, что герой, мол, тот, кто не пожалел жизни, но дважды герой тот, кто истребил врага и остался жив. Не от того ли и «окопная болезнь»?

Солдат, недавно взятый в армию так называемым «полевым военкоматом», называл подполковника «дважды майором». Но беда не в этом: он винтовку впервые держал в руках и не знал, как с ней обращаться.

Офицерская пословица: «Дальше фронта не пошлют – больше взвода не получишь». Солдатская: «Ниже рядового не разжалуют».

Признание. «Капитан, вы спасли мне жизнь, я буду благодарен вам до гроба». «Не припоминаю. Как это было?» «Вы драпали, а я за вами».

Из фронтового быта. У старшины чугунная граната Ф-1 приспособлена под чернильницу. Взрывчатка, конечно, выплавлена. Тяжелая, но зато «неразбивайка» (по аналогии со школьными «неразливайками»). Из пэтэровских больших патронов делали коптилки, из боевых пружин – шила и т.д.

Солдатское отчаяние: «Хоть на обмотке удавись».

Немецкая точность. Пленный доктор признавался, что «новый порядок» Гитлера он принимал на 19 процентов.

Возле солдат трутся мальчишки. На вопрос, кем хотели бы стать, отвечают – летчиками, танкистами. И только у одного проявилась реальная любовь: он признался, что хотел бы стать конюхом.

В Венгрии, Австрии наступление нередко задерживалось. На железнодорожной станции было особое оживление. Грузили легковые машины, рояли, мебель. Поинтересовался у солдат: чем выше чин, тем увесистей добыча отправлялась домой. Но где солдату угнаться за начальством! Заметно усилились поиски барахла «добытчиками» в оставленных жителями домах. Как разрешили посылки – никто не говорит о мародерстве. В ходу восхищенные рассказы о старшине, который раздобыл чемодан иголок: «Ценность труднооценимая. Сколько же это мешков денег?»

Признание комдива генерала Карпухина: «Солдат воюет, а мы ордена получаем». Конечно, генеральская самокритичность не лишена кокетства. А вообще-то можно сказать о парадоксальной закономерности: чем дальше от передовой, тем больше у начальства наград.

Два достоверных факта о евреях в оккупации. Один из них скрывался в глухом запорожском селе. Селяне, может, и догадывались, но он был незаменимым мельником, механиком и никто не донес фашистам. Он даже ухитрился скрыть от женщины, на которой подженился, свое обрезание. Другой еврей, техник-лейтенант, раненый оказался в оккупированном Севастополе. Вылеченных пленных немцы отбирали к себе на работу. В автомастерской, где он оказался, офицер догадывался, что он «юде», но не выдал. Через год, покидая свое место начальника, посоветовал ему скрыться. С невероятными трудностями и риском бывшему лейтенанту удалось с помощью керченских рыбаков, отдав часы и всё, что было стоящего в вещмешке, добраться к своим через фронт. А свои «родные» чекисты не могли себе представить, чтобы евреи выжили в оккупации. Подозревая подвох и шпионство, определили как одного, так и другого в наши колымские лагеря.

Перед демобилизацией солдаты вспоминали самые трогательные случаи взаимовыручки. Один был признателен своему боевому товарищу за то, что тот пригрозил, но все же не донес особисту. А было так. Он спросил его: «Иван, ты ведь подбил только один бронетранспортер, а в

газете напечатали, что три. Как это понимать?» Иван разъяснил: «Если ты не понимаешь значение подвига, то тебе объяснит все особист». Вот такой «соцреализм» не в книжках, а в жизни.

В отпуска домой почти не пускали. Может, из опасения, что многие «размагнитятся» в тылу, не вернутся на передовую. Но героев-окопников поощрять ведь надо. И для них под конец войны придумали «дома отдыха» в тылах, в обозах дивизии. Все же не в окопах.

«Кто сказал, что надо бросить водку на войне? После боя сердце просит 200 грамм вдвойне!» Переиначенная песня звучала вроде весело. А на деле разлитое море вина в Трансильвании, Венгрии отыгрнулось страшными потерями людей.

Инструктор из политотдела дивизии рассказывал о своем задании – подготовить героя. Перед наступлением нужен был вдохновляющий пример. Надо было в газете, в листовке расписать, что такой-то первый форсировал, ворвался в окоп, захватил... получил отпуск домой... Подвиги, мол, надо уметь организовывать.

Всё-таки где-то внутри солдата жили затаённые мирные мысли. Как мечтательно многие из них поглаживают ладно сделанную военную лопату – «такую бы для огорода», хвалят добротные саперные ножницы – пригодились бы в хозяйстве. Другой иронизирует: «Ты, может, и молоко захочешь возить на бронетранспортерах?» «А почему бы нет? По нашим-то расквашенным дорогам!»

«Любовь – тоже оружие солдата» (из армейской газеты).

«ВВ» – взрывчатые вещества – шашки тола находили и такое применение: ими топили печки в блиндажах. Горели они не хуже березовых дровишек. Потом кто-то из ушлых солдат пошел с ними в село: очень похожие на бруски мыла, их пробовали менять на самогон и сало. Но тетеньки тоже ускоренно проходили «курс военного обучения»: «Не обдурите. Берегите для себе цэ гимно».

Примечательно, что бабы меньше подрывались на минах и снарядах: у них, нужно полагать, женское чутье и отвращение к подобному военному дерьму, тянулись к нему больше эти глуповато-любопытные мужики-мальчишки.

Участник войны – анекдот... Но их на фронте сначала было не так много. Во время отступлений, паники, окружений, угрозы всеобщего поражения было не до смеха. «Крокодильский» юмор, правда, поддерживался в сатирических листках армейских газет, но он был хиловатым и вымученным. Когда текли реки крови, тут, действительно, не до шуток. (А это не фигуральная фраза: очевидцы рассказывали, что под Киевом, где попала в плен и окружение наша полумиллионная армия, речка Рось текла кровью.)

Но уж в чём-чём, а в слухах недостатка тогда не было. Постоянная молва о сверхсекретном оружии, «ещё сильнее» Катюши, о покушениях на Гитлера, двойниках Сталина, о массовом уничтожении немецких танков при помощи адресированных собак. Их даже представляют, мол, к награждению. Как, впрочем, и отличившихся лошадей. Скотине солдаты особенно сочувствовали – ладно, мы, а за что она на войне мучается? И даже не вызывала

сомнений история о том, что на нашем 2-м Украинском фронте все тяжелые годы в боевых порядках прошёл верблюд и что ему лично сам командарм Чуйков вручил орден.

Только под конец войны я узнал, что было указание или даже спецприказ, строго запрещающий вести дневники и записные книжки. Имелось, очевидно, в виду, чтоб эти вещи не попались в руки врагу. О моих записях многие знали и никто не донес. Вообще же нужно отметить: чем ближе к передовой, тем меньше сексотов (потом их стали называть стукачами). Причина, может быть, в повышенном риске подлецу попасть на опаснейшее задание, а то и пулю от своих получить «случайную». Да и те, кто выуживал доносы, на передовую не стремились, а больше ошивались в штабах.

Не знаю, как передать тоску и печаль, те чувства после Победы... когда не пустили нас домой даже в отпуск, а на год (а кое-кого и на два-три) оставили «оккупантами» в так называемых странах народной демократии. Тоску офицеры глушили вином, продолжали спиваться. Именно тогда появилась выписка из авторитетного Л.Н. Толстого.

«Военная служба вообще развращает людей, ставя поступающих в условия совершенной праздности, т.е. отсутствия разумного и полезного труда и освобождая их от общих человеческих обязанностей, взамен которых составляют только условную честь полка, мундира, знамени и с одной стороны безграничную власть над другими людьми, а с другой рабскую покорность высшим себя начальникам».

Дело, конечно, не только в толстовском авторитете. Его восприятие было подготовлено фронтовым опытом, самой жизнью. И никогда не думалось, что переход к миру произойдёт так нелегко.

О том, как не забывали в войну советскую жизнь, напоминал и такой юмор. Говорили, что Гитлер в своё время обратился к Сталину с просьбой помочь разрушить Лондон, Сталин предложил ему тысячу советских управдомов.

Во время Ялтинской конференции в Крыму Сталин, Рузвельт и Черчилль ехали по дороге. Неожиданно автомобиль преградил путь бык. Вышел Рузвельт, попросил уйти – тот не слушал. Черчилль стал уговаривать животное – тот ноль внимания. Вышел Сталин, шепнул что-то быку на ухо – того и след простыл. На вопрос Рузвельта, на что так мгновенно среагировал бык, Сталин ответил: «Ничего особенного, просто я сказал ему, что сейчас немедленно отведу в колхоз».

На Ялтинской конференции «большой тройки» зашёл спор, чья страна богаче. Рузвельт аргументировал своё превосходство самой мощной индустрией. Черчилль – самыми большими владениями по всему миру. Сталин привёл свои неоспоримые доказательства: «У нас двести миллионов населения, большая половина из них все подряд воруют и всё-таки у государства остаётся достаточно, чтобы вести такую тяжелую войну».

Случалось, что анекдоты перекраивались. Так в одном из таких сюжетов обобщенного некоего Иванова сменил популярный Жуков. Вызывает его Сталин и грозит: пустить в расход, если не удержит Москву. Такое же обещание и в случае сдачи Сталинграда. (Солдатам, нужно полагать, приятно было слышать, что «расстрельные приказы» распространяются и на маршалов.) С подобной же угрозой расправиться как бог с черепахой обратился Ста-

лин к Жукову, если он не «выгнет Курскую дугу в нашу пользу». В мае 45-го на банкете полководцев и героев Сталин предложил выпить за то, что «в моменты самых тяжелых испытаний, в самые критические дни войны наш народ не терял чувство юмора, – И повернулся к маршалу. – Не так ли товарищ Жуков?»

Среди неиссякаемых вопросов «армянскому радио» был и касающийся войны: «Имелись ли теневые стороны Победы над фашистской Германией?» Армянское радио ответило смело, что имелись. И было их две: «1. Красная Армия увидела Европу. 2. Европа увидела Красную Армию».

Поступает фронтовик в институт. На экзамене среди вопросов – об Отечественной войне. Он начал отвечать и попросил встать, почтить память погибших. Один член комиссии ставит ему «пятерку», другой удивляется. Тот объясняет: «Давайте его отпустим, а то он ещё заставит нас петь «Интернационал».

Ветерану постоянно не хватало денег на выпивку. И он проявил находчивость. Заявил жене, что ещё на фронте по его вине утонул танк, и вот это дело выяснили, обязали выплачивать государству ежемесячно по 50 рублей из зарплаты. Прошёл год-другой. Жена забеспокоилась, пошла в военкомат с просьбой – нельзя ли уже сократить взносы за этот танк. Военком пообещал разобраться. Вызвал её мужа по повестке и устроил разнос: «Ты что же это, друг-приятель, я вот утопил в войну крейсер и то плачу ежемесячно по 30 рублей».

Внук спрашивает деда-ветерана: «Дедушка, ты в плену у немцев был или у наших?»

Бойцы вспоминали... Как-то во время боя замолчал пулемёт. «Товарищ-командир, у меня патроны кончились!» «Пупкин, ведь ты коммунист!» И пулемёт застрочил с ещё большей силой.

В народе всё больше и больше развенчивали в анекдотах лже-героизм и ура-патриотизм, а сверху прославляли, сотворяли невиданные подвиги. Особенно в брежневщину. И в ответ сыпались «убийственные» вопросы: «А где ты был во время войны – загорал в окопах Сталинграда или проливал кровь на Малой земле?»; «Что будет, если Брежнев проглотит крокодил?»; «Он две недели будет ср... орденами»; «Правда ли, что Брежневу собираются присвоить звание генералиссимуса?»; «Да, если он это слово ещё выговорит, то ему присвоят дополнительно звание народного артиста».

За зайцем гнался танк. Грозный такой, с пушкой-набалдашником на башне. А зайчишка как зайчишка, косой, уши прижал, жмёт, что есть духу. Танк ещё и издевается: «Заяц, а заяц, а что у тебя уши такие длинные?» «Отстань!» «А почему у тебя...» «Отстань! Я же не спрашиваю, почему у тебя член на лбу». Мораль: не лезь в душу...

Осточертела война солдатам до чёртиков. Они и просят шофёра Жукова: ты, мол, выясни у него, когда же эта распроклятая война кончится. Шофёр выбрал момент, когда после тяжёлых боёв маршал вроде расслабился, прилёг на топчан. Только рот открыл, а Жуков к нему: «Эх, война, мать её перемать. Ты не скажешь, Иван, когда она кончится?»

Возвращались три солдата с фронта. Англичанин говорит: «Приду домой и сразу женюсь: выберу такую тростиночку...». Француз тоже поделился замыслом: «А я выберу ещё более изящную – как соломинку». И обращаются к Ивану: мол, а ты? Он: «Нашо мени така жинка, шоб я её в постели граблями шукав?»

Жуков входит в кабинет Сталина. «Что скажете, товарищ Жуков?» «Я считаю, товарищ Сталин, что наступление нам следует начать на западном направлении». Сталин ему: «Выйдите и ещё раз продумайте ваше решение!». Жуков вышел и опрометчиво про себя обозвал Сталина «свиньёй». Генерал в приёмной уловил ход мыслей Жукова и доложил Сталину, что его, мол, свиньёй обозвали. Сталин приказал вызвать Жукова. «Вот Ви, выходя от меня, подумали: «свинья». Кого Ви имели в виду?» Жуков: «Как кого? Гитлера, товарищ Сталин». «Вот и я думаю, что Гитлера. А Ви кого имели в виду, генерал?»

Ну, и, понятно, в какое время могло появиться новое «толкование» событий ВОВ, как стали сокращать не совсем точное название Великой Отечественной войны. Это когда от упавшего с вешалки мундира с «побрякушками» маршала Брежнева случилось землетрясение, и когда собирались присвоить ему звание генералиссимуса, если он научится это слово правильно выговаривать.

Перед большим наступлением на одном из фронтов Сталин позвонил Жукову: «Всё правильно, товарищ Жуков, начинайте! Впрочем, отставить! Я ещё должен посоветоваться с полковником Брежневым!»

Послевоенные анекдотические хрущевские, брежневские взрывы поистине подстать атомным и водородным. Они зависели и от прогрессирующего маразма властей, и от осмелевших на фронтах, и подросших новых анекдотчиков. Но это, как говорят, другая ночь и другая сказка...

ПУСТЫННЫЙ ЗАМОК С ГЛОБУСОМ И ПИАНИНО

Разные горы встречаются на путях-дорогах. Особенно запоминаются они солдатам. Им и по равнинной дороге с вещмешком да скаткой-шинелью за спиной, да с оружием на плече нелегко передвигаться. А если взбираться на высоту? Даже без того, чтобы свистели пули, рвались рядом снаряды и мины. Высоты, даже не очень крутые, надолго запоминаются и командирам, и рядовым.

Случались на фронтовых переходах и совсем необычные горы, обозначенные не цифрой, а своим настоящим именем. И горы, можно сказать, романтические, такие, что описываются в романах. Такой была Бургберг.

ТОЛОВАЯ ШАШКА

Пришлось совершить восхождение на эту вершину зимой 1944 г., находясь в рядах Красной Армии, освобождающей Восточную Европу от гитлеровской оккупации. Нашей сапёрной роте был дан приказ осмотреть замок на горе. Один из жителей в селении у подножья согласился указать нам короткую тропу. Он немного знал русский язык еще с тех времен, когда находился в русском плену в 1915 г. Подъем был крутоватый, и мы пыхтели не один час, пока не оказались у замка на склоне под самой вершиной. Архитектура нас не интересовала, хотя все же запомнилась башня над обрывом и особенно прозрачная застек-

ленная стена, обращенная к ущелью. Страшно уставшие после перехода мы завалились в мягкие кресла и кровати. И только потом начали осмотр. Откровенно говоря, не только по части мин, но и повинаясь неистребимому солдатскому нюху найти что-нибудь съестное и секретное. Это, можно сказать, первая заповедь солдата, очевидно, во всех армиях мира. И сразу полнейшее разочарование: ни в подвалах, ни на кухне, ни капли, ни кусочка чего-нибудь, что можно положить на зуб. На кухне поразило обилие всякой посуды и приспособлений для жарки и варки. И только...

Замок удивил нас пустотой. Мало того, что в нем не было ни одной живой души, так даже в комнатах, в платяных шкафах – никакой одежды, даже кровати были без постельных принадлежностей. Только в зале мы наткнулись на большущий глобус и пианино. У музыкального инструмента оказался комроты, и тишина была нарушена полившимися звуками – они уносили огрубевших до заскорузлости и матерящихся вояк в какой-то далекий от войны нереальный мир. Тем более, что за окнами простиралась в туманной дали непривычные для нас, степняков, горы. Но к реальной действительности мы вернулись, когда в одном кабинете обнаружили небольшой переносной сейф. Открыть его даже при помощи лома не было никакой возможности. Сержант просил разрешения подложить к замку половину 200-граммовой толковой шашки. Взрыв будет вовсе не разрушительный. Комроты разрешил.

НЕТ ЧАСОВ НИ У КОГО

Нужно сказать, что драгоценности и даже золото нас почти не интересовали. Даже бриллианты. Во-первых, мы в них не разбирались. Самой большой драгоценностью в тех условиях была наша жизнь.

Что нас, говоря откровенно, интересовало из вещей, так это часы. Во всей роте ни у кого их, ни карманных, ни ручных, ни даже каких-нибудь настольных в вещмешке не было. Нельзя сказать, что время в связи с этим утратило свой счет. Но жили мы «по солнцу». Даже в приказах уточнение выглядело таким – «ранним утром», «поздним вечером», «к полудню» и т.д. Поэтому голубой мечтой у желторотых солдат, да и командиров были вот такие с черным циферблатом и светящимися фосфором стрелками швейцарские «командирские» часы. Эрзацная, без камней «штамповка» нас не интересовала – мы уже научились разбираться.

Итак, что в сейфе? Прогремел микровзрыв, в замке глухо ухнуло. Но в схроне ничего интересного, тем более часов, не оказалось. Были какие-то отпечатанные бумаги и очень компактная, даже изящная пишущая машинка. Почему ее поместили в сейф, неизвестно. (Вот когда советские власти прятали подобные множительные аппараты под замки и выдавали под строгую ответственность, это было объяснимо – из-за боязни распространения антисоветских листовок, пропаганды анекдотов и прочих «взрывоопасных» текстов.)

КОМРОТЫ РАЗРЕШИЛ

Передохнув, насладившись игрой на рояле, видами горных вершин и замка, мы, несолоно хлебавши, отправились в обратный путь. Идти вниз было все-таки легче, да и проводник развлекал нас почти всю дорогу своим кряхтением и проклятиями.

Дело в том, что перед уходом из величественной крепости он испросил у комроты разрешения взять с собой

роскошное мягкое кресло. (Он говорил, что на нем сидел сам адмирал Хорти, а в прошлом, может, и еще какая-нибудь более знаменитая особа из австро-венгерского императорского двора.) Теперь вот простой угнетенный лапотный мужик будет восседать на этом троне, и позавидуют ему его земляки обостренной завистью. А может, он уже прикинул, что эту мебель можно будет сбить кому-то за кругленькую сумму. Словом, и, не читая трудов классиков марксизма-ленинизма, он пришел к выводу, что грабить награбленное не грешно. Но вся морока была в том, что уже в первые часы владения собственностью она доставляла этому крестьянину большие хлопоты. Тяжелое кресло давило шею и плечи, он кряхтел и поругивался. Но это еще не конец очерка о горе и замке Бургберг.

ХОРТИ МЯТУЩИЙСЯ

Замок на этой горе связан с такими именами, как регент-правитель Венгрии Хорти и пресловутый суперпорученец Гитлера Скорцени. Первый хотел найти здесь надежное убежище в драматические дни выхода Венгрии из гитлеровской коалиции, и второй по личному указанию Гитлера должен был арестовать Хорти, готового капитулировать, когда убедился в близком разгроме немецко-фашистских войск.

Тогда имя венгерского правителя так же часто склонялось в газетах, как и имя молодого румынского короля Михая, которого по распоряжению Сталина наградили высочайшим полководческим орденом Победы, а корреспондент «Комсомолки», как шутили журналисты, пытался принять желторотого Михая в комсомол... Михай заслуживал такого доверия: он, как король, отдал приказ румынским войскам не сопротивляться Красной Армии. Хорошо было бы престарелого регента венгерского правителя наградить хоть сразу всеми советскими орденами и принять в коммунисты без кандидатского стажа, лишь бы Венгрия вышла из гитлеровского подчинения, прекратила войну и этим бы избежала гибели многих и многих советских и венгерских солдат.

Зная, что выход из войны может кончиться для него гибелью, регент Хорти решил укрыться в замке, затерянном в горах Южных Карпат. Но Гитлер приказал испытанному в авантюрах «спецназовцу» Скорцени захватить Хорти в Бургберге и доставить его фюреру.

НЕ ЗНАЛИ, КУДА ШЛИ

Скорцени с отрядом эсэсовцев и колонной немецких танков и бронетранспортеров прорвался к вершине. Благо дорога с запада была отменным бетонированным шоссе. Для подстраховки хитрый Скорцени предварительно захватил в заложники сына Хорти.

Нужно отдать должное Хорти. Он, несмотря на амбиции и давление со стороны Германии, 15 октября 1944 года обратился по радио к правительствам СССР, США и Великобритании с просьбой о перемирии. На следующий день Скорцени с отрядом был уже на Бургберге.

Штурм длился не более получаса. Семеро убитых и три десятка раненых – для такой операции мелочь. Венгерская охрана сопротивления не оказала. Но Хорти в замке не нашли. Как выяснилось позже, он сумел бежать подземным ходом еще перед штурмом. Не без оснований он опасался расправы без промедления. Однако через несколько часов Хорти все же предпочел сдаться эсэсовцам в другом месте. И штурмбаннфюрер Скорцени доставил его Гитлеру, но тот, как ни странно, не расстрелял низвержен-

ного регента. В 1945 году он стал пленником американцев и, выпущенный ими на свободу, дожил до своего 89-летия в Португалии.

Узнав со временем о происходивших на горе сверхдраматических событиях, советские саперы вспоминали и свое восхождение на Бургберг. Оставаясь даже в воспоминаниях довольными тем, что не застали там гитлеровцев.

(В феврале сорок четвертого (Гора Бургберг: саперы Красной армии искали мины, а нашли сейф с пишущей машинкой). Павел Супруненко. – Россия, №16 (968), 11-17 мая, 2006)

КАК ЛУЧШЕ ДРАПАТЬ

Издавека слышался шум моторов. Потом на бугре появились танки. И пехотинцы дрогнули. Еще слева и справа захлебывались длинные пулеметные очереди, еще рвались среди наступающих цепей снаряды противника. Но из окопов уже повыскакивали многие наши стрелки и перебежками откатывались вглубь обороны.

Большинство из них были только что мобилизованными в освобожденных селах полевыми военкоматами. Их-то и солдатами можно считать условно. Многие были еще не обмундированы: одеты в свои домашние серые фуфайки да штаны из «чертовой кожи» – довоенной черной ткани. За плечами выделялись котомки из белого полотна. Называли таких мужиков «чёрнорубашечниками», «лаптями». Они-то и задавали теперь тон в этом бегстве.

Особенно неразбериха усилилась, когда отступавшие пехотинцы достигли села. В нем стоял тыл дивизии. Штабисты и обозники смешались с передовиками. Не успев, как следует, собрать снаряжение, запрячь лошадей, люди вскакивали на повозки, не разбирая своих и чужих подразделений. В суматохе поспешно покидали село. Подаваемые кем-то команды тонули в перебранках и матерщине.

Страшное слово на войне «паника». Никто его не произносит в тот момент, когда смятение и ужас овладевают войсками. Никто не осознает, что оно означает, никто не раздумывает над причинами и последствиями. Солдаты попадали в область всеобщего страха и признавали над собой только одну команду – инстинкт самосохранения. Этот ужас рос, как снежный ком, влекущий за собой лавину.

Беспорядок усиливался. За селом в степи развернулась неприглядная картина бегства. Повозки обгоняли друг друга. Обламывались колеса, сваливались в канавы подводы, падали лошади. Бросали походные кухни, боеприпасы, снаряжение. Вырвавшиеся вперед машины застревали в дорожных «пробках». По полю рассыпались серые и черные горошинки солдат. Их будто бурей подхватывало и несло по снежной равнине. Те, кто был тяжело одет, бросали на ходу фуфайки и шинели. Распуганные из своих укрытий зайцы обгоняли солдат.

Дул встречный ветер, он обжигал своим ледяным дыханием лицо, хватался за полы шинелей. Была ранняя зима. Но земля укрылась обильным слоем снега. На бороздах встречались заносы. Ноги проваливались в это мягкое месиво и вязли, тяжелели, отказывались бежать. Казалось, даже природа оборачивалась против этих обезумевших от страха людей.

Может, есть какая-то надежда на «бога войны»? В стороне от дороги, на скате небольшой возвышенности стояла артиллерийская батарея. Она вела огонь по вышедшим в долину вражеским танкам. «Тигры» значительно углубились в оборону. Видя бегущих по полю пехотинцев,

артиллеристы тоже не выдержали. Некоторое время их командир, молодой лейтенант еще пытался уговорами остановить отступавших: «Куда же вы?! Немцы же пушки захватят!!!». Потом перешел на более энергичные увещания: «Сволочи, остановитесь!».

Но его крик был гласом вопиющего в пустыне. Никто не обращал внимания на потрясающего кулаками и пистолетом офицера. Заметила его только вражеская пуля. Лейтенант последний раз взмахнул рукой и свалился наземь. Белый снег под ним окрасился кровью. Офицер лежал как на знамени, им же самым разостланном. Его рука с пистолетом была протянута в ту сторону, откуда поблескивали огненные вспышки из бронированных башен. Фашистские «тигры» лавировали по долине и, не торопясь, ползли на батарею.

Мы с Молотковым были на разных участках во время этого драпмарша. И каждый из нас расписывал потом пережитое, соревнуясь в красках передать всю жуткую картину отступления. Кто как перенес страх, кому как удалось выскочить из этой катавасии. Хвалились не показным героизмом, а тем у кого ноги крепче, ничуть не стесняясь бегства, не находя в этом ни позора, ни трусости. Война есть война. Наоборот, если бы кто попытался рассказать о своем бесстрашии, то выглядел бы трепачом и хвастуном.

Я сообразил, что отступать по большой дороге рискованно не только потому, что немецкие танки устремились по широкой магистрали, настигая отступающие обозы. На таких дорогах, обычно, выставлялись заградотряды. А если их не было в это время под рукой, тогда выскакивало из своих убежищ-блиндажей высокое начальство. Что-что, а это оно понимало: за отступление по головке не погладят. И тогда принимались решительные устрашающие меры. Полковники и генералы хватались за пистолеты, расстреливали здесь же для наглядности солдат и младших офицеров и приказывали останавливаться, переходить в контратаку. Иногда им это удавалось, а иногда паническая волна смывала появившуюся на своем пути преграду и катила дальше.

Учуяв, что на дорогах опасность больше, я прикинул по карте как можно напрямик пробраться менее заметным путем. Бойцы держались меня как цыплята наседки. Не нужно было даже отдавать строгих приказов. Шли не кучей, а врассыпную, не теряя друг друга из виду. Пару раз настигали немецкие «тигры», поливали свинцом бугристое поле. Мы залегали в лощинах, и танки сворачивали в ту сторону, где движение было более оживленным. К вечеру в одном из сел я наткнулся на обозы нашей дивизии. Впрочем, разобрав, где тылы и где передовая, было уже не так просто.

Ничего не скажешь, отход был стремительным. И только вернувшись в наш родной 404 ОСБ (так сокращенно назывались отдельные сапёрные батальоны), я осознал одну невосполнимую потерю. Было у меня, ваньки-взводного, здесь в окопных передрягах одна «голубая мечта». Нет, не попасть в тыл хоть на несколько дней, а тем более в отпуск – таких фантастических закидонов мы себе не позволяли. А хотелось мне иметь легкий теплый полушубок. В таких форсиро начальство постарше. А до ваньки-взводного все черед не доходило. И дело, конечно, не в надоевшей стеганой фуфайке, что одевалась под шинель. Кожушок грел теплее. Да и легче шинели с фуфайкой. А мы тут на фронте промерзли на всю жизнь.

Короче, недавно замкомбат по хозяйству, главный наш интендант, вручил взводным такие вот полушубки, белые, как свежеснежавший снег, дубленочки. Но, видно, сделал это, стервец, не от чистого сердца. Мне, по крайней мере.

Так как в этом драпмарше, задыхаясь от длительного бегства, я свою заветную «душегрейку», «телогрейку» бросил, на ходу снимая, в поле. Очень уж жаркое было бегство: многие не успели унести ни ноги, ни душу.

Но сказать откровенно, большой жалости я не пережил и особенно не печалился. Зима не вечна. В шинели привычней. А главное – с того света вырвался. А за то, что все бойцы во взводе оказались в полном наличии, целы, невредимы и готовы выполнить новую боевую задачу, начальство меня даже похвалить изволило.

ГОРА, ПАМЯТНАЯ САПЁРАМ

Итак, в начале о сапёрах, а затем о зайцах...

Многие знают, а то и нередко применяют к случаю поговорку о том, что сапёр ошибается раз в жизни. Точнее даже два раза: первый, – когда попадает в сапёры и второй – при неудачном разминировании. Но этим «прикопного дела мастерам», как их называл В. Даль (а в обиходе на фронте именовали «кротами»), приходилось заниматься не только с минами и всякими разными подрывными устройствами, но и самое, пожалуй, трудное, рискованное на войне – налаживать переправы на водных преградах, ставить и разрезать заграждения из колючей проволоки, а то и иметь дело с «сапой», как издавна этим французским словом обозначали приkop, траншею, ров для подхода к крепости. На той большой Великой Отечественной приходилось неустанно рыть для начальства блиндажи, всякие «КП» и «НП» и накрывать их бревнами в несколько накатов. А где найти эти бревна? Разбирали крыши, где только можно и нельзя.

Но однажды в одном стратегически важном месте пришлось нашим «кротам», «чернорабочим победы», как назвал сапёров Илья Эренбург, вести и необычный подкоп. Произошло это в полусотне километров от Юхнова, небольшого городка Калужской области, на речке Угра. Сюда к горе Зайцевой и подошли немецко-фашистские войска в 1942 г. Это был важный участок у Варшавского шоссе на пути к Москве. Гитлеровцы превратили Зайцеву гору в неприступную крепость с дотами и дзотами, да еще и подерживаемую авиацией. Господство немцев на этой высоте наносило урон нашим войскам, срывало снабжение боеприпасами и продовольствием. Сколько раз склоняли «несерьезное» наименование этой горы, будь она неладна. Конечно, нарекли ее, очевидно, за обильное присутствие здесь этих трусливых зверушек. Трусливых ли? Кто-то по этому поводу вспомнил солдатскую байку, по заверению рассказчика, совершенно правдивую.

Речь шла о разминировании поля, очень уж усеянного противопехотными минами. Пробегая по полю, заяц задевал за растяжки, и мины взрывались. От взрывов он мчался еще быстрее, просто летел. И так стремительно, что взрывы не наносили ему вреда. Такое вот разминирование. Ну, стоит ли после этого обзывать зайчишку трусливым?! Так иногда, со страхом и испугом, и солдатом подвиги совершаются.

К Зайцевой горе уже привыкли. Но как было привыкнуть к частым обстрелам и превосходству огневых точек немцев. Подавить их не было никакой возможности. Так же как немыслимо было взять штурмом эту высоту. И кому-то из военно-инженерных командиров пришла в голову дерзкая, поначалу даже сомнительная, идея. А не попробовать ли подкопаться под Заячью гору и подорвать ее? Так как это делалось русскими сапёрами еще со времен Ивана Грозного.

Чего не взбредет в голову при острой необходимости! Не сидеть же без дела в тяжелой обороне. Расчёты и на-

блюдения вселяли, хоть и малую, но надежду. Была подобрана команда в полусотню солдат. Нашлись среди них и люди с профессиональным шахтерско-горняцким опытом. Начали рыть. Вначале колодец, глубиной около шести метров. Со дна повели подкоп под высоту. Работа велась ночью, непрерывно. Вся сложность была в том, что грунт оказался тяжелый – плотная глина с галькой, а долбить его надо было бесшумно. Выбранную породу рассыпали вдоль траншей и ходов сообщения, маскировали травой. Выработка продвинулась на десятки метров. Уже ощущалась оборона противника наверху – доносились глухие звуки. И тут произошло непредвиденное – обвал.

Ставили дополнительные стойки, подвозили мешки с глиной. Колеса повозки смазали так, что не слышно было ни звука. С этой же целью подкованные копыта лошади обмотали рваными телогрейками. Транспорт работал бесперебойно и скрытно. А еще нагрянула угроза удушья при проходке пластов, насыщенных углекислым газом. Проходчики теряли сознание – пришлось работать в противогазах. Потом сообразили наладить из кузнечного меха и труб от паровых котлов примитивную вентиляцию.

Подкоп в целом продолжался больше месяца. Главное, немцы так ничего и не заподозрили. Уже стало слышно, как они веселились в большом блиндаже. Уложены последние тонны взрывчатки. Засыпана, забита проходная шахта. Плотнее забивка – сильнее взрыв и больше разрушение. Взрыв приурочили к атаке нашей пехоты. Прогремел он в назначенное время. В боевом расположении гитлеровцев поднялся вверх грунт, бревна, пошел каменный дождь. Начали взрываться минные поля, были отброшены проволочные заграждения. Атака прошла успешно. В результате штурма наши войска овладели стратегической Зайцевой горой и продолжили развивать наступление дальше на запад от Москвы. Саперы еще раз подтвердили свое звание мастеров «подкопных дел».

(В сокращенном виде опубликовано в книге П. П. Супруненко, Ю. П. Супруненко «Горы. Популярная энциклопедия», М.: Терра-Книжный клуб, 2004, с. 168-171 – «Зайцева гора, памятная сапёрам»)

III. ИЗ НЕВЫДУМАННЫХ РАССКАЗОВ

РАЗВЕ МОЖНО ЗАБЫТЬ

«Сверхбдительность» в разговорах шла от сталинских репрессий и шпиономании 30-х годов. Во время войны разгул сталинских опричников вроде немного поутих. Но после победного 45-го с новым остервенением взялись за тех, кто побывал у немцев в плену и оставался на оккупированной территории. А сколько десятков миллионов не захотело уезжать в эвакуацию, до сих пор историки не подсчитали и не объяснили причины подвигов нашей фронтовой контрразведки – органа не менее зловеще-тайнственного, чем СС или СМЕРШ.

По строгому секрету и без посторонних свидетелей, помню, кто-то поведал такое, что не укладывалось в сознании. Но сообщение было от человека, имеющего к операции прямое отношение. Перед нашим наступлением на юге Украины контрразведчиками фронта было проведено такое «мероприятие». В форме немецких солдат засылались на оккупированную территорию специально отобранные наши группы. Они совершали «рейды» и творили всякие бесчинства, чтобы вызвать возмущение и ненависть местного населения к гитлеровцам. Возможно, это делалось с учетом того, что юг Украины был оккупирован Румынией, а румынские власти, да и солдаты вели себя намного мягче и лояльнее, чем немцы.

О том, как мы наступали, возможно, даст представление такая цифра. При взятии населенных пунктов под Кривым Рогом в 1943 г. теряли по 5-7 тысяч солдат. За собранные и похороненные трупы колхозникам (мужиков-то почти не осталось) начисляли трудодни в зависимости от выполнения нормы. Это в степи. В лесных же краях солдатские кости не собраны и полвека спустя.

Это при наступлении. А в 41-42 гг. что творилось при нашем отступлении (чтоб не называть его бегством, в обиход вошел горько-шутливый термин – «драп-марш»), могли бы рассказать парни постарше нас. Но людей этого возраста почти не осталось в живых. Лёня Пономаренко в своём селе в Донбассе в 41 г. мальчишкой был свидетелем такой сцены. Немецкие танковые колонны на сотни километров отодвинули фронт. Командир нашего подразделе-

ния приказал бойцам выходить к своим (а подразумевалось по домам), кто как сможет. Сопротивление было в такой обстановке равносильно самоубийству. Верный уставу замполит (тогда ещё «комиссары» были уравнины в правах со строевыми командирами) счел своим долгом застрелить комроты. Взъяренные солдаты забили политрука прикладами.

С глубокого уже дна войны всплывают новые и новые детали. Я рассказал работнице библиотеки о выступлении доморощенного поэта, ветерана войны. Стишата у него были общие, патриотические, мелкотравчатые. Но одно мне врезалось в память – в нем повествовалось, как наши солдаты после боя собирали «трофеи», ходили по полю и снимали с убитых немцев сапоги. Но так как был сильный мороз, обувь, примерзшая к телу, не снималась. И тогда сообразительные вояки отрубали ноги, несли их в хаты и там уже освобождали от обрубков оттаявшие сапоги. Библиотекарша в отличие от меня осталась почти равнодушной к рассказу и только дополнила мой рассказ. Её мама вспоминала о таких же случаях в Подмоскovie после больших боев суровой зимой 1942 года. Только отрубыванием ног для снятия сапог с убитых немцев занимались не солдаты, а мирные сельские жители.

Ну, пусть я субъективен в своей войне (она у каждого была «своя»). Но вот какое свидетельство того, что война эта ещё не осмыслена, пришлось прочитать в одном по-прежнему авторитетном журнале («Новый мир», №4, 2002, с. 182). «В городе Локте Брянской области ещё до прихода немцев (в 1941 г.) население сбросило советскую власть и создало самоуправляемую «республику», которую возглавил инженер К. Воскобойников...» Эта «республика» охватила восемь районов, создала и собственные вооруженные силы – Русскую освободительную Народную армию численностью в 20 тыс. человек под командованием Б. Каминского. Армия имела свою артиллерию, танки, а на знаменах изображался Георгий Победоносцев.

* * *

Небезынтересно моё мнение и совпадение его с оценкой маршала Жукова поэтом А.Т. Твардовским. Мемуары хваленного ура-патриотами маршала он называет «дурной, казенной, фальшивой и претенциозной книгой». Облик его, по мнению поэта: «...чинопочитатель до мозга костей, он и не замечает, что Поскребышев (секретарь Сталина. – Прим. П.С.) ему говорит «ты» («Садись»), видя в этом лишь признак благорасположения и дружественной простоты». И ещё о мемуарах Жукова: «Кровавая книга, не замечающая того, что она вся в крови... Народ для него – «картошка», как говорит солдат в «Климе Самгине». Он воюет именно числом, постоянно требуя пополнений, не считая людских жизней, не удрученный немало их гибелью и страданиями. Он, как и вообще Верховное командование, тушит пожар войны дровами её – людьми: загрузить так, чтобы трудно было пробиться пламени. Как мне памятно по первым (и не первым) дням и неделям войны всеобщий панический пафос жертвенности («пасть за родину»), запретность и недопустимость мысли о сохранении жизней своих. Отсюда и требование самоубийства во избежание плена» («Знамя», №5, 2004, с.159). Подобная неприязнь к безрассудной жестокости Жукова была и у В. Астафьева.

* * *

Останутся ли в памяти людей такие, вроде, мелковатые факты из той великой войны?

НЕУДАЧА НЕСЛУЧАЙНА

Об этой степени случайности – вопрос философский. Но, как ни странно, возник он по одному довольно необычному поводу. Сколько раз не проходишь по Манежной площади в Москве, невольно обращаешь внимание на памятник маршалу Жукову. И место ему выбрано не весьма удачно: как бы не решились вывести на Красную площадь, а приткнули к зданию Исторического музея, чтобы не бросался в глаза. А главное сам памятник у большинства людей вызывает впечатление неестественности, нескладности, если не сказать какой-то досады.

И это не одно моё субъективное мнение, а связано оно с оценкой деятельности Жукова таких уважаемых людей как А. Твардовский и В. Астафьев. Сложилось это мнение у меня при первом взгляде на памятник и, между прочим, задолго до того, как я ознакомился с критикой его в «Независимой газете» от 5.02.97 г. А там со знанием дела разбирались ошибки ваятеля.

«Конь у него идёт иноходью, то есть обе правые ноги движутся вперед, а обе левые – назад. У кавалерийской лошади есть три аллюра: шаг, рысь и галоп. Лошади, движущиеся иноходью, в кавалерии выбраковываются, либо же используются в упряжке или для других вспомогательных работ. Во всяком случае такая лошадь не могла оказаться под седлом принимающего парад маршала. Всадник у Клыкова стоит в стременах так, как он не может стоять при движении лошади. Неестественно для строевой лошади и положение головы.

Кстати, неестественный вид лошади и всадника особенно бросается в глаза в соответствии со скрупулезным воспроизведением ряда деталей (орденов на мундире, лампасов на брюках, орнамента на вальтрапе и т.д.)».

Напрашивалась аналогия с другим скандальным конным памятником царю Александру III в Петербурге. Там грузный всадник восседал на коротконогом тяжеловозе-ломовике. Отзывы об уродливости скульптуры Трубецкого общеизвестны. Даже брат царя говорил о его карикатурно-

сти. Появились и нелестные надписи, вроде этой: «Стоит комод, на комод бегемот, на бегемоте идиот». Словом, по Сеньке и шапка. Может, стоило (а потомки, возможно, так и сделают) поместить на монументе Жукова отзыв о нём А.Т. Твардовского, как о «чинопочитателе до мозга костей», как о том, кто «тушил пожар войны дровами её – людьми» и т.д. («Знамя», №5, 2004, с.159).

Облик Жукова связан с деяниями Сталина. Как, впрочем, и с его бюстами и скульптурами, которые оказались на помойках и мусорках. Может, даже такое внешне-архитектурное проявление и завершение оказалось не случайным? На всё свои причины и свои же следствия.

САМЫЙ УЖАСНЫЙ МОМЕНТ

«Одно дело свистящие пули, а другое – массивные бомбежки и артналеты. Я не знаю, кто бы от них не переживал страха в том или ином проявлении», – рассказывала Лидия Георгиевна Свиридова, начавшая войну выпускницей мединститута и прошедшая ее до победных дней. Насмотрелась, натерпелась. Чуть к немцам в плен не попала, когда драпали, то бишь беспорядочно панически отступали. При переходе вброд речушки, она заботливо сняла сапоги, перенесла их в руках, а потом одела сухими. А пехотный лейтенант так в обмотках и «форсировал»... Он видно еще больше женщины «перемандражировал». Страх, в той или иной мере, это естественное свойство человеческой психики, это предупреждение об опасности. Тут не нужно открывать Америку.

И вот что поведала моя знакомая. Для большей достоверности поведем рассказ от первого лица.

«...Расскажу, какой самый страшный, самый ужасный момент мне пришлось пережить самой. Остановились мы в Будапеште на переформирование после ликвидации там окруженной группировки. Расположение наше за городом. Ехала как-то на трамвае. Ввалилась пьяная рожа советского лейтенанта. Лыком не вяжет. Бельки хоть и залиты, а меня разглядел, сел напротив, начал чего-то молотить. Я смотрела в сторону в окно.

Как он только не обзывал и не оскорблял меня? Боже, чего он только не изрыгал. Остановить вагон, выйти, ночь вокруг, он тоже выйдет. Уже мадьяры поняли ситуацию, начали за меня заступаться. Он вытянул пистолет и начал его перезаряжать. Что стоило ему, недоумку, взять и выстрелить, сколько подобных случаев бывало. Я невозмутимо глядела в окно, он перекладывал из руки в руку пистолет. Такой ненависти, как к этому крестину, у меня не было никогда не немцам: ведь про их зверства я только читала. Дурак ли он от природы, изменила ли ему девушка – можно было только догадываться. Он выполз на одной из остановок, так и не спрятав оружие. Я разрыдалась и долго не могла прийти в себя. Мне помогли мадьяры, «враги», которым не за что было любить наших распоясавшихся вояк. У кого-то нашлась вода, они меня успокоили своим участием, лопоча что-то на незнакомом языке. И после всего пережитого мне надо было сразу же переключиться на внимательность, заботу к нашим несчастным беспомощным раненым, по-детски желторотым лейтенантикам. Мы забываем о психических травмах войны...»

ТАНКОВАЯ ЧАСТУШКА

Один из, пожалуй, самых страшных родов войск – танковые. Почему? Приведу веселый песенный ответ. Исполнялась эта песня танкистов на очень популярный мотив «Любо, братцы, любо, любо, братцы, жить...»

...Первая болванка, первая болванка, первая болванка попала прямо в лоб. Механика-водителя загнала прямо в гроб.

Припев. Любо, братцы, любо, любо, братцы жить. В танковой бригаде не приходится тужить.

Со второй болванки (3 раза) брызнула броня осколками да ранила меня.

Припев.

Третья болванка (3 раза) попала в бензобак. Я выскочил, товарищи, и сам не знаю как.

Припев.

А на завтра вызвал (3 раза) особенный отдел «Почему, подлец, ты да в танке не сгорел?»

Припев.

А теперь ребята (3 раза) я правду говорю. В завтрашней атаке я обязательно сгорю...

ЧТО ПОСЫЛАЛИ

Солдатские трофеи – посылки с фронта – это мелюзга, хоть сам «механизм» их приобретения показателен. Но среди тех вывезенных из Германии высокими чинами картин, музейных ценностей, произведений искусства (среди них и награбленные гитлеровцами в других странах, а затем уже переэкспроприированные), наверняка, могут выявиться и вещи значительные.

И еще одна деталь, достоверность которой небезынтересно было бы установить. Как-то разговорился я с известным на Украине книголюбом и нумизматом Владимиром Шовкуном. У него интереснейшее собрание старинных и редких книг, в том числе и со штампами библиотек императорских особ (очевидно, те, что были завезены на юг во время гражданской войны и тут оставлены при бегстве). Но еще более значительная приметная у него коллекция различных монет и денежных знаков. Я упомянул о тех «оккупационных» пфеннигах и кронах, которые нам, офицерам в Венгрии и Чехословакии во время войны выплачивали в счет зарплаты.

Уже при передвижении за границей были организованы снабженцами «Военторги» для офицеров (их мы называли «хап торгами», так как торговали там трофейными вещами). Нам ничего не доставалось, кроме какой-то мелочи изысканного женского нижнего белья. Мне даже стыдно было посылать матери. Потом подумал – продаст на базаре.

СТОИТ ЖИТЬ

Когда на войне погибал солдат постарше, о нем жалели еще и потому, что оставил сколько-то детей, или жену красивую, молодую. Когда же смерть наступала молодого паренька, о нем говорили: «Жалко парня – ведь он еще и живой «пуньки» (т.е. голый бабы) не видел».

Один из таких желторотых воинов и сам себя жалел: «Эх, хотя бы одну девку прижать, поиметь, а потом и помирать можно». Услышав от него это, бывалый и находчивый сержант и пригласил вечером сходить вдвоем к молодым. А часть их как раз стояла на переформировке в селе. По дороге, как опытный Дон-Жуан, он наставлял желторотого, чтобы тот не терялся, если чего сразу не получится, в панику не бросался. Отчаиваться не надо, если, к примеру, и «сухостой» случается. Это когда мужчина никак не может закончить этот процесс. Словом, молодой не опозорился, и в первые заходы все хорошо получилось. Да и бабенка попала ему проворная, смышленная. Даже на передовой его разыскала, несколько раз к нему приезжала.

И после этого, испытав то, к чему подготовила его природа, солдат заговорил другим голосом: «Не, после такого «экзамена» помирать не хочется. Стоит жить!» И обрел парень некую взрослость, мужественность и даже осторожность. Не лез под пули.

Да опасаться приходилось не только пуль и снарядов. Говорили, что после излечения в госпиталях «венериков» отсылали не в свои части, а в штрафные батальоны. Так же как ходила молва, что отступающие немцы оставляли, подсовывали нашим солдатам специально подготовленных дамочек, зараженных триппером или сифилисом.

Вот так под конец войны добавлялось солдату забот и задач – уметь делать выбор среди немок. Да и не только немок...

СКРОМНОСТЬ БЕЗОПАСНЕЕ

О сержанте в армейской газетенке написали, что подбил он три немецких танка. К нему подошел земляк: «Иван, но подбил ты не три, а один танк». Как это? Сержант не такой еще большой начальник, чтоб послать земляка к определенной матери и ответил как можно понятнее. «Дурак, ты, если не усек, что прочтает какой-нибудь боец и захочется подбить ему тоже, хотя бы два танка. Если ты этого так и не докумекал, то более подробно тебе может объяснить наш смершовец, особист...». Больше вопросов не было.

ЧП В ГОСПИТАЛЕ

Во фронтовом госпитале была палата этак на человек шестьсот... Под них приспособили залы, фойе в особняке какого-то вельможи. Да еще двухъярусные нары соорудили. Посредине огражденные стойкой бачки – раздача пищи. Запах крови, лекарств, гноя, каши, пота. Гам, стоны, смех и тошнотворная тоска.

Пару раз приходили шефы-школьники. Приносили подарки: кисеты, бумагу, расчески и удивительно где добытый зубной порошок. Но так как щеток не было, да ими редко кто и пользовался, то порошок нашли необычное применение. От отупевшей скуки начали дурачиться – обсыпать койку этим зубным порошком и дико хохотать.

Трудно было сказать, к чему бы привел психоз. Но нашелся один сообразительный мужик. Он не поднимался с койки и попросил принести ему деревяшек из дровяных чурок. Вырезал занятого козла. Из проволоки соорудил ему рога, приладил шарнирчики и втулочки к туловищу и ногам, к ним незаметно протянули нитки. Словом, когда мужик играл на балалайке, марионеточный козел в такт пританцовывал на табуретке.

Успех был неописуемый. К мужику присоединился Алик Габай с мандолиной. Он рассказал эту историю мне. Они стали обходить койки, а потом и палаты, и их называли душещепательными артистами.

Но концерты не погасили одного нервного взрыва. До тошноты, до чертиков надоела выздоравливающим солдатам овсяная каша. Ее давали по три раза в день. Общим шумом и гвалтом вызвали интенданта госпиталя. Явился майор упитанный в новеньком обмундировании из английского тонкого сукна. Выютюженный, лоснящийся. Не успел он рот раскрыть для оправдания, как в него полетели десятки мисок каши. И начальство даже не возмутилось... перетрухнуло, что за такое ЧП кое-кого потурят на фронт. Кстати, и многие бойцы растревляли раны, заносили инфекцию, чтоб оттянуть отправку на передовую. А были и

такие, что преждевременно сбегали из госпиталя в свои части.

ПРЕДУСМОТРИТЕЛЬНЫЕ НЕМЦЫ

«Пианино или женщина могут быть настроенными или расстроенными, а солдат имеет твердость». Это из вдохновляющего немецкого приказа по дивизии. Спросить бы, а как настраивали и немцев и наших солдат шнапсом и водкой?

* * *

До чего немцы были «заботливы» и предусмотрительны. Среди нас ходили устойчивые слухи о том, что у них распространены передвижные фронтовые бордели. Но, как говорят, за ноги не держал, утверждать не приходится. А вот немецкие открытки с заранее отпечатанным текстом для отправления солдатом домой, приходилось видеть. В них стандартные слова о том, что жив-здоров, настроение бодрое, надежды не теряю, верю, что все будет хорошо и т.д. и т.п. Напиши только имя и адрес, и послание полетит, успокоит, поднимет дух у Гретхен в тылу.

* * *

У фрицев – так мы называли немцев – культурное «превосходство» – складная ложка с вилкой из алюминия. Ее можно носить в кармане. Наши «Иваны» (так без пафоса, с самоиронией называли себя наши солдаты) обыкновенную ложку (но тоже алюминиевую) носили, заткнув за обмотку на ноге. Кстати, у немцев обмоток не было... Не это ли детали нашей вековой бескомфортности, упрощенности, а значит и выносливости?

ЧЕМ ЗАМЕНИЛИ СОЛДАТСКИЕ БОРДЕЛИ

Война... О ней все новые и новые толки и вскрытие больших и малых тайн. В частности о тайнах бардачных, которые получили сокращенно-военный термин ППЖ. В журнале «Знамя» №10, 2002 г. у некоего Гребнева о призыве на фронт в 1941 г. и особых государственных при этом целях, о которых, разумеется, не говорилось вслух. На секретном совещании у Сталина обсуждался вопрос: как обеспечить воюющее войско – молодых здоровых мужчин – женщинами. Проблема на самом деле не шуточная, могущая повлиять даже на исход сражений, как показывает история. Недаром еще с незапамятных времен во всех армиях мира существовали солдатские бордели. Но это, как вы понимаете, не наш путь. И тогда было принято решение призвать на фронт девушек – радистками, санитарками, главным же образом для того, чтобы решать физиологические проблемы воюющей армии.

ССОРА ИЗ-ЗА ВОЙНЫ

И смешно, и грустно. Ведь знали мы с Юрием Туркиным друг друга не один год, а уж добрых два десятка лет. И сохранить за это время добрые дружеские отношения в наше время подсиживания, подслушивания, подсюсюкивания, подлизывания, не так просто. А вот, на-тебе, повздорили как мальчишки. Не удержал ни возраст, ни прошлая общность. Сказать, чтобы мы так уж изменились за это время – так нет. Хотя, конечно, немного пути наши и разошлись. На это раньше не особенно обращали внимание, а со временем существующее положение вещей стало остро бросаться в глаза.

Не скажу, какой уж я книголюб, но даже в командировке тянулся в библиотеку. Без журналов и книг просто бы скис. А Юрий шел отведывать местное винишко. Нет, его никак нельзя было назвать алкашом. Он сам признавался, что в дружбе с квалифицированным собутыльником он бы уже скопытился.

Я иногда даже порицал эту свою интеллигентскую умеренность. Бывало, хотелось этак, мол, по-рабочему «ударить по банке», разрядиться, расслабиться и хоть на время отойти от беспокойных проблем. Как бывало раньше. Не то чтобы напиваться, но вроде бы поднять настроение, поговорить откровенно. В этом ведь свое особое удовольствие: не лицемерить, потолковать, как говорится, по душам. Но вот не все так легко решается с помощью бутылки. Испортили меня, видно, книги...

А из-за чего повздорили? Может и мелочи, а может и не совсем. Ожидали, пока откроется буфет, вели беспредметный разговор о том, о сем, текучках и летучках. Подошел Юрин знакомый – тоже без особых новостей. Но кивнул в сторону афиши, мол, давно уже дал зарок фильмы киевской студии не смотреть. И уточнил – при просмотре пакетов бумажных не дают, а тошнит как при болтанке.

Мы с Юрой вспомнили недавний авиарейс, когда кульки уже всеми были отброшены, и содержимое желудков большинства пассажиров оказалось на полу. И когда самолет брал крен влево или вправо, так эта зловонная лужа переливалась по наклонной поверхности. Но мы выдержали. Приятно сознавать себя стойкими даже в таком положении. А если обстановка поромантичней? Как тут не выделить себя в лучшую сторону.

Зацепились за фильм о войне: на героинку пошла особая мода. Основной зритель был уже тот, что о фронтах знал по книжке да понаслышке. А этот знакомый возьми да обмолвись, что ему мальчишкой приходилось переходить передовую вместе с партизанами. Артобстрел адский. Но даже как-то интересно было. Я уже не уточнял – «интересно» тогда или тридцать лет спустя. А этот герой совсем расхрабрился, у него, мол, одно неудобство: земля за воротник сыпалась из брестера окопа.

Я все же перетерпел этот хвастливый героизм, делая скидку на мальчишескую психологию. Доказывать, что и подростки, понюхав порошу, сопли распускали, вспоминать настоящий фронт не хотелось. Не располагал к общению этот болтливый весельчак. Хотелось от него избавиться.

Но тут случилось непредвиденная метаморфоза. Юрий начал поддакивать: что-то об упоении в бою...

– Бывало, летят «мессера» в стороне. Неприятно зывают. И, тем не менее, появляется желание, чтобы они на наши позиции завернули...

Тут уже я не выдержал:

– Даже не в атаку хотелось, а вот так, чтоб «мессера» прошлись на бреющем полете? И что же вы им зад выставляли напоказ для геройства или кулаками грозили?

Юрий не ожидал такой резкости:

– Можно мерить на свой аршин...

– Для проявления героизма можно было попроситься и на передовую. А то на фронт рвались многие. А вот потом на передний край идти, охотников сразу не доставало. Сильный патриотизм проявляется в тылу...

– А я что, по-твоему, в Ташкенте отсиживался?

– Насколько помню, война у тебя прошла на бронепоезде. А это, извини меня, еще не тот фронт, не передок.

И понесло. Еще пару обидных друг для друга фраз и один из нас передумал завтракать, отказался от буфета, другой заметил что-то о потере аппетита после обстрела...

Ну, спорил бы он о 327 огненных таранах наших летчиков во время войны. Это те, кто горящей своей машиной поражал наземные вражеские объекты: цистерны, механизированные колонны, дзоты, самолеты...

Нет, я, наверное, не гоюсь даже в подметки героям: никак не могу представить этих несчастных ребят, падающих в горящих самолетах и думающих только о том, как поразить врага. И попадающих точно в цель. Не добавлял мне уверенности и генерал авиации Б. Васильев, который 30 лет спустя обобщал: «Экипажи, подбитых самолетов отнюдь не были обречены на гибель. Большинство из тех, кто применял таран, могли еще попытаться произвести посадку на фюзеляж или спастись с парашютом. Они не шли на это, они делали погибающий самолет оружием...» («Правда», 14 августа 1974 г.)

Вспоминая, как составлялись реляции штабниками (а они и газетчиков переплюнули!), становится стыдно перед погибшими. Можно поверить в небывалую храбрость в условиях, когда и курица орлом становится. Но все же стоило бы придерживаться меры. Как же Юрий не понимает, что эти описания даже не дань погибшим героям, а больше аванс для разнузданной военщины, для пробы сил в Корее, Вьетнаме, Афганистане, Анголе.

Словом, после этой по-мальчишески глупой стычки здоровались мы довольно сухо, а для разговора даже по делу не находили времени. Делали вид, что торопимся...

ТОРЖЕСТВА НЕ ПОЛУЧИЛОСЬ

До переправы оставалось недалеко. Шли плавнями. Движение замерло – днем опасались бомбежек.

– Ну, как там? – обратились мы к солдату.

– Да вот за два дня немец трижды разбивал переправу.

В воздухе стоял постоянный гул. Иногда он переходил в надрывные завывания. Это гонялись друг за другом наши «яки» и немецкие «мессера».

Воздушные бои велись непрерывно.

– Может лучше переправляться ночью? – допрашивали мы встречного.

– Да как сказать. Ночью паникадила на парашютах сбрасывают. Светло, как днем.

Ожидание не спасет от опасности. Продвигались дальше. Переправа еще не была видна, но она чувствовалась по установленным вехам на пути и разбитым, лежащим по сторонам машинам.

Впереди нас ждал Днепр. Сколько песен спето о нем в предгорьях Кавказа, на Кубани и в донских степях. И на привалах, и в походах. Многим слышался плеск его волн, ощущался вкус мягкой сладкой воды. Но не все дошли до его берегов. Пожалуй, ни одна из водных преград не вносила такого беспокойства, как эта. Наверное, нет такого солдата, который не испытывал бы на себе фронтовой «водобоязни». Форсирование – это тяжелое испытание. Даже небольшие переправы влекут за собой немалые потери. А тут такое речиче.

Постояльцы-офицеры в дедушкином доме рассказывали, сколько жертв стоила «Малая Земля». Так назывались участки, отбитые у немцев на правом берегу. Переправу начали сходу. Ни один мост на среднем Днепре не сохранился. Понтоны еще не подвезли. Начали сбор так называемых подручных средств. Разбирали строения, заготовляли жерди, сооружали плотки.

Немцы обосновались за Днепром во всеоружии. На этот рубеж они возлагали особые надежды, называли его неприступным «Восточным валом». Для них это была

единственная возможность передохнуть и очухаться. Ведь даже в самых узких местах плес разливался на 500-600 метров, а глубина доходила и до 12 метров. На плоты, прежде всего, грузили пушки, минометы. Самим иногда приходилось плыть рядом и подталкивать их. В атаку шли мокрые. С высокого правого берега было видно все как на ладони. Немцы вели огонь из всех видов оружия. Когда высаживалась группа бойцов на пятачок, гитлеровцы вводили в действие танки и бронетранспортеры. Десантники были отрезаны от своих частей. Положение, что называется, аховское. Но это все в недавнем прошлом и в нашем здесь отсутствии. А нам бы поскорее добраться до настоящей переправы.

– Пойдем напрямик, – сказал Витька.

Замечание было резонным. В стороне от дороги меньше опасностей, да и дойдем скорее. Слышались глухие взрывы. Иногда поднимались фонтаны от разрывов авиабомб. Не умолкали зенитки.

Густые заросли сменились мелкоколесьем. Плавни кончались. Странно, но совсем исчезли люди.

– Далеко до переправы? – наткнулись мы на солдата.

– А вам какую?

Мы стали расспрашивать, как перебраться на правый берег. Солдат невесело улыбнулся.

– Эдак не трудно и в ад попасть. Даже безгрешному.

Оказалось, что мы следовали на ложный мост. Он находился в районе села Переволочного. Недостроенные эстакады создавали полное впечатление переправы. Для маскировки зажигали еще дымовые шашки. Завеса расстилалась над плесом. Дезориентированные немецкие летчики поддерживали огненный вихрь над рекой.

– Настоящая переправа выше, – направлял нас солдат.

Довольные, что не поперлись в этот крошечный ад, повернули обратно. Взрывы оставались позади. По рассказам солдата, этот декоративный мост выглядел особенно эффектно. От бомбежек летел в воздух настил, сравнивалась с землей насыпанная эстакада. Неделями немцы делали регулярные ожесточенные налеты авиации. Берега были изрыты воронками. Сапёрам стоило немалых сил и жертв приводить в порядок ложную переправу. Они несли свою нелегкую вахту «демонстраторов».

Мы пошли в обход. Вновь потянуло гарью. Чернели обугленные, подкопченные стены. При отступлении немцы мстили за свои неудачи. А люди выживали. Уже на второй день рядом с пепелищами появлялись землянки, отстраивали халупы и флигельки. Горе не сломило бедолаг.

Когда-то мне мечталось, что вот подойдем к родному освобожденному Днепру и так многозначительно зачерпнем котелками живительную влагу. (А не будет котелка под рукой, так пилоткой!) Но торжества не получилось. Над головой пролетали «мессера» и «яки», неслась оглушающая стрельба и сверху и снизу. Мы рады были, что благополучно без оглядки перебежали по понтонному мосту на плацдарм. Уж не говоря о том, что Днепр здесь был форсирован до нашего подхода. Чем нас встретит правый берег?

ТРУДОДНИ ЗА СОБРАННЫЕ ТРУПЫ

В той братской могиле у Высокого оказалось 60 тыс. солдат (2-3 дивизии!).

А вообще-то если бы мне пришлось писать всю эту историю, я бы назвал ее «Страшные трудодни». В основе очерка – такая деталь. При сборе трупов, когда прошли войска, колхозникам начисляли трудодни. Вот такой принцип материальной заинтересованности! За сто трупов

– один трудовень! Вот что значит удобство и организованность колхозной системы. Так еще попробуй подними и заинтересуй людей. А тут объявили норму. И дело двинулось.

А если бы наступил такой день, когда каждый имел возможность говорить и писать то, что думает, я бы в своем выступлении перед людьми, особенно теми, кто по недомыслию настроен боевито по-петушиному, упомянул бы и старика К. Лоренца, нобелевского лауреата: почему не находят должного отклика его раздумья, его тревога?

«Почему собака обладает сдерживателями, не позволяющими ей укунить в шею своего поверженного врага? Почему у ворона есть сдерживатели, не дающие ему клюнуть в глаз другим воронам?... Сдерживатели развились в результате эволюции. Во всяком случае, несомненно, что они возникли одновременно с появлением страшного оружия у хищных животных.

...Безвредные травоядные становятся неразборчивыми в средствах борьбы, когда оказываются в клетке наедине с себе подобными.

...Мы должны сознательно и целенаправленно вырабатывать терпимость, раз уж не можем положиться на инстинкт».

Еще в 1935 г. Лоренц в книге «Кольцо царя Соломона» писал о том дне, когда два враждующих лагеря окажутся лицом к лицу перед опасностью взаимного уничтожения. Может, наступит этот день, когда все человечество разобьется на два таких лагеря. Как мы поведем себя в этом случае – подобно горлицам или подобно волкам? Судьба человечества будет зависеть от того, как люди ответят на этот вопрос.

ФРОНТОВЫЕ ОТКРЫТКИ

Вот он, целый набор примечательных открыток, присланных с фронта в разное время. В роковом 41-м они суровы, опечатанные почти на оберточной бумаге, без картинок и с предостерегающими надписями: не болтать, хранить военную тайну. И еще старание политнаставников воспитать отвагу и с ленинской цитатой: «Презрение к смерти должно распространиться в массах и обеспечить победу». И просто так без цитаты: «Красноармеец! Презрение к смерти рождает героев! Не знай страха в борьбе за нашу Родину!», «Борись с паникерами, разоблачай шептунов».

О чем писали на открытках солдаты Второй мировой? Военная цензура запрещала писать о боевых делах, напоминала о себе печаткой «Проверено» на каждом письме. Поэтому часто расписывали погоду: от нее, ох, как зависело не только солдатское настроение, но и судьба. «Наступила зима – это полезно для здоровья и для нашей действующей армии». Не зря немцы жаловались, что русским помогает «генерал Мороз». Но холод тоже надоедает, особенно, нет крыши над головой, хотя бы блиндажной. Поэтому и радость, сообщаемая солдатом: «Есть возможность погреться и подсушиться у костра, и это – как праздник». А уж устроенная старшиной помывка (вода нагревалась в бочке из-под бензина) и смена белья – праздник вдвойне. Хуже всего дождь и слякоть в холодную пору, в переходах плащ-палатка не спасала, ботинки, обмотки, портянки – всё промокало; так что и скотине в хлеву позавидуешь. И как блаженно лето: даже в окопе загорать можно. Бывает, что и «немцы редко постреливают – вошебойством занимаются». Впрочем, у них другая практика от этой напасти – покинутые землянки всегда дустом воняли.

Конечно, было немало эпизодов, о которых хотелось бы написать, но рисковать не стоило, чтоб не иметь дело с военной цензурой, а то и со смершем (это фронтовые чекисты, в расшифровке «смерть шпионам»).

...Наши дивизионные разведчики никак не могли взять «языка» – живого немца из окопов. Приказали сделать это нам сапёрам. А у нас, в частности у меня во взводе были «подтопанные», в годах уже солдаты. Если бы чудом захватили «языка», комдив, генерал бы опозорил разведроту. Мол, вот старые пердуны сумели, а вы, «груди в орденах», не смогли... Надо ли говорить, что мы не допустили такого позора. Три ночи делали шумные попытки со стрельбой и разрывами гранат на нейтральной полосе, но...

Каждый писал о своем. Кто откликался на новости из дому, кто описывал сны, кто вспоминал прошлое. Я, наверняка, развеселил отца (он тоже на фронте), сообщив ему, что купил часы за полторы тысячи рублей (примерно месячная зарплата комвзвода). Это произошло задолго до того, как под конец войны появилась мода на трофейные часы. Появилась новое занятие – «махнем не глядя», солдаты шутили – «часы на трусы». Дело было не только в удовлетворении пацанячьего тщеславия, но и в удобстве: карманный «будильник» – штука полезная. А отцу я этим напоминал, как еще дошкольником при помощи отвертки для шурупов разобрал ручные часы соседа по коммунальной квартире. А так как его сын, младше меня на полгода, был помощником, то отец уплатил только половину стоимости часов.

Типографские открытки были в дефиците, и нам из тыла присылали раскрашенные самоделки – они были вдвойне приятны, чувствовалось человеческое тепло. С переходом границы у фронтовиков недостаток изпродукции решался легче и проще. В покинутых домах освобождаемых городов мы находили целые наборы, альбомы, коллекции открыток. Солдаты постарше выбирали цветочки и виды курортных мест, а молодежь – обнаженную женскую натуру великих голландцев и малоизвестных художников.

Лицо расплывается в улыбке, когда я читаю на одной из таких открыток стихи, сочиненные в легком подпитии командиром роты капитаном Слонимом и посвященные мне, комвзвода:

**Зовущие к прикосновенью ягодицы,
И спущенные похотью ресницы,
И грудь манящая, как зрелый плод,
Вопрос мне дерзкий вкладывают в рот:
«Такие ль груди и ягодицы
У мной обожаемой девицы?»...**

Конечно, особая статья была переписка молодых солдат с девушками. Появились «заочницы» – те, кому писали, не зная лично, по адресам, взятым из газет, данным товарищами или присланным в посылках.

При победоносном наступлении наших войск появилось много «оптимистических» открыток с песнями, картинками, вроде таких как «Бойцы вспоминают минувшие дни и битвы, где вместе рубились они» или «Колхозница ведет пленного немца», с видами освобожденных городов и торжественными салютами, карикатурами на Гитлера...

**С каждым днем настойчивей, победней
Залпы орудийные в Кремле.
Будет день, когда раскат последний
Праздник возвестит родной земле.**

И такой День наступил. К сожалению, не всем суждено было его дожидаться. Остались открытки и письма «С фронтовым приветом»... Сохраним их. В наше торгашеское время на Измайловском вернисаже в Москве они ценятся наравне с орденами и медалями.

Но на самом деле они бесценны.

(Фронтовые открытки. Павел Супруненко. – Отечество (История. Культура. Путешествия.) (рубрика «Семейный архив»), №8, 2008, с.29-31)

КАЛАНЧЕВКА В ЭПИЦЕНТРЕ ВЗРЫВА

Тоцкое атомное испытание осенью 1954 году явилось первым «атомным шоу» с привлечением военных соединений. Отмечая это события, не забудем о десятках тысячах «атомных солдат» (точнее о 60 тысячах с обеих – «условных» сторон), участвовавших в этом эксперименте. «Каланчевку» тогда перекопали всю, завезли туда огромное количество техники: 600 танков, 320 самолетов, сотни единиц артиллерии и бронемашин. Рассредоточили по всей территории домашний скот, чтоб выяснить его реакцию на радиацию. Атомный взрыв произошел на высоте 350 м. Потом гору «трамбовала» авиация, обстреливала артиллерия. После артподготовки пошли в атаку танки. Готовилась к штурму пехота...

Там, где Урал соседствует с Западно-Сибирской низменностью, находится не самый знаменитый город Тоцк. По сравнению с такими индустриальными крепостями на Среднем Урале, как Челябинск, Магнитогорск, Златоуст, производившими мощное оружие, ковавшими Победу в той великой войне, он не столь славен и отмечен. Но неожиданно к середине послевоенных пятидесятых годов Тоцк замелькал в секретных донесениях могучего военного ведомства, а со временем и открыто вошел в анналы истории Советского государства. В печальные строки этих анналов. Дело в том, что недалеко от города находится Каланчевая гора высотой не очень выдающейся – около тысячи метров, но волей стратегов выбранная для очень значительной сверхсекретной операции, которая, пожалуй, была поважнее прославленных битв Великой Отечественной. Коль эта операция осуществлялась в строжайшей тайне, с подписками о неразглашении, то высокие чины и десятки лет спустя неохотно о ней откровенничают. Поэтому воспользуемся воспоминаниями рядового солдата, жителя белорусской деревни Боруски Петра Титовича Стомы.

Таких, как он, здоровых парней в серых шинелях, бойцов действительной службы, в Советской Армии тогда, осенью 1954 году, десятками тысяч доставляли по железной дороге в «телячьих» вагонах под этот самый Тоцк. В пути начальство объявило, что едут они принимать участие в крупномасштабных учениях. Но «солдатский телеграф» более точен, и вскоре все уже знали, что везут их как подопытных кроликов, будут над ними производить эксперименты – взрывать атомную бомбу.

Разгрузили эшелоны недалеко от Тоцка (станция Чкаловская, ныне Оренбургская область). Начали в спешном порядке рыть траншеи, окопы, строили вышки, бункера, оборудовали командные пункты. Все эти работы производились примерно в десяти километрах от предполагаемого эпицентра взрыва – Каланчевой горы (для краткости ее просто именовали «Каланчевкой»). Укрепления сооружали добротные, как для длительной обороны. Леса хватало.

Стома до армии работал лесником, поэтому обратил внимание на толщину многих стволов – до полуметра в диаметре. Гора Каланчевка представляла собой обширную возвышенность и, как и прилегающая территория, была покрыта красивым смешанным лесом. Гору всю перерыли, перекопали, по этому можно было судить о важности затеи. По окончании подготовки был назначен день «икс».

Запомнился этот внешне благоприятный, ясный, безоблачный, нехолодный осенний день. От метеорологов дошли сведения о скорости ветра – 5-7 м/с. Им особое поручение – следить за скоростью распространения атомного «гриба». Солдат загнали в окопы, приказали сесть спиной к эпицентру. Подали команду надеть выданные перед этим противогазы. К стеклам их очков были наглухо приклеены совершенно черные светофильтры.

Так началось восхождение на «атомную Голгофу» для десятков тысяч простых парней, не ведавших, какому опыту их подвергают. В тесных армейских рядах были «сплочены» представители многих национальностей гордой своей мощью сверхдержавы. Ее глава Хрущев (в народе его называли неуважительно-иронично Микитой, Микиткой) грозился в те годы капиталистическому миру показать «кузькину мать». Это был уже не первый взрыв атомной бомбы в СССР. Но впервые предстояло его осуществить в учении с использованием большого количества воинских частей.

...Послышался слабый гул самолета. Он стал нарастать: где-то высоко в небе шел бомбардировщик. 14 сентября 1954 года в 9 часов 34 минуты раскололось небо над оренбургской степью. На Тоцком полигоне наступающая сторона на высоте 13 километров сбросила атомную бомбу мощностью 40 килотонн на полосу обороны противника. То есть мощность взрыва равнялась Хиросиме и Нагасаки вместе взятыми. Взрыв был воздушный, на высоте 350 метров. В рядах «наступающего противника» числились те самые 45 тысяч подопытных советских солдат. Да еще «обороняющихся» – 15 тысяч. Официальные источники пока что молчат, поэтому приходится довольствоваться отрывочными и ориентировочными сведениями (в частности, Виктора Суворова из его книги «Тень победы». Донецк: «Сталкер», 2003, с.353-376).

Чтобы испытание лучше послужило науке, на удалении 8 километров расположили живую силу обороняющихся – танкистов, пехотинцев, артиллеристов, связистов, укрытых лишь примитивными средствами противохимической защиты да броней боевых машин.

«Раздался резкий треск: словно по стеклу в кованых сапогах пробежали. Сквозь фильтры ярко вспыхнул свет – как огонь электросварки. Страшной силы удар потряс землю. Над нами пронеслась ударная волна, засыпав окопы землей. Многие из нас содрали с себя противогазы, чтобы взглянуть, что творится на белом свете. А творился кошмарный ад. Над Каланчевой горой разрастался гигантский гриб, как бы обтянутый сверху марлей. Внутри пылал огромный огненный шар: как в большущем раскаленном кузнечном горне. Засекли время – пылал более 45 минут».

Каланчевку долбила, бомбила, авиация, обстреливала артиллерия. После «обработки» пошли в атаку танки.

Несчастливая гора, бедная земля...

Дальше в штурм вступила пехота. В ее рядах находился и Стома. Но в последнюю минуту ему приказали сесть в автомобиль, и везти группу каких-то гражданских лиц к эпицентру... Можно было догадаться, что это специалисты-атомщики.

Целый час они провели на горе. Поражала изменившаяся до неузнаваемости местность. Земля была ровная,

усыпанная камешками, будто вспаханная; оплавленная и курящаяся. Полностью исчез лес, даже корни из земли не торчали. Словно испарились животные. Неведомая сила сплющила окопы и ходы сообщения. Новые танки лежали на боку, будто наждачной бумагой отшлифованные и оплавленные. Другие виды техники представляли собой груду искореженного, обгоревшего металла, как бы просевшего в землю. Клубился удушливый дым, стояла жуткая вонь, все плыло перед глазами в злобном туманном мареве...

Все, кто оставил воспоминания, разворачивали примерно одну и ту же картину, но приводили свои небезынтересные подробности.

«Попадались просто бугры. Какие объекты там похожены взрывом – нельзя было даже догадаться. Потом видели обугленную овцу, которую извлекли из земли саперы...» («Красная звезда»).

«Высоко над главной позицией обороны «противника», клубясь и переливаясь, разворачиваясь из огромного кипящего шара, в котором еще бушевало пламя, к небесам подымалось колоссальное фантастическое облако. Гриб был похож на тот, с картинок, но сколько он излучал злой силы. Какой ужас вселял в сознание очевидца!..

...стреляные гильзы приваривались к казенникам, выбрасыватели не срабатывали. К концу учений приходилось выбивать гильзы ломом и снова собирать буквально рассыпавшиеся после каждого выстрела затворы... То, что мы увидели, не поддавалось описанию и не укладывалось в сознание, к этому невозможно привыкнуть и невозможно забыть... По пути к эпицентру можно было наблюдать картину беспощадной расправы атомного демона над природой во всей ее отвратительной полноте и обнаженности.

...Ближе к эпицентру весь лес был превращен в щепу и мелкие обломки, что сейчас можно видеть на некоторых лесозаготовительных делянках наших борцов с природой. И, наконец – пустынное мрачное поле, утрамбованное, как строевой плац, с оплавленной поверхностью, с маленькими отверстиями от испепеленных или унесенных атомным ураганом деревьев... На оплавленном грунте валялись сорванные танковые башни, поставленные «на попа», подобно спичечным коробкам, корпуса боевых машин, покореженные орудийные лафеты, завязанные замысловатыми узлами пушечные стволы, смятые как старые носовые платки, кузова бронетранспортеров и автомобилей» («Независимость»).

«Больно было смотреть на обезумевших, слепых и обугленных домашних животных, страшно вспоминать о выкорчеванных деревьях, об исчезнувшей дубовой роще-красавице, о пепелище нескольких деревень, о жалких остатках военной техники» («Литературная газета»).

Между прочим, эти дубравы на горных склонах сажали еще по указу Петра I. И эти могучие дубы трехсотлетнего возраста были в мгновение сожжены. Не варварство ли и преступление наших «стратегов» под видом укрепления обороноспособности страны!?

«То и дело в траншеях и просто на открытых местах встречались обреченные на атомное заклятие коровы, козы, овцы и другие домашние животные. Одни еще стояли и жевали травку, у других вытекли глаза, и тлела шерсть, третьи (особенно лошади) уже лежали, обнажая страшные раны» («Независимая газета»).

Несмотря на победные реляции и заявления об отсутствии жертв во время этих учений, потери в «живой силе» все же были. «Высокие чины разъехались сразу после завершения действия буквально за несколько минут. Никаких обедов и торжественных речей за мир во всем мире. А на

полигоне остались валяться не только груды скота с оторванными конечностями и обуглившимися боками, но и трупы людей. Акция была настолько плохо спланирована, что нередко танки во время инсценированной атаки наезжали на палатки в кустах, где находились солдаты. Естественно об этих потерях умолчали. Мне кажется, что в первую очередь хотели поставить опыт на людях и животных... Я, может быть, только сейчас понял, что все мы были в роли подопытных кроликов» («Час», 7 января 2001 г.).

Поэтому не стоит доверять заявлениям организаторов этих действий о том, что «были приняты все известные в то время меры безопасности». И только через 38 лет – 9 июля 1992 года «Красная звезда» признала: «Такие элементарные меры предосторожности, как дезактивация техники, оружия и обмундирования, не применялись. В учениях принимали участие огромная масса людей. Никакого специального медицинского наблюдения за состоянием их здоровья установлено не было. Засекреченные и забытые, они жили, как могли, без всякого внимания со стороны государства. Каждый дал подписку, клятвенно обязавшись молчать об этом в течение 25 лет».

Как отметят позже историки, «25 лет неразглашения» и «10 лет без права переписки» – одного поля ягоды из породы клюквенных. Через 25 лет пусть жалуются, кто им поверит, если ни в каких документах их участие не значится.

...К горе, на склоны двинулись воинские части. Впереди пошли разведчики. Командиры строго-настрого предупреждали: в поле, в укрытиях ничего не трогать. А там были и бытовые предметы вплоть до часов и авторучек, и особая разновидность продовольствия, продуктов, даже шоколад. Объясняли, что все это специально оставлено для последующей проверки на радиоактивность. Но у многих солдат свои догадки. Мол, нам не разрешают, чтоб самим «захватить».

В ходу старый армейский девиз – «Поближе к кухне и подальше от начальства!» Все происходящее рядовыми бойцами не воспринималось всерьез. Одно время Стома возил здесь полевую кухню: солдаты называли ее «моральный дух армии». Но шуточки обернулись печальной стороной. Через какое-то время тех, кто лакомился шоколадом и другой «вкуснятиной», собрали в отдельный барак.

Уровень радиации был столь высок, что приборы зашкалило, и они перестали реагировать. Дозиметристы обследовали «подопытных кроликов». Один из них (даже сейчас он боится указывать свою фамилию) вспоминал, как ему запомнился этот осмотр. Как резко усиливался сигнал радиометра – аж в ушах трещало, – когда прибор приближался к животам обследуемых. Такие шустряки по части «подножного корма» погибли в первую очередь. Да и остальным досталось: не сразу, а с годами выявлялось белокровие, онкологические заболевания, импотенция.

«Обороняющимся» предстояло в непосредственной от себя близости, в блиндажах, окопах, траншеях, пережить последствия ядерного взрыва. А «наступающим» – через эпицентр взрыва пройти сквозь оборону условного противника.

Жителям окрестных сел и деревень благодарность не объявляли, но свою дозу радиации они получили. На период учений их выселили, а после они опять вернулись в район рукотворного Чернобыля. За десятки километров от Каланчевки воздушной волной во многих домах выбило оконные стекла. Но это бы ладно: власти заботливо помогли с ремонтом. Зато никто не придал особого значения

ВСЁ БЫЛО БЫ СМЕШНО

атомному радиоактивному облаку, из которого выпадали осадки. И никаких предупреждений, мер предосторожности от военных чинов и атомщиков не последовало. А это потом аукнулось и заболеваниями, и загрязненной радионуклидами почвой. Ведь «учения» с атомной бомбой по предначертанию преступных стратегов проводились в густонаселенном регионе.

Хоть и с большим опозданием, страна вспомнила солдат, посланных на страшный полигон. Появились законы, постановления, указы, призванные облегчить жизнь тем, кто уцелел в радиоактивном пекле. Но в зону особого риска, риска преступной забывчивости, угрюмого бюрократизма и безразличия попало «неучтенное» местное население. Над ним ставился эксперимент в чистом виде: никакого лечения людям не полагалось всю жизнь.

Смертельными для окружающих деревень оказались те радиоактивные дождички. Кто мог – уехал, старики остались, больные, без компенсаций за подорванное здоровье, без должной опеки. А местность по-прежнему сильно «фонит». Даже дрова добывают из ближайшего, тоже «загрязненного» лесного массива. И в доме получается не печь, а домашний мини-реактор...

Переселяться ли с насиженных, обжитых, но «нездоровых» мест? Впрочем, нет на это ни сил, ни средств. Да и крепко держат могилы предков.

* * *

Некоторые из американских военных специалистов считают, что бесчеловечный эксперимент в 1954 году в Тоцке был неудачной попыткой создать силовое поле для телепортации, только с помощью радиационного фона. В поддержку этой версии называется то, что среди доставленной в Тоцк техники были и электромагнитные генераторы – снимки этого оборудования были сделаны американской разведкой, имевшей своих информаторов в Генштабе СССР.

Небезызвестный американский эксперимент в октябре 1943 года имел целью сделать боевое судно ВМС США «Элдридж» невидимым. В ходе секретной операции, в которой, кстати, участвовал сподручный Альберта Эйнштейна, в электромагнитном силовом поле эсминец со всем экипажем исчез из поля зрения в Филадельфии, на несколько секунд появился в доках Норфолка, а потом точно так же был возвращен обратно... Но после такой «электронной маскировки» члены экипажа стали один за другим сходить с ума.

Методика Эйнштейна как раз включала применение радиации, так как энергии одних генераторов для телепортирования было недостаточно. Но в 1943 году столь сильные радиоактивные источники просто нигде было взять, вот почему тайный эксперимент американцев с телепортацией окончился неудачно. А вот советские генералы, взрывая ядерную бомбу на Тоцком полигоне, решили продолжить работы в этом направлении. Чем они закончились, остается тайной и по сей день. Так же как и с аналогичным американским экспериментом. Но там пострадал экипаж одного эсминца, а на Урале роль подопытных кроликов сыграли 45 тысяч солдат...

(Материалы вошли в статью Ю.П. Супруненко «Тоцкий атомный круг» – «Континент-Мегаполис», №28 (444), июль 1999; П. Супруненко, Ю. Супруненко «Каланчевка в эпицентре взрыва» – «Свет: Природа и человек», №9, 1999, с.71)

Чтобы обратить внимание на военный юмор, стоит вспомнить одну редкую книжку под таким названием «Анекдоты нынешней войны, или ясное изображение мужества, великодушия, человеколюбия...», касающейся народа российского и бессмыслия, коварства, зверств и других пакостей французов – речь о войне 1812 г. И даже больше не на войне собранное и запечатленное, а то, что потом припомнилось, присочинилось, когда ужасы нашествия стали забываться. На современный взгляд юмор пропагандистский (и тогда был такой!) и не без наивностей. К примеру, французы требовали у старухи хлеба и молока, а она отвечала, что всё забрали их солдаты-шаромыжники, а осталась одна коза в хлеву. Те слышали «казаки», и они – дай Бог ноги... Или рассказ о том, как живущий в Москве англичанин объегорил пришедших французов и тем спас свои сокровища. Он зарыл их в глубокую яму, засыпал несколько землей, а потом положил туда и зарыл, как в могиле, мертвого француза. Рыскающие мародеры вырыли мертвого собрата, а глубоко уже, понятно, копать не стали...

Известен и ещё более ранний юмор, военной хохмы. К примеру, из «Весёлой книги» XIII-XIV веков арабского происхождения. Какого-то солдата спросили, почему он не участвует в сражении? Он ответил: «Бог свидетель, что я не знаю никого из неприятелей, и ни один из них не знает меня. Какая же между нами может быть вражда?» Вот вам, якобы, пресловутый фанатизм Востока!

К одному халифу Хорасана привели как-то замечательного коня, такого, что лучше никто не видывал. Великий правитель обратился к своим военачальникам и спросил их: «Для какого дела, по-вашему, хорош этот быстрогоногий конь?» «Для войны с неверными», – отвечали они. «Нет», – возразил халиф. «Может быть, для того, чтобы настигать бегущих врагов?» «Нет» «Так для чего же он хорош?» – удивились военачальники. «На этого коня хорошо сесть тому, – ответил халиф, – у кого плохой сосед, чтобы ускакать от него поскорее и подальше!»

Среди многочисленных служителей Бога различных вероисповеданий издавна в изобилии водились, как сейчас бы их назвали, «заградотрядчики». Один из испанских кардиналов воодушевлял солдат к бою такой близкой перспективой: мол, павшие в бою будут обедать с Богом и его ангелами, и все грехи им будут прощены. Сам же он, понятно, собрался ретироваться. «А почему же ты не хочешь пообедать вместе с нами?» – спросил его солдат. «А мне еще есть не хочется», – ответил кардинал. Подобным отсутствием «аппетита» отличалось большинство «вдохновителей» побед.

Если когда-нибудь люди совсем откажутся от массовых кровопусканий и взаимного уничтожения (неужели настолько поумнеют?), то и тогда, нужно полагать, не прекратятся размышления над войнами. Начиная с научных трудов и кончая притчами и мини-юморесками. Подобно следующей. Экскурсовод подводит группу к скульптуре воина без рук, без ног и без головы, и объясняет: «Автор назвал свою работу «Победитель». Голос из группы: «Интересно, как выглядел побежденный?» Я и сам когда-то, после фронта увидев в музее Нику Самофракийскую, сделал «открытие»: мол, не случайно богиня Победы оказалась безголовой...

Или другие анекдотические притчи. Устами младенцев разных народов... Немецкий малыш заявил: «Я знаю, что надо сделать, чтобы не было войны». «Что?» – поинтересовался отец. «Надо, чтобы собрались все хорошие и убили всех плохих!»

Английские детишки тоже не забыли эту тему. Маленький Оливер предлагает сестричке: «Давай начнем играть с тобой в войну». «Но я не люблю воевать!» «Да мы не будем драться. Я буду генералом, а ты стенографисткой, и я буду диктовать тебе свои мемуары».

А вот русские анекдотические «потешки» в рифмах.

**Дети в подвале играли в гестапо –
Зверски замучен сантехник Потапов,
Ногти гвоздями прибиты к затылку...
Так и не выдал, где спрятал бутылку!**

**Дед Митрофаныч присел на пенек:
– Ох, и тяжелый сегодня денек!
Птицей кружили над лесом штаны...
Вот оно подлое эхо войны...**

Из так называемого детского «черного юмора». В молдавском поселке шел дурачок по улице. Он нес две гранаты и ковырялся в одной из них. Навстречу шел умный: «Ты что делаешь? Граната сейчас взорвется!» «Ничего, у меня ещё одна есть».

Конечно, хотелось бы знать, как отразилась война в анекдотах там у них на Западе. Но на проверку оказывается наша анекдотическая «мощь», как и боевая, ого-го как масштабнее. Возможно, потому что у них не было соцреализма и меньше условий для брехни о войне и невиданных патриотических подвигах. Впрочем, обратимся к конкретным примерам.

...Французская пара едет на машине по Корсике. Полицейский на мотоцикле догоняет их и кричит, что они превысили скорость. «О, это Жан, – с облегчением говорит муж, взглянув на полицейского, – сейчас я остановлюсь, и мы всё уладим. Мы вместе с ним воевали...» Через несколько минут он возвращается, и жена саркастически замечает: «Судя по твоему лицу, ты сражался с этим Жаном в разных армиях».

...Попали к немцам в плен трое: француз, русский и еврей. «Мы вас завтра будем расстрелять! – сказал немецкий офицер. – Но как благородный нация, выполним ваше последнее желание». Француз попросил перед смертью молодую блондинку. Переночевал – и его расстреляли. Русский решил последний раз в жизни выпить. Заказал ящик водки. Ему принесли. Русский сutki пил. Умер от белой горячки. Подошла очередь еврея. «Ничего не пошу, только дайте перед сметью поест клубнички». «Свинья, где мы тебе зимой найдем клубнику?» «А я не спешу! Давайте подождем до весны».

Осмысление войны продолжалось и после ее окончания. Причем, ни одного анекдота, ни одной шутки, где бы восхвалялась война, где бы кичились подвигами, победами. А тем более с появлением оружия массового уничтожения, угрозы апокалипсиса. Это уже потом пошло...

Следующий сюжет можно причислить к так называемым «бродячим», и он скорее интернационален, чем национален.

...Едва только закончилась ядерная война, к последнему оставшемуся в живых на Земле человеку подходит обезьяна. Палкой его по голове – бац! «Ну, что? Начнем всё сначала?»

ИЗ ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК

В умопомрачительное «ново-русское» время я не потерял интерес к чтиву, в частности к таким предпочитаемым авторам как Алексиевич, Суворов-Резун, Радзинский,

покойный Астафьев. Увлекаюсь НЛО, солнцедами и пр. Избавляюсь от лишних книг (есть один интересный собиратель всего и вся). Естественно, собралась у меня библиотечка на тему: «Жизнь после смерти» (много убедительного и без веры не обойтись). На очередной Московской книжной ярмарке дороговизна, но так и не нашёл книжку 14-летнего Парфентьева, полностью парализованного парнишки, который носом за 4 года набрал на компьютере свою книжку (в Екатеринбурге), ради хохмы скоммуниздил там брошюру-инструкцию «Как не уснуть во время секса (перевод с английского!) на загадку про то, что издают в наше время. Перечитываю свои мемории и собираю рецензии друзей-приятелей на эту книгу воспоминаний... Вот так и отгоняем грусть-печаль в связи с тем, что со многими я уже не смогу никогда поделиться впечатлением от прочитанного».

Журнал «Новый мир» просматриваю по старой привычке. Он мелькает со всей художественной литературой. Но иногда есть за что зацепиться. Критик Беляков о войнах, инстинкте самосохранения и прирожденных вояках. Об отвращении к войне и службе в армии ещё с Древнего Рима. Уж не говоря о Л.Толстом – «война есть сумасшествие, или ежели люди делают это сумасшествие, то они совсем не разумные создания». Природная агрессивность издревле до сегодня. Военным надо родиться. Авантюризм Проханова, Лимонова и пр. (его «Толстожапоая Русь»; о войне – Г.Бёльль, К.Воробьёв, А.Солженицын). «Героизм» на грани с безумием: стрельба из пистолета по броневикам. Разгром советской армии при неимоверном превосходстве над немцами в танках, самолётах, солдатах («Новый мир», №9, 2008). Вроде как осмысление? Может, сюда примкнут и мои скромные мемории?

Вот я и дожил до времени, когда начала сквозь урапатриотический асфальт пробиваться правда о войне. В другом журнале «Русский мир» (№6, 2008) в статье Чубайса «Когда мы избавимся от ложных мифов» можно прочесть вопрос «Каким полководцем был Сталин?» и данные о том, что практически во всех битвах с начала и до конца войны был значительный перевес и в личном составе и в применяемой технике на стороне Красной Армии. Ключевой показатель успешности того или иного военачальника – это, конечно же, цена победы, размеры понесенных потерь. Наши потери превосходят германские в 10,3 раза; более того они превосходят все потери России в войнах за всю её историю. Заодно и цитата о самом славном и выдающемся. «Жуковское оперативное искусство – это превосходство в силе в 5-6 раз» (из книги Радченко «Войны забытое похмелье», Харьков, 2002; хорошее, удачное название). Как тут не вспомнить и книгу В.Суворова о Жукове, нелестные отзывы о нём Астафьева и Твардовского (да заодно и уродливый памятник ему перед Красной площадью, и анекдоты).

Кстати, о птичках, об анекдотичности нашей жизни. Может мы, современники, осознаем и наши внуки-правнуки поймут, насколько она была (и будет? – тут обязательный вопросительный знак), насколько она парадоксальная и логичная, весёлая и печальная, праведная и грешная, боевая и обыденная, сложная и упрощенная, духовная и примитивная, сказочная и приземленная, безалаберная и упорядоченная, светозарная и темноватая, сладостная и горькая, таинственная и познанная и т.д. и т.п. Может, и мне суждено было грешному задержаться на этом свете, при том, что приходилось бывать чуть ли не в объятиях с той старушкой с косой... задержаться, чтобы внести свою малюсенькую, миллиардную частичку в по-

знание этой парадоксальности, анекдотичности, противоречивости, курьёзности и часто абсурдности.

О прочитанном... (отзыв так и не отправленный по адресу)

Я выскажу не только своё мнение: сейчас особенно хочется поделиться мнением о прочитанном с товарищами. Так вот, если судить объективно, без пристрастий, то Ваш серьёзный, обращенный не только к чувствам, но и к разуму журнал, нужно полагать, сыграет роль тяжелой артиллерии (или, если можно, другой образ – «танкового прорыва») и повлияет на ход «гражданской войны», которую развернула наша современная публицистика...

В числе интересных и весомых Ваших публикаций о сталинизме, как системе, как завершении исторического этапа, цикла. (Кстати, если говорить об истоках сталинизма, то они своеобразно представлены в опубликованной Вами повести В. Гроссмана «Всё течёт».) В связи с этим хотелось бы поделиться впечатлением от прочитанного в Вашем журнале Д. Волкогонова. Может, будет не лишней «обратная связь» – заметки читателя.

Автором, на наш взгляд, недостаточно раскрыты причины, истоки появления «хозяина», тирана, узурпатора. Не без оговорок, но, может быть, есть своя диалектика в той расхожей истине, что каждый народ заслуживает того правителя, которого он имеет. Развращенной рабством, деспотической дореволюционной властью малограмотной массе больше импонировал грубый, напористо-наглый «пахан» (как его до войны многие и называли) с уголовным опытом экспроприатор, чем интеллектуал.

Но вместе с тем и нельзя сказать, как это делает автор, что народ боготворил и обожал «загадочного» вождя.

В одной из притч, которую мне пришлось услышать в 50-е гг., было такое толкование. На том свете, в разлившемся море человеческой крови захлебывается Гитлер. А рядом Берия, которому это море по колено. Гитлер возмущается несправедливостью: мол, он, этот Лаврентий, несравнимо больше пустил крови. А Берия ему и объясняет, что он стоит на плечах у Сталина.

И подобных анекдотов, которые ходили в народе, было немало (и это, несмотря на то, что за них полагалась эзковская участь). Это фольклорной оценке тирана не окосевшими от истории людьми, наверное, тоже надо бы уделять внимание. Мне известен факт, когда сочинская цыганка, жена известного сочинского врача, заметила в 1942 г.: «Если бы раньше сдохла рябая собака, может этой войны и не было»... по адресу Сталина. О разговоре донесла «куда следует» соседка. Для того, чтобы спасти мать, её слова взяла на себя её дочь Т.Н. Пятковская, зная, что обрекает себя на 10 лет лагерей.

И подобных примеров можно было бы привести немало. Скажу о своём личном опыте прозрения. Начинался он со студенческих разговоров о «Кратком курсе истории ВКП(б)», автором которого указывался Сталин. Ни один восточный деспот не доходил до таких самовосхвалений. Окончательное убеждение пришло даже не после XX съезда КПСС, а после прослушивания «дела Берии» в 1954 г. Если этот монстр был подручным, то нетрудно было представить и его «пахана»-хозяина и всё остальное окружение главного палача.

Думается, и молодому и старому читателю будет интересно дополнить свои познания моими рассуждениями.

IV. ПЕРЕЖИТОЕ И ПАМЯТНОЕ

КАКОЙ Я ЧИТАТЕЛЬ

Вопрос интересный для каждого более-менее образованного человека, а в моём случае хотелось бы надеяться, что любопытно будет это и правнукам.

Скажу сразу, читателем, как, впрочем, и журналистом, я не был ни отличным, ни примечательным. Так, по крестьянским меркам, середнячок. Ну, может чуть-чуть поактивнее, пошустрее других. Между прочим, и один и второй мой дед на селе тоже не высовывались выше середняков, увеличивая не богатство, а семейство (у одного было четверо детей, у другого – восемь).

Как ни странно из букваря ничего не запомнилось, а одной из первых самостоятельно прочитанных книжек была какая-то случайная о севере. Больше заполярье меня (из-за холода?!) не привлекало, за исключением отепленной обручевской Плутонии.

А дальше наметился какой-то всё-таки выбор. Был авторитетный пример. Отец со своим трехклассным образованием, переехав из села в город, подписался даже на энциклопедию: я в неё заглядывал и узрел карикатуру или дружеский шарж на Ленина... Природное чувство юмора должно находить подпитку. Из взятых отцом в библиотеке книжек сохранился в памяти «Ножичек» из рассказов Шолом-Алейхема и «Белый клык» Джека Лондона.

Собаку Баскервиль я уже разыскал сам, и она оказалась пострашней соседских злых псов. Но больше Шерлок Холмса пришелся по душе «Мартин Иден». Между прочим, пытался перечитать его с десятков лет спустя, и он показался наивным. Хотя автора вспоминал не раз при

всяких неприятностях: «Джеку было тяжелее, когда он ездил, находясь под вагоном».

Лето я проводил в селе без библиотеки. Из Жюль Верна упился на два дня «Таинственным островом» – бабушка не могла дозваться на обед. И запомнился, если не ошибаюсь, инженер Смит, взрывающий скалы нитроглицерином. Память меня очень подводила: как легко схватывалось, так быстро и выветривалось. Но кое-что всё-таки оседало. Гибелью Спартака и его подруги по Джованьоли был так опечален, что ком подкатывал к горлу, и выступала суровая мужская слеза. А «Неодетая весна» милого М. М. Пришвина (в журнале!) захватила так, что я написал автору и получил ответ. «Любовь к природе – это любовь к своей родине». Я вступился за М. М., когда нападали на него в печати за уход от индустриализации.

Нам, школьникам, прожужжали уши М. Горьким, и я безо всякого насилия над собой осилил его автобиографию и даже запомнил образы крутого деда, заботливую бабушку, книголюб-повара и особо охальников-студентов в «Моих университетах», которые приглашали проститутку, раздевали, ставили ногами и руками на тарелки, водружали на мыльный пол и толкали её...

Подростки падки на эротику, на гогот от скабрёзностей, но от Алексея Максимовича такого «художества» не ждали. Зато десяток лет спустя, когда я прочел завершение трилогии, его исповедальный очерк-рассказ «О любви», то был ошеломлен, покорен, очарован его лиризмом, самоиронией, поклонением, преклонением перед женской красотой, трепетностью. Впрочем, не я один – о подобном

потрясающем впечатлении от этой вещи Горькому писали, если не ошибаюсь, Стефан Цвейг и другие признанные мастера.

Во время войны в эвакуации девятиклассником по предписанию одолел «Войну и мир», и в общем очертании запомнились только философствующий толстяк Безухов, погибший на Аустерлицком поле Волконский, наивная Наташа Ростова. Без потрясного впечатления может потому, что читал полуголодным, поджаривая, скорее коптя, старые кукурузные зерна на постоянно горящей жгутовой лампе, сняв для этого стеклянный колпак. Её не тушили для сохранения огня – со спичками было напряженно. Как не задержался в памяти и Эренбург с его «Падением Парижа». Из этого романа запомнилось только, как Мадо нежно завязывал шарф другу, да ещё фраза из текста: «Темно, как у негра в желудке после черного кофе в 12 часов ночи». Опять же подпитка чувства юмора.

К сожалению, с запозданием стал замечать стиль и язык, уже освободившись из армии, и тут с волнением перечитал, чего я никогда не делал, во время болезни гриппом, «Жизнь Арсеньева» Бунина и «Мастер и Маргарита» Булгакова. И этим, кажется, ускорил выздоровление. «Маленького принца» Экзюпери мы с товарищем давали читать знакомым женщинам и этим «проверяли» коэффициент их интеллекта.

Удивительно для меня самого: при спокойном, почти принудительном в школе отношении к стихам Маяковским увлекся до того, что как режиссер (!) поставил «Баню» не только на школьной (школа рабочей молодёжи – для завершения школьного образования вполне взрослых, прошедших фронт людей), но и городской сцене в 1947 г. в Днепродзержинске. Полагаю, от эпатажности и юношеского выпендрежа.

В результате в Москве попал в гости к Лиле Брик и, несмотря на угощения и подаренные книги, чем-то она не понравилась. Внешне – рыжая, не красавица. Как Маяковский мог плакать, терпеть её истерики из-за непривезенных подарков? Позже моя интуиция подтвердилась найденными у неё и у мужа Осипа Брика номерными удостоверениями сотрудников ГПУ (бывшее КГБ). Словом, не вамп, а супер-стерва, наказавшая сама себя самоубийством.

Студентами мы с концертами (я – конферансье) привозили в колхозы собранные по семьям и не нужные уже людям книги. Среди них я узрел «Москву-37» Л. Фейхтвангера, которую прочёл ещё школьником, а после войны она была изъята из библиотек и запрещена. Вероятно, из-за Сталина, его кокетства. Фейхтвангер как-то поинтересовался у него о гипертрофировании руководителя страны в СССР. Тот ответил, что народ, мол, таким образом, хочет видеть вождя каким он должен быть. И ещё из-за случая на банкете, когда Сталин провозгласил тост за самого себя, мол, чтобы этот тост был последним. Пришло время другого кокетства: по телефону с Булгаковым, Пастернаком, с самовосхвалением в принудительно изучаемом в политкружках «Курса истории ВКП (б)» – ведь Сталин был её автором. Всё это начало меня отрезвлять...

Понятно моё стремление сопоставлять фронт пережитый и отраженный... Но ни Симонов, ни Бондарев, ни даже В. Некрасов не «соответствовали». Вот разве В. Астафьев подходил с такими деталями: наши машины в порыве наступления с бойцами в кузовах мчались по дорогам, а под колёсами хрустели кости немецких и наших солдат, трупы которых так и не успели убрать. Или В. Гроссман с его откровением о том, как наши высшие командиры были по-своему заинтересованы в том, чтобы

наконец-то погибли подчиненные им солдаты и хоть на время их отвели с фронта на переформировку, на передышку. Мрачно? Ну, а светлой стороны на войне я не видел ни тогда, ни позже. Война – это, прежде всего, не героизм, а трупы, слёзы, жестокость, умопомрачение. Вот почему мне так импонировал Ремарк с его «На западном фронте без перемен». Полвека спустя мне захотелось его перечитать, и книгу как раз кто-то выбросил с другой классикой. И я с удовольствием отмечал абзацы.

«Земля! Земля! У тебя складки и впадины, и ложбинки, в которые можно залечь с разбега и можно забиться как крот. Земля! Когда мы корчились в предсмертной тоске под всплесками огня... ты вновь дарила нам жизнь... Смятение обезумевших живых существ передавалось тебе, и мы чувствовали ответные токи, вцеплялись ещё крепче пальцами... впивались губами!»

«...где начинается фронт, мы становимся полулюдьми-полуживотными».

«Я ещё никогда не слышал, чтобы лошади кричали... Это стонет сам многострадальный мир... «Да пристрелите же их!»

«...и они всё ещё твердили, что нет ничего выше, чем служение государству, а мы уже знали, что страх смерти сильнее».

«Фронт – это клетка, и тому, кто в неё попал, приходится напрягая нервы, ждать, что с ним будет дальше... Мы отданы во власть случая».

«Хлопотно убивать каждую вошь в отдельности, если их у тебя сотни. Тьяден бросал их в крышечку от ваксы, держал над свечей. Жир в крышечке от них собирался использовать для смазки сапог и полчаса хохотал над своей шуткой».

«Мякиш я съел сразу, а корку оставил и затем долго ещё сосал».

«Двигались тупые, не знающие устали люди-автоматы... Мы – бесчувственные мертвецы, которым какой-то фокусник, злой волшебник вернул способность бегать и убивать».

«Мы видим людей, которые ещё живы, хотя у них нет головы, солдат, которые бегут, хотя срезаны обе ступни, они ковыляют на своих обрубках, один прижимает руками к животу расплзающиеся кишки...»

«Эти дни ещё вернутся к нам».

Моё восхищение Ремарком дошло до инфантильности. Я написал ему письмо (по сути, на деревню дедушке) с приглашением приехать в СССР... Вероятнее всего, оно попало в моё досье в кэббушке.

Было ещё одно проявление, скажем так помягче, читательской незрелости, наивности. Я намеревался затеять собрание автографов знаменитых авторов, причем надежным путем – по почте. Начал с самого значительного – с Шолохова. Послал его же книжонку, редкую, военных лет из фронтовой библиотечки, и он не присвоил её, отнесся с вниманием, надписал «товарищу по армии»... Но захваченный классик, как все кумиры, померк, когда оказался не просто ретроградом, а сторонником того, чтобы поставить Солженицына к стенке. Мол, по законам революционного времени с ним поступили бы именно так.

И в решении давнего спора для себя, для своего убеждения я второй раз перечитал «Тихий Дон» с восхищением, а «Донские рассказы» без одного и пришел к выводу, что это две большие разницы. И стал сторонником версии, что Шолохов – это Попов, его родич с головокружительной биографией, взявший документы, фамилию умершего мальчишкой Михаила (по публикации журнала «Чудеса и

приключения» и свидетельству его родственника Анохина). Очень убедительная версия.

А ещё задолго до этого – пример моего читательства и влияния его даже на судьбу... При приёме меня на работу в популярнейшую «Комсомолку» при собеседовании главный редактор меня спросил: «Что вы читаете?» Я назвал роман о металлургах из журнала «Октябрь», который действительно тогда прочел, так как работал на металлургическом заводе в многотиражке-подтирашке. Шеф, вероятно, сделал вывод, что я не легкомысленный читатель. Возможно, это стало дополнительным плюсом. Говорят, сейчас комп-король Б. Гейтс при приёме на работу спрашивает: «Как вы относитесь к музыке?» Тоже логично – не попсовик ли...

Теперь в новом веке художественная литература скукоживается, и я читаю больше журналы и газеты. Впрочем, получил читательский «оргазм» (ныне модно изъясняться секс-языком) от губермановских «гариков». Остроумнейший поэт, можно сказать современный Омар Хаям. Немножко ёрничаёт, но не в бровь, а в глаз достаётся и евреям, и русским, и самому себе.

**Гуляка, прошельга и балбес,
к возвышенному я был слеп и глух,
друзья мои – глумливый русский бес
и ереси еврейской шалый дух.**

На мой взгляд не он один вырос, взлетел на этом еврейско-русском срастании. Если бы не матюги, его можно было бы предлагать на солженицынскую премию. И как продолжателя «Двести лет вместе». Кстати, подобную книгу о русско-украинском сплетении (соитии!) нужно было бы тоже написать. (Будь я помоложе!)

Ныне моё чтиво – по Эйзенштейну: «...самое прекрасное и глубокое переживание – это ощущение таинственности» (в религии, искусстве, науке), «кто не испытал этого, кажется, если не мертвецом, то во всяком случае слепцом». В «Новом мире» – Бучатенко «Очарование науки» – о шаге до телепатии. А чудеса в Гималаях, на острове Пасхи, связь с тем светом, жизнь после смерти... Лучше бы, конечно, задержаться на этом свете.

Понятно, с интересом и гордостью читаю Юрца и Володю. И мой тревожный вопрос: не прервется ли на этом наша супруненко-писарская линия? Не возьмет ли верх надолго киевское хуторянство, изоляционизм, ограниченность киевских самостийников?

Опять же на мой доморощенный взгляд, мир уцелеет при неизбежном глобализме. Да он уже наступает в финансах, ресурсах, науке. Кто доживёт, тот увидит...

СРЕДИ МИЛЛИАРДОВ ПОМОЩНИЦ

Сколько тратится человеческой энергии на непродуктивную «обезьянью» работу. Её бы на творческий поиск, интеллектуальный интересный труд. Люди издревле думали о том, как бы найти себе помощников, подсобников, заместителей. Среди, пожалуй, самых распространенных орудий письма – ручка, пишущая машинка, компьютер. Сегодня речь пойдёт о наиболее популярных и древних инструментах, которые, на первый взгляд, достаточно скромны и просты, но при более внимательном рассмотрении поражают сложность и тем, сколько факторов нужно учесть при их конструировании. Итак, о ручках и карандашах.

...Индикатор по выявлению демонических сил походил на шариковую ручку системы «Рейнольдс». Для этого на торце устройства высветлялась изнутри голая рубенсовская женщина в красных сапогах. Так представлена она в «Альтисте Данилове – романе В. Данилова. В иной ситуации в подобном «средстве письма» другой фирмы помещен счетчик Гейгера... И каких только ассоциаций не вызывает ручка, в каких ролях не выступает, кроме основных – «письменно-инструментальных». Даже в детективных – в авторучках помещают транзисторы, магнитофоны, фотоаппараты и стреляющие не только чернилами устройства.

И какие страницы с формулами, открытиями, поразительными образами, какие договора подписаны вечными, золотыми и простыми перьями!

А кто из пишущих, что предпочитает? Вот самая старейшая наша писательница М. Шагинян специально оговаривалась в своих мемуарах: никакие современные средства письма её не вдохновляли, кроме ученической ручки московского производства с деревянным держаклом и пером «86». Нынешним же первоклашкам подавай шариковую новинку, а иначе они и писать и учиться откажутся.

Мы шли по заводскому двору с начальником конструкторского отдела Николаем Ивановичем Лукашевым, и разговор так или иначе касался главной героини – авторучки. По пути бросалась в глаза эта сохранившаяся изба среди внушительных современных зданий на Кутузовском проспекте, по соседству с Международным торговым центром Хаммера. В разговоре, как это нередко бывает, перекакиваешь с одного на другое, с пятого на десятое, но в данном случае связь между авторучками, мистером Хаммером и этой добротной пятистенной русской избой во дворе Московского завода пишущих принадлежностей самая логичная.

Дело в том, что авторучка ведёт свою родословную от старшего брата – карандаша. Причем, не просто какого-то символического, а самого конкретного с указанием года и места рождения – 1926. Время не такое уж далёкое, и если его трудно представить молодёжи, то найдутся ещё старики, которые с удовольствием перенесут памятью в те дни и поведают как на московской столичной окраине Дорогомилово, где по дворикам паслись козы и верещали поросята, появился деловой общительный американец. Он говорил с заметным акцентом, но знал уже и много русских слов и мог обходиться без переводчика. Этот занятный господин бывал на приёме у главы государства, и это при отсутствии дипломатических отношений между Советским Союзом и США. Он мыслил реалистически и одним из первых в своём кругу пришёл к практическому выводу, что лучше с русскими торговать и сотрудничать, чем вести вражду.

Политика высоких сфер для дорогомилловских полугорожан, полукрестьян-пригородников решалась тогда наглядно. Деловые хаммеровские специалисты решили ещё до того как вырастут кирпичные корпуса разместиться в рубленой избе. Хаммеру явно были по нраву московские плотники, на вид вроде и медлительные и сонные, а раскочававшись да раскочегарившись, жонглируя топорами, сумевшие в несколько дней возвести настоящие хоромы. С этих изб, одна из которых и сохранилась, и началась концессионная карандашная фабрика. Выпускались на ней и кнопки, скрепки, целлулоидные треугольники, школьные и канцелярские ручки и даже машинки для заточки карандашей, но главное эти самые черно-графитные пишущие инструменты в деревянной оболочке. Они так нужны были стране – не меньше сапог и ботинок. Потому как в ликбезы шли и в лаптях, и босыми. Не хватало даже 52 миллионов

штук карандашей (ежегодный выпуск фабрики) после войны и разрухи.

Среди тех первых «карандашников», как называли в Москве новых производственников, случались в те непонятные годы ещё и «рукоприкладчики», «ручники». Так занятно именовали тех грамотеев, кто расписывался за безграмотных, кто помогал составить заявление, написать письмо. Но не прошло и десятилетия, как об этом можно было вспомнить как об анекдоте... Да к тому времени и концессия с господином А. Хаммером закончилась – с 1933 года фабрика стала Государственной карандашной имени Сакко и Ванцетти (ежегодный выпуск её к середине сороковых годов составлял уже не одну треть карандаша на душу населения, как это было в начале). И каждый гражданин, включая и малолетних молочных младенцев, мог приобретать полновесный московский карандаш.

Да что карандаш! Фабричные умельцы уже начали мудрить над своей авторучкой. Лучше всего производство можно понять через людей: тогда всякое изделие, любое строение, сооружение или машина обретают одушевленность. Вот и авторучка на счету у главного конструктора определена где-то на стыке науки и искусства. Зачинок её происходит из фантазий и замыслов художника. Он в штате конструкторского отдела. В своих эскизах уже давно заглянул в постиндустриальное будущее. А попробуй предугадай сейчас этот сверхдинамичный стиль. Никакая футурология не поможет! Век атома, космоса, ракет вроде уже определил аэродинамические формы, обтекаемые поверхности. Но тут вихрем врывается ветреница-мода и нарушает все закономерности. Нужно опять прислушиваться к ритмам повседневной жизни, присматриваться к поворотам инженерно-конструкторской мысли: авторучка должна быть тоже созвучна своему времени.

А разница вкусов, а специализация! Одна модель, к примеру, подойдёт для торжественных росписей в ЗАГСе, другая окажется удобной в дороге, третья конструируется для домашних условий, или обслуживания клиентов в той же сберкассе – с присоской, на эластичном шнуре, чтоб всегда быть под рукой – у телефона, у ночника, в автомобиле, у книжной полки. Современный закрученный в делах человек ценит секунды и не простит потерю времени на поиски пишущих принадлежностей. А если это поэт, который счастливую рифму запишет на спичечном коробке, а если ученый, которому формула запала, залетела в голову во сне, в минуту озарения?... Ну, можно ли допустить, чтобы из-за плохой подачи чернил, пасты было потеряно открытие?!

Сами художники не отказываются от новинок: традиционный карандаш предпочитает сочному фломастеру – своеобразному чернильному карандашу. Может быть, в нем – вариантный прообраз будущей авторучки? А не сегодня-завтра ведь поступит заказ на средство письма в космосе. И тут одной присоской, чтоб авторучка не летала в невесомости, не отделаешься. Задача встаёт посложнее – конструктивные качества изделия должны быть самого высокого уровня и надежности. Ведь уже сейчас в полётах на значительной высоте в самолётах выдают специальные футлярчики для авторучек на случай, если потекут чернила, паста при пониженном атмосферном давлении. Да и без перелётов нет полной гарантии для вашего костюма, особенно в жару. Но это уже забота не художника, а конструктора, инженера.

Николаю Ивановичу иногда эти «самописки» во сне являются. Давно прошла та пора, когда заболел он ими полюбительски, будучи начинающим коллекционером. Работая токарем, сам вытачивал их в виде отбойного молотка,

брандспойта, затейливых фигурок в сочетании с отверткой, ножиком. Товарищи по профессии упражнялись по части торшеров, бра и металлических женских каблучков-шпилек, а ему в голову засели эти «орудия письма». Его коллекция насчитывала около тысячи экземпляров.

После окончания вечернего отделения института товарищ соблазнил профессиональным конструкторским интересом. Оказалось, что это не те примитивные самоделки, которыми он занимался на заре туманной юности. Авторучки предстали своеобразными инструментами (а кое-кто именовал их и приборами!) с учетом законов гидравлики, газообмена, химии, металловедения. Теорией их расчета занимались специалисты на уровне академиков.

Конструктору Лукашеву открылось в ручке не весьма приятное единство противоположностей: либо она течет и хорошо пишет, либо – наоборот. Самотеком чернила, паста не всегда «работают»! А должна бы ручка писать с первого прикосновения к бумаге. Должна... Сколько потом приходилось выслушивать похвал и издевок, комплиментов и подначек от товарищей и знакомых.

Не так просто оказалось спрятать чернильницу внутри пера – над этой задачей бились не один век. Так и представляешь дядка-писаря с чернильницей на шейном шнурке. А сам сосуд литой, медный, с узким горлышком и двумя затейливыми ушками. На стенках украшения – рельефные изображения льва, лошади, медведя. Не чернильница, а шедевр прикладного искусства.

И на какие только «чернильноналивные» резервуары не изловчились мастера – металлические стеклянные, керамические, каменные. К тому же, самых разнообразных форм и размеров. Нельзя не заглянуться на флотскую «невывалийку» яйцевидной конфигурации – её две герметические крышечки удерживали чернила во время качки корабля. Какие морские дневники и лоции были написаны при помощи этого «средства письма»!

Между прочим, гусиные перья тех давних времен носили, как и сейчас автоматические ручки, при себе в закармашках: ведь они часто требовались не только писарям-профессионалам, но и простым обывателям.

У московского коллекционера архитектора В.Резвина собраны эти колоритные атрибуты писательства и канцелярщины. В России они входят в широкий обиход с XVII века, когда стала доступной бумага. Одними перьями да чернильницами дело не обходилось – нужна была ещё и песочница! Чернила высыхали медленно, а время и тогда уже поджимало. Ждать некогда – потому и посыпали бумагу мелким песком. Такие неудобства приходилось испытывать тем, кто брался за перо.

Николай Иванович убеждён: нынешние перья с ручками со временем станут достойны музейных витрин. Ведь даже мода ретроспективно оглядывается назад. Надо бы создать такие «орудия письма», чтобы взял внук дедовскую авторучку через два-три десятка лет, заправил её, а она работала бы как добротные старые часы. Кстати, в цехах пластмассовые детали фрезеруют на часовых станках: протачивают канавки, создают нарезку, словом, делают почти ювелирную работу.

А перед тем как поступить на такие станки заготовки отливаются на высокопроизводительных машинах – термопластавтоматах. Таким образом, пока авторучка предстанет в собранном привлекательном виде, какой мы её встречаем на прилавках, она проходит через десятки рабочих рук. В большинстве – это женские руки, добрые, чувствительные, передающие своё тепло и «тонкость обхождения» с мелкими хрупкими деталями. Может, те, кто пишет, иногда вспомнят об этом вдохновенном «биополе».

Стартовал с конструкторского – здесь и финиш. В лаборатории надежности – полный комплекс испытаний. То ручку закрепляют в струбины и она пишет на подвижной бумажной ленте без перерыва 400-500 метров. Только без перерыва – сплошной закрученной спиралью линией. Заодно с качеством письма проверяется и расход чернил. На другом стенде испытывают ресурс наборного узла – для первоклассной ручки, этак, более полутора тысячи циклов «вверх-вниз», а для шариковой системы – более 30 тысяч двойных нажатий выдвижного механизма. Только так и решится вопрос «быть или не быть» новинке полноценной нашей письменотворящей помощницей.

Среди тех 100 миллионов ежегодных авторучек с маркой МЗПП (Московского завода письменных принадлежностей) выделяются последние модели. А коллеги-соперники у москвичей прямо-таки «опасные»: ленинградский завод «Союз», харьковский и ярославский «Оргтехники». В конце концов, окончательно судьба авторучек решается на традиционных ярмарках. Там же определяется рекомендация и для зарубежной визы на лучшую продукцию среди новинок. Пока что москвичи, как говорится, лицом в грязь не ударили. Их экспорт идёт в десятки стран мира. Правда, до лучших образцов зарубежных марок надо ещё дотянуться...

ОТ УТИНЫХ ПЕРЬЕВ ДО СЕКС-РУЧЕК

Коллекционеры бывают разные. Одни собирают ценные редкости с целью накопительства, обретения капитала. Другие – из страсти увлеченности самим собирательством. Третьи – с искусствоведческой и научной, музейной перспективой. Картины, денежные знаки, марки, колокольчики, кружки, кирпичи... Всевозможные однотипные предметы, да ещё старинные, обретают в собранных рядах уже другую ценность. Коллекционные страсти и страстишки сродни поискам сокровищ.

Я стал коллекционером как-то незаметно, неожиданно для самого себя. Со мной всю войну прошла неказистая ручка: в прочную тонкостенную стальную трубку втыкались с одного конца карандаш, с другого – перо. Для походной жизни штука очень удобная: карандаш не ломается, перо не вопьется в тело. Такую фронтовую память грех было бы выбрасывать. Кстати, немцы, отступая, в числе других соблазнительных заминированных вещей оставляли и авторучки. Я как сапёр знал об этих, так называемых, «сюпризах».

Так вот, к памятной фронтовой ручке стали добавляться те, что сохранились: «орудия письма» от деда, детские письменные принадлежности, появляющиеся новинки, которые с каждым годом менялись, совершенствовались. Да ещё сувенирные образцы. Это был самый неприятный, ходкий презент сослуживцу, приятелю, знакомому. Такой «письменный инструмент» становился более необходимым и распространенным, чем топор, лопата или молоток, независимо от профессии. Хотя на потребу, для подарков стали изготавливать ручки по внешнему виду с профессиональной ориентацией: в виде гвоздя, отбойного молотка, в форме светофора, указки, ружья и т.д и т.п.

Для туристов, изыскателей, геологов, путешественников выпускались «самописки» с вмонтированной батареей и лампочкой для подсветки, для разведчиков-шпионов – с незаметным миниатюрным фотоаппаратом, а то и с взрывным устройством. Для правоохранительных органов сразу замечу, что подобного образца диверсионно-террористической направленности у меня нет. А есть набор шариковых ручек, изготовленных эсками в лагерях и

тюрьмах, – из картона и ниток, из проволоки, из пластмассы.

Вообще же, у «письмотворящего прибора» своя занимательнейшая история: от гусиного пера, которое писари пытались наполнять чернилами до пипеточно-поршневых и шариковых устройств. Впрочем, были и более древние предшественники. В одной из старинных рукописей сохранилась такая иллюстрация: переписчик папирусных свитков держит в руке бамбуковую палочку с шариком, очевидно, наполненным пишущей жидкостью. А в манускрипте, датированном 1435 годом, есть такие строчки: «Считайте достойным памяти, что 900 рядков написал, лишь один раз умокнув ручку».

Но ещё интересней, что среди сокровищ в усыпальнице египетского фараона Тутанхамона была найдена медная трубочка, в середине которой находилась вставленная тростинка. Трубочка наполнялась чернилами, которые просачивались по волокнам стебелька до заостренного конца своеобразного пера. Экспонат, конечно, бесценный, это памятник человеческой культуры. Сувенирную копию древнейшего «орудия письма», я надуюсь, мне кто-нибудь рано или поздно привезет из Египта. Зато я изготовил «стило»-шило, которым могли выцарапывать надписи на бересте мои далекие славянские предки.

Прочно вошедшие в наш быт «золотые перья, авторучки, «самописки» нашли отражение и в фольклоре. Рассказывают, будто бы сам вожьд всех времен и народов» на каком-то совещании заметил в нагрудном наружном кармане одного популярного советского писателя новенькую модную авторучку. Сталин взял это «вечное перо», повертел в руках и сказал: «Какие хорошие вещи научились делать люди! Только вот не пойму... Раньше писали гусиными перьями – были вечные мысли. Тэпер пишут «вечными перьями» – гусиные мысли...»

Ещё была байка (а может факт?), что как-то при встрече маршал Жуков подарил Эйзенхауэру дорогую чистокровную лошадь, а тот ответно вручил авторучку. Наши товарищи, конечно, были удивлены таким скупердяйством. Но, оказалось, что в авторучке вмонтирован мощный транзистор. О полупроводниках тогда ещё мало кто знал.

Студенты принадлежат к самой писучей публике. У одного из них профессор проверял дипломную работу. Студент забыл или не имел авторучки и, извинившись, попросил её у шефа, чтобы внести поправку. И после этого по забывчивости сунул её себе в карман. А когда, закончив разговор, направился к двери, профессор его окликнул: «Молодой человек, вы, очевидно, сторонник современных убеждений: мол, есть три вещи, которые не предсудительно присваивать: книгу, авторучку и чужую жену...»

Примечательно, что современная сексуальная вспышка, как ни странно, нашла своё отражение и в таких орудиях труда, как ручки. По внешней форме их начали изготавливать не только в виде женской ножки или обнаженной женской фигуры, фаллоса, но и стали внутрь помещать обзорные порнографические панорамы. Для этого в торце ручки находится линза. Есть образцы со стриптизом в жидкости, который проявляется во время переворачивания ручки. Есть образец деревянного «гуцула», который при сдвиге колпачка верхней части ручки выставляет свои мужские достоинства. И т.д и т.п. Трудно сказать, появилась ли эта серия секс-ручек, как дань моде, предмет для возбуждения, или просто как повод для юмора. Каждый разгадывает этот ребус в меру своего воображения. Чем бы люди не тешились, лишь бы поменьше творили пакостей, и не ехала у них крыша...

Триумфальное шествие по миру совершила шариковая ручка. Идея этого письменного орудия родилась в богатой на изобретения Америке. Джон Луд в 1886 году стал разрабатывать ручку с пятью шариками. Но эксперименты застопорились и до промышленного производства дело не дошло. Со временем идея родилась вторично.

Неизвестно, слышал ли что-нибудь об американском неудачном опыте венгерский журналист Ладислаус Биро, но однажды он засмотрелся на игру детей с шариком. Когда шарик попал в лужу и выкатился затем из неё, он оставил за собой мокрый след. Журналист, использовавший для писанины не один литр чернил, пачкавший от перьевых самописок не раз руки, запомнил эту деталь. Попав в 1940 году в Аргентину, Биро получил патент на разработку шариковых ручек. Но не стал возиться с наладкой производства, а продал патент французскому промышленнику Бишу. А через него идея вернулась в Америку.

Нужно было полвека на раздумья и «ощупывания», чтобы по-настоящему оценить маленькое, но сверхпрактичное «чудо техники». Зато, если уж хорошая нужная вещь попадает к предприимчивым янки, то бум и размах неизбежен. Появившаяся в 1945 году в США первая шариковая ручка в течение суток разошлась по стране десяти-тысячным тиражом (стоила она 8,5 долларов). Среди широкой рекламы была и такая рекомендация: «Пишите также и под водой»...

И с того времени бесчисленные фирмы в различных концах света каких только пишущих «шариков» не выпускали: с часами, зажигалкой, транзистором, термометром, оптикой и картинной галереей, осветительной лампочкой и батарейкой, с приспособлением, исполняющим различные мелодии и т.д. и т.п. От «огрызка» всего 3,2 см в длину и до шариковой «дубины» в 1,26 м. От самых упрощенных и до изысканных, представляющих произведения искусства с ювелирной ручной работой, применением драгоценных камней и металлов. В советских газетах появлялись сенсации, вроде такой: «Шариковая не для Шариковых...». Но, кто определит, чего было написано этим письмотворящим орудием больше – гениальных стихов и формул, любовных страстных посланий, или доносов, постановлений, приговоров...

ОДА РЮКЗАКУ

Вещь действительно приметная и немаловажная. Сколько этому вещмешку, кошельку, сидору, кешеру, торбе, суме посвящено и прозаических и рифмованных строк! Целая история стоит за категорией людей, прозванных мешочниками. И мы почти все к ней причастны. А.Солженицын отдал особую дань одной из разновидностей заплечного мешка: «...он ёмок, прочен и дешев, этот бабий рюкзак, с ним не сравнятся его разноцветные спортивные братья с карманчиками и блестящими пряжками. Он держит столько тяжести, что даже через телогрейку не выносит его ремня навичное крестьянское плечо».

Между прочим, сам Александр Исаевич, путешествуя в горах, познал значение удобного рюкзака. Да, впрочем, как и вещмешка для солдата, для зека, дачника... Но у альпинистов он особенно приметный: такой, как шутят они, чтобы вмещал рояль среднего размера. Он действительно со многими закармашками и ремешками: в экстремальных условиях нужно, чтобы необходимая вещь была под рукой, легко доставалась. Важно также, чтобы сам рюкзак весил мало, был прочным, удобно прилегал к спине. Поэтому не прекращается его совершенствование: современные материалы это позволяют.

Но как ни конструируй, а тяжесть есть тяжесть. Большинство альпинистов и туристов не раз, очевидно, чертыхались по этому поводу... По этой же причине запоминается не столько пафос («И рюкзак, как знамя, на вершину он донес!»), сколько прагматизм: «Лучше один килограмм в желудке, чем сто граммов в рюкзаке». Согласимся, что ноша в 30-40 кг, да ещё в гору, не всегда, скажем так, радостно ощутимая. И вместе с тем это придавало ещё больший вес одержанной победе, познанию красоты.

Поэтому хоть и пришёл этот «особый заплечный мешок» (так же как и другой его вариант – ранец) с Запада (из Германии), но, как и многие иные иностранцы, он оказался на российских просторах незаменим. (В далевские времена его ещё не знали, и в словарь он не вошёл.) Кстати, такая популярная и, казалось бы, наша коренная и родная сума тоже западного происхождения и первоначально толковалась как «груз вьючного животного».

И в заключение о символическом, «вдохновляющем» звучании заплечного спутника на лямках... В одной из песен поначалу он выглядел так:

**Мне сказала радость моя:
«Выбирай – рюкзак или я!...»**

А через какой-то испытательный срок:

**Мы теперь как две улитки,
На спине у нас пожитки,
А палатка за спиной
Нам с подругой – дом родной.**

Ещё один самодельный бард с таким призывом: «Туда мой друг пешком, и только с рюкзаком, и лишь в сопровождении отваги!»

Что же касается нас, то, судя по нашему опыту, больше всего поднимали дух и настроение при восхождении такие строчки из песни:

**Рюкзак знаком, но как же он тяжел,
Как жаль, как жаль, что дорог так осёл,
Пока... Пока...
Ты сам за ишака...**

(Ода рюкзаку. – В кн.: Горы. Серия «Я познаю мир», М.: АСТ: Астрель, 2003, с.284-286, сост. П.П. Супруненко, Ю.П. Супруненко)

МОЙ АДРЕС – КРАСНЫЙ СТЕКЛОВАР

О чем только не писалось в былые журналистские времена. Но, так или иначе, темы сводились к нашей действительности, к реальной жизни, понимаемой фронтовиком без прикрас и геройства, без глянца и лицемерия. К этому автора приучила суровейшая правда фронтовых будней. Как поется в песне Б. Окуджавы, «не верьте пехоте, когда она бравые песни поёт...».

Ностальгическое исследование карты СССР. В стране было одиннадцать населенных пунктов с названием Комсомольск.

Встречаются два приятеля-москвича
– Был я вчера на Ленинских горах.
– Да, не на Ленинских, а на Воробьевых.
– Ну, как же Ленинский проспект, значит Ленинские горы.

– Нет, все же Воробьевы... А может, Ленинские?..
– Давно переименовали на Воробьевы.

– Короче, был я там, и пролетал воробей, или как его?..

V. ТОПОНИМИКА ПО-СОВЕТСКИ

Примечательна эта область культуры – языка земли, как называют топонимику. Разрушались прочные великолепные здания, уникальные сооружения, чудеса света и, нередко, чудеса природы, а названия некоторых гор и рек сохранялись тысячелетия и тысячелетия.

ПОБЕДНЫМ ШЕСТВИЕМ

Советская топонимика началась с триумфального шествия и с основателя советского государства. Еще в ходе гражданской войны в 1918 г. два городка – Гатчина и Ивашенково – были переименованы в Троцк. Это происходило в те времена, когда ВКП(б) называли партией Ленина-Троцкого. Ильич тоже не удержался от соблазна, и еще при жизни дал согласие на переименование в свою честь.

В низовьях Волги известно было село Пришиб (называли его не потому, что жители там были пришибленные, а потому, что пришиб – это диалектизм, означающий обрыв у реки на изгибе, излучине; место, куда ударяет река на повороте). В 1919 г. власти переименовали свое село в город Ленинск.

В 1922 г. село Кольчугино в Кемеровской области тоже стало носить это звонкое имя. Подмосковный город Талдом также удостоился подобной высокой чести.

Ну, а вскоре после смерти вождя мирового пролетариата и до самых брежневско-андроповских времен с переименованиями началась такая вакханалия, которой свет не видел даже в самые бурные времена топонимического упомощательства.

Однотипные ленинско-сталинские названия насчитывались десятками. Путаница с некоторыми городами доходила до того, что их переименовывали трижды и четырежды. Впоследствии это, мягко говоря, неоправданное, конъюнктурно-политическое изменение географических названий ученые назовут не меньшим вандализмом, чем уничтожение памятников, храмов, дворцов. Уже не говоря о затратах, в которые выливались эти «муроприятия» – при изменениях на картах и в документах. Не ведали, что творили? Еще как ведали!

СОВДЕНИЯ – СТРАНА СОВЕТОВ

Советск, районный центр в Кировской области, близ устья реки Пижма. Это далеко не единственный город в Российской Федерации с таким названием. В прошлом, до 1937 г., слобода Кукарка или не нравилась властям своим ироничным звучанием, или ответработники пришли к выводу, что давно пора переименовывать в честь советской власти не только многочисленные села и поселки, но и города позаметнее. И пошло-поехало. И на территории РСФСР, и в национальных республиках.

Так появились Советашен (армянское «шен» – «село»), два Советобада (узбекское «абад» – «населенный пункт»). В 1946 г. город Тильзит, основанный в 1288 г., в Калининградской области был переименован в Советск. В 1950 г. поселок энергетиков Щекинской ГРЭС тоже был назван Советским. По мере распространения и углубления коммунизма «советские» названия навязывались не только

населенным пунктам, но и другим географическим объектам. Бухта в Хабаровском крае, на берегу Татарского пролива, которая со времени ее открытия в 1853 г. называлась Императорской Гаванью, с 1923 г. стала Советской Гаванью. Со временем в 1941 г. здесь образовался и город Советская Гавань. Появилось и Советское плато в Восточной Антарктиде.

Зарубежные русские эмигранты с пренебрежением и сарказмом могли сколь угодно называть Советский Союз Совдепией, но власть эта, как говорится, шагала семимильными шагами. Только никто не знал и не предполагал, как она внезапно остановится...

КТО КРАСНОМУ РАД

Красноводск, центр Красноводской области в Туркмении, порт в Красноводском заливе Каспийского моря. В 1715 г. русская экспедиция А. Бековича-Черкасского нанесла на карту залив Красные воды. Поводом к этому стал или оттенок воды при размыве почвы, или красные скалы на берегу залива, отражающиеся в воде. Коренное население тоже называло это место Кызыл-Су – «Красная вода». Ямы для получения пресной воды рылись тут же, в красноватых песках, и влага в них казалась красной. Это отразилось и в названии урочища, ставшего русским укреплением, а затем, с 1896 г., и городом. Красноводскими стали именоваться и полуостров, и плато, и заповедник.

Происхождение, можно сказать, вполне естественное. Подобное же толкование связано и с названием Красный Яр – нескольких населенных пунктов на берегах Средней и Нижней Волги («Яр» – из тюркского – «крутой, отвесный берег», а «красный» – связан с цветом глинистой почвы). И Красновидова – села в Московской области и в Татарии. Под названием Красный Кут известны многие населенные пункты на Кубани, в Нижнем Заволжье, в Донбассе. («Красный» – в значении «красивый» за открывающийся краевид с высокого берега. А «кут» в украинских и южнороссийских говорах – это «угол, конец залива или мыса».) Имеются еще Красавино – в Вологодской области, Красилов – в Хмельницкой области в Украине, Краслава – город в Латвии, основанный в XVII-XVIII вв.

Названия с тем же корнем и смыслом «красы», красного-прекрасного, приятного, прелестного, изящного характерны для общеславянских языков, а в исландском, литовском и древненемецком «краса» – это еще и «слава». Но кажется, нигде так не любили окрашивать названия, как в России, особенно после Октябрьской Революции 1917 г.

Краснодар, город на реке Кубань, центр Краснодарского края, расположенного в западной части Большого Кавказа и на Кубано-Приазовской низменности. Этот широкоплечий южный зеленый город называют столицей Кубани, исторической области России, житницы страны. Основан он был в 1793 г., как крепость, когда по велению Екатерины II запорожские казаки (после ликвидации последней Задунайской Сечи) были переведены, переселены на Кубань, бывшую тогда опасным военным рубежом в

продолжавшихся стычках и схватках с кавказскими горцами.

Отвод земель для казачества, ставшего впоследствии Кубанским, представили как дар Екатерины – отсюда и название – Екатеринодар. В 1920 г. город был переименован в Краснодар с революционным эпитетом красный, но с оставленной частицей «дар». И оказалось, бессмысленное название, несущаяся.

Это было распространенное большевистское топонимическое помешательство на слове «красный» с символически революционным значением. Среди других окрашенных городов и поселков были и Красный Ткач, и Красный Текстильщик, и Красный Стекловар...

Сам по себе красный цвет не назовешь предосудительным. Ведь сколько в природе этих огненно-красных горных пород, плодов, цветов, птичьих оперений, рыбьих хвостов, лапок у различных животных. С разными оттенками и густотой окраски – алой, рудой, червеной, кирпичной, малиновой, огневой... Хотя во многих случаях этот цвет вызывает тревогу, волнение. Тот же огненный закат предвещает ветреную погоду. Сам огонь – и великое благо, и большая опасность. Не говоря уже о крови – природа, кажется, не зря ее так окрасила, как бы внушая одним видом тревогу, предупреждение. Да и в обиходе люди определили красноту не однозначно. Красные – денек, девица, стол для угощения, яичко, золото, словцо и т.д., и т.п.

Лес да вода поле красят. Не красна изба углами, а красна пирогами. Хотя велик звон, да не красен (не хороша слава). И уж почему-то, дурак – красному рад. И как предупреждение – красным (в том числе и в топонимике!) чрезмерно увлекаться не гоже, а злоупотреблять тем более. А то это становится похожим на краснобайство, пустословие.

ОБИРАЛОВКА – НЕ ЗВУЧИТ ГОРДО

Красновишерск в Пермской области, два Красногорска в Московской и Сахалинской областях, Красногоровка в Донецкой области, Краснодон (бывший поселок Сорокино) и Красный Луч (бывшая Криндачевка) в Луганской области, Краснозаводск в Московской области, Красноуральск, Красноуфимск и Красноуральск в Свердловской области, Красный Кут в Саратовской и Красный Сулин в Ростовской областях, Красный Холм в Калининской и два Краснослободска в Волгоградской областях и в Мордовии, Краснокаменск и Краснокамск, соответственно, в Читинской и Пермской областях, Красное-на-Волге – районный центр в Костромской области... И это еще не полный перечень красноградов. Кстати, город с таким наименованием существует в Харьковской области с 1922 г. А до этого он был Константиноградом, основанным в 1782 г. в правление Екатерины II и названным в честь ее внука Константина Павловича, великого князя и наследника престола. «Царской» топонимике, понятно, коммунисты не переносили ни идеологически, ни физиологически. А вот эпитеты «красный» они лепили как завязанные, фанатичные красильщики. Ведь это был цвет кроваво-красного революционного знамени. Город Краснознаменск существует в Калининградской области (до переименования – Лазденен). Красной краской окрашивался на карте мира и СССР.

Красноармейск, город в Московской области, возникший как поселок при фабрике Вознесенская мануфактура. В 20-е гг. она была переименована в фабрику имени Красной Армии и Флота, а в 1928 г. поселок был назван Красноармейском. 18 лет спустя его преобразовали в город Красноармейск. Армия в Российской империи при ее ка-

зарменном порядке и многолетней службе-солдатчине находилась на особом счету. (Кстати, слово «армия», первоначально означавшее «вооружение», заимствовано из французского в XVIII в. и получило в русском языке форму «армея», отсюда и «армеец».) Но исключительное значение и почёт вооруженные силы обрели в Советском государстве, «окрещенные» Красной Армией в 1918 г. (имелся в виду красный, кровавый цвет революционного знамени). Армия стала воспеваться не только в бесчисленных песнях, стихах, картинах, но и оставила беспримерный в истории и географии след на карте. Одноименные города в честь РККА (Рабоче-крестьянской Красной Армии) появились (многие после переименований) в Волгоградской области (бывший Сарапета), в украинском Донбассе, в Казахстане (бывший поселок Таинча), в Саратовской области (первоначально Голый Карамыш, потом Бальцер, затем немецкое имя города стерто в 1942 г.). Кроме этих четырех с топонимическим форматом (окончанием) «ск», множество названий-прилагательных – Красноармейское, Красноармейский (имеется в виду село или поселок). Для «разнообразия» есть и залив Красной Армии у архипелага Северная Земля между примечательными «большевистскими» островами Октябрьской Революции и Комсомолец.

РККА настолько популяризовалась и прославлялась, что ее именем назывались заводы, фабрики, колхозы; «родным ее братом» именовался железнодорожный транспорт, как особо стратегическая отрасль хозяйства. (Между прочим, самих железнодорожников не обошли чествованием, и подмосковная станция с примечательным названием Обираловка стала городом Железнодорожным.)

И все же, и все же... Как ни мил был коммунистам революционно-красный цвет, в 1946 г. Красную Армию переименовали в Советскую. Очевидно, чтобы она больше соответствовала имени государства. Да и, чтобы не дразнить красной тряпкой капиталистического быка. (Был ликвидирован Коминтерн, хотя напоминанием о нем оставалось на карте подобное революционное международное объединение – Красный Профинтерн – поселок на Волге в Ярославской области.) А значение перекрашенной армии (вспомним перевод – «вооружение») росло и росло. В СССР к 80-м гг. было произведено около 60 тыс. танков – более, чем во всех странах мира вместе взятых. То же – с отравляющими веществами. Красно-советская милитаризация надорвала экономику, отравила многие земли и воды. Страна Советов шла к развалу... Накатывалась новая волна переименований.

КОМСОМОЛОМАНИЯ

Комсомольск-на-Амуре – город на реке Амур в Хабаровском крае, возникший на месте села Пермского. Здесь в необжитой тайге его обосновали в 1860 г. крестьяне-переселенцы из Пермской губернии. А 72 года спустя сюда по комсомольским путевкам были посланы молодые строители для возведения индустриальной крепости, коих в годы сталинских пятилеток было много понастроено в различных районах Советского Союза.

На патриотические призывы партии и правительства активно откликнулся комсомол. Только молодежь могла вынести тяжелые условия Севера, пустынь, засушливых степей, высокогорья, отсутствия жилья, перебои с продуктами, слабую механизацию труда. За это власти и награждали не только передовиков, ударников, стахановцев орденами, медалями, значками, грамотами, но и в целом общественную организацию.

Это движение (героический порыв, невиданный подвиг) нашло беспримерное отражение в топонимике. На картах страны запестрели два населенных пункта Комсомольское, три – Комсомолец, одиннадцать (!) Комсомольсков. Города Комсомольск – в Ивановской (бывший поселок ИвГРЭС, переименованный в 1950 г.) и Полтавской (основанный при разработке кварцитов Кременчугской магнитной аномалии) областях, Комсомольск-на-Волге (берущий свое начало от сооружения Куйбышевской ГЭС), Комсомольск-на Устюрте (казахский «истюрт» означает «плоскую равнину», «плато»), Комсомолабад (таджикское «абад» переводится как «город») и т.д. Имя Ленинской комсомолки присваивалось также физико-географическим объектам – островам, заливам, горам. Так, появились пик Комсомольский в Казахском мелкосопочнике, гора Комсомольская на Сахалине, Комсомольские горы в Колымском нагорье.

Это похоже было уже не на привычную традицию, а на какую-то комсомоломанию в топонимике. Коммунисты льстили молодежи, перехваливали, зачислили ее в свой поголовный резерв, называли ее барометром партии.

И ни одного названия «Коммунист». Вот такая скромность! Но разве что проявилась все-таки одна слабость. На Днепропетровщине было старинное казачье село Городище (от городища – места, где некогда был город, укрепленное селение). В 1926 г. оно было преобразовано в поселок Коминтерн, что в расшифровке значило Коммунистический Интернационал – так назывался орган в Москве для руководства международным коммунистическим движением. Позже этот поселок был преобразован в город Марганец (в связи с разработкой здесь этого полезного ископаемого). В Ростовской области при шахте был поселок, который власти назвали именем III Интернационала, а затем все-таки более кратко – Коминтерновским. В 1939 г. кому-то пришла все же более трезвая мысль переименовать в город Новошахтинск. А в Одесской области районный центр, бывшее село Антоново-Кодинцево, так и остался по настоящее, а может и на более далекое время как ПГТ (поселок городского типа) Коминтерновское (по имени колхоза «Коминтерн»). Как отрывка, как напоминание о ликвидированном и распущенном в 1941 г. штабе по подготовке мировой революции...

КОММУНАЛКИ НА КАРТЕ

Коммунарск, город в Луганской области, в Украине. Один из тех населенных пунктов, с которым советские власти виртуозно и безжалостно, как они это умели, проводили свои опыты и эксперименты с перекручиванием и переименованием наименований. С развитием горнорудной и металлургической промышленности в начале своего возникновения в 1895 г. это был Алчевск. Затем с 1931 г. он стал Ворошиловском (хотя был Ворошиловград и Ворошиловградская область). Потом, когда видного сталинского соратника и сообщника по неблагоприятной деятельности К. Е. Ворошилова (родом из этих мест) заткнули на задние ряды (не репрессировали – уже были другие, смягченные времена), имя «стерли» и город переименовали в Коммунарск. (Перелицовка названия коснулась и области и областного центра – Ворошиловград снова превратился в Луганск.) Коммунарск «уникален» тем, что он единственный со своим «коммунальным» названием. Очевидно поэтому, что по ряду грамматических построений из этих, таких родных для партии и правительства слов «коммунизм», «коммуна» трудно было сотворить градообразующее наименование.

Кстати, еще великий толкователь русского языка В.И. Даль счел нужным дать определение этому ученью. Правда, поместив его не в отдельное гнездо, а подверстав в «коммуникацию». Итак, «коммунизм» (именно с одним «м») – политическое ученье о равенстве состояний, общности владений, и о правах каждого на чужое имущество... Точнее не скажешь. К слову, в гнезде «капитал» даются обстоятельные его разновидности и определения, вплоть до презрительного «капиталишка», но самого ученья капитализма нет.

ТОПОНИМИКОЙ ЗАМЕТАЮТ СЛЕДЫ

Киров – город на реке Вятка, центр Кировской области. В летописи он, названный по реке, упоминался с 1374 г. Затем, когда здесь был построен кремль на берегу Хлыновице, притоке Вятки, и саму крепость и город переименовали в Хлынов. В названии не чувствовалось бодрых или гордо звучащих нот (в вологодском говоре «хлынить» – вяло, лениво двигаться) и, может, поэтому город Хлынов в 1780 г. официально переименовывается в прежнюю Вятку.

В 1934 г. в дни гибели советского и партийного деятеля С. Кирова город назвали в его честь. В этом присутствовала своя логика – видный партийный лидер был уроженцем этих мест.

Но дальше последовали такие события, на которые не мог не обратить внимание здравомыслящий человек. Тогда же, в 1934 г., город Хибиногорск (по своему месторасположению, в Хибинских горах Мурманской области) стал Кировском. В этом же году областной центр в Украине тоже начал носить имя Кирова – Кировоград. Основан он в 1754 г. как «крепость св. Елисаветы» по приказу императрицы Елизаветы для обороны против турок. В советское время, в 1924 г. этот Елизаветград был переименован в Зиновьевск в честь уроженца города, одного из наиболее известных большевистских вождей в то время Г.Е.Зиновьева, в 30-е гг. объявленного «врагом народа».

В следующие два года появились Кировскан (ранее Караглис) в Армении, Кировабад (ранее Ганджа) в Азербайджане, еще один Кировабад (ранее Сарай-комар) в Таджикистане, Кировоград в Свердловской области (ранее Калата).

И понеслось... Город Киров в Калужской области, два Кировских в Донецкой и Крымской областях, три Кировска в Луганской, Мурманской и Ленинградской областях, Кирово-Чепецк в Кировской области, залив Кирова в Каспийском море, острова Сергея Кирова. Более чертовой дюжины! Это, можно сказать, рекордное число после топонимического культа Ленина – у того набирается до двух десятков топонимов.

За что же такая честь? Делалось это, конечно, не без соизволения Сталина после убийства Кирова в 1934 г., а затем и гибели всех свидетелей или участников этого происшествия. И как докапываются историки, причастен к убийству своего соратника сам Сталин, учувший соперника. Кампания кировских наименований, вполне вероятно, понадобилась, чтобы заглушить, затемнить молву об этом злодеянии.

Нечто подобное произошло и с известным советским военачальником М.В. Фрунзе, который был загадочно умерщвлен на операционном столе в 1925 г. Через несколько месяцев в его честь переименовали столицу Киргизии (до 1926 г. Пишпек); ныне в постсоветское время ему возвращено старое название – Бишкек. И в добавку появилась Фрунзовка на Одешине (ранее поселок За-

харьевка), причем с оригинальной мотивировкой – здесь родился и жил отец выдающегося большевика.

Отдельная темная история убийства в 1937 г. по наводке Сталина, его соратника Г.К. Орджоникидзе, у которого была ласковая партийная кличка Серго – под таким именем возник город в Донбассе (до этого Кадиевка). А, кроме того, появились три города Орджоникидзе (в Грузии, Северной Осетии и Украине), Орджоникидзеград на Брянщине и Орджоникидзебад в Таджикистане. Правда, всем им со временем были возвращены старые названия. В частности, Орджоникидзе в Северной Осетии-Алании вернул прежний красивый топоним Владикавказ.

ИЗ РЯДА КОМИНТЕРНОВСКИХ

Тольятти – город на Волге, в Самарской области. Освоенный в 1737 г. под псевдогреческим именем «город креста» – Ставрополь (не путать с краевым центром). Здесь, по преданию, при постройке домов нашли крест. А при принудительном переселении сюда, в терские степи калмыков и их крещению, он стал центром для их управления. Подошли другие времена, и «город креста» не только перекрестили, но и перенесли в другое место.

При сооружении Волжской ГЭС имени Ленина его переместили из зоны затопления. А спустя несколько лет и переименовали в честь умершего в 1964 г. деятеля Коминтерна и вождя Итальянской компартии Пальмиро Тольятти. Из ряда всех коминтерновских наименований город стал широко известен из-за нахождения в нем большого завода по производству легковых автомобилей.

Но счёт увековечивания памяти лидеров иностранных компартий, очевидно, нужно начинать с Розы Люксембург, известной деятельницы международного рабочего движения, убитой в 1919 г. Через два года в ее честь был переименован давний поселок немецких колонистов грузинский Екатеринофельд, чествовавший другую немку – Екатерину II.

Но этого показалось мало, и в 1935 г. другое селение немецких колонистов в Запорожской области Розенберг (по фамилии одного из первопоселенцев) перекрестили в Люксембург. В 1941 г. его еще раз переименовали, теперь уже в Розовку, не под фамилию, а под имя. Затем, поразмышляя, советские переименовщики пришли, нужно полагать, к мысли, что не гоже увековечивать современных коммунистов и забывать основоположников ученья.

Почему-то первым вспомнили Энгельса, а не Маркса. Его именем был назван перевалочный пункт по вывозу соли с озера Эльтон в Саратовской области, с 1747 г. известный как Покровская Слобода, затем Покровка и Покровск по церкви Покрова Пресвятой Богородицы. Убивали двух зайцев – проводили и антирелигиозную, и коммунистическую акцию. Не забыли и основоположника №1. Поселок в Донецкой области с 1940 г. стал имени Карла Маркса, а 15 лет спустя – Карло-Марксово. Городок небольшой, шахтерский, областные большие индустриальные центры предназначались для более современных советских вождей. Правда, для усиления топонимического веса был четырежды переименован в Саратовской области и город Баронск, Екатериненштадт, Екатериноград, Марксштадт и наконец просто Маркс.

Ну и так как на Германию возлагались особые надежды в мировой революции, то широко в советской топонимике был представлен и руководитель Компартии Германии Эрнст Тельман. Его именем были названы Тельманск в Туркмении, населенные пункты Тельманский в Карагандинской области и имени Тельмана в Еврейской автономной области.

Сюда же к топонимическому Коминтерну нужно приписать советские города, названные в честь руководителей коммунистов Болгарии, Франции, Чехословакии. Димитровград (ранее Мелекес), Торез (ранее Чистяково), Готвальд (ранее Змиев). И примечательный парадокс – все эти оглушительно звучащие Брежневы, Андроповы, а еще ранее Троцкие, и даже Ленины, Сталины и прочая когорта советских вождей в большинстве своем с географической карты испарилась, исчезла, улетучилась, попросту была стерта, а вот эти иностранные пришельцы Тельманы, Торезы, Готвальды, хоть и масштабом поменьше, в языке земли сохранились. Надолго ли?..

Как явствует история с географией – пути топонимические неисповедимы.

(Написано совместно с сыном Ю.П. Супруненко и в сокращенном варианте опубликовано в издании «Интерфакс. Время», №9 (347), 27 февраля-5 марта, 2002; а также в общенациональной газете «Россия», №42 (944), 3-9 ноября, 2005; П.П. Супруненко «Листая топонимы» – «Свет: Природа и человек», №6, 2001, с.18-19.)

VI. КТО ДОСТОИН

Вначале информация мрачная, затем посветлей... Я предпочитаю такой порядок, чтобы вторая смягчала, сглаживала первую. Не мог я пройти мимо мусорки, где и виднелись выброшенные журналы и книги. И среди них – трехтомник Пушкина. Недавно изданный, в прекрасном переплете. Перекладывая его в сумку, я сказал подошедшей пожилой обывательской на вид женщине: «Вот дочитались, идиоты...». Она согласилась и еще уточнила: «Придурки!». Действительно, до чего же докатятся русаки, если они «наше все» станут выбрасывать на помойку.

И это не первые книги, которые я спасаю от мусорного контейнера. Недавно извлек Горького с моей любившейся с давних пор (и не только мне!) автобиографической «Первой любовью». Я мог бы составить целую оригинальную выставку из выловленных таким образом из мусора

книг. Среди них уже в порядке вещей вся мировая и русская классика. Кое-что я впервые для себя прочитываю, открываю. К примеру, кроме прозы, стихи Киплинга:

**О, если ты покошен, не растерян,
Когда теряют головы вокруг,
И если ты себе остался верен,
Когда в тебя не верит лучший друг,
И если ждать умеешь без волненья,
Не станешь ложью отвечать на ложь,
Не будешь злобен, став для всех мишенью,
Но и святым себя не назовешь.
...И если будешь мерить расстоянье
Секундами, пускаясь в дальний бег, –**

Земля – твое, мой мальчик, достоянье!

И более того, ты – человек!

(«Если...»)

Удивительно, пусть выбрасываются книги, занимающие много места, но ведь летят на мусорку и мини-издания, подарочные – и те туда же. Омар Хайям, стихи (в прозе тоже!) Тургенева, Асадова (с вкраплением прозы), поэта, потерявшего зрение на фронте и оставшегося примером жизнелюбия. И с надписью чернилами: «В случае утери убедительная просьба вернуть владельцу»... А вот память романтиков, бродяг, бардов – «Сто песен», переписанных печатными буквами с остроумными небольшими рисунками, на чертежной бумаге. Сборник со стихами Галича, Высоцкого, Клямкина, Кима, Мориц и др., размноженный на гектографе (предшественник ксерокса), а может и просто в одном экземпляре. Или такое «свидетельство»: «Десять дней, которые потрясли мир» Джона Рида, с предисловием Ленина и упоминанием Троцкого.

Как же нужно было бояться думающих читателей, чтобы такие «свидетельства» сотнями, тысячами даже не отправлять в макулатуру для переработки, а сжигать, правда, не в кострах на улице, как фашисты, а в тайных топках (знаю достоверно!). Какими же «бздунями», как мы говорили в детстве, нужно быть, чтобы даже при 18 миллионах членов компартии так распоряжаться?!

И как отрывка от тех времен: кирпич на 500 страниц (при тираже 3 тыс.) так «умно и назван» «За Родину! За Сталина!», где недоумок Бушин не первый раз катит бочку дегтя на Солженицына. Я случайно выловил этот «шедевр» бредятины в мусорной корзине одного издательства. Там ему и место, но в коллекции и такие вещи сохранять нелишне, как «свидетельство» издания 2003 года, которые, наверное, тоже находят своих читателей-почитателей...

И сколько еще лжи, обмана, показухи. В СМИ сообщалось, что Министерство просвещения РФ, переехав в другое место, оставило в своих подвалах беспризорной библиотеку и дотошные книгощени растаскивали оттуда книги в рюкзаках. То же самое происходило при расформировании издательства «Мысль» на Ленинском проспекте, из чьей библиотеки книги, правда, вывозили куда-то на грузовиках. Чтобы я взял оттуда? Прежде всего, словарь Пушкина – раньше в читальном зале я листал его (презультатное познание!). Вообще, словари стали для меня страстишкой. Надорвался, но взял бы Брокгауза: слышал, его где-то тоже на свалку вывезли. Вот такое время...

Особое место в моем собрании, вернее собирании, занимает даже не книга, а конверт с листочками фотобумаги с пересъемкой книги генерала А. В. Горбатова «Годы и войны». Напечатание ее в «Новом мире» добился А. Т. Твардовский в 1963 году, выдержав бой с цензурой и ее верховодами. Потому как после Лубянки командарм провел три года на Колыме, так и не подписав ложных обвинений.

«Кроме следователя, в допросах принимали участие два дюжих палача. И сейчас в моих ушах, когда меня, обессиленного и окровавленного, уносили, звучит злое шипящий голос: «Подпишешь, подпишешь...»

Редкий случай освобождения, благодаря подвижничеству жены. Книгу затем изъяли из библиотек. По-моему, она как предвестник, преддверие солженицынского «Архипелага». Мне приятно было услышать, что Горбатова еще в журнале моя жена прочла, будучи школьницей. Ее отец, руководящий работник районного масштаба, отсидел только год, и когда она попросила его рассказать об этом,

он посоветовал прочесть Горбатова. Это один из моментов нашего с Таней взаимопонимания.

С моей находкой фотокопий горбатовской книги совпало и появление на ТВ фильма о необычном командарме, и воспоминания о нем в книге Лакшина «Открытая дверь», выбранной мною из «беспризорной» литературы в библиотеке на столе с картонкой-объявлением: «Библиотека дарит книги». Это новая примета времени. Сознательные граждане избавляются от литературы, не выбрасывая ее на помойку, а сваливают на стол, на пол в библиотеке. Я внимательно слежу за этими выбросами...

Но вернемся к Горбатову. В эту же радостную для меня весну 2008 года в «Российской газете» вместе с сообщением о фильме и заметка с такими словами: «Горбатов осмеливался иметь свою точку зрения на стратегию ведения войны. Когда от него требовалось принести в жертву тысячи солдатских жизней ради сиюминутного успеха, Горбатов несколько раз отказывался выполнять приказы генерала Кирилла Москаленко, маршала Константина Рокоссовского и самого Георгия Жукова. Победа «любой ценой» была не для Горбатова. И ему удавалось брать города, избегая больших потерь. Три года в колымских лагерях научили будущего полководца ценить свою жизнь и чужую. В штабных кабинетах командарма считали строптивым и неудобным. А солдаты в окопах говорили: «Это тот генерал, который бережет наши жизни». Сам А.В. уточнял: «Моя армия на конец войны взяла в плен 106 тыс. немцев. А соседние армии не больше 50 тыс. И у меня, понятно, убитых меньше». Или о Берлине: «Его не надо было штурмовать: достаточно было взять в кольцо, сам сдался через неделю-другую. В уличных боях положили не менее ста тысяч солдат, золотых людей, сколько прошли, каждый предполагал вот-вот увидеть жену, детей, торопились салютовать, опередить союзников»».

Примечательная деталь. На I-мировой войне солдатом А.В. взял обет не пить пагубного спиртного и только 9 мая 45-го офицеры «упросили» его поднять бокал за Победу. Вот кому надо отдавать достойное уважение.

ЗАВЕЩАНИЕ КНИГ

Очевидно, я не оригинален в своей акции. Многие читатели сохраняют чем-то памятные книги, завещают их своим детям, внукам-правнукам. И это очень правильная и волнительная акция – «на память».

У нас в семье это традиция. Мой отец, фронтовик с первых дней Отечественной войны, уже на территории Румынии случайно натолкнулся на... «Букварь» того издания, по которому он начинал учебу в своем родном селе на Екатеринославщине. Окончил три класса церковно-приходской школы с четким, прямо-таки красивым почерком. Помогал солдаткам, будучи пацаном, писать письма на фронт в Первую мировую войну, а вот в этой Второй мировой благодаря этому почерку стал начальником штаба военно-строительного отряда. Как было не сохранить такой памятный «Букварь», пронести его в вещь-мешке под бомбежками и обстрелами, вернуться с ним в родной дом, передать тот «Букварь» внукам, а те позже выставят его на стенде рядом со своими изданными книгами на читательской конференции. На одной из подобных презентаций, кстати, было отмечено, что раньше на селе умели ценить грамоту, книгу больше, чем в городе. «Букварь», даст Бог, буде сохранен для правнуков и праправнуков.

Грех было не поддержать такую традицию. Только у меня для завещания набирается несколько книг. Одна из них привезена с фронта, почти брошюрка, изданная где-то,

наверное, в полевой армейской типографии – отрывки из романа Шолохова «Они сражались за родину». В 1943 г. она как-то произвела на меня, 17-летнего фронтового книгочея, впечатление, затем десять лет спустя роман в целом показался бледноватым, не лучшей книгой о войне. Я отослал это редкое полевое издание отрывков автору, с примечанием, в каких условиях оказалась у меня брошюра. На такой порыв меня подвигла надежда, что, возможно, такого экземпляра у писателя нет... Михаил Александрович намёк понял и прислал мне эту книжечку со своим автографом: «Дорогому товарищу по армии П.П. с сердечным приветом...» Это был привет к 20-летней годовщине Победы. Только необычной для меня была надпись: товарищу не по фронту, а по армии. Возможно, из-за скромности автора: на фронтах он бывал мало и в чине высокого генеральского звания. Это одно из объяснений того, что роман о войне получился не на уровне сверхталантливейшего «Тихого Дона».

Гораздо более волнующее читательское впечатление у меня от такой книге о войне, правда, о Первой мировой, как «На Западном фронте без перемен» Ремарка. Эмоциональная подзарядка была такая, что я написал Ремарку письмо в Швейцарию, с приглашением приехать гостем в Советский Союз. Оно, скорее всего, попало в моё досье в КГБ, куда меня со временем не раз вызывали, где дознавали, стращали и т.д. А приятель-журналист, подначивая, спрашивал: не получил ли я ответ от Ремарка. Кстати, его книгу «На Западном фронте» я извлек из мусорки, как от туда же извлек и много других книг, заслуживающих самого высокого уважения, сбережения и передачи по завещанию.

В постсоветское время распространилась эта дурацкая мода – или знамение времени – выбрасывать книги в мусорку. Причем, не только среди малограмотных обывателей. Я с запозданием узнал, что чиновники-недоумки министерства просвещения, переезжая в новое здание, бросили в подвальном помещении большую библиотеку. А то бы я вместе с другими гражданами пошёл бы туда с рюкзаком за спасением сокровищ Гуттенберга...

В библиотеках появились столы для читательского книгообмена: кто-то приносит, кто-то выбирает для чтения, а то и для личной библиотеки. Сюда, а не на помойку, и сносят книги обретшие сознательность прагматичные москвичи. Отсюда я уже выловил Горького, Зощенко, Солженицына, Шаламова и один «подарок» для меня, как надеюсь и для многих читателей, особенно привлекателен. Тут необходимо объяснение и начинать его логично с Горького. У меня к нему отношение не простое. Как-то в разговоре с одним заслуженным и неглупым человеком я прямо спросил: «Ну, как вы могли?... Вы что не понимали?...» Речь шла о тех непостижимых уму репрессиях, которые они творили. Понятно, по приказу свыше, но своя-то голова была на плечах. И этот человек мне ответил: «Для нас основательной поддержкой был горьковский тезис-призыв: «Если враг не сдаётся, его уничтожают...»

Эх, захваленный буревестник революции, великий писатель, гуманист, за этот негуманный срыв и грех он ещё при жизни познал возмездие. Чекисты умертвили его сына Максима, да и, по молве, к самой его кончине приложили руки.

На отдыхе у моря, где обронзовевший молодой бродяга-буревестник напоминал об ошеломляющем начале своего пути, мы с одним московским литератором сожалели о трагической судьбе непоследовательного Алексея Максимовича, восхищались трогательно-лирическим, исповедальным, талантливейшим, по отзывам западных мас-

теров, рассказом, завершением трилогии – «О первой любви». И коснулись загадочного тогда для советских читателей посвящения Горького на своём последнем капитальном романе «Жизнь Клима Самгина» некоей Марии Игнатьевне Закревской. Мой более осведомленный собеседник поведал о ней сногшибательную версию. Мол, достоверно известно, что она была причастна к какой-то антисоветской акции, заговору, была арестована. Но настолько оказалась симпатичной и близкой к Горькому, что тот обратился с просьбой вроде бы к самому Ленину о её освобождении. Ильич сослался на свою некомпетентность и посоветовал обратиться к Дзержинскому, очевидно, предупредив того. А «железный Феликс» вроде бы так сказал Закревской: «Юридически отпустить мы вас не можем, но учитывая просьбу самого Алексея Максимовича, поможем вам бежать...» Словом, через какое-то время, когда Горький оказался за границей, рядом с ним вначале секретаршей, а затем и женой находилось Закревская.

...За гробом Горького шли три его бывшие жены. Пешкова и Андреева благополучно доживали свой век в Москве, а Закревской разрешили приезд из Лондона ещё при больном Алексее Максимовиче. А вот возвращению чекисты, вроде бы, препятствовали. Мол, вы Мария Игнатьевна не сдержали своего слова, участвовали в антисоветских акциях. Теперь придется отвечать. И на что она, будто бы, ответила, что предвидела такой вариант и договорилась с друзьями: если не вернется к условленной дате, то будут опубликованы рукописи Горького, крайне неблагоприятные для советского руководства.

Это опять-таки из той же молвы. Говорят, она сама о себе любила распространять легенды. С начала перестройки-«катастрофы» (по А. Зиновьеву) в советской печати стали появляться упоминания о Закревской, как об авантюристке, шпионке и даже о том, что она, якобы поднесла больному Горькому коробку отравленных конфет.

Я не удержался и напечатал в журнале «Четвертая власть» не только известные легенды, но и высказал сомнение в очернении и поношении Закревской. Ну, неужели при том, что она была 12 лет замужем за М. Горьким и после его смерти 9 лет замужем за Г. Уэлсом, каждодневно рядом, и они были такие простаки, олухи, что не замечали её авантюристности, шпионства и других пороков?

Нужно ли говорить, с каким интересом я встретил в журнале «Дружба народов» романзированную биографию М.И. Закревской-Бенкендорф-Будберг, написанную известной эмигранткой, поэтессой Ниной Берберовой. Повествование названо «Железной женщиной» по прозвищу, которое ещё в 1921 году дал Закревской Горький с неким намёком на «Железную маску», на таинственность. В быту Марию Игнатьевну звали еще проще – Мурой, хотя Берберова скрупулёзно и талантливо прослеживает её жизнь с родовитыми предками, мужьями, любовниками, приключениями.

«Мура была любимицей русской императрицы и близко знала Распутина. Она выжила и стала долголетней подругой Керенского, стала членом нового русского двора и чуть ли не любимицей Сталина, который ей позволил уехать из Советского Союза, хотя и умолял её остаться»...

Словом, чтение похлеще детективного романа. «Мура имела свойство иногда не отвечать прямо на вопрос. Её лицо – серьёзное, умное и иногда красивое – вдруг делалось лукавым, кошачьим с полуулыбкой...» У неё насчитывалось более 20 томов её переводов. На отдыхе в Италии в автомобильном прицепе во время пожара сгорело более десяти больших коробок с рукописями. Так что рукописи

не только горят, но и зловеще похихают. Это несчастье ускорило смерть Муры на 82 году жизни в 1974-ом.

Книга Берберовой «Железная женщина» не встрети-лась мне в продаже, а попала на мою полку с библиотечно-го подарочного стола и завещана внучке-правнучке, так как на женщин – вся надежда. Им и стихи.

Все девушки рыдают, словно тихие снега.

У ложа эта девушка не будет плакать.

Дожди суть глупые любовники, но я не робок

Запнуться, простонать, идти.

Та девушка плыла под парусом...

Пока жизнь создаёт ошибочные совершенно пус-тые образы,

Пока медленно время течет мимо полезных дел,

А звёзды уныло кружатся в небе,

Люди не могут смеяться...

Это не мои стихи, а сочиненные компьютером и они, кажется, понятнее замутненных самолюбованием совре-менных рифмоплётов-авангардистов. Я жду издания сбор-ника компьютерной поэзии, который тоже вручу внучке.

МИСТИКА В ЖИЗНИ ПИСАТЕЛЕЙ

Настоящее искусство всегда связано с мистикой, тай-ной. Особенно, когда речь заходит о творчестве. Как-то на одном из ток-шоу канала «Культура» Максима Дунаевско-го спросили: «Как он сочиняет музыку?» Известный комп-озитор развёл лишь руками и поднял глаза вверх.

Примерно также о своём творчестве говорят и писа-тели. Борис Акунин в выступлении перед читателями рас-сказывал о том, как перед очередной книгой он посещал Израиль, пояснив, что на «Святую Землю» ездят... за энер-гией. Похожие рассказы можно услышать от других писа-телей, как современности, так и прошлого, прочитав их дневники.

Удивительно, но когда речь заходит именно о писате-лях, то оказывается, что не только их творчество, но и сама жизнь часто связана с какой-то мистической тайной, хотя они об этом даже не задумываются.

Несколько лет назад Стивен Кинг гулял по аллее ря-дом с домом. Именно там, вдали от больших магистралей, его неожиданно сшибла машина, появившаяся неизвестно откуда. Один из наиболее известных в последние годы прозаиков мира попал в больницу. Любопытно, что точно такой же случай, описанный ранее Кингом, произошёл с одним из героев его романа.

Не менее интересна судьба популярной в России Да-рьи Донцовой. Много лет назад, будучи ещё переводчицей, она попала в аварию. В то время судьба свела её с араб-ской «ведуньей», которая напроорочила, что жизнь Донцо-вой, скоро изменится, и она станет зарабатывать большие деньги, водя рукой... справа – налево.

Об этом автор бестселлеров рассказала газете «Жизнь», пояснив, что в арабских странах пишут... справа – налево. Писательница поведала также о том, что некото-рые «картины» сюжетов своих книг она видит «внутрен-ним» зрением, как, например, «увидела» дощатый пол на Петровке, где никогда не была.

Михаила Александровича Шолохова – апологета со-ветской литературы и социализма трудно заподозрить в избытке религиозности или склонности к метафизическо-му восприятию мира. Однако и его жизнь была настолько связана с загадкой и тайной, что порой казалось только

«рука» судьбы или Ангел-хранитель спасали его от не-минуемых репрессий и даже смерти.

Мало кто знает, что в 1938 году против него готови-лось ложное обвинение в контрреволюционной деятельно-сти. Обличить советского классика должен был чекист Иван Погорелов, арестованный как пособник буржуазии. НКВД Ростова выпустило его на свободу для того, чтобы он участвовал в предстоящем громком процессе.

У бывшего сотрудника ВЧК не было выбора. Между тем, произошло непостижимое. Находясь на пороге гибели, чекист проникся к Шолохову дружескими чувствами и... предупредил о готовящейся провокации. Рискнув соб-ственной жизнью, он отправился в Москву, где обо всём сообщил письменно Сталину.

Их вызвали в Москву на заседание ЦК: Шолохова, Погорелова и ростовских нквздешников – Гречухина, Гри-горьева, Когана. Погорелов сумел документально доказать свою правоту, после чего Сталин приказал впредь Шоло-хова не трогать. Со спасителем-чекистом Михаила Алек-сандровича до конца дней связывала искренняя дружба.

Ещё один любопытный факт из жизни писателя. В по-следние годы было очень много споров об авторстве из-вестного романа Шолохова «Тихий Дон». При этом как-то уходило в сторону, что изначально одно из лучших произ-ведений было признано... контрреволюционным! Тем не менее, роман всё-таки был напечатан по указанию всё того же Сталина.

Возможно, в другое время эти события можно было бы классифицировать как счастливое, не более того, сте-чение обстоятельств. Но для того времени это было на-стоящим чудом. Как чудом было и то, что сам Шолохов сумел спасти многих честных людей. Это мало кому уда-валось даже из высокопоставленных лиц государства.

Анализируя жизнь ряда писателей, приходишь к па-радоксальному выводу. С ними часто происходили стран-ные, непонятные, порой невероятные события, которые иначе, чем «рукой судьбы» не назовёшь. Как правило, пи-сатели лично не связывали свою жизнь с какой-либо «мис-тикой». Однако если отвлечься от привычного «материа-листического» восприятия мира, невольно приходишь к иному взгляду.

Мистика жизни переплетается с мистикой творчества. И таких историй в мировой литературе немало. Одной из самых ярких из них является история жизни Эдгара По – основателя детективного жанра. Остановимся на ней более подробно.

...В один из жарких летних дней 1841 года неподале-ку от Уихокена, штат Нью-Джерси, из реки Гудзон было выловлено тело молодой женщины, оказавшейся двадца-тидвухлетней жительницей Нью-Йорка, Мери Сесилией Роджерс, хорошо знакомой писателям, актерам и иным знаменитостям, которые любили заигрывать с ней в табач-ной лавке Джона Андерсона, расположенной в южной час-ти Манхэттена.

Все нью-йоркские газеты жадно набросились на страшную находку и принялись печатать ежедневные от-четы о следствии, превознося самоотверженные усилия полиции и выдвигая самые невероятные предположения касательно личности убийцы, поскольку ни у кого не было сомнения в том, что несчастная продавщица сигар приняла смерть от руки лихोдея.

Полиция, тем временем, заподозрила сначала самого Андерсона – владельца лавки, который не раз провожал Мери домой. Но вскоре табачник был выпущен, хотя так и не сумел предоставить полноценного алиби. Следствие сосредоточило внимание на женихе Мери, Дэвиде Пейне,

проживавшем в пансионе, которым владела мать убитой, в городке Хобо-кен, штат Нью-Джерси.

Первые вещественные доказательства по этому делу были найдены в прибрежном лесу. Ими оказались пояс для чулок, шарф, зонтик и носовой платок с инициалами «М.Р.». Трава на месте их обнаружения оказалась примятой, как будто там шла борьба. Несколько дней спустя на том же самом месте Дэвид Пейн покончил с собой, приняв большую дозу «лауданума».

Его самоубийство отнюдь не добавило ясности в раскрытии этого преступления. Наоборот, следствие зашло в тупик, так как у молодого человека, как выяснилось впоследствии, было абсолютно надежное алиби на день убийства.

Среди читателей всех газетных отчетов был и тридцатидвухлетний человек по имени Эдгар Алан По – автор шеститомного собрания стихотворений и коротких рассказов. На иждивении юного писателя тогда была его молодая жена, больная чахоткой. Эдгару приходилось содержать ее на 65 долларов в месяц – столько получал он как литературный редактор филаделфийского журнала «Грэм».

Одновременно с редакторством По вел лихорадочный поиск прототипа, который помог бы ему продолжить трилогию детективных рассказов, начатую в том же 1841 году, которая позже вылилась в широкоизвестное произведение под названием «Убийства на улице Морг». Прототипом стало данное преступление.

Непостижимым образом история реального убийства слилась воедино с творчеством и жизнью популярного писателя, которого позднее самого стали подозревать в совершении этого дикого преступления. Основанием для этого послужило то, что знаменитый сыщик Огюст Дюпен – герой По, получил в трилогии прекрасную возможность блеснуть уникальным талантом и дать понять, что знает тайну убийства.

И это в то время, как полиции города было ничего неизвестно. Естественно, полицейских заинтересовал вопрос, откуда литератор мог знать, кем и как совершено преступление, если они – профессионалы, занимаясь этим делом, находятся в полном неведении.

Дело неожиданно получило столь широкий резонанс, что газетные подшивки тех дней наглядно свидетельствуют о том, насколько сильно данный вопрос занимал американскую общественность.

После выхода в свет «Тайны Мари Роже» публика начала строить и высказывать разные предположения. В частности о том, что Эдгар По располагал гораздо более обширными сведениями, нежели те, которые изложил в рассказе.

Такому мнению способствовало возможное душевное расстройство писателя, которое, скорее всего, действительно имело место. Способствовало этому также всеобщее убеждение, что преступникам, по мнению психологов, свойственно невольно давать следователям подсказки, приводящие к их изобличению.

Некоторые исследователи до сих пор считают, что писатель мог иметь какое-то отношение к тому преступлению. Между тем, это предположение не только осталось совершенно бездоказательным тогда, но и сегодня абсолютно не имеет под собой никакой почвы.

Прозябающий автор переживал в те годы далеко не лучшую свою пору, страдая от бедности и недостатка читательского признания. Он вел ожесточенную, но заведомо проигрышную борьбу с мучившими его алкоголизмом, а не исключено и наркоманией, хотя пристрастие По к дурману – не достоверно установленный факт.

Состояние По нашло отражение в образах созданных им персонажей, что сослужило ему печальную службу. «Мистика» творчества писателя переплелась с «мистикой» его жизни, дав неожиданно сильный резонанс.

О схожей судьбе другого литератора рассказывает в своём «Психопатолого-искусствоведческом эссе» ученый Александр Недува. Автор исследует жизнь и творчество известного переводчика «Фауста» Гёте и многих стихотворений Гейне, популярного в середине XIX века во Франции, писателя Жерара де-Нерваля. Неординарную биографию француза описал его современник Максим Дю-Камп, рассказав в ней о болезненной страсти к водевильной актрисе, с которой литератор никогда не был знаком лично.

«В биографии Нерваля, сделанное М. Дю-Кампом, – пишет Александр Недува, – описывается графическое изображение бреда писателя, нарисованное им соками цветов и трав в период пребывания его в лечебнице.

На этом рисунке изображена сложная космическая система, в центре которой, попирая земной шар и окружающая семью звёздами, находится женщина, воплощающая одновременно Женни Колон (так звали «любимую» писателя), Диану и святую Розалию. Яркое образное описание перенесенного острого психопатологического состояния содержит произведение Жерар де-Нерваля «Аврелия», где под именем главной героини фигурирует также Женни Колон.

Для писателя странным образом переплетались сны, которые он считал явью и окружающая действительность. Всё это находило отражение в творчестве.

«...Автор описывает, как, выйдя из дому, он идёт по направлению к звезде, которая по его представлениям, имеет особое влияние на его судьбу. Дойдя до перекрёстка улиц, он решает сбросить с себя «земные одежды», начинает раздеваться, но тут полицейские забирают его.

Во время борьбы с полицейскими он принимает всякие предосторожности, чтобы не убить их, так как ему кажется, что он колоссально велик и наполнен электрическими зарядами. Находясь в полицейском участке, он лежит и видит, как над ним разверзается небо и является ему множество картин ярких и красочных. Он живёт как в калейдоскопе: картины, виды, толпы людей постоянно сменяются вокруг него, и только одна Аврелия остаётся неизменным центром этого калейдоскопа фантастических видений и звуков, среди которых живёт сам автор», – рассказывает в эссе Александр Недува историю классика.

С жизнью этих двух писателей странным образом перекликаются жизни двух русских классиков XIX века.

Исследователи творчества Ф. М. Достоевского убеждены, что роман «Игрок» был навеян ему автобиографическими мотивами. Писатель сам прошел через «мистику» увлечения рулеткой, испытал радость удачи и боль разочарования, отразив это «болезненное» состояние в своём герое, ставшим «одержимым».

Достоевский был не только самобытным писателем, прожившим бурную, яркую и сложную жизнь, но и чрезвычайно больным человеком, страдавшим эпилепсией. Учёные убеждены, что религиозность, «мистика» произведений прозаика также во многом исходит из «мистики» его жизни.

Ещё более загадочной и непонятной фигурой в мировой и отечественной литературе стал Николай Васильевич Гоголь. Достаточно вспомнить о тайне его кончины.

Когда перед смертью писатель заболел, врачи так и не смогли поставить точный диагноз. Много лет спустя, при перезахоронении Н.В. Гоголя в Даниловском монастыре, было обнаружено, что обшивка гроба изнутри оказалась

изорвана. Это дало основание предположить, что писатель был похоронен... живым.

Словно предвидя возможность этого, писатель описал похожий случай в одном из своих произведений.

Такое происходило часто. Обострённое восприятие мира классиками литературы, вызванное их собственной судьбой, переносилась ими на бумагу. Так возникали не-тривиальные, порой гениальные произведения.

«Талант попадает в цель, в которую другие попасть не могут. Гений попадает в цель, которая другим не видна», – писал Артур Шопенгауэр. Это в полной мере относится к тем писателям, чья жизнь и творчество слились воедино, открыв новое, непонятное видение мира.

(Написано при участии Ю. Супруненко)

ДО И ПОСЛЕ СМЕРТИ

О Михаиле Афанасьевиче Булгакове сказано и написано столько, что говорить что-либо ещё всё равно, что «толочь воду в ступе, когда её, к тому же, там нет». И всё-таки рискнём, разделив своё повествование на две разные, но связанные друг с другом части.

Сначала рассказ о том, что по каким-то неведомым, странным мотивам ушло от глаз большинства исследователей жизни и творчества писателя – о его 2-й законной жене, с которой авторы статьи встречались лично. (Как известно, больше речь всегда шла о его 3-й жене.)

О той памятной встрече и пойдет вначале речь. А затем остановимся ещё на одном любопытном событии – сеансе спиритизма с Духом Михаила Афанасьевича, прошедшим в конце прошлого века. Ну, а насколько рассказ жены писателя о его жизни перекликается со встречей с ним (?)... после смерти судить читателю.

ШТРИХИ К ЗНАКОМОМУ ПОРТРЕТУ

О доме в Москве по Большой Пироговской, 35 можно было бы поведать драматические и даже фантастические истории. Но и прозаическая его реальность представляет немалый интерес. В нем сравнительно длительное время – с 1927 по 1933 год – жил и творил Булгаков. Как раз в эти плодотворные годы и сопутствовала ему, облегчая его нелёгкую участь, его жена и помощник Любовь Евгеньевна Белозерская.

Прошло более полувека со времени его присутствия, и дверь квартиры открыла хозяйка... Ей нельзя было отказать в стройности и изяществе. Не зря, как позже выяснилось, она в своё время в силу вынужденных обстоятельств имела отношение к балету.

Книжный шкаф, круглый стол, закрученный витками торшер, массивное овальное зеркало, оригинальный диван-ладоша, прозванный «закорюкою» – все от тех дней. Только кошка другая... и Любовь Евгеньевна предупреждает, что она может неожиданно во время беседы прыгнуть на... голову гостя. Не с агрессивными намерениями, а в знак особого к нему расположения. Казалось, эта проворная красавица с пристальным взглядом немигающих внимательных глаз находилась в родстве со знаменитым Котом-Бегемотом. Вернее, с его прототипом... О четвероногих жильцах квартиры разговор особый – войдя в быт, они вошли незаметно и на страницы рукописи.

Со всех четырех стен – знакомый примечательный булгаковский иронично-лукавый взгляд с фотографий: «...Посмотрим, послушаем, чем я вам остался в памяти?» Одна из фотографий, видимо, самая ценная Любовью

Евгеньевой, висела над кроватью в массивной дореволюционной рамочке. И хотя размер её скромно-открыточный, Михаил Афанасьевич выглядит на ней довольно необычно – прямо-таки по-мефистофельски. Взор насуплен, и главное – с моноклом. Кажется, хотел кого-то поразвлечь, подразнить, а может и в пику тем, кто желал бы видеть его сломленным, запуганным, согнутым. А он всё такой же – неунывающий и даже – озорство во взгляде. Ценная фотография с отчетливой, твердо-размашистой надписью: «Маме Любе, нежно-любимой, и ее Муке и Флюшке. Мак, 1928 г. 19 ноября. Москва», Маком – именем героя одной из сказок – «Мика, Мака и Микуха», – называл сам себя Михаил Афанасьевич. Позже это «прозвище» закрепилось за ним и в кругу его близких.

Флюшка – кошка в доме Булгаковых. Удивительно сообразительная, игривая, артистичная, но... не без чувства собственного достоинства, как все представительницы ее рода. Другой такой понятливой и яркой не было. Поэтому Любовь Евгеньевна и считала ее прототипом Бегемота. Для ещё большей проказливости кошку понадобилось автору превратить в кота. Мука – тоже реальная кошка, также попавшая в литературу.

РОГАШ – СУЩЕСТВО ЗАГАДОЧНОЕ

В конце 20-х годов прошлого века вышла книжка для детей «Мука-Маки». Стихотворный текст написал один из друзей дома Владимир Долгорукий (псевдоним Вэдэ), а рисунки выполнила художница Наталия Ушакова. Иллюстрации получились живые, потешные, занятные. А чтобы не оставались сомнения по поводу прототипов, на одном из листов рукописи – «Багровый остров» (название пьесы М.А. Булгакова). В одной из портретных зарисовок угадывалось шаржированное сходство с хозяином шумной веселой квартиры.

«Почему у дяди Маки Нету сторожа – собаки?»

Пробел учли и «сторож» вскоре появился. Главным попечителем «зверинца» стала хозяйка квартиры. Благо у неё с детства – любовь к животным. Ее трогательная привязанность к ним была разделена и Михаилом Афанасьевичем: «хвостатые» друзья сумели оценить эту дружбу по достоинству.

Вообще, к животным в семье отношение было особое – гостеприимное. В компании с хозяином квартиры они затевали такие плясы – Михаил Афанасьевич называл их «сатурналиями», – что иногда летела кувырком одежда, посуда, рукописи. Хозяйка квартиры прощала эти оргии и потому, что творили их ее любимцы, и потому что Мак отводил душу со зверьем. После всех неудач, проволочек, недоразумений, разносов, нервотрепок в редакциях, театрах, издательствах «сатурналии» давали дома разрядку и зарядку.

Кроме незабвенного Бегемота в «Мастере и Маргарите», кот присутствует и в «Театральном романе». А чтобы не остались в обиде представители собачьего племени, Михаил Афанасьевич изобразил на своем рисунке Бутона.

Пес – главный герой прославленной повести «Собачье сердце». Она, между прочим, посвящена Любови Белозерской. Перед этим в «Гудке» был напечатан очередной фельетон на писателя под названием: «Говорящая собака». Возможно, именно эта публикация послужила толчком для необычного сюжета и повествования.

И собакам, и котам – «всем сестрам по серьгам» – отдал Мастер, не решаясь признать чье-то превосходство из

братьев наших меньших по сообразительности, рвению и службе, верности человеку.

Для воплощения других своих творческих замыслов Михаилу Афанасьевичу понадобились существа менее реальные. В одной из папок, где сохранились немногие из рисунков писателя, Любовь Евгеньевна обратила внимание на подпись: «Банге-Рогаш с кольцом 5 каратов 14.05.28 г.».

Рогаш – существо загадочное, ни на что не похожее, ни на кота, ни на пса. Возможно, вобравшее что-то и от них, а скорее, пожалуй, от лиса. Между прочим, как отмечают некоторые современники, в самом булгаковском лице было что-то напоминающее лиса...

Только не того традиционно-сказочного, увертливо-го, а вот этого более добродушного и доверчивого, осовремененного Экзюпери в «Маленьком принце».

Нет, на булгаковском рисунке, очевидно, изображен дьяволенок, изящный, начинающий, перспективный, который, быть может, вскоре преобразится в «Консультанта с копытом» (первоначальное название романа «Мастер и Маргарита»). Первые варианты знаменитого произведения, его необычные образы и сюжетные повороты рождались в этом доме.

Когда муж проявлял свою вспыльчивость, «выходил из себя», Любовь Евгеньевна успокаивала его шуткой: «Это в тебе Рогаш заговорил...» Домовой тоже имеет право на свой характер. В каждом из нас, наверное, живет свой чертенок.

ДЕМИДОВСКАЯ ГИМНАЗИСТКА

Фотографии... По ним, как по кадрам кинохроники, «прокручивается в памяти прошлое», в частности, «хождение по мукам» Любви Евгеньевны. Вот она круглолицая с пухленькими щечками, с наивным бёззаботным девчоночьим взглядом в будущее, в форме ученицы Демидовской гимназии в Петербурге.

Будущее готовило ей тяжелые испытания. Отец умер рано – она его почти не помнила. В семье осталось четверо детей, старшую сестру и ее, младшую, взяли в закрытую гимназию на казенный счет, поскольку отец, выходец из обедневшей дворянской фамилии, работал преподавателем в Демидовском лицее. Без такой благотворительности матери пришлось бы совсем трудно. Но все испытания были еще впереди.

Выпуск из гимназии совпал со всеобщим потрясением – Первой мировой войной. Люба после окончания курсов сестрой милосердия попала в тифозные госпитали на Ковельщине. Запомнилась деталь: появление вражеского самолета в небе воспринималось не как угроза, а как развлечение. Затем последовало возвращение в Петербург, потянулись революционные будни, началась служба в банковских учреждениях.

Воспоминания – уже без фотоизображений: фотографироваться было и некогда, и не на что. Работу приходилось не выбирать, соглашаться на ту, которая подворачивалась. Нужно было выживать и приспособливаться. В городе Вольске на Саратовщине, куда поехала к маме, преподавала в школе гимнастику и танцы. Несмотря на Гражданскую войну, танцами не пренебрегали. Здесь, в Вольске от голодного времени остались могилы мамы и брата.

ЗАПИСКИ ЭМИГРАНТКИ

Она, Люба, чуть раньше переехала к родственнице в Киев. Город остался в памяти не столько службой в каких-то эфемерно меняющихся учреждениях, сколько шумом

бесконечной стрельбы и трупами на улицах при смене пяти или шести правительств. «Немудрено было при их калейдоскопичности сбиться со счета!» В это время могла уже в Киеве встретиться с Михаилом Афанасьевичем, но, видимо, была еще не судьба...

...Потом последовала эмиграция – Одесса, Константинополь, Берлин, Париж... (Там в поисках работы и пробовала силы в балете. Возвратиться на родину – надо было иметь мужество. Ей было, что порассказать Михаилу Афанасьевичу при встречах в Москве о своих скитаниях. Из этих рассказов и родилась булгаковская пьеса «Бег». Кроме того, он собственноручно написал план ее предполагаемой книги «Записки эмигрантки». Это долго оставалось его завещанием, которое она со временем выполнила.

Любовь Белозерская длительный период работала в журнально-газетном объединении, в редакции «Литературной газеты», издательстве «Советская энциклопедия». Женщиной она была приметной. Ей посвящали стихи, писательница Н. Векстерн посвятила даже книгу «Жорж Санд» (из серии ЖЗЛ). Большинство писем, документов, рукописей, фотографий мужа Любовь Евгеньевна передала на хранение в Пушкинский дом в Петербурге и в отдел рукописей Библиотеки им. Ленина в Москве.

Старые пожелтевшие газеты... Это не однодневки – кое-что из напечатанного в них переживет не одно поколение. Любовь Евгеньевна извлекла из залежей сохранившиеся экземпляры русской газеты «Накануне», издававшейся в 20-е годы минувшего века в Берлине (она тогда работала в этой редакции).

И вот она показывает свои публикации корреспонденции М.А. Булгакова. Уже тогда в своем чемоданчике, получившем прозвище «щенка», журналист Булгаков носил маршальский жезл большого мастера. (Не портфель, не папка, а чемоданчик, – очевидно, осталась привычка врача.)

К Любови Евгеньевне приходили нередко за консультациями артисты, телевизионщики, журналисты, художники. Ведь она на 47 лет пережила своего бывшего знаменитого мужа и на 17 лет – свою «соперницу» (что, впрочем, не могло служить утешением).

ПРИБРЕТЕНИЕ АВТОМАШИНЫ НЕ ИСКЛЮЧАЛОСЬ

Известно, каким верным, беззаветно любящим другом была для Михаила Булгакова его жена. Какая? Конечно, последняя, Елена Сергеевна. Она сохранила и добилась напечатания его необыкновенного романа «Мастер и Маргарита», встряхнувшего общество. Ей сполна отдали дань мемуаристы, литературоведы, журналисты. Оценили ее подвиг, обаятельность, духовную и физическую красоту. Не зря она получала величественные имена – Ева, Аврора, Маргарита. Были изданы ее дневники и письма. Да и похоронена она рядом с Михаилом Афанасьевичем, на почетном месте Новодевичьего кладбища. Мастер, как и в финале романа, обрел выстрадаанный покой со своей Маргаритой.

А как же вторая муза, Л.Е. Белозерская? (По счету браков Булгакова она числится именно второй.) По принятым обычаям и неписаным законам она, как вторая, оказалась полузабытой и затененной.

Так уж заведено в нашем грешном мире, что для многих мужчин мало одной, Богом данной женщины, и они устремляются на поиски своей самой подходящей, самой соответствующей половине. Биологи, психологи, этнографы, психоаналитики и другие специалисты спорят о моно-

гамии и полигамии, непредсказуемости и странности любви, а мужчины (женщины чуть в меньшей мере) продолжают поиск... Ну, если простые смертные обречены на подобные метания, то творческие индивидуумы уже по своему складу определены в искатели...

О том, как много значила Любаша, Любаня, Любан, Любинька (и еще подобные ласковые обращения мужа), лучше всего, очевидно, может передать перечень созданного Михаилом Афанасьевичем за годы их восьмилетнего проживания. Широко известный, наделавший много шума роман «Белая гвардия» он посвятил ей. Она для него писала под диктовку, переводила с французского, выполняла различные поручения, вела хозяйство. Да еще выкраивала время на верховую езду и автомобильные курсы. Не исключалось приобретение автомашины – так налаживалась жизнь в нэпманское время.

За эти совместные годы появились пьесы Михаила Афанасьевича: «Дни Турбиных», «Зойкина квартира», «Багровый остров», «Адам и Ева», «Кабала святош» и особенно приметный, связанный с ее рассказами об эмиграции знаменитый роман «Бег». Ко всему этому – и странички первой редакции романа о дьяволе, который со временем получил название «Мастер и Маргарита». Ни до, ни после не было такой полноты творчества. Не было недостатка и в трудностях, драматичности реальной жизни.

ВТРОЕМ ПОД ОДНОЙ КРЫШЕЙ

О том, как всё это переживалось, в частности, обыск в квартире писателя, Любовь Евгеньевна сохранила такую подробность. Гэпэушники пришли в такое время, когда Михаила Афанасьевича не было дома. Вдруг знакомый стук в дверь. Она бросилась открывать и, увидев его, сказала шепотом: «Ты не волнуйся, Мака, у нас обыск...»

Он держался молодцом. Чекисты-«искусствоведы» занялись не только книжными полками, но и креслами – кололи их длинной спицей. И тут Михаил Афанасьевич неожиданно громко заявил: «Ну, Любаша, если твои кресла выстрелят, я не отвечаю за это...» Кресла эти были куплены накануне на складе бесхозной мебели. «И на нас обоих напал смех, может быть, и нервный», – вспоминала Любовь Евгеньевна. Вот такие шуточки. Обошлось без ареста.

Какое-то время спустя, в 1926 году, писатель обратился в Совет народных комиссаров и добился, чтобы ему возвратили изъятые рукописи. Но желание писать дневники у него с тех пор пропало.

По признанию всех друзей и знакомых Михаил Афанасьевич был хорошим и даже примерным семьянином. И это на фоне яростных дискуссий о браках втроем, пробных браках, коллективной любви. И отношения с женами у Михаила Афанасьевича были предельно честными и откровенными. При расставании дело никогда не доходило до скандалов. Первая жена Татьяна Николаевна Лаппа вспоминала, что в домоуправлении все очень удивлялись, что они разошлись после 16 лет верности и взаимопонимания.

Может, чувства изживают себя?... Возможно, это генетическая потребность обновления? Или превратности судьбы – кто объяснит?... Но расставаться надо достойно. Когда Михаил Афанасьевич встретил Елену Сергеевну и они сошлись, то еще несколько месяцев проживали в одной квартире под одной крышей с Любовью Евгеньевной. Конечно, тяжело, мучительно, трудно. Но что было делать в условиях нехватки жилья, коммуналок и уплотненности?

У Михаила Афанасьевича не было тайных любовниц. Нравственный, моральный уровень его самого и его «муз»

был таков, что они не могли опуститься до пошлости, дрязг и скандального «выяснения отношений». Уж не говоря о жалобах и доносах в партком и профком на неверных мужей или жен...

Писатель Булгаков мог с полным основанием отнести на свой счет чеховское признание: «Медицина была моей законной женой, литература – любовницей». Только эти соотношения сложились достаточно драматично и в сложное время революции, гражданской войны, разрухи.

Университетская подготовка, опыт земского врача давали возможность выжить при самых экстремальных обстоятельствах. В годы революционной вакханалии в родном Киеве молодой терапевт вынужден был даже на время стать венерологом. И, бегая по Москве (он приехал в столицу в 1921 году в поисках заработка), Михаил Булгаков вполне мог сохранить верность «законной жене» – медицине – и стать преуспевающим обеспеченным врачом.

Но, очевидно, ни он первый, ни он последний, кто, вопреки житейской логике и расчёту, пришел к своему призванию. И три его музы не только вдохновили на это, но и существенно помогли на тернистом подвижническом пути.

«Я – ПЕРСОНАЖ НЕРЕАЛЬНЫЙ»

К спиритизму отношение сложное. Мало кто сомневается, что душа остаётся жить после смерти физического тела. Но если это так, нет ничего удивительного в общении с духами. Думаю, многие испытывали в жизни, то странное, до боли волнительное состояние, когда ночью общаешься с умершим близким тебе человеком, а наутро, проснувшись, долго не можешь понять, что было большей реальностью – сон или пробуждение.

Другое дело – спиритизм. Медиум и сам может не понимать, кто в действительности «подсел» на него и присутствующих во время сеанса. Не говоря уже о том, что далеко не все люди, провозглашающие себя медиумами, на самом деле таковыми являются. Отсюда и неверие в спиритизм большинства окружающих.

Однако эти мысли невольно уходят куда-то в сторону, когда вспоминается сеанс спиритизма, участником которого был один из авторов материала, и который произошел несколько лет назад. Было это за год до того, как Ельцин, заканчивающий 2-й срок президентства, провозгласил своим преемником Владимира Путина и за полгода до того, как нынешний Президент России появился на политической сцене страны. Впрочем, обо всем по порядку.

Идея провести сеанс спиритизма с духом Булгакова родилась тогда спонтанно. Мы знали, что у медиума-спирита Феликса Эльдемура «контакт» лучше всего проходит с духом Михаила Афанасьевича, и предложили ему это сделать в присутствии нас. Феликс сразу согласился, а Вадим Чернобров – сотрудник МАИ, ученый, уфолог и публицист – взял с собой ряд научных приборов и видеокамеру, чтобы произвести видеосъемку.

Мы словно решили испытать судьбу, задумав провести во время сеанса ряд экспериментов. Нельзя сказать, что нас охватило волнение, хотя некоторая тень сомнения была где-то рядом.

23 декабря 1998 года, учебно-консультативный центр «Познай себя», 16 часов.

В небольшой уютной комнате Центра горит свечка. Её узкое пламя, устремляется вверх от стола, колеблясь из стороны в сторону. Лицо Эльдемура обращено к свече, оно необычайно сосредоточенно. Внешне Феликс спокоен,

но, нам кажется, внутри несколько возбужден. Видно, как он настраивается...

Вадим Чернобров на соседнем столе разложил приборы. Однако видекамера включается не сразу – барахлит розетка. Наконец все готово. Эльдемулов просит выключить свет, он ему почему-то мешает. Перед ним лежит лист бумаги, на котором начерчен круг с буквами алфавита по краям окружности. Палец спирита застывает посередине круга, будто в ожидании сигнала.

– Михаил Афанасьевич, вы с нами? Вы согласны побеседовать? – голос Эльдемулова ровен и спокоен. Рука его начинает быстро-быстро двигаться между буквами, собирая буквы в слова, слова – в фразы. Ответ он получает сразу, произнося его другим голосом.

– ...Жизнь – штука сложная. Это интервью... этот разговор мне, честно говоря, немного не по сердцу... Как бы вам сказать... Что-то томит, и сердце чувствует себя не очень уверенно. Можно я не буду спешить... Но... попросу вашего внимания.

– Вам ничего не мешает в комнате?

– Свет у вас немного мерцает, но нет худа без добра, я – персонаж нереальный.

По просьбе Феликса мы вопросы заранее написали на бумаге, и сейчас он быстро читает их один за другим.

– А персонажи в Вашей книге «Мастер и Маргарита» реальны?

– Нет. У меня не было жизненных прототипов. Мастер – это тот, кто существует во все времена. Маргарита – мой образ женщины.

Вообще... таким я видел Иисуса Христа. Не размалеванным по иконе, а живым, страдающим человеком, которому выпала честь быть Богом. Остальные, включая Пилата... – их и придумывать не надо было. Воланд – где-то я сам. Я ведь всегда был бунтарем. Причем, заметьте одну деталь, он – совсем не Сатана.

– Сатана в «тонких» мирах существует? – Этот вопрос у нас возник в ходе беседы.

– Нет, «тонкие миры» – вещь абстрактная и во многом надуманная. Они существуют часто в воображении, как и герои произведения.

– А героев своих произведений Вы видели «внутренним» взором?

– Внутренний взор, милостивые государи, естественная способность или способность каждого настоящего писателя, если угодно – творца. Конечно, я «видел» своих героев.

– Пишет ли кто сейчас на земле от вашего имени?

– Да. Писак немало, и осмыслителей хватает. Только суэта все это. Нужно самому видеть и создавать свой мир в творчестве. Прокрустово ложе критики не должно бросать камень в ваш огород.

– Будет ли ваша реинкарнация?

– Я уже был реинкарнирован. Через 20 лет после смерти родился вновь и успел уже снова сменить физическое тело. Но в моих реинкарнациях... был не «я». Жизнь – не одна, жизней – много.

– В каком вы сейчас мире?

– В мире вашем.

– А обычно?

– В Божьем мире. Это трудно определить на простом языке.

Кто победит на Президентских выборах в России в 2000-м году? (См. дату эксперимента. – Прим. авт.)

– Вам еще фамилию указать? Победит такой Президент, которого давно не знала Россия. Это человек, который сейчас не слишком известен. Его карьера в чем-то

схожа с моей. Он будет поставлен Богом, его выдвижение произойдет ближе к лету.

– Нравится ли вам то, что происходит в России?

– Да, нравится. Что там говорить! Конечно, народ страдает, но и учится. Хватит получать все на блюдечке, надо самим научиться работать руками и головой. Войны сейчас нет. Настоящего голода – тоже. У вас самое интересное время. Теперь подняться бы. Но те, кто успели нажиться, привыкли, что все можно списывать на переходный период, и тянут назад. Если их скинуть, освободить места для людей, кому дороги честь и совесть, Россия воспрянет.

– Какие силы в нашем государстве работают?

– Да бросьте вы о силах. Бог работает. Счет по заднице ремнем. Силы «тьмы» – это вы сами, и силы «света» в вас самих. Не списывайте на Сатану то, в чем виноваты. Лучше посмотреть, где оступились.

– С кем из своих потомков или родных на Земле Вы духовно связаны?

– Потомки, родные... Ну, как вам сказать... Если вы верите в реинкарнацию, то поверьте и в то, что все мы друг другу родные. С супругой своей я был очень крепко связан, но это была не одна жизнь...

– Нравится ли Вам «там», где вы находитесь?

– «Этот свет» и «тот свет» – суть единое целое. Я бы сказал, что мне всегда «здесь» нравилось. Если душа спущена в Мир Богом, то ей безразлично – «тот» или «этот свет». Уход тела не есть уход души. Она – и «здесь», и «там».

– Помните ли вы жизнь, прожитую на земле?

– Вы имеете в виду ту жизнь, в которой я был писателем Булгаковым? Да, помню себя в этой роли и рядом... Но зачем вам вся эта информация? Пусть я для вас останусь таким, как вам запомнилось.

– Как человек улетает «наверх»?

– Улетает, как «пробка из бутылки»: шелк – и все. Порх – как птичка. Спиральные каналы – видимость. Этих «каналов» – много, в течение жизни их не видно.

– Что испытываешь при этом?

– Боль. Конечно, больно... Это еще жизнь. А вот когда душа истекает «наверх», уже не боль, а освобождение.

– А потом?

– Про это вам, судари, сказать не могу...

– Что такое время?

– Заведомо неприятная вещь. Субъективное восприятие процесса перевоплощения. Без времени мы живем здесь... Из времени во время ходим, как из двери в дверь.

– Как Вы можете охарактеризовать феномен тунгусского взрыва?

– Этот взрыв произведен специально. В нем принимала участие цивилизация, которая войдет с вами в контакт.

– Это был ядерный взрыв? Для чего он был осуществлен?

– Это была нейтронная бомба. В начале века радиоактивность в этом месте была выше, затем снизилась. Взрыв был сделан как предупреждение об опасности ядерного оружия.

– Что такое – высший разум?

– Вселенческий разум – абсолют. Это не Боженька на облачке, а серьезная система разума, которая совершенна в силу того, что сама себя совершенствует. Его обличье сходно с обличьем религий, принятых в разных странах. Бог – вечное совершенствование.

– Настанет ли конец света?

– Я бы Нострадамусом не прикрывался. Очень путанный автор и не надежный. Известно, что «что-то» будет, но у него даты не те.

– Вы знали заранее о предстоящем разговоре с вами?

– Конечно. Феликс давно встревожил меня своими приготовлениями.

– Можно опубликовать наш «разговор»?

– Да. Ответы даны для публикации. Только, пожалуйста, ближе к тексту, как вы записали. Здесь нельзя прибавлять.

Мы попрощались с духом Михаила Афанасьевича, поблагодарив его за беседу. На этом можно было бы закончить рассказ об интервью, но... не об эксперименте.

Дело в том, что во время контакта, один из приборов, установленных Чернобровым, «ожил», дав о себе знать слабым писком. Это был радиометр, указавший на неожиданно подскочивший уровень радиации. Достигнув своего пика, радиация в комнате вскоре пришла в норму, ее воздействие оказалось кратковременным.

И еще одно странное обстоятельство. Когда стали просматривать видеозапись, оказалось, что записалось только начало нашего разговора. Дальше съёмка не получилась, шли помехи. Почему так произошло – из-за того ли, что плохо контактила сетевая розетка, слабо прикрепленная к стене, или кто-то помешал видеосъемке – никто не знает.

(Мама Люба, Мука, Флюшка и Мак (Корреспондент «России» вспоминает о встрече со второй супругой Михаила Булгакова Любовью Белозерской и о спиритическом сеансе с духом писателя). Подготовил Юрий Супруненко. – Россия, №3 (955), 26 января-1 февраля, 2006; П. П. Супруненко «Вторая или первая МУЗА? (Любовь Евгеньевна Белозерская – жена Михаила Булгакова)» – «Отечество: история, культура, путешествия», рубрика: «Культурный слой», №7, 2008, с.14-16)

НЕ МНОГО ЛИ СОМНЕНИЙ (солженицынские дни)

В эти «солженицынские» дни выпало так, что я часто выступал на заводах, в общежитиях, школах. И везде, где только возможно, я заводил речь об авторе «Архипелага ГУЛАГ», где намеком, а где и прямо. Вопросы задавали редко: на заметке у парторга и ещё у кое-кого оставались даже те, кто только решался спрашивать.

В общежитии один парень всё допрашивал меня, а какое же всё-таки моё личное мнение. Я, конечно, обиняками говорил о том, что окончательный приговор вынесет время, что когда-то был заклеимен Бунин... После выступления я подошел к этому парню.

– А какое же у вас мнение?

– А я бы его (т.е. Солженицына)... – И он показал на пальцах – под ноготь. – Вот так!..

После такого поворота мне и лицо его показалось туповатым, примитивным.

Этот из ведомых, внушаемых. Большинство же даже плохо выговаривают необычно звучащую фамилию. Как и с трудом воспринимает необычные мысли, идущие от него. Но зато потом они крепче запоминаются.

В литейном механического завода, в мартене завода «Запорожсталь» перед нами вставляли осунувшиеся, изможденные, «замурзанные» – в пыли и копоти – равнодушные лица. Только там где-то далеко в глубине глаз угадывались затаённые мысли. О чем они? У каждого – своё. Но есть, наверное, и что-то общее. Но уловить этот настрой,

думаю, задача была бы непосильная не только для галеновских специалистов, но и для наших куда более «совершенных» осведомителей из КГБ. Слишком толстая и очень звуконепроницаемая стена отделяла простолюды от всевозможных пророков, идеологов, интеллектуалов. Тут Лидия Чуковская как в воду смотрела. У меня при этом всплыл в памяти один из вот таких чернорабочих, выругавшихся в сердцах: «Мне бы автомат в руки, я бы чесанул длинными очередями...»

Больше всего, казалось ему, допекли политзанятия, на которые загоняли, конечно, насильно. Не дав помыться под душем после работы, не дав спокойно пообедать в столовке, теперь ему запикивали в рот жвачку, от которой давно уже мутило и тошнило. Мало того, что пропагандист распинался, так ещё и слушателей обязывали выступать... Ну, ладно, силой принуждали выписывать без выбора партийные газеты и журналы, налогами на бездетность понуждали увеличивать население страны, есть без разбора вонючие супы в общепитовской столовке, жить в общежитиях с общей коммунальной кухней, посещать многочисленные собрания (со строго обязательной явкой). Но там хоть выступать не принуждали. А тут на политзанятиях нужно было говорить о том, что ты ощущаешь ежедневную, ежечасную заботу партии о твоей счастливой жизни, что люди преисполнены благодарности...

Может быть, поэтому работяги смотрели в нашу сторону не совсем дружелюбно и не расшевелили их было даже самой испытанной шуткой... До юмора ли тут?

Впрочем, они очень любят анекдоты. Именно от этих чумазых от заводской грязи ребят очень часто приходится слышать сверхкраткие истории – то по детски наивные, то по-солдатски циничные.

– Вот был Брежнев на Кубе, так ему подарили там петуха, собачку и именного быка. Ну, приехал Фидель в Союз и решил проведать своих подопечных – как они здесь прижились. Петух просится домой. Почему? «Да, я не знаю, когда тут кукарекать. У них круглые сутки продолжается рабочий день». Собака тоже не прочь домой. «Не знаю на кого лаять – все воруют». Один только бык остался доволен. Почему? «А они здесь все работают на бугая».

Словом, в таких «горячих», тяжелых цехах я выступал, стоя на одной ноге (по древнему обычаю в одном племени «оратору» на сходке ставили такое условие: сколько выдержишь на одной ноге, столько и говори).

И как никогда меня раздражал мой напарник, который живописал подпольщиков, подвиги воинов. Сам, между прочим, не нюхав пороха не то что на войне, но даже на маневрах. Почему-то подумалось о том, что о войне может по-настоящему написать тот, кто участвовал в ней не с блокнотом журналиста, вроде Симонова, а солдатом, офицером, прочувствовал войну и кожей и пятками и всеми клетками. Так же как о лагере не сможет написать тот, кто не был в шкуре «зэка». Что и доказано Солженицыным.

После тяжелого впечатления от завода наступило просветление в институте «Титана», где состоялась живая беседа, и было много вопросов. Как бы хотелось откровенно ответить, сказать наболевшее, когда видишь искреннее желание, умные понимающие тебя лица... Особенно в школе порадовали подростки: стеснительные и порывистые, а в целом – многообещающие. Один из них спросил, что я могу сказать о Солженицыне.

Ну, что я мог сказать после того, как к моему напарнику в институте подошел парторг и заметил: «О Евтушенко не следовало бы упоминать». Нет, о Солженицыне нужно говорить во весь голос не перед такой аудиторией. Утешал себя от сознания противного приспособленчества,

и отделался уклончивым ответом. «Больше сказать, чем написано в газетах, я не могу». Хотя потом о любимом писателе Бунине я разошелся, позволил себе подробно рассказать о порядке присвоения Нобелевской премии. Умные ребята поймут мой намёк на Солженицына.

Конечно, не весело, а иногда и тошно от такой «двойной» жизни. Но бросать всё, менять привычные занятия и идти «вкалывать» где-то нейтральным сторожем, грузчиком, подсобником уже мешало благоразумие. Будучи помоложе, можно было бы наломать дров. Мешало ещё и такое сомнение: поймут ли тебя те люди, ради которых ты согласился бы идти на жертвы. Не станут ли они осыпать тебя камнями и плевками? Не рано ли?.. С одной стороны интеллигентские оправдания, а с другой, вроде бы и зрелая оценка обстановки. Не слишком ли много сомнений?

И новая сводка с идеологического фронта. Солженицыну вручили вторую повестку явиться к следователю. Казалось бы с «крючкотворцами в штатском» шутки плохи. Сахаров ходил для такой беседы. Солженицын и тут оказался в роли обвинителя. Он заявил, что пусть, мол, прокурор вначале сам научится соблюдать законы – выпустит невинных заключенных, привлечет к ответственности тех, кто творил злодеяния. Но вместе с восхищением остаётся и беспокойство: уязвленные трусы могут рискнуть на отчаянные меры. Кроме травли в газетах, устами официальных пропагандистов-лекторов с высоких трибун объявляли Солженицына то алкоголиком, то дезертиром и уголовником, то антисемитом, то израильским агентом – каким-то еврейским отпрыском. Не останавливаясь ни перед чем, в злобе могут пойти и на арест. Но вот ещё вопрос – что будет больше способствовать взрыву: его проповедь или распятие на кресте. В любом случае, он станет обвинителем.

Время тянулось в ожидании новых «сводок»...

Известие грянуло вечером. Арест... Он сковал и объединил как всякое большое горе. И больше чем жалость к арестованному овладевало возмущение «черносотенцами». Кретины и тюремщики, разве могли они понять, что против идей не идут с дубинкой.

Первое оглушение прошло, и зароились мысли. Что делать? Если бы я был в Москве... То осуждал свою нерешительность, своё приспособленчество, то возмущался видными интеллектуалами Запада (Сартром, Сименоном, Брэдбери, Арагоном и др.), от голоса которых хоть что-то зависит, которые не связаны, меньше рискуют. И можно озвучить своё несогласие с арестом, пусть даже не во всем разделяя взгляды Солженицына. Когда человека за призыв к справедливости сажают в тюрьму, можно же сказать хотя бы нейтральное слово. Хотя бы так, как в своё время сказал К. Паустовский о Синявском и Даниэле: он, мол, не разделяет их убеждений, но и не может согласиться, когда сажают на скамью подсудимых за опубликование произведений. А чем живут, чем заняты нынешние столпы и светила культуры в то время, когда эта культура попирается милицейским сапогом? Что говорит им их совесть?

Не было у меня возможности обратиться с таким вопросом к ним. Но под боком были свои отечественные писатели, к которым сохранилось доверие. Необходимо написать им письма. Я уже прикидывал список: В. Дудинцев, В. Некрасов, В. Солоухин, Б. Окуджава, А. Вознесенский, Б. Ахмадулина.

В этот день у меня было выступление на абразивном заводе. Лица живые, доброжелательные, простоватые, живущие не хлебом единым, но и отягощенные духовными проблемами. Доверчивые, немного наивные, но и себе на

уме ребята. Им не легко со своими повседневными заботами: с нормами выработки, хлопотами с женами, соседями, детишками. Но и не допекло ещё так, чтобы они послали подальше всех выступающих и занимающих их дорогое время. Наоборот, они даже довольны послушать в перерывах между основной работой легенды, или стихи, сочиненные на ЭВМ.

Но как я не намекал, чтобы они спросили хоть что-нибудь о литературе, о волнующих их книгах и авторах, вопросов так и не последовало.

Может, среди них и есть, даже наверняка есть отдельные умники. Но здесь присутствует парторг, руководящие деятели, несколько осведомителей. Зачем же дразнить гусей? Рассуждения моего напарника резонны. Я беседовал с двумя-тремя «работягами», они из тех восьми тысяч, которые не записаны в библиотеке (на заводе, как я наводил справки, около десяти тысяч рабочих и 1,5 тысячи читателей), и если и читают книги, то случайно купленные, а больше просматривающие газету, навязанную по подписке. Что с них взять...

– Да оно и ты ведь, если бы тебя спросили, – продолжает мой напарник о Солженицыне, – то ответил бы, что ничего не читал, ничего, кроме того, что написано в нашей прессе не знаешь. Какой же смысл к тебе обращаться?

Хотя в общежитии нас вчера спросил один парень, но попробуй, скажи то, что ты думаешь, как завтра ты уже будешь давать объяснения в другом месте.

От бессилия, от сковывающих пут, молчаливой покорности и пассивности становилось совсем тоскливо. И я только сидел и отупело дожидался окончания выступления своего товарища. Мой взгляд невольно задерживается на «наглядной агитации»: в красном уголке вывешены портреты членов Политбюро ЦК. Первым выделен генеральный секретарь (он теперь и на заседания проходит на заметном расстоянии от других), а остальные расположены по алфавиту. И надо же такое совпадение: рядом на втором месте оказывается председатель КГБ; соседство прямо-таки знаменательно, символично – Брежнев-Андропов.

Весь день прошел в каком-то оцепенении: то ли в воду опущенный, то ли дубинкой приглушенный. С нетерпением вечером включил транзистор. И то, что пришлось услышать сразу (впереди сообщений об энергетическом кризисе, отводе израильских войск и других военных сообщений) ошеломило не меньше, чем вчерашняя весть об аресте. Солженицын выслан в ФРГ...

Судьба оказалась к нему слишком щедрой – кроме войны, ранений, наград, тюрьмы ссылки, ракового корпуса, разрыва с женой, травли, ещё и изгнание с родины... Но моё настроение поднялось. Буря протестов со стороны глав правительств, все признают слабость и трусость советских тюремщиков. А по словам английского парламентария, советское правительство таким шагом сделало «вызов цивилизации».

Вчера же слушал впервые по западному радио голос Солженицына. Неожиданно он воспринимался не солидным неторопливым, как положено по его возрасту, а энергичным, звонким и даже каким-то молодым, задорным. После оказалось, что это отмечали многие.

А «Правда» и «ТАСС» упрекают лондонскую газету «Таймс» и со злорадством комментируют события в том ключе, что Солженицын обречен теперь на духовную смерть, и с удовольствием цитируют немецкую газетку о том, что советское государство вырвало из рук Солженицына «корону мученика». Может и там, на западе, идиотов, оправдывающих свою «вторую древнейшую профессию» не меньше, чем у нас. Но из двух зол есть меньшее.

Там им трудно понять, что он по-прежнему остаётся нашей надеждой. Порадовал Евтушенко – заявил протест, потому и отменили авторский вечер. Не исключено, что он отказался угодничать и подличать своей подписью в газете, как это сделали эти Симоновы, Катаевы и им подобные. Нет среди этих позорных подписей ни А. Вознесенского, ни Б. Окуджавы, ни Б. Ахмадулиной. Не смело, не решительно, с колебаниями, но «второе поколение» все же не шло на сделку с совестью, не продавалось за кусок колбасы из закрытого распределителя. И это вселяло надежду.

Приятно, черт возьми, когда подтверждаются твои догадки. Протесты тогда же 12.02.74 посыпались от многих. Потому как «не думать – это уже разрушение человека» (из «ГУЛАГа»).

Приглашение в Англию, США, Швецию (почитают за честь принять такого изгнанника). Признание того, что он оказывает существенное влияние на международные дела. Его слово может ещё зазвучать почище герценовского «Колокола». Как говорится, дай Бог ему здоровья!

Открывается новая глава в солженицынской истории. А история, пожалуй, небывалая. Никто ещё из литераторов не оказывал такого влияния на сознание людей и даже на ход международных отношений. Такого противоборства просто не было ни у Льва Толстого, ни у Гюго, ни у Золя. Не потому, что Солженицын такой уж титан, а потому что не было таких массовых и жестоких репрессий. А любое действие рождает (соответственное) противодействие.

Печать отмечает, что Солженицын был у нас символом надежды, а потом стал символом рухнувших надежд... Думаю, что это не так. Будущее покажет, как он поведет борьбу. Есть, правда, опасение, что ему могут подстроить автомобильную катастрофу, несчастный случай и болезнь (они всё могут). Тем более, что теперь это произойдёт за пределами нашего славного отечества. Но, думаю, на его место найдутся новые люди. Процесс уже необратим, хотя и проскользнуло у Солженицына в «ГУЛАГе», что потомки будут смотреть на многих безропотных терпеливых современных овец и баранов как на «поколение слюнтяев». Но он же сам себя в этом и опровергает.

И все время при этой разнузданной свистопляске встаёт вопрос: «А судьи кто?»

Каждый день приносит наглядные иллюстрации, если не по телевидению в виде награждения самих себя орденами-побрякушками, убожеством облика, то в виде закрытых писем. Форма ведь какая – закрытые! Так же как закрытые распределителя, прикрытые дачи, зарплаты в конвертах, скрытые пороки. И везде почти открытое взяточничество, повальное пьянство. Не успели расковырять гнойник областного МВД во главе с милиционером-генералом, как по Украине арестована целая группа сотрудников медицинских институтов. То кончает с собой председатель Моссовета, то секретарь ЦК КПУ Гаевой...

На Западе всё новые и новые протесты по Солженицыну. И оценки «Архипелага ГУЛАГ». Э. Ионеско пророчествовал в связи с его появлением начало «заката» советского тоталитарного режима. Не знаю, как на счет заката, а то, что начнется переосмысление истории – это определено. Вернутся к 17-ому году. Вспомнят русских интеллигентов (либерально-демократического толка), да и просто интеллигентов без этих дурацко-обязательных классовых окрасок, ярлыков... Вспомнят, как Бунин, Куприн, Грин (каждый в различной степени) одобрительно, если не восторженно встретили Февральскую революцию, а Октябрь, как принято теперь писать, испугались. Да они просто органически, как нормальные люди (как пастернаковский доктор Живаго) не могли принять жестокостей, раз-

рушения, разгула. Можно клеймить «абстрактную гуманность». Но теперь ещё раз приходится убеждаться, как они были правы в своём предчувствии, в своём отрицании большевизма и его догм.

Некоторые из знакомых обсуждали «проблему» местожительства Солженицына как своего близкого человека. По всей вероятности он изберет Норвегию или Швецию. Почему Север? Ведь он южанин, родился на Кавказе, юность прошла в Ростове.

– Понимаешь, его партия акклиматизировала в Сибири – вот он уже и не может отвыкнуть.

– Печальный юмор. Я думаю, он хочет уюта, тихого места в стороне от большой дороги и перекрестков. Спокойнее для работы.

– Да и от гостей с отечества нет беспокойства.

– Каких – это?

– Ну, я не думаю, чтобы за ним не шпионили. Могут и пакость, вроде какой-нибудь катастрофы, подстроить. Они всё могут.

– А вообще интересно. Как он теперь себя поведет. Организовал бы переправку компактных изданий «ГУЛАГа» на родину. Сейчас бы только побольше людей читало книгу, и наступит такое прозрение, что кое-кто ещё успеет ответить за свои преступления.

– Боюсь, что скорее наступит схватка между русскими и китайцами.

– Ладно. Это беспредметные словопрения. Я тороплюсь к приёмнику.

– На каких волнах лучше слышимость?

– Как когда...

Не называя конкретно передач, все знают, что речь идёт о «ГУЛАГе». Три радиостанции ведут его передачу: Би-Би-Си, «Немецкая волна», «Свобода».

– Говорят, что ты даже из-за этого прекратил свидания со своей Дульциней.

– О себе говорить не буду, но знаю таких, что пошли даже на такие невыносимые жертвы.

Я дома в спешке раздеваюсь, тороплюсь с мытьем рук, уже перекусываю, поставив перед собой транзистор. Доносятся только отрывки фраз: «...нам не страшна даже атомная война», «когда-то мы не смели шепотом шелестеть, а теперь самиздат», «уже до доньшка доходит», «лепечем косноязычно», «безнадежно расчеловечились», «мы боимся шагов гражданского мужества», «закрытость и есть наш рак»... (привожу по памяти, за точность не ручаюсь). Это передавали статью «Жить не по лжи», написанную в день ареста 12 февраля. Звучит как завещание. Глушение усиливается. На всех диапазонах. Я то чертыхаюсь, досаую, готов молиться. Многое зависит от метеоусловий. Но какому богу молиться и какую молитву читать? Я предпочитаю пока что Окуджавскую по Франсуа Вийону: бог ты мой, как это здорово – из-за таких вещей готов, если не стать верующим, то преклонить колено, снять шапку и черт знает, как ещё выразить своё восхищение.

**Пока земля ещё вертится, пока ещё ярок свет,
Господи, дай же ты каждому, чего у него нет.
Мудрому дай голову, трусливому дай коня,
Дай счастливому денег и не забудь про меня...**
(Б. Окуджава «Из Франсуа Вийона»)

Слушая эту «молитву» я готов был стоять на коленях... Вот что получается, когда эмоциональные и разумные сферы совмещаются. В такие минуты я иногда жалел, что не наделил меня Бог поэтическим даром. А то ведь, какие

стихи можно было бы написать о происходящих событиях. Впрочем, в прозе всё-таки пищи для ума поболее.

Думаю, что как-то получилось вовсе не случайно, что встретились два бывших «смертельных» врага – Г. Бёлл и А. Солженицын были участниками той необычной мясорубки, где сами составные части механизма становятся фаршем. Немецкий писатель предоставил кров в первые сутки изгнания. Встреча прямо-таки символична. У Солженицына есть слова, которые достойны высечения на камне. Я их припомнил: «Братья, люди, зачем дана вам жизнь? Зависть друг к другу больше всего сведет нас...» Но хотелось, чтобы новый призыв об опасности, о том, чтобы люди вспомнили и опомнились, был ещё сильнее, чтобы был подписан (кровью, чтоб не забыли) всеми великими и малыми здравомыслящими людьми. Какими словами, как дать понять, что опасность военного столкновения, угроза атомно-термоядерной войны-взрыва в прямой зависимости от нашей беспечности, наивности, психоза. Это гибель детей наших. Как больно видеть их бегающих с нацеленными в прохожих автоматами и бубнящих своё бессмысленное «тра-та-та-та». Они и сами уравниваются с этим идиотским игрушечным оружием и становятся дурачками-автоматами. Как дать понять и деградирующим руководящим остолопам, что в последующей бойне уже не помогут заградительные отряды – нацеленные в спину «своих» автоматы.

Я далеко не сторонник культа отдельных выдающихся лиц, даже не импонируют мне гении. Не они сами, а их определение в таковые. Возможно потому, что от этой позиции уже недалеко до идолопоклонства и ослепления. Да и как-то от чрезмерного восхищения, от курения фимиама идет перекосяк к поспрашиванию человеческого достоинства, к ощущению какого-то рабского ничтожества.

И, тем не менее, что красоте, что уму нужно отдавать должное. Солженицын становится властителем дум. И это не минутное эмоциональное впечатление. Проходит день, второй-третий, и то, что пришлось прочитать или услышать, обретает ещё большую значимость.

У меня перед глазами уже какой день навеванная радиопередачами картина-мираж, когда его везут в «шарагу». Когда он после значительного перерыва увидел рядом с собой «вольных» на вокзале. Прислушался к их речам... И о чем он подумал, что захотелось им крикнуть... У меня может наивная привычка, но я так жалею, что у меня в то время не было под рукой карандаша, была полночь, я очень устал, но надо было обязательно записать эти слова. А потом ему захотелось к «своим» в камеру...

В такие моменты становилось особенно понятным, почему «ГУЛАГ» – не простое исследование, а художественное. Сколько здесь вложено искренне-волнующего, кровно своего, а не только общественно значимого. И не успело улечься, отстояться всё от двух частей «ГУЛАГа», как последовало письмо «К вождю Советского Союза» – о «нравственном расстройстве», о необходимости здоровой тишины, о раковой опасности столкновения с Китаем и многим другим, о чем каждый из нас думал, спорил, если не с товарищем, то с самим собой, о чем переживал, обо что спотыкался на каждом шагу. Многие из тех слов надо было бы выбить на камнях и отлить в металле, чтоб не забылось и осталось в генетической памяти...

Автор, конечно, же выдающийся художник, человек недюжинный и замечательный. Но я подумал и о другом: не надо говорить о его исключительности, необыкновенности, а постараться постичь те причины, которые привели к его появлению. Его, как и всякого выдающегося, подготовили условия. Не он, так другой, но человек такого мас-

штаба и мужества должен был появиться. Такие личности выдвигаются событиями, глубинными коренными сдвигами. А подобных условий как в «рассейской» жизни, пожалуй, не сыскать больше нигде. Ни на Востоке, ни на Западе. Это подтверждают наши исторические акты массового самосожжения при расколе, картины иступленного фанатизма, идиотизма, психоза, жестокостей, насилий...

Из раздумий автора о «мертвой идеологии», беспомощности, опасности взятого курса мне представилась Россия в образе лихой гоголевской тройки или не весьма современной автотелегой, которая катится, плохо управляемая, а то и вовсе неуправляемая – уже по инерции.

ПОСТРАДАВШИЙ ДИССИДЕНТ

(запорожско-московский журналист Виталий Алексеевич Челышев, ныне зам. главного редактора «Журналиста», об исключении П.П. Супруненко из Союза писателей СССР)

«Жизнь под вопросами»... Так называется книга мемуаров писателя, многолетнего собкора «Комсомольской правды», фронтовика Павла Павловича Супруненко, охватившая действительно жизнь. И не одну. При чтении складывалось впечатление, что собраны воедино с натуры писанные фрагменты судьбы. Не случись этих вот фрагментов – была бы семейная сага от прадедов до внуков. А здесь – фронтовая быль. А здесь – политический памфлет. А здесь – встречи, переписка с людьми, разворачивавшими нашу мысль и нашу историю по собственным непростым векторам. Или этот фрагмент – отдельная история долгих взаимоотношений автора с Александром Исаевичем Солженицыным и его семьей. В конце концов, здесь – собственная писательская судьба, изломанная КГБ, да так, что в местах переломов она стала прочнее. 520 страниц формата А5. И всего 200 экземпляров тираж. Юрий Супруненко, сын писателя, выступивший в роли издателя, редактора, корректора и спонсора в одном лице смог напечатать именно столько. Странная штука спрос. Лет 20 назад такую книгу бы из рук рвали, она стала бы бестселлером. А сегодня я рассказываю об издании, которое наверняка не попадет к вам в руки.

СОБСТВЕННОЕ ВОСПОМИНАНИЕ О «ПРЕСТАРЕЛЫХ ХУНВЕЙБИНАХ»

Украина. Запорожье. 1973, кажется, год. Пик травли Александра Солженицына в советской прессе. За окнами темно. Литобъединение. Мы, молодые, амбициозные, полные смутных надежд, но уже битые, приходим сюда пообщаться, удивить друг друга стихами. Здесь и несколько пожилых дам, у одной из которых дома маленький литературный салон. Поэт Толя Рекубрацкий пишет по-украински. Он и выглядит поэтично. Поэт Паша Баулин красив и улыбочив. Он пишет по-русски. Позади многое. Ввод наших войск в Чехословакию. Гэбистские публикации в местной прессе о литературном клубе (кто-то уехал из страны, кто-то погиб). Но в этом зальчике эти люди ещё не разведены по разным политическим колоннам. До перестройки как до Луны ползком. Саша Митко отзывает меня в сторону и заговорщицки улыбается. Он достаёт из кармана обычную почтовую открытку, на которой изображены герои басни Крылова «Волк на псарне». Несчастный волк загнан в угол, а стая псов лает, визжит от предвкушения лёгкой добычи, и всё-таки страшится волчьих клыков.

ЧЁРТ – В ДЕТАЛЯХ. НО И АНГЕЛЫ –
В НИХ ЖЕ

Надпись на открытке Саша сделал сам: КГБ травит А.И. Солженицына. Я ухмыляюсь: похоже. Потом он точно так же отводит в сторону, кажется, поэта Борю Ткалю. Тот, прихрамывая, идёт, раздражённо оглядываясь на предыдущего собеседника. Смотрит на открытку, хмурится, не понимает. И вдруг начинает заразительно смеяться. Все хотят выяснить, что там случилось, но хозяин открытки уже запаковал её в боковой карман пиджака. Ничего. Просто анекдот.

Наконец, рассказываемся, с ужасом глядя на появившуюся графоманку. Если она начнёт – не остановишь. Но тут приходит председатель Союза писателей области Пётр Павлович Ребро. С чего бы это? Он занимает место оратора – и мы понимаем, что графоманке сегодня не светит. Пётр Павлович явно смущён, но бодрится, морщит свой удивительный нос, без какого-то баснописца на Украине никак нельзя, зыркает весёлыми хитроватыми глазами, но лицо держит строго, как на похоронах.

– Товариство, я відволікаю вашу увагу, аби поінформувати про політичну багнюку, у яку потрапив один наш колишній колега. (Друзья, я отвлекаю ваше внимание, чтобы проинформировать о политической грязи, в которой оказался один наш бывший коллега (укр.).

Публика замерла. Такого ещё не было. Особенно замечательно было услышать про «политическую грязь». Неужели и к нам прикатило? Это не какая-нибудь аморалка. И вот выяснилось. Оказывается, писатель Павел Павлович Супруненко, известный нам совершенно нейтральными книжками – сборниками легенд острова Хортицы, Приднепровья и казачества, находится в переписке с самим Солженицыным! И пишет ему всякие гадости про родную партию. «До этого даже китайцы не додумались! – с выражением читал Пётр Павлович. – Не мешало бы и нашим престарелым хунвейбинам в ЦК КПСС взять с них пример»...

На «престарелых хунвейбинах» наше маленькое общество сдержанно хихикнуло. Оратор сделал вид, что не услышал. Замечательные пожилые дамы сидели окаменевшие. Они ведь думали, что после XX съезда партии и разоблачения культа личности ничего такого больше не будет. И вот всё вернулось. Я спросил с видом наивного идиота, а зачем Павел Павлович дал Петру Павловичу это письмо? Пётр Павлович внимательно посмотрел на меня и сказал, что этой перепиской занимаются органы. Кто-то спросил про тайну переписки, кто-то поинтересовался, а что сам писатель Супруненко по этому поводу говорит. Не помню, чтобы кто-нибудь возмущился фактом переписки с «враждебным элементом». Мы знали, что Солженицын – выдающийся и смелый писатель. И свет Солженицына с этого момента навсегда был привязан к Супруненко.

Позже я работал вместе с сыном писателя Володей в молодёжной запорожской газете. А с Юрой, который издал нынче книжку «Жизнь под вопросами», мы познакомились в Москве. Я жил в зоне «Б» (на журналистских этажах), а он – в зоне «Г» (там размещались географы и геологи). Название «зона», вероятно, осталось от стройки подведомственной товарищу Берия. Зоны находились в знаменитой высотке МГУ. Отец приучил и Володю, и Юру к путешествиям. И к журналистике. И сегодня Владимир Супруненко – популярный журналист-путешественник, объехавший, кстати, на велосипеде Чёрное море, а кандидат географических наук, член ряда географических обществ, научный сотрудник Института географии РАН и член Союза писателей России Юрий Супруненко сделал журналистику и писательство второй своей профессией.

Мемуаристики опасуюсь. Чтобы писать такие книги, нужно иметь мощную память, чистую совесть и храбрость для выражения правды. И ещё: конструировать время по точным деталям. Вот на обилие деталей и отсутствие идеализации героев (в том числе самого автора) обращаешь больше всего внимания. Вот довоенная жизнь. Их семья в очередной раз переехала, сняв угол. К мальчишке – будущему писателю – подходит его ровесник, сын хозяина угла.

«А мы вас, мы вас... в любую минуту можем выселить...»

Конечно, обида нанесена такая, что и ответить не знаешь как. Но я нашёлся: «А я, а я... запишу вас в колхоз!». И для более полной убедительности я достал из кармана блокнотик и карандаш. Хотя даже рисовать буквы я ещё не умел. Боже, что тут сотворилось! Мой хвастливый «домовладелец» не просто заревел, как ужаленный, а впал в затяжную истерику. Он, видимо, был наслышан, как и я от взрослых, о колхозах, как о чуме, заразе или лихоманке вместе взятых»...

А чего стоит поговорка, ходившая среди крестьян: «На воротах серп и молот, а в колхозах смерть и голод»?

Предыдущая главка называлась «Сила слова». А вот уже фронтовые заметки. Волы с трудом тянут орудия – дивизионки, 76 мм – сквозь непролазную грязь. А солдаты вручную перетаскивают ящики с патронами, мины, снаряды: по паре, на перевязи, через плечо. В этом участвуют и гражданские – селяне. Длинная цепочка женщин, увешанных такими металлическими «поросятами» тянулась по так называемой дороге. И все быстро привыкли к смертоносному грузу...

Такое не выдумаешь. И ещё важно, что именно такие детали запоминал юный солдат. Павел Супруненко в 17 лет ушёл добровольцем на фронт... Прошёл от Кавказа до Праги. Уцелел. Посмотрите на фото, каким пижонем вернулся. Он был рядовым, потом офицером, комвзвода сапёров. Награждён многими медалями, орденом «Красной Звезды» и двумя орденами «Отечественной войны».

Хотел стать журналистом. В Киеве недобрал балла, поступил в Днепропетровске на истфак...

Инвалиды. Голод 1947 года. Он его называет «полуголодом» по сравнению с 1933 годом. Сергей Бабич, не успевший по малости лет на большую войну и погибший на войне в Корее. Работа студентов в колхозе. Любовь. Ночь на Ивана Купалу. Дочь секретаря обкома, наоравшая на местное начальство, мол, если студентов не отправят вовремя в город, им мало не покажется. Отправили. Звали дочку Галкой Брежневой...

Да что же это со мной? Так я пунктиром перескажу книжку, и при этом никто ничего не поймёт... Это не рецензия. Мне трудно определить, что я сейчас делаю, сидя за компьютером.

Послушайте, коллеги! А если нам издать эту книжку на диске? Ни с кем не говорил – ни с автором, ни с редакцией, ни с издателем или издательством. А у вас спрашиваю. Если интересно – черкните мне пару слов. Почему так говорю? Потому что впервые длинноты не мешали чтению. Детали. Они, и только они, наполняли ушедшее время жизнью. И то время, в котором жил я. И то, в котором меня ещё не было.

Целый раздел в книге называется «Стану ли я журналистом?». Автор уже работал в многотиражке и заканчивал вуз, но тут начали строить Каховскую ГЭС, и ему в который раз улыбнулся фарт. Первый раз – когда он, не умея плавать, сумел не утонуть. Потом вернулся живым с фронта. И вот решили открыть корпункт «Комсомолки» в Запорожье. И его заметили, позвали собкором. 1952 год. Павел Павлович вспоминает, что однажды сразу три его заметки были в номере. Это случилось через год. Газете приказано было давать всё подряд. Всё, кроме главной правды. Умер Сталин, и страна узнала об этом не сразу.

Он вспоминает своих коллег. С благодарностью. С уважением. Всё равно ироничный слог его выпрыгивает иногда из-под пера.

В «КП» были настоящие мэтры журналистики. Среди них – Коля Драчинский.

Игорь Болгарин, сотоварищ по «КП», пожалуй, самый удачливый, шустрый и... богатый сценариями, премиями, дачами, загранпоездками, нумизматикой. «Вошёл» в Украинскую энциклопедию, но звёзд с неба так и не прихватил...

«Представительный» А.М. Прокофьев был для него «гуру» в «Комсомольской правде».

В какие чины многие взлетели из «КП»... А других как и не было... (Ким Костенко выбился из собкоров в начальство и погиб в катастрофе на только что купленной автомашине). Одним словом, перед читателем проходит целая галерея газетных корреспондентов.

И «Комсомолка» помнит автора: о нём, как о фронтовике, газета рассказала в книге «Корреспонденты победы» (М.: «КП», 1995). А после «Комсомолки» было много газет («Правда Украины», «Курортная газета», «Сельская жизнь»). И были «вольные хлеба». Издавал книжки. И его всё дальше уводило от обязанностей что-то поддерживать и что-то пропагандировать. Его книги были о прошлом, что избавляло от необходимости оценивать настоящее. В 1970 году он стал членом Союза писателей СССР. Теперь его не могли привлечь к ответственности за тунеядство. Впрочем, это длилось недолго.

ПЕРЕПИСКА С СОЛЖЕНИЦЫНЫМ

Павел Супруненко общался, встречался, переписывался со многими людьми, которые были ему интересны (в этом смысле Солженицын – не исключение). Н. Асеев, А. Довженко, К. Паустовский, В. Шкловский, В. Дудинцев...

А с Солженицыным переписка началась задолго до травли этого писателя. Письма, которые отправлял Александру Исаевичу Павел Супруненко, чрезвычайно интересны, поверьте. Они аналитичны, в них много информации и совсем нет подобирастия. Отвечал Солженицын с опозданием, всегда извинялся, переезжал, давал новые адреса. На некоторые письма он, уже из Америки, не отвечал, особенно тогда, когда не был согласен категорически с позицией своего корреспондента.

Много лет, уже живя в Москве, Павел Супруненко помогал первой жене Солженицына Наталье Алексеевне Решетовской в разборе рукописей. Собственно эта работа и привела к написанию книги о Солженицыне «Признание... Забвение... Судьба...».

А та запорожская история просто так не закончилась. После высылки Солженицына, уже в 1975 году, украинское КГБ попыталось привлечь Павла Супруненко к уголовной ответственности за «антисоветскую пропаганду». Около 30 свидетелей вызывались в КГБ на допросы и... Не

случилось! Никто не пошёл на клевету или провокацию, как и на том литобъединении, где молодой народ был сильно разным, но, безусловно, порядочным.

(В. А. Челышев «Жизнь под вопросами». – «Журналист», №1, 2009, с.90-92) (Виталий Челышев brit-va@yandex.ru)

ВЕРИТЬ ИЛИ НЕ ВЕРИТЬ

Я по натуре не спорщик, да и возраст убеждает в том, что навряд ли стоит кого-то переубеждать, если его мысли укоренились в мозгах, в душе, в сердце. И всё же приходится удивляться, как мы расходимся во мнениях со сверстниками. Ведь жили в одно время, учились в одних школах, вращались в одной среде, особо не отличались родителями.

Вот только разве книги читали разные. И чем старше, тем различнее. Особенно спор, или сказать мягче, разночтения заходили не по мелкому, а, пожалуй, даже по принципиальному вопросу – о вере... Особенно после наступления смутного времени, перестроек-катастроф, завихрений в умах.

В церковь меня не потянуло. Не понравилась эта вышняя обрядность, помпезность, пышность, державная зависимость и целование крестов и священников... Для потомков это расчетливость. Для затемненных в своём сознании внушаемых прихожан это, очевидно, понятная необходимость и потребность. Короче говоря, я предпочитаю обращение к Высшим силам без посредников.

Как-то ещё в советское время в Одессе я пошёл с родственником на баптистское собрание с его Музычкой и песнопениями. Под конец, когда многие верующие вошли в экстаз, в состояние бредового бормотания с потерей реального ощущения, я понял, что эта экзальтированность, суперчувствительность не имеют ничего общего со здравомыслием. Хотя это искренне верующие и я полон к ним уважения за их порядочность, отзывчивость, духовность.

Но я, видно, не дорос до понимания «Библии», на меня больше произвела впечатление древнекитайская «Книга перемен», и я даже сделал из неё выписки для внуков.

Потребность в вере, видно, во мне созрела постепенно, и была ускорена и возрастом и временем. А недавно мне случайно попала книжка убедительно эрудированного автора, некоего Гуревича, философа. Она во многом подтвердила мои «стихийные» мысли о вере...

«В нашем сознании вера обычно соотносится с религией. Однако философское понимание веры шире – она часто вообще не имеет сакрального, т.е. священного содержания. Вера – глубинное переживание человека, опора его души. Способность человека верить не менее весома, нежели умение мыслить... Она затрагивает сокровенные струны души – почтение к предкам, надежду на бессмертие. Основой веры служит духовный опыт человека... Одни учёные признают верховенство знания. Другие – преимущество веры. Третьи исходят из равноправности веры и знания». (Я – среди третьих...) Автор написал книгу и для взрослых «Возрожден ли мистицизм?» Надо будет найти – доверие обнадеживает. Мистика бывает разной – иногда в родстве с наукой. В повторные чудеса я верю. Много занятного и убедительного встречается в журналах и газетах «Чудеса и приключения», «За семью печатями», «Оракул», «Аргументы и факты». Астрология не для меня. А вот с А.И.Солженицыным согласен: жизнь после смерти не исчезает полностью.

Пусть вера кажется кому-то наивной, но она спасительна, небезнадёжна. У меня над столом под часами прикреплена крупнобуквенная шапка из «КП»: «Унынье – это грех. Христианин должен быть оптимистом». Как всегда

прав М. Твен. «Каждый человек подобен луне, имеет свою неосвещенную сторону, которую он никому не показывает».

VII. НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ВСТРЕЧИ И ИНТЕРВЬЮ

ЗАБОТЫ ДЕДА КОРНЕЯ

При упоминании имени деда Корнея светлеет на душе, радуешься, как можно радоваться воспоминаниям детства. Да он и неотделим от каждого из нас.

В прошлом и великие и простые смертные не преминули помянуть бабушку или дедушку с их запавшими в памяти на всю жизнь сказками. Но что делать в наш век – бабушек то мы вспоминаем, но вот со сказками труднее. Бабушки пошли грамотные, с внуками возиться не всегда согласны, а сказок не очень много и помнят. А с няньками и того тяжелее. Найти-то найдешь, но за немалую плату, а в их обязанности вряд ли будет входить чтение сказок.

Словом, молодым мамам и папам хлопот полон рот. Вот тут их и выручил дед Корней. Нет, помог он не в подборе образованных няnek. Подсобил в деле не менее важном – помог сказкой, добрым словом. А это не что иное, как, говоря инженерным языком, строительство детской души. Писали для детей и раньше до Корнея Чуковского. Но таких сказок, как он, никто не рассказывал из писателей. Его стихи про муху-цокотуху, Мойдодыра, крокодила, Ай-Болита стали достоянием десятков миллионов детей. Сказочник не умилялся малышами, а как никто другой видел в них мыслящих, пусть маленьких, но личностей. Он давал не лакомство, а «насущенный и очень питательный хлеб». Дети становились старше и видели, что дед был не таким безобидным, мог быть довольно строгим и сердитым. Он неплохо умел их защищать от «душителеев детства», тех «глухонемых в опере», представляющих, что ребенок – это сундук, в который, что положишь, то и вынешь.

За детьми Корней Иванович не забывал и взрослых. Он-то хорошо понимал, от кого зависит «черновик человека», как он образно определил ребенка, и что в нем будет зачеркнуто, а что останется на всю жизнь. Как свидетельствуют издатели, книга «От двух до пяти» уже подошла к трехмиллионному тиражу. Но лучше, пожалуй, ее популярность определить опросом людей. Вероятно, не найдется семьи, где бы не знали детского словотворчества, подслушанного мудрым старым писателем. Более того, тысячи пап и мам стали сотрудниками и корреспондентами К. И. Чуковского. Благодаря ему, любовь многих родителей к детскому лепету из неумелого подсюсюкивания превратилась в осмысленное воспитание речи и мышления. У книги, которую критики поначалу встретили в штыки, а потом затруднялись, к какому жанру отнести, в конце концов, восторженно возносили, оказалась завидная судьба. Она пишется десятилетиями в соавторстве со своими читателями, независимо от их профессии. Да и самого автора трудно определить здесь, кто он по преимуществу – поэт или педагог, ученый-психолог или исследователь лингвист. Возможно, в этом многообразии авторских позиций – один из секретов успеха этой «критической повести».

Многие родители, прочитав книжку, начинают внимательнее прислушиваться к говору своих «желторотиков».

– Отвались! Отколись!

Раньше отец нас с братом постоянно отучал от детских вульгаризмов, но, познакомившись с Чуковским, подумал: а так ли уж плохи эти слова. Говорят «отвяжись». Но сейчас люди живут интенсивнее, динамичнее. И, пожалуй, энергичнее, действеннее – отваливаться или откалываться...

Возможно, это именно те меткие словечки, которым суждено привиться к ветвям нормальной речи. А, впрочем, не отдают ли они тем молодежным жаргоном, за которым скрывается грубость, пошлость, развязность, так прилипчивые к подросткам? Какого родителя не грызут сомнения, не преследует страх за детей, которым угрожает не только убогость языка, но и бедность мысли, вульгарность чувств, а может и извращенность психики?

Мнение Корнея Ивановича об этих словах осталось неизвестным. Но вот о других схожих неологизмах он отзывался. В открытке, вложенной в книжку с дарственной надписью и присланной нашему отцу. В ней известный писатель отмечал: «Мне тоже нравится и «бревнюк», и «корытник» – тем более что корытники часто бывают бревнюками».

О чем шла речь?

Это уже из лексикона вполне взрослых и зрелых людей. Корней Иванович заботился не только о малышах, в еще большей мере воспитывал дядя и тетя. Особенно, если слышал от них косноязычие, коверканье языка, «одноклеточные» словечки из языка Элочки-людоедки.

Писатель не мог оставаться равнодушным к тревоге тысяч людей за дальнейшую судьбу родного языка. Его уродуют в канцеляриях и конторах, современных офисах. Солидно и громко, комедийно и пошло извращают в объявлениях и этикетках, плакатах и рекламе, коверкают и «стандартизируют» в докладах. На это языковое безобразие время от времени обрушиваются в печати. Из статей в газетах и журналах, переписки с читателями, всего богатого писательского опыта и получилась в свое время у К. И. Чуковского книга «Живой как жизнь» – замечательный разговор о русском языке. Она написана эмоционально и занимательно, не потеряла своей насыщенности и актуальности и в наши дни, так изобилующие новомодными словами-подпорками, словами-протезами на иностранный манер.

Впрочем, изменения в языке удивительно чутко и тонко отражают жизнь. Но разобраться во всем сразу не так просто. Одни ополчаются на иностранщину, другие перед ней преклоняются. И так можно шарахаться из стороны в сторону, потеряв равновесие. Тут важно поставить все на свое место – крайности сходятся. Это хорошо удалось сделать старейшему нашему писателю, который стал выше своих привычек и привязанностей. Такая черта объективности не может не импонировать молодым. Кто будет спорить против заимствованных из других языков слов, которым нет аналогов в родном. Но с присущей деду Корнею страстностью обрушился он на самый тяжелый и

серьезный недуг в языке – канцелярит, разоблачая скрывающихся под ним бюрократов – и самых микроскопических, и самых высокопоставленных.

По примеру Чуковского небезынтересно внимательно прислушиваться к речи окружающих людей. Прелюбопытное занятие! И, возможно, занимательное не только для себя самого. Судите сами.

«Мы вас пробрифуюем как следует, чтобы у вас произошло пенетрейшн марки», – говорят новичкам, устраивающимся в рекламное агентство или маркетинговый отдел, сотрудники со стажем. Но на каком языке – русском как иностранном? В переводе это значит, что новобранцам придется причаститься корпоративным духом и вникнуть во все тонкости использования корпоративных правил. А попросту – пропитаться кастовостью и высокомерием, научиться понимать без перевода этот «птичий язык», который не лучше канцелярита – там тоже чувствуется пренебрежение ко всем остальным, разговаривающим не твоими оборотами. Потом новичкам предстоит овладеть тайм-менеджментом (искусством планирования времени), различать эйры (action for realization – задание для исполнения) на дельные и тупиковые – зибиби (zerow below budget – задачи, на которые нет ни времени, ни желания, ни денег), съездить на тим-билдинг (выезд всей компанией на пейнтбол или в боулинг), а попросту на корпоративную вечеринку-пьянку, разве что, может быть, на природе. В конце концов освоить корпоративный язык, на котором все разговаривают и за пределами офиса (к примеру, уже и вне стен офисов языковые винтики и роботы говорят, «это ненормально, это звучит зибиби»).

Жаргон «серых», «белых» и «голубых воротничков», представляющий дикую смесь русских и английских слов, получил полуругательно-пренебрежительное, но вполне серьезное название «рунглиш» (Russian + English). Звучит очень убедительно, потому что в этих «пенетрейшн» и «зибиби» и впрямь есть что-то от ругательств. Одним словом, простите за «рунглиш» – не придумал адекватного русского аналога...

И что самое печальное и обидное в этой практике – употребление сплошных калек другого языка, безо всякого перерабатывания, приспособления к живому великорусскому... Как будто родной язык – лишь схема, набор букв и выражений, куда можно подставить любую абракадабру. Но как же все это режет ухо! Все равно, что музыкальный слух пичкать шумовыми эффектами.

Но еще более неуютно почувствовал бы себя Корней Иванович в атмосфере интернетовского «сетеза», называемого еще «олбанским» за его явные нарушения всех правил. ...Если в поисковой строке Яндекс набрать «афтар», то система законно предположит опечатку и предложит вам поискать в сети слово... «аффтар». Согласившись на замену, вы получите длинный список странных словосочетаний – от «аффтар жжет» и «ржунимагу» до «медвед, превед» и «кг/ам». Как говорят сейчас, Чуковский отдыхает... За последние пять лет в Интернете сформировался и проник в молодежную культуру особенный русский язык, который намеренно пренебрегает орфографией и предпочитает аббревиатуры. Этому языку-калеке по аналогии с оруэлловским новоязом из антиутопии «1984» и английским термином netspeak было дано название сетез – сетевой язык.

Во времена Чуковского даже жаргон изобилует меткими и образными словечками. Партийно-хозяйственных сановников и их прихлебателей, которые пользовались благами жизни из разных распределителей, спецбаз и спецторгов народ называл «корытниками». Разве это не

метко и не убийственно?! Впрочем, насчет убийственности не станем настаивать – корытников становилось не меньше, а больше. Слова действуют не так быстро и если убивают, то не мгновенно.

– Бревнюки! – услышал наш отец как-то на улице. Слово показалось примечательным – этакое созвучие с дрянью и сочетание с омертвелым тупым бревном. Об этом он и написал Корнею Ивановичу. Тому понравился неологизм, и он с присущим ему юмором отметил явную связь – «корытники часто бывают бревнюками»...

Нынешнее словотворчество тоже иногда радует удачными находками. «Ничего не стоит монетизировать эту идею»... «Монетизировать тару» – теперь означает просто сдать бутылки, которые для тех же пенсионеров – не последнее дело. Словечко появилось после замены натуральных льгот денежными компенсациями. Начатая в России в 2005-м году монетизация сразу вызвала волну недовольств среди льготников по всей стране. На деньги были заменены – право на бесплатный проезд в городском и пригородном транспорте, бесплатные лекарства и санаторное лечение. Больше всего пострадали простые пенсионеры – не блокадники, не инвалиды, не участники ВОВ. Сначала компенсации для этой прослойки россиян вообще не были предусмотрены. После некоторых доработок к так называемой монетизации привыкли. Но слово с печальной памятью осталось, ныне оно употребляется повсеместно и в переносном значении, когда речь идет о превращении чего-либо в денежную прибыль.

Неизбежно посещают раздумья о родном языке – фундаменте культуры, ее основе. Это оружие не только людей пишущих или активно и серьезно читающих. От знания языка зависит сила, убедительность человека, умение организовать, повести за собой людей. Это проявляется и в спорах, и на собраниях, и в самых обыденных обстоятельствах. Разве не сильнее тот, кто лучше других умеет выразить свои мысли и чувства простыми, образными, весомыми словами. Остается бесспорной старая истина: если человек не умеет правильно, грамотно изложить свои мысли, значит, он и мыслит так же бессистемно, хаотично.

Недооцениваются эти истины в молодости, откуда-то появляется пренебрежение к «изящной словесности», прилипает жаргон. Укоренится такая «детская болезнь», и язык твой станет врагом твоим. Приходилось слышать о молодоженах, вполне подходящих друг другу симпатичных людей, которые разошлись только потому, что она не захотела или уже не могла расстаться со своей привычкой говорить «сколько много». Как тот важный начальник, отталкивавший людей своим речевым шедевром вроде «взять на карандаш».

А сейчас появились новые слова-паразиты. Расхожим стало выражение: «Жесть!» (как у Элочки-людоедки – «законно, железно»). «Жесть! Были сегодня на речке, еле вымыла песок из волос!!», «Стивен Сигал – это жесть». Казалось бы, полная неопределенность, употребляя это слово, хоть для связки, хоть заменяя междометия. И все же что-то оно характеризует, а именно – все, что лежит за рамками обыденного сознания и опыта, все, что может вызвать хотя бы малейший выброс адреналина. Жесть – это и хорошо («Моя новая тачка – это просто жесть»), и плохо («Пельмени за 200 рублей – это жесть»). Молодежный неологизм, воспетый и прославленный треш-рэп-группой «Кровосток» в одноименной песне, быстро стал почти официальным синонимом русской реальности. Сперва в российский прокат вышел фильм «Жесть» (в сценарной версии «б соток»), затем «Первый канал» объявил

о запуске репортерской программы с аналогичным названием. Полностью же легитимизировала употребление жаргонизма губернатор Санкт-Петербурга Валентина Матвиенко. То ли по незнанию, то ли в силу своей прогрессивности и причастности к современным веяниям Валентина Ивановна недавно в обращении к местному Законодательному Собранию дала самое четкое определение «жести» в истории современной России: «Все, что бурлит, кипит жизнью, дает эмоции, побуждает к движению, сулит перспективу. Причем эта перспектива зависит от тебя». Теперь пойдешь разберись – паразит это слово, или нет...

Как бы там ни было, исправлять бывает нередко сложнее, труднее, чем строить заново. Так и с языком. Говорят, он усваивается с молоком матери. Но еще больше перенимается от окружающих нас людей, от изучения литературы. Ясно одно: то, что приобретается в молодости – высекается на камне, а в старости – уже по воде вилами пишется. Как помогло бы от языковых шараханий и компьютерных аббревиатур пособие, подобное книге «Живой как жизнь» Чуковского, но написанное на свежем современном материале.

Вообще же опасностей, подталкивающих к косноязычию, немало. Школьники почему-то менее любознательны к языку, чем к решению, скажем, математических задач, или урокам истории. Возможно, тут мало занимательности, логической последовательности и много условностей и формализма. У языка – свои законы, подчас скрытые, много различных исключений. И давно назрела реформа орфографии.

Немало приходится удивляться нашему ограниченному запасу словоупотребления по сравнению с тем резервом, которым располагает русский язык.

Но еще больший, пожалуй, грех в шаблонности речи, идущей то ли от канцелярских оборотов, то ли от внедрения в жизнь компьютерного схематичного языка. Л. Толстой так боялся избитых повторов, что даже афоризмов не любил. Словесные штампы и трафареты идут (да и ведут тоже) от шаблонности мысли, от боязни сказать свое слово. Выходит человек на трибуну и без стеснения достает шпаргалку (зачем же тогда школьников и студентов за них наказывать?!). Такого бы оратора вполне заменил органчик в виде поставленного на трибуну магнитофона.

Ну, пусть раньше боялись, что скажешь не то слово и неприятностей не оберешься, а то еще и в определенное место вызовут. Но теперь-то, кажется, бояться нечего? Может уместно какому-нибудь законодательному органу повторить указ Петра Великого, который гласил: «Каждому боярину, как и всякому думному дьяку, сим предписуется: в каждом присутствии говорить не по писанному, а своими словами, дабы дурь одного одного каждому ясна была...»

* * *

Вот такие размышления пришли в первоапрельские дни юбилейных торжеств К.И. Чуковского.

Окна нового корпуса писательского дома творчества в Переделкино выходят на улицу Серафимовича, на которой и расположен дом-музей писателя. Литераторы в последнее время редко заглядывают сюда – видно своих творческих забот в наше рыночно-суетливое время хватает. По крайней мере, мне попадались только дети да сопровождавшие их родители...

Идет уже четвертое десятилетие после смерти Корнея Ивановича. Сосны вокруг дома заметно постарели, но в доме не затихает детский смех, ведь это дом Сказочника. И

мы как будто снова видим высокого седого человека, веселящегося с детьми в лесу. Ну, кто бы смог, надев головной убор индейского вождя, сохранять среди ликующих детей такое невозмутимо серьезное выражение лица?

Корней Иванович – не только знаток детских душ и радетель языка, но и писатель, не угодничавший перед властью предрешающими. Возраст, да и воспоминания о пережитых житейских мытарствах в годы, непростые для творчески раскрепощенных людей, скорее всего, удержали его от открытой оппозиции.

Жизнь он начинал «кухаркиным отпрыском», настойчиво стремящимся к самообразованию. Так, английский учил, когда работал на крышах, записывая слова на наклонных листах кровельного железа. И, в конце концов, стал почетным доктором Оксфорда. Это был человек, сделавший сам себя (self-made man), достигший значительных литературоведческих высот. Но не бросивший тень на свою жизнь неблагоприятными сделками, не запятнавший свою репутацию всяким «подписанством» (подписывания писем против неугодных власти писателей). Более того, не отказался открыть двери дома и дать приют (по просьбе дочери Л.К. Чуковской) опальному А.И. Солженицыну (в музее показывают комнату, где тот обитал со своим любимым столом, перевозимом с места на место, в последнюю зиму перед высылкой на Запад в 1974 г.; настоящие вилы, с которыми Александр Исаевич, то ли в шутку, то ли всерьез, готовился встретить кегебешников; лесной массив, по которому он обычно уходил на соседнюю железнодорожную станцию Мичуринец от не отпускавших его из поля зрения топтунов, уже в электричке для конспирации меняясь шапками с сопровождавшим его товарищем).

К.И. Чуковский не был непримиримым борцом с отживающей и закостеневшей в псевдореволюционной идеологии системой. И все же, при всей своей прагматичности, всегда сохранял достоинство честного писателя и гражданина. В то же время, не распространяя политику на детей. Известная ныне писательница Дарья Донцова, дочь высокопоставленного чиновника писательского Союза, приходя ребенком в гости к Чуковским, никогда не чувствовала даже намека на недоброжелательство. Отношения с ее отцом у Корнея Ивановича были не из приятных, но писатель всегда подчеркивал, что детей это не касается...

Одним словом, много поучительного и познавательного можно услышать от эрудированных и увлеченных своим делом «чуковедов» из музея.

(Написано и дополнено Ю.П. Супруненко, членом Союза писателей России, кандидатом географических наук, по материалам П.П. Супруненко; в сокращенном виде – С. Юрьев (Ю. Супруненко) К языку прилипла «жесть». – Природа и человек. XXI век. №3, 2008, с.24-25)

УДИВИТЕЛЬНАЯ ЖИВУЧЕСТЬ

Книги эти выходят в «Детгизе», а гоняются за ними взрослые. Однажды в Ялте в книжном магазине я спросил у продавщицы этимологический словарь Л. Успенского. Она только мило улыбалась, покачала головой. Наконец, подумав, я, продавщицы научились быть любезными. Не было, конечно, ни «Слова о словах», ни книг «Ты и твоё имя», «Имя дому твоему». Их спрашивают в магазинах букинистов, в библиотеках. Ну, хоть отказывают приветливо.

Оказалось, продавщицу развеселила не наивность моего вопроса, а сама ситуация – вместо ходких книг в

магазине находился сам автор. «Вот он у соседней витрины». Я помнил наставления своих старых коллег – всегда и везде не выпускать из рук пера, преодолел некоторое смущение и обратился к заметному покупателю. Так появилось это интервью.

Одни живут в мире формул, другие – звуков, третьи – красок. Лев Васильевич Успенский живет в мире обыкновенных слов. Впрочем, не совсем обыкновенных – в своем сочетании слова образуют чудо – человеческую речь. Проследить путь слова, докопаться до его происхождения – увлекательнейшее занятие не только для лингвиста.

Писатель и исследователь не просто сам живет в этом удивительнейшем мире слов, но и старается приобщить к нему и юных, и зрелых людей. Это не одна занимательность, но и необходимость как служба здоровья.

В печати в то время почему-то особенно интенсивно и горячо вели борьбу за чистоту русского языка. Ополчились против засорения его канцеляризмами, казенщиной. Намечался ли поворот в лучшую сторону? Что необходимо для повышения культуры языка?

– Я думаю, что особой опасности не существовало и не существует. Язык всякого народа, а тем более русский язык – это можно сказать организм такой силы, такой мощи, что может выдержать любые трудности и невзгоды. Возьмите наш язык – на него влияли и татарский, и западно-европейские. И если он справился, обогатился, а не обеднел, стал не слабее, а лучше, то нет никаких оснований для особых опасностей. А тем более для паники.

Но, конечно, о чистоте языка должен заботиться каждый. А тем более литератор. Мы с Корнеем Ивановичем Чуковским вели «Службу языка» в Литературной газете. Большая роль в этом печати, радио. Но не менее важна большая работа школы. В ней закладывается фундамент наших знаний. А культура языка неразрывно связана с повышением общей культуры человека.

Откровенно говоря, слово «служба» отдавало у меня каким-то армейским и чиновничьим привкусом. Когда же Успенский говорил о своей службе, я вспомнил широкое далевское толкование: служить – значит быть на своем месте, быть полезным, оказывать помощь. Пост, на котором находятся словесники, лингвисты, филологи, возможно, один из самых почетных и необходимых. Служба особая, требующая и ума, и чутя, и деликатности. Поскольку язык не терпит произвола, «слушается только таких приказов, которые согласны с его внутренними законами». Можно, например, кривиться и морщиться при слове «волнительно» – дурная, мол, мода. Ан выходит, его кстати употреблял и Л. Толстой и другие писатели. Запреты в языке пытались устанавливать и Павел I и Николай I и менее высокопоставленные, но более умные особы. Цари предавали анафеме, велели «казнить» такие слова как «гражданин», «прогресс», «интеллигенция». Но кончилось это, как известно, конфузом.

Язык народа неукротим, живуч и своенравен. Он, оказывается, не терпит головоломных скачков и революций, и один из важнейших его законов развития – постепенность.

Он, хоть и неумолимый труженик, обкатывает неологизмы, отменяет архаизмы, но зря трудиться не любит («кино», «такси», «метро» и многие другие рационализаторские сокращения тому доказательство). Наивно полагать, что жизнью можно управлять приказами сверху, пусть и, казалось бы, продуманными «ценными указаниями». Так же и слова становятся подвластны только закономерностям самой жизни. Канцеляризмы идут от бюрократов... Язык, как барометр, только показывает давление.

Испортить или засорить язык так же немислимо как заплевать море.

Впрочем... Лев Васильевич умолк, засмотрелся на неумолимый прибой, залюбовался могучим дыханием воды и отказался от сравнения. Сейчас, мол, не так уж трудно загрязнить, загадить море-океан. Язык, пожалуй, надежнее гранитных скал. Разрушились горы, высохли реки, исчезли с лица земли государства и народы – и только язык сохранил о них следы. Удивительная живучесть!

Как и в дружбе между людьми, тут надо понять, что служим мы друг другу.

И в разговоре со своим авторитетным собеседником я обретал уверенность, что язык умеет за себя постоять.

Но вместе с тем понимал, что не все читатели разделяли спокойствие. Мы уже привыкли бороться с кем-то или с чем-то. Непримиримы и к засоренности языка. В частности, вызывало тревогу злоупотребление молодежью жаргонными словечками. Насколько опасна эта болезнь?

– Как правило, она с возрастом проходит, – отвечал Успенский. – И сами так называемые стилиги не постоянны в своей увлеченности «паразитами». Вчера они, допустим, говорили «люкс», сегодня «железно», потом переходят на «колоссально», «шедеврально». Но все это как рябь на поверхности моря.

Если быть самокритичным, то мы тоже в таком семнадцатилетнем возрасте были не безгрешны в свое время. Степень восхищения выражалась и «на большой с присыпкой», и «на сто двадцать», и «грубо». Но все это сейчас звучит как пережиток. Разговорную речь всегда засоряли. Еще во времена Сумарокова балльные шаркуны изъяснялись – «он с ней махается», т.е. кокетничает. Но, несмотря на подобную накипь, язык рос и развивался как ему надлежит.

Так что, на мой взгляд, большого несчастья в жаргонах нет. Административные меры в этом отношении, навряд ли помогут. Здесь более эффективно воздействие литературы. Тут важно больше объяснять, убеждать. Кстати, слово убеждение связано с «бедой». Дать почувствовать, откуда эта беда... – улыбается Лев Николаевич.

С ним нельзя было не согласиться. Но в беседе – цепная реакция. Случается, один вопрос влечет за собой второй, третий...

Ведь как часто в книгах приходилось встречать героев вымышленных в худшем смысле слова, которые говорили одинаково, независимо от характеров, профессий, возрастов, эпох... Дело вовсе не в моем каком-то нигилистическо-критиканском настроении, которое иногда не совсем обоснованно приписывается молодым. Просто язык, как чуткое эхо, откликается на все, что происходит в жизни. И в нем лучше всего виден дух времени. Не всем, правда, дано почувствовать, а тем более объективно оценить, да еще по языку художественного произведения, настоящего мастера. Сколько ошибочных приговоров отменяло время. Мой «заход» не смущает Льва Васильевича. Кстати, к осанистой внушительной фигуре, рассыпанной седой шевелюре удивительно шло его имя.

Кто из современных писателей обращает на себя внимание? Повторял он мой вопрос.

Разговоры о том, что вот де были классики, а теперь мельчает литература, в корне неправильны. Они происходят, наверное, от какого-то консерватизма или от недостаточной осведомленности. Кто внимательно вникает в прозу Шолохова, Фадеева, Паустовского, Бабеля, Белова... да просто нет возможности перечислить всех наших писателей, которые виртуозно, каждый по-своему, владеет словом. Но я не хотел бы брать на себя какие-то оценочные

обязательства. Нельзя не вспомнить в связи с этим замечания Антона Павловича Чехова. Он негодуяюще протестовал против чинопочитания, отмечая, что в совокупности так называемые маленькие, мелкие писатели, наверняка, делают больше, чем любой «великий». При этом мне вспоминается как однажды Б. Горбатов противился предлагаемой чистке Союза писателей от так называемых пассивных членов – поэтов и прозаиков. По этому поводу он рассказывал такой случай. В свое время руководил литературным кружком на Урале. Постоянным посетителем был один старик. Особых надежд он не внушал, и Б. Горбатов советовал ему заниматься своим учительским трудом, не тратить зря времени на писательские потуги. А старик-то оказался со временем никем иным как П. Бажовым.

Выдавать векселя на знаменитость рискованно до смешного. И между тем, большой мастер угадывается по языку. Для «пророчества» не нужно волшебства или особого дара – необходима культура, широта познаний.

Лев Васильевич любит прислушиваться к говору, к словам, как он говорит, в полете. Образ, возможно, от его увлечения авиацией еще в юности. По глубине проникновения в лингвистику, высокой оценке его работ специалистами можно подумать, что он с детства занимался филологией. Оказывается, что вовсе нет – работал землемером, художником, преподавал техническое черчение, пришлось отдать дань лесоводству, морскому делу, археологии, мифологии, географии.

К Крыму у него, как, впрочем, и у многих – особое чувство. В гражданскую войну он освобождал Таврию от белогвардейцев. Служил топографом. Не с тех ли пор интерес к Крымской топонимике?

Как-то пионеры Артека обратились к писателю с вопросом, что значит в переводе название их места. Ответить было не так просто. Он обратился за помощью к туркологам, грецистам, итальянистам, специалистам по славянским языкам. И только через год выяснил, что по этому поводу никто ничего не знает. Подробности всех переживаний с попыткой расшифровать это наименование составили целую главу в книге «Имя дома твоего» – это очерки по топонимике.

Пример с Артеком не единственный. Исследовать Крымскую топонимику чрезвычайно трудно. На полуострове, как известно, обитали многие народы и не так просто разобраться, где чей след остался в названии. Но исследователи шаг за шагом пробиваются к истине. Нужная работа в этом направлении велась краеведами, туристами, школьниками, которые собирают народные предания и легенды, связанные с наименованием рек, гор, долин, селений. Сбор и запись такого материала дело полезное.

Но вот поспешных толкований делать не следует. Выводы возможны только при достаточной аргументации.

Из Крыма мы перенеслись в Подмосковье, а потом снова на юг – в Приднестровье. Путешествовать с Львом Васильевичем можно бесконечно. На пути встречались внешне примелькавшиеся названия, фамилии, слова из разговорной речи. А он открывал их заново, вспоминая связанные с ними занятные истории, приключения, метаморфозы. И возвращал этим словам какую-то магическую волшебную силу.

...Я проходил с Успенским по набережной, вместе с ним восхищался прибоем, и он все-таки вернулся к установившемуся сравнению языка с необъятным морем. Есть в нем, в языке и свои бездны, пучины, отмели, течения, родники, и отшлифованные камни – слова. И как на море, редко бывает штиль.

Бурливая стихия языка. И вместе с тем своя гармоничность. И как спорят ученые мужи, чему больше отдать предпочтение – чистой литературной книжности или неотшлифованному разговорному словцу, насыщенной метафорой речи или «нагой» простоте, новаторским находкам или традиционным устоявшимся речениям. Шумит неугомонная стихия... Но есть какая-то закономерность, гармоничность в развитии языка. Вот постичь бы их вместе с противоречиями и особенностями.

– И знаете, какие горизонты встанут?!

Лев Васильевич стряхнул задумчивость и кивнул в сторону бросающих камешки в воду ребятишек.

– Эти дали уже откроются новым капитанам.

Да, кем бы ни были эти сегодняшние школьники – космонавтами, водителями, актерами, компьютерщиками – им очень нужен будет точный, природный, живой, яркий, сочный язык. Слова нужно уметь воспринимать и на слух, и на цвет, и зримо, объемно. В этом им помогут и книжки Льва Успенского.

Простотой и общительностью писатель располагал к признанию.

Чем я больше читал, тем чаще меня с годами стало удручать недостаточное знание языка. Слабым утешением были и откровения видных литераторов. Один из них говорил «процентов на сорок я русский язык, пожалуй, знаю» (Б. Житков).

Не каждый рискнет подсчитать свои проценты. Хочешь, не хочешь, а приходится соглашаться, что иностранным можно овладеть за 2-3 года, а родному, мол, нужно учиться всю жизнь.

Как жаль, что самокритическая оценка приходит с запозданием. Поэтому и завидуешь белой завистью, конечно, нынешним школьникам, что есть у них такие умные помощники, как книги Успенского.

(Отредактировал и подготовил к печати Ю.П. Супруненко)

НОЧЬ БЕЗ НОЧЛЕГА

Луна уже не только не подстилала серебристой дорожки, но просто издевательски нагло обдавала холодным пепельным светом. Проезжавшие запоздалые грузовики с навешанными фанерными фургонами над кузовами издавали урчание мотора и визг тормозов, с них доносились обрывки песен. Это везли с какого-то культурного «мероприятия» строителей. Работали они здесь на площадках, а жили в близких и дальних селах. Каждый день их увозили и привозили утром за десятки километров на работу. Обошлись без брезентовых палаток, и не было повода комсомольцам вспоминать о суровых условиях быта. Наоборот, в газетах было принято писать, что стройки коммунизма начинаются культурно – без холода и голода. И даже кинофильмы крутили.

А я согласен был и на брезентовую палатку. Как хорошо бы забраться в спальный мешок как когда-то в горных походах. Дежурная в гостинице даже объяснять долго не стала, показывая на раскладушки в коридорах. Конечно, мне следовало бы, как солидному корреспонденту, начать с райкома комсомола и парткома. А я вот так понадеялся на обещание комендантши общежития согласовать это со своим начальством. Лечь бы где-нибудь в степи, по-солдатски в скирде соломы. Но где её искать – скирду? Да и в каком пожеванном костюме я предстану завтра перед людьми. Подумают – с похмелья ещё не пришёл в себя... Нет, что-то надо предпринимать реальное.

Попроситься в номер к Довженко? Он жил здесь, в Новой Каховке, барин, занимая две комнатки. Старик, конечно, удивится нахалу, но и, скорее всего, не выгонит, а оставит на ночлег. Ведь я-то разделил с ним когда-то общую крышу...

ГДЕ МОРЕ, А ГДЕ ЛУЖИ

Журналистская судьба столкнула меня с ним совсем накануне моей командировки.

Не имея квартиры, я жил в гостинице города Запорожья, занимая двухместный номер. Как-то уже глубокой ночью меня разбудил администратор энергичным стуком в дверь.

– Примите ещё одного корреспондента? А то нам его девать некуда. Гостиница – не резиновая.

Я сквозь сон буркнул ей своё согласие. Вошедший застал меня с повязкой-полотенцем на голове. Дремота проходила, и я заметил его опасливый подозрительный взгляд на мою «чалму».

– Вы тоже шарф повяжите – от окна сильно дует.

– А я грешным делом подумал, что лежит парень с большой головой после выпивки.

Такие беспокойные вселения случались нередко. В те дни в городе находился штаб великой стройки, как газетки называли управление строительством Южно-Украинского канала. Журналисты слетались сюда, как мухи на мёд. Газеты отводили великим стройкам целые полосы и развороты.

Даже в лучшие времена мест в гостиницах не хватало. А в такое наводнение приезжих даже пробивным корреспондентам не всегда везло. В номер вошёл худощавый, чисто выбритый человек. Из-под шляпы выбивались пряди седых пышных волос. Несмотря на поздний час, он выглядел бодрим. Взгляд у него был внимательный, любопытный, приветливый, сразу располагавший к общительности и откровенности. Как выяснилось, ехал он из Новой Каховки – вот только сошел с парохода.

И тут, поинтересовавшись, какую он «фирму» представляет, я и узнал, что «фирма» у него своя – «довженковская», что он кустарь-надомник, поэтому, возможно, и оказался без места для ночлега. Его шутки располагали к общительности. Известный кинорежиссер и писатель, он мог дать телеграмму, позвонить в обком, чтобы ему оставили «бронь» в гостинице. Словом, можно было избежать таких неурядиц с жильем.

Администраторы в гостиницах не всегда бывают ценителями искусства и для познания жизни могут оставить ночевать на улице...

Мой гость мог только иронизировать по этому поводу, но сидеть в зале ожидания на вокзале все же неудобно. Разговор у нас перешел на другие темы.

Я как раз вернулся из сельской командировки. Впечатление было гнетущим и безотрадным не только от покосившихся на бок хат и дырявых крыш. На грустные размышления наталкивали сетования председателей колхозов: их постоянно вызывают в район к начальству, приставляют к ним уполномоченных, поправляют и накачивают, терзают телефонными звонками. Люди жаловались, что нечем кормить коров, что не завозят в магазины сахар, соль, мыло, что некуда пойти ни в праздники, ни в будни вечером после работы. Возможно, мне попадались отсталые колхозы, я ещё не умел находить «ростки нового».

Довженко не разубеждал меня. Такие разговоры, видно, были для него не в новинку: он и знал и видел больше. Ещё в 1930 году Довженко говорил одному из писателей:

«...Выходной день должен быть у скота, а рабочий человек должен иметь праздник, праздничные одежды, праздничные песни... Радио – оно поёт очень громко и слишком часто одно и то же. Хотя бы оглянулось: как слушают?»

За четверть века мало что изменилось. Довженко был не из тех, кто закрывал на это глаза. А говорить на такую тему было не совсем безопасно. Но тем не менее я помню очень резкие его слова, сказанные в ту ночь в гостинице.

Я не знал, каким мучением было для него не писать обо всем передуманном. Говорят, что его вызывал в своё время Берия, задавал неприятные вопросы и с угрозой «советовал»: «Почему не ввел образ товарища Сталина в кинофильм? Неужели тебе было жалко несколько кадров для вояж?»

Вот и разберись, где море, а где болото!

И тем не менее передо мной в те часы был неравнодушный негодующий старый человек, который привстал с постели и возмущался творимыми безобразиями. Высказывал недовольство тем, что в иных колхозах животноводческие фермы выглядят так же монументально как дворцы, а так называемые очаги культуры, клубы нередко напоминают свинарники. Он вспомнил, какую роль играла церковь в жизни села. Не только с её живописным интерьером, хором, но и архитектурным ориентиром на степном раздолье.

Перескакивали с одного на другое. Но весь разговор шёл в критическом духе. Коснулись того, как «бумага губит людей». Имелись в виду выступления по заготовленным шпаргалкам. Пытались бороться в газетах против новой традиции, да было не так-то просто – слишком далеко вели корни. Это тоже была одна из иллюстраций всеобщей перестраховки и просто страха. Бумага убила и нашего пишущего брата. С коротких информашек и статей прибавлялись к потоку соцреализма, обращали внимание, прежде всего, на успехи и закрывали глаза на безобразия. Так кривили душой, что незаметно втягивались в лужи и трясины, из которых уже и выбираться не хотелось...

Широкую известность получили довшенковские слова о том, что одни видят лужи, а другие – отражение звёзд в лужах. Себя он причислял к звездочётам – романтикам. Это как кредо многих и литераторов, и журналистов – представителей социалистического реализма. И казалось, только так и возможно было одолеть вершины, не задерживая своего целеустремленного взгляда на каких-то кочках. Но не всегда то, что кажется важным одному поколению, выдерживает испытание у сменяющих потомков. Да впрочем и без потомков так ли уж естественно видеть только одно и закрывать глаза на другое. Не диалектичнее ли было бы видеть побольше, стараться разгадать в деталях, мелочах – явление важное и значительное?

Немало поэтических строк написал Довженко о Днепре: преисполненных благодарности за красоту, ласку, ветрах над ним, за мягкую и чистую воду его, за то, что воскрес душой возле него...

А то, что и вода уже не совсем была чистая от промышленных отравлений, это как бы отходило на второй план. Или не смог разглядеть всё подробно писатель-режиссёр, или боялся нарушить привычную идеализацию, инерционный революционный пафос. Не обратил он внимание и на то, как вырубались знаменитые буйно-зеленые роскошные плавни, сколько затапливалось драгоценной земли и какой обширной территории грозило засоление, да и вообще какая изрядная вонь шла от создаваемого мелководного так называемого Каховского моря, застойного, заболоченного, затхлого. Смерд от него понесся такой, что доставал до пролетаемых над его водами самолётов... Но

об этом стали писать чуть позже. А тогда не по возрасту восторженный, вдохновленный преобразовательными планами Александр Петрович создавал свою «Поэму о море». Прославляя обновление днепровских берегов, он только и решился на беспокойство о том, чтобы не ошаблонили их однообразием. Предлагал возле гидросооружений ставить скифских каменных баб и казачьи чайки из нержавеющей стали...

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ

В дополнение или в постскрипtum к моим воспоминаниям о Довженко. Среди бойцов распространялись брошюрного, карманного формата книжечки под рубрикой «Библиотечка красноармейца» (Такая у меня была с автором Шолохова.) Так вот больше всего запомнилась такая книжечка Довженко «Ночь после боя»: не ручаюсь за точность названия, но хорошо помню содержание. Дед в своей лодке перевозит отступающих (убегающих?) наших солдат через Днепр и приговаривает им с укором: «Куда ж вы бежите, сукины дети? Ведь с какими потерями придется возвращаться!» Это в то время, когда А. Толстой, М. Шолохов и другие изошрялись в описании мужества и стойкости советского бойца. С тех пор у меня к Довженко сохранилось особое уважение.

И ещё такая деталь. Тогда, покидая наш совместный номер в гостинице, он тепло попрощался, но забыл свой раскладной ножик... Вещь добротную и недешевую. У меня с детства, как и у многих мальчишек, пристрастие к ножичкам... Помнится, у Ш. Алейхема есть рассказ на эту тему. Хорошим ножичком можно было легко вырезать из коры кораблик, приделать к нему киль и парус, и пускать его на пруду или на Днепре. Да и в быту, в дороге складной ножик кстати. А тем более, если он был памятью о таком знаменитом человеке...

Встретить в городе Александра Петровича надежд было мало, а возвращаться в гостиницу он уже не намеревался. Обмолвился, что зайдет в Управление строительства Южно-украинского канала. Я туда тоже намеревался зайти и поэтому ножик прихватил с собой. Короче говоря, я Александра Петровича там встретил и ножик ему возвратил, услышав, конечно, его признательность.

И вот ещё что подумалось. Тогда, вернувшись с фронта, мы, как это ни странно, были более честными и более внимательными к ближним. Теперь, случись подобное, я бы «сувенир» не стал возвращать (как вещественное доказательство для «памятной» хохмы). О внимательности, назовем это так, можно судить не только по моему примеру. На селе мужики, недавние фронтовики помогали вдовам-соседкам чинить крыши, производить ремонт. Понятно, что те в порыве благодарности, как говорится, нередко расплачивались натурой... Примечательно, что законные жены скандалов не устраивали, сочувствовали вдовам.

...Об одном позабытом мной случае вспомнила как-то моя мама. Произошло это после моей демобилизации, в послевоенные годы, когда Украину, да и другие края, накрыл голод. Не такой страшный и губительный, как в 33-м, но довольно ощутимый. В один зимний, морозный день я привел в дом старика, похожего на моего дедушку. Он сидел на скамейке, на остановке трамвая, обессиленный и замерзающий. Я взял его под руку, предложил пройти со мной, отогреться, попить чаю. Мама как раз и борщ закончила готовить, угостила. Мы ему и с собой кое-что дали из съестного. Надо ли говорить, как увлажнились его глаза от благодарности за человеческое участие в беде...

БАЗАРДЮЗЮ – НЕ ЮЖНАЯ ТОЧКА РОССИИ, НО ГОРА ИНТЕРЕСНАЯ

В молодости кажется все преодолимо.

С самой юности Генриху Анохину, как и многим советским людям и младшего и старшего поколения, круто не повезло. Он нес на себе клеймо «чесеир» («член семьи изменника Родины». – Прим авт.) за безвинно репрессированного и расстрелянного в 1938 году отца. Далее лучше не стало: многократно обмороженные ноги во время немецко-фашистской оккупации в Таганроге, две контузии молодым солдатом на фронте, «фильтрация» в советском концлагере, работа под конвоем в мокрых угольных ротовских шахтах, повреждение головы от удара прикладом конвоира, туберкулез легких, язва желудка, госпиталя, отсутствие работы после окончания университета в Днепропетровске.

От всего этого Анохин бежал в горы и увлекся Альпинизмом. Не только ради любознательности. В горах, как он считает, благодаря восхождениям на вершины и траверсам (прохождение нескольких вершин) ему удалось полностью «удушить» свой туберкулез. Без всяких лекарств. Сказались, очевидно, перегрузки в высокогорье, обилие ультрафиолета и нехватка кислорода.

К 1952 году у Анохина уже были десятки восхождений на вершины Кавказа. Он стал опытным альпинистом, ему доверили не только инструкторскую работу, но и заведование учебной частью альпинистского лагеря «Базардюзю»: назывался он так по рядом находящейся вершине.

ГОРСКИЙ ГЕНРИХ

Подобных спортивно-профсоюзных лагерей в горах насчитывалось десятки в послевоенное время в горах Советского Союза. При создании учитывалось их оборонное значение. Опыт войны показал, насколько важны войска, обученные в горных условиях. В альплагеря по профсоюзным путевкам для отдыха, обучения скалолазанию и горных восхождениям направлялись студенты, молодые рабочие и служащие. Это было прекрасное времяпровождение для молодежи с учетом физкультуры, краеведения, познания страны, путешествий, эстетического воспитания.

Одна из заметных вершин Главного Кавказского хребта Базардюзю великолепно подходила для альпинистских занятий. Она считалась особо зачетной – с юга пологий склон был удобен для начинающих восходителей, а с севера – почти отвесная ледяная стена высшей категории трудности.

Генрих Йосифович, как величали в лагере молодого завуча, мастера спорта, исходил вершину Базардюзю, можно сказать, вдоль и поперек: и в одиночку по ледяной стене, и с новичками, совершая простые восхождения и траверсом с пересечением вершины. Даже приходилось делать ночные переходы.

Массив был несложен для восхождения, особенно с перевала северо-восточной стороны горы – Каранлыг. На него, нужно полагать, поднимались охотники из местных селений. А первое документально зафиксированное восхождение произошло зимой 1873 году. Русские топографы во главе с К. Александровым совершили его для установки триангуляционной вышки (геодезического знака. – Прим. авт.). По этому же пути специально запланированное ночное восхождение в августе 1952 года удалось осуществить Анохину. Ему же посчастливилось впервые взойти по ледовой стене Базардюзю в сентябре того же года.

И все же гора надолго запомнилась не по спортивным достижениям, а разгадкой своего названия.

ИЗВЕСТНЫЙ ГОРОПОЖИРАТЕЛЬ

Каждый альпинист, каждый путешественник волею неволей становится топонимистом, исследователем географических названий. Ведь в их разгадке нередко раскрывается топография, история, этнография жителей этих мест. Анохин хотя и не занимался специально топонимикой, но и мимо нее не мог пройти.

Он стал аспирантом, а затем и сотрудником Института этнографии Академии наук СССР, защитил диссертацию, специализировался по скандинавской этнографии, этнопсихологии, но не забывал и Кавказ. За границу его не пускали – как «невъездного», не члена партии, сына «врага народа». А древний прославленный, вдохновляющий край «золотого руна» стал «второй родиной». Путешествия туда являлись отдушиной...

Со временем, среди других книг Генриха Анохина были изданы и его научно-просветительские монографии – «Восточный Кавказ» (1978) и «Малый Кавказ» (1981). Так что на кавказских тропах износились не одна пара ботинок.

По праву первовосходителей приходилось давать и свои названия. Ведь даже в таком, казалось бы, исхоженном и густонаселенном регионе оставалось немало безымянных вершин, на которые не ступала нога восходителя. Так, еще в студенческие скитания их группа в Западной Дигории после первопокорения окрестила вершины «Молодая гвардия» (4026 м) и «Днепропетровец» (3860 м), «Заря» (3710 м) и «Днепровская правда» (4000 м) (Эти три в честь города и его газет, где прошли памятные студенческие годы.) Но затем официальные игры в названия надоели, и пришло желание внести в топонимику гор что-нибудь свое...

Одну из безымянных вершин в Шалбузданском отроге решено было назвать Тая-даг (распространенная приставка «даг» с тюрко-язычного переводится как «гора»), так как восхождение было совершено в день рождения дочери Анохина. Другую вершину на стыке Западного и Центрального Кавказа окрестили именем симпатичной испанской девушки-студентки, которая принимала участие в восхождении, – Мерседес (3700 м).

Со временем пришел разумный зрелый вывод, что названия следует давать, как это принято у горцев, по конфигурации, внешнему виду, цвету горы, найденным полезным ископаемым, каким-то особым приметам. В последующем так и делали: таким образом, появились – Острая в Ярудасском отроге, Чехичайская Подкова. Это еще что!

Следы ассоциативных названий в мировой практике потрясают еще больше. Вообще же «имена мест», как переводится с греческого топонимика, полны парадоксов, курьезов, загадок, заблуждений, недоразумений, включая и трагические, и комические. Особенно если это касается гор.

Вот «следы» в знаменитой калифорнийской Долине Смерти меж хребтами Параминт и Амаргос есть ущелье Мертвецов, Трупный каньон, впадина Последний шанс, каньон Отчаяния, ущелья Сто чертей и Гиблый распадок, ущелье Брошенного фургона, пики Похоронный и Безголовых... А на Северном острове в Новой Зеландии название одного горного селения состоит из 83 букв (!). И в переводе с местного маорийского языка оно означает: «Место, где Тамтза, человек с длинными голеньями, известный горопожиратель, который двигал горами, взбирался на них и глотал их, играл на флейте для своей любимой»...

СКАЖИ, КАРАВАНЩИК

Анохину, как этнографу, грех было проходить мимо, не интересоваться «языком Земли». Название Базардюзю было у него на особом счету. Он свылся с вершиной и по восхождениям, и по названию альплагеря. А главное, задело его, что не было с ней ясности. Одни переводили ее, как «гору с плоской вершиной». Другие называли Тикисаром – «Высокой головой». У лезгинов, одной из дагестанских народностей, она известна, как «Гора ужаса» – Кичевнедаг. Альпинист-этнограф считал своим долгом найти собственную разгадку. (Если уж взялся писать книги по этому краю, то, будь добр, потрудись, поищи!)

Книжные познания сами собой, но главное беседы со старожилами-горцами. И вот что выяснилось. В переводе с тюркского Базардюзю означает «рыночная площадь» или более узко, как конкретный ориентир, – «поворот к рынку, базару». И вот по какому поводу.

Оказалось, что в Средневековье, да вероятно и в древности, в этом месте, на границе России, в высокогорной азербайджанской долине Шахнабады, что восточнее этой вершины, проходили ежегодные большие многонациональные ярмарки. На них собирались торговцы и покупатели не только с Восточного Кавказа – хыналыкцы, крызы, будухцы, но и многочисленные соседи – лезгины, рутульцы, цахуры, аварцы, лакцы, даргинцы, кумыки, ногайцы, азербайджанцы. Приезжали грузины и армяне. А с Ближнего и Среднего Востока – арабы, евреи, персы, индийцы. На ярмарках продавался и покупался скот, лошади, изделия ремесленников знаменитого аула Лагича (Исмаиллинского района Азербайджана, известного ремесленным производством украшенной медной посуды. – Прим. авт.), дагестанских ковроделов, чеканщиков и резчиков по дереву и металлу, изготовителей дамасского оружия, сельскохозяйственной продукции.

На пути к ярмаркам издали бросался в глаза главный ориентир «рыночной площади», «поворота к рынку» – Базардюзю. Гора главенствовала над другими вершинами и была приметна издали. Когда перед караванщиками вставала ее ледовая стена, они знали, что следует повернуть влево, и тут уж недалеко за нетрудным травянистым перевалом рыночная площадь.

ТОЛЬКО НА КРУПНОМАСШТАБНОЙ КАРТЕ

Название вершинного ориентира «поворот к рынку» прозвучало неожиданно знаменательно, по-современному на крутом повороте русской истории. Раньше самой южной точкой Советского Союза была определена Кушка – поселок и крепость на юге Туркмении. Но с 1991 года все изменилось, сократилось государство Российское, появились новые независимые республики. Изменились границы, как и прежняя аббревиатура – с СССР на РФ. И вот оказалось, что самой южной точкой Российской Федерации определилась эта приметная Базардюзю – высшая из горных вершин Республики Дагестан. Ныне она фигурирует во всех учебниках по географии России. Но так ли это на самом деле?

Вершина находится на самой границе Азербайджана и России, точнее Дагестана. На юг и восток, то есть прямо в Азербайджан, она обрывается крутыми иссиня-черными сланцевыми стенами и осыпями, на север и запад, то есть в сторону России, в Дагестан, – ледовыми стенами. Вершина стала своеобразным пограничным знаком: южный склон принадлежит одному государству, северный – другому. И высота такого знака довольно «солидная», значительная

(4466 м, в некоторых азербайджанских источниках высоту Базардюзю теперь определяют в 4485 м), достаточная для того, чтобы сохранились на верхних склонах вечные снега и ледники. Строго говоря, крайний южный изгиб границы между двумя независимыми государствами находится в нескольких километрах к юго-западу от пика Базардюзю.

Откуда же взялось представление о «русской крайней южности» Базардюзю? Дело в том, что граница здесь проходит по слабозаселенной местности, и близ крайней южной точки границы нет сколько-нибудь крупных, обозначенных на обзорных картах населенных пунктов. Ближайший подписанный на карте объект – гора Базардюзю, ее-то авторы некоторых книг и «кооптировали» в маркеры южной точки России, что, конечно, некорректно. К южной точке России ближе находится гора Рагдан (41°12'с.ш., 4020 м), но ее можно найти только на крупномасштабных картах. А среди российских населенных пунктов самым южным (а заодно самым высокогорным к западу от Урала) называют обычно лезгинский аул Куруш... Сплошные, в общем, неточности.

(Крайняя география (Раскрыта загадка самой южной точки России – горы Базардюзю. Юрий Супруненко (по материалам П. П. Супруненко). – Россия, №49 (951), 22-28 декабря, 2005; Южная точка России. Юрий Супруненко. – Живописная Россия, №6, 2008, с.18-20)

АДЫГЕНЕ, ВОСПЕТАЯ В ПРОЗЕ

Вершина эта ничем особенно не примечательна. Высота ее, правда, довольно ощутимая – более 4 тыс. м над уровнем моря. Но на Тянь-Шане немало гор и более высоких. Десятки пяти-шеститысячников и, конечно, более сложные для восхождения. Историческими событиями Адыгене тоже не отмечена. Вот разве что благозвучное женское имя. Да разве это повод для достоинства? Впрочем, говорят, с именами в какой-то связи находятся и судьбы...

Адыгене попала в поле повышенного внимания тем, что расположена она в живописной долине с речкой и лесами по склонам. Здесь и решено было обосновать альпинистский лагерь: для подготовки новичков, да и как базу для мастеров. Не последнюю роль в выборе играло и небольшое расстояние (с полсотни километров) до столицы Киргизии Бишкека (тогда еще Фрунзе).

И если говорить совсем уж откровенно, то альпинистские мэтры, «барсы» всерьез Адыгене не воспринимали. А один из скептиков, если не сказать циников, позволил себе даже такое суждение: «Адыгене – опробованная вершина. На нее поднимаются все значкисты. Расхожая девка, у которой главное качество – ее доступность...»

Так сказал Владимиру Солоухину начспас – начальник спасательной службы лагеря, может, рисуясь перед ним своим остроумием и антиромантизмом. Но у писателя было свое мнение на этот счет. Он вспомнил эпизод, когда молодого солдата соблазнила женщина, подарила ему ночную любовь. А когда он заснул, обобрала его и исчезла. Но солдат не огорчился таким грубым обманом. Для него это была первая любовь, и он запомнил ее на всю жизнь, как нечто яркое, светлое и чистое.

Немолодому 48-летнему литератору предстояло не вдохновляющее зрелище, не развлечение, а физическое и моральное испытание. И он, хотя и с некоторыми сомнениями, пошел на него. Начались регулярные целенаправленные тренировки. Во время одного из занятий инструк-

тор привел новичков в одно непредусмотренное программой место. На альпинистское кладбище...

Одного убило сорвавшимся камнем, двое погибли в лавине, трое умерли от напряжения и высоты. О сорвавшихся в трещины и пропасти принято говорить, что они «улетели»... Горы не прощают самоуверенности, бравады, пренебрежения опасностью и знанием. Но бывают и трагические случайности.

На фоне чарующей красоты были причины не только для чувств, но и для трезвых раздумий.

Говорят, что никто так не может ценить, боготворить и обожествлять природу, пейзажи, как японцы. Они могут часами наблюдать их, пропитываться и насыщаться ими. Судя по опыту Солоухина, и русские не лаптем щи хлебали, тоже умеют проникнуться красотой до онемения. По крайней мере, в горах.

«Сначала это покажется нелепым – сидеть два часа и смотреть на одну и ту же далекую снежную гору, но потом, когда зудящие и щекочущие участки сознания смиряются с неизбежностью и затихнут, перестанут зудеть, откроется окно в глубину души. Как бы раздвинутся некие шторы (как, скажем, раздвижная стенка комнаты, выходящая в сад), граница между душой и миром исчезнет, они сольются в одно. И тогда двух часов, может статься, окажется мало».

Кроме чарующего вида – в голубой дымке светилась и сияла нежно розовая снежная шапка Адыгене, – видно, добавлялось и какое-то самовнушение. Среди лагерников (это слово никак не могло здесь сбросить того наминания, что употреблялось оно советскими людьми, в основном, в ГУЛАГовском значении) невольно создавался культ Адыгене. Все делалось ради нее, ради конечной цели пребывания здесь, ради восхождения. Оно должно было увенчать все дисциплинированные уроки, напряженные труды и целенаправленные усилия.

Солоухин вспомнил тут, еще накануне сближения с Адыгене, Хемингуэя, как тот где-то на своих страницах делил людей на две категории: на видевших и не видевших леопарда. Имелся в виду не зверинец, не зоопарк, а дикий африканский лес. Так вот, еще более категорично можно разделить людей, лазавших по скалам и не прошедших это испытание. «Два иных качества, две разные психологии, два разных человека, хотя разница создается всего за несколько дней». А, говоря более обобщенно – на тех, кто побывал в горах, очаровался ими и тех, кто прожил неполноценно...

**С высоких диких гор, чьи серые уступы
Задергивает туч клубящаяся мгла,
Чьи серые верхи вонзились в небо тупо,
Она впервые в город снизошла.**

Начинающему «равнинному» поэту Солоухину горы «не дались», не потрясли. А вот как они отзовутся в зрелом, известном прозаике?

Восхождение и восторженность не помешали поэту отстоять свое трезвое и здоровое суждение в споре с фанатичными мэтрами от альпинизма. Здесь в лагере находилось несколько мастеров спорта, которые не прочь были не без гордости вспомнить, как они одолевали отвесные скалы, проводили холодные ночевки в веревочных «гамаках» над пропастью...

Конечно, альпинизм – прекрасный и благородный вид спорта. Может быть, самый красивый. Но... «все же сидение целую ночь (а то и несколько ночей!) над пропастью на двух связанных ледорубах и просушка в морозную ночь

носков и стелек на плечах под свитером – странный спорт. Речь идет не о случайности, когда застигло стихийное бедствие, а о бивуаках, которые даже планируются».

И речь пошла не только об альпинизме. Какие бы определения не давали спорту словари и энциклопедии, в эти определения должно входить одно неперемное условие – полезность для человеческого организма. Однако в наше время спорт часто превращается в профессию. Получаются разряды, призы, медали, достигаются рекорды. Человек не занимается ничем другим, кроме своего спорта, а спорт входит в ту сомнительную фазу, когда организм работает на износ.

«Если это не так, если современный спорт, доведший сам себя до абсурда, действительно полезен и укрепляет здоровье, то назовите мне хотя бы двадцать (для обеспечения закономерности) бывших знаменитых спортсменов, доживших до преклонного возраста».

Может, такая железная логика и давала еще один повод для гамлетовских сомнений. Не прекратить ли пока не поздно эти испытания над собой? Ведь он не знает своего «потолка» – высоты, до которой допустим подъем. Нельзя было забыть и «кладбища альпинистов» – большинство его обитателей погибло от сердечной недостаточности. А ведь среди них были и опытейшие мастера.

А он – всего-навсего «чайник», новичок. Не зарывает ли он в своем честолюбии? Кто его гонит? Миллионы людей живут без восхождений на вершины! Вроде, все клином сошлось на этой чертовке Адыгене. А может, в нем заговорил обыкновенный страх и даже трусость? Признаться в своей слабости – тоже мужество...

Но пришло и понятие о чести, даже аналогия с дуэлями... И потом, с ним в группе находилась и его шестнадцатилетняя дочь: как он ей будет смотреть в глаза? И решение было принято окончательно и бесповоротно. Накануне выхода, он даже благоразумно после бани отказался от холодного соблазнительного пива... Нельзя было перегружать «насос» (так он именовал сердце). По этой же причине отказался от настоящего приглашения в гости на дачу известнейшего писателя и его друга Чингиза Айтматова. Она у него здесь недалеко от Адыгене. Словом, как ни высокопарно это звучало, а жизнь его уперлась в эту вершину. Иначе осталось бы презрение к самому себе.

...Пришлось трудновато. Впрочем, это не то слово. Ноги не подвели. А вот сердце начало бултыхаться в груди, а потом вроде стало замирать. Высоко на морене при остановке в глазах все растаяло, затуманилось, побелело. Опираясь на ледоруб, чтобы не упасть, кое-как отдышался. Посмотрел вверх, и сделалось не то чтобы страшно, но как-то горестно и тоскливо...

Потом пришло на ум вот какое суждение. Кто придумал словечки «покорять», «покоритель», «покоренная вершина»? Среди готических многоступенчатых и многоспиленных глыб ползли черные точки, мельчайшие, но, правда, дерзкие существа. Возможно, и заползут на самый верх горы. Но что из этого? Может ли цепочка из муравьев, достигнув крыши двенадцатиэтажного дома, считать, что она его покорила? Дому от такого подвига муравьев, как говорится, ни жарко, ни холодно. Но сами себе муравьи кое-что доказали: преодолели, достигли.

«Я бы так и говорил: «достижение вершины», «мы достигли вершины Адыгене». Мы ее достигли, но вовсе не покорили. Покорили же мы... Например, я покорил в себе боязнь, осторожность, слабость, благоразумие, инертность, расхлябанность, некоторые вздорные представления о себе и о жизни.

Вот идет моя дочь, московская девочка, школьница, освобожденная от всех физкультурных занятий. Она думала про себя, что она домашний цветок, никудашний заморыш, слабенькое и болезненное существо, обреченное на лекарства, на форточно-комнатный режим. Вот она идет, перевалив за отметку четырех тысяч метров над уровнем моря, и достигнет вершины, тогда можно будет сказать, что она победила, покорила самое себя, а заодно и все те обстоятельства, которые пытались создать у нее ложные представления о себе самой».

...Не хватало воздуха. Сердце, кажется, перебивало собственный организм. Пришла спасительная мысль, что альпинисты иногда, приближаясь к вершине, идут на четыре счета. Шаг. Остановка. Три вдоха, три выдоха. Следующий шаг.

Крутой, отвратительный склон. Но мелькнули и другие впечатления. Из его нижней части вздымались темнокрасные скалистые образования, напоминающие готические соборы, и самый грандиозный из них – Кельнский готический собор. Но он, творение человеческих рук, показался бы игрушечным, если бы его поставить рядом с этими каменными фантазиями природы.

Пошли по самому острию гребня, иногда сходили с него – с камня на камень, с глыбы на глыбу. Перед крутым снежным участком натянули перила, пристегнулись карабинами к перильной веревке. След в след. Оставалось ступенек триста. Даже если бы пришлось совсем оплошать, то можно было добраться ползком, на одних руках, помогая зубами и подбородком...

В голове был легкий звон. Но звон – пустяки. Могла бы и кровь носом пойти. Но сознание такое, что и тогда все равно шел бы вверх. Последние четыре шага.

После восстановления дыхания появилось желание осмотреться. Начальник отряда показывал соседние вершины – Корону, Таке-Тор, пик Семенова-Тян-Шанского. Все правильно. А то даже с опытными альпинистами случается: всходят на вершину, а она оказывается не той, что предполагалась... Правильность ориентировки подтверждала и записка предыдущих восходителей в туре, сложенном из камней.

И в заключении солоухинские слова признания: «Моя Адыгене. Прекрасная Адыгене. Чистейшая Адыгене. Я преодолел все преграды и дошел до нее. Я возвращусь в Москву, меня ждут заботы, мелочи жизни, огорчения, суета и изнурительный труд. Я буду добиваться некоторых успехов, и терпеть поражения. Я буду выглядеть перед людьми то добрым, благородным, то мелочным, низким и злым. Я буду то достоин похвалы, то достоин порицания, то достоин жалости. Неизвестно, как сложится дальнейшая жизнь. Какие невзгоды и недуги обрушатся на меня, какая худая или добрая слава ждет в пути, какие слова, поступки, книги. Но одного теперь не отнимешь у меня ни при каких обстоятельствах и никакими силами: я стою на вершине Адыгене!»

Чувство и осознание всего происшедшего помогло Солоухину воспеть в прозе эту вершину, написать хорошую полезную книгу. И назвал он ее «Прекрасная Адыгене».

(В сокращенном виде представлено в книге П.П. Супруненко и Ю.П. Супруненко «Горы. Популярная энциклопедия», М.: Терра-Книжный клуб, 2004, 608с.; с.5-8)

Как известно, у В. Высоцкого с телезаправками и с номенклатурными бонзами были, мягко говоря, отношения натянутыми. К телеэкрану его допускали редко.

«Да ложил он на них с прибором!» Это сказал мне мастер дядя Витя во время починки «ящика» (скоро, возможно, мы будем писать это слово без кавычек, забыв, что началось оно с определения американцами злополучного телека, как «ящика для идиотов»...)

Я заметил неуверенно, что Высоцкому приходилось трудновато с таким применением «прибора». На что дядя Витя ответил, что не надо понимать это фигурально, что происходило это дело в натуре... «Вы, что не знаете эту историю?» Но прежде чем последовало объяснение, я вспомнил взаимоотношения нашего гремящего по стране народного певца с «партайгеноссе». Не было ни одного крупного центра, где бы он не выступал, да по два-три концерта в день в многолюдных спортивных залах. Чтоб ему это разрешали, не вредили, он и «задабривал» власти – соглашался на закрытые концерты для отцов города, избранного партийного круга.

Он был уже настолько известным и популярным, что было бы непростительно и неприлично-отстало не слышать его. А идти наравне со всеми, в массовых низах реагировать на его выступления – это давать пищу для разговоров об одобрении. Да и что скажут там наверху? А так вроде предварительное прослушивание для идеологического контроля. Он только ставил одно условие – чтобы песни ему они называли сами...

Поневоле станешь дипломатом. Помнится в том городе, где я его слушал, к нему подошел вроде как поклонник и попросил автограф на книжке его стихов, изданных за «бугром». Улыбаясь, бард отказался сделать надпись «на память». Осторожничал? А вот по рассказу дяди Вити вроде бы нет.

Рассказывали, когда он останавливался в гостиницах, то разбирая вещи из чемодана, он первым делом ставил на телевизор фаллос... (так стало принято деликатно и цензурно-благозвучно называть детородный член: и чего тут Исаич (Солженицын. – Прим. авт.) ерепенится против заморских слов). Вещь, конечно, закордонного изготовления: там научились делать такие пластмассовые муляжи, что не отличишь от натурального. Причем, в ентон самой изящной, играющей красками, отливке нежного многозначного органа были два «шара» – красный и черный...

Точно истолковать, чтобы сие значило, не смогло бы даже «армянское радио». Но если догадываться, то это, очевидно, явная критика передач по этому идиотскому «ящику» – они явно хреновые и хрен им цена.

Таково суждение «слесаря-интеллекта» дяди Вити. И я записал его как народное мнение.

ЕЩЁ ОДИН ГАМЛЕТ

С Таганкой крупно повезло. Не знаю, бывает ли так в картах или рулетке. Я попал на ряд спектаклей на Таганке в те дни, что гостил в Москве. Несколько из них с участием В. Высоцкого. Это был, конечно, праздник. Все личные огорчения уходили куда-то на второй-третий план.

Думалось о том, что жизнь всё-таки неплохая штука, если она дарит тебе подобные праздники. Это даже при том, что она у меня представлялась какой-то тельняшкой с белыми и черными полосами, взлетами и провалами. Тяжелая война, трибунал – вышел живым из ада. Не поступил в желаемый Киевский университет – зато работал в великолепной редакции «Комсомолки». Был безработным

– при том, что выходили мои книжки. А сколько не таких вершинных восхождений и срывов.

Словом, охмелев от удач, от спектаклей, я, расхрабрившись, решил взять интервью у В. Высоцкого. Связаться с ним было трудно, поэтому перехватил у выхода из театра. Просил принять меня для интервью. Даже присочинил, что вот, мол, специально приехал из провинции, с Украины по поручению очень, очень многих хороших людей.

Что за этим последовало – позже. А сейчас о том, кем он для нас был. Ему поклонялись миллионы людей не просто как модному певцу, артисту, а как близкому своему человеку, который поддерживал добрым словом, шуткой, надеждой. Который сумел на этом скотском хуторе сохранить достоинство, не убоился всесильных подонков и даже дал понять, какие они недоумки, прохиндеи, насильники.

Словом, чувство такое: не так уж беспросветно, безнадежно вокруг, если живем мы в одно время с Сахаровым, Солженицыным, Высоцким, Галичем, Некрасовым... Да еще с теми малоизвестными людям ребятами, которых объявили отщепенцами, диссидентами, отправили в лагерь, определили в психушки.

Но даже в этом немногочисленном ряду Высоцкий занимал особое место. Он умудрился как-то идти по самому краю обрыва, на грани дозволенного и подсудного. Поддерживала, очевидно, и невиданная популярность.

А еще помогла, конечно, и техника. Распространял бы кто листовки с его стихами, давно бы уже схватили и распространителей, и автора – как за «самиздат». А «магнитофониздат» нахлынул так, что хватать надо было каждого второго. Просто не хватило бы ни лагерей, ни охранников.

О торжественном шествии Высоцкого могут вспомнить многие. Но вот насколько положение его было рискованным, отравленным, могут передать только документы, доносы в архивах КГБ. Вот выписка из тогдашней брошюры, написанной работником госбезопасности. Он клеймил происки врагов, разоблачал коварство шпионов и в этом ряду поносил «идеологических диверсантов» типа Высоцкого. Дословно это выглядело так: «Заслуживает осуждения поведение какой-то части молодежи и интеллигенции, увлекающейся низкопробными магнитофонными записями песен так называемых самодельных авторов – Галича, Высоцкого, Визбора и других. Определенный круг песен этих авторов (кстати, не имеющих ни художественной, ни музыкальной ценности) примечателен тем, что в них искажаются и утрируются отдельные явления нашей общественной жизни: придаётся им сенсационность, вызывающий характер, двусмысленность» (Соколов «Визитёры из чужого мира», Симферополь, 1974).

Из того же источника: «Любопытно, что наши менеджеры – какой-то сброд космополитов: полугрузин, полужармаин, еврей, полукореец. Есть, конечно, и русские, но решительно без почвенной основы... Окуджава, Галич, Ким, Высоцкий – гнилые интеллигенты, подвергшиеся растленному влиянию Запада...»

Словом, вопрос «Как его до сих пор не посадили?» был не беспочвенным. Ареста, психушки, выдворения избежал, но судьбы приговоренного не миновал. «Довели...»

Весть о гибели Высоцкого меня настигла уже в Запорожье. Новости я, как и большинство граждан, уже привык узнавать «из-за бугра» – так иронично называли западное радио. Родилось словцо, очевидно, из потребности не привлекать внимания стукачей. Ну, а потом оно уже обрело крылатость.

С Высоцким поносные газеты, талдычное радио, тошнотворное телевидение еще раз себя подтвердили, как застойно-помойные источники. Когда гудел весь мир, нашим

вещателям языки затынуло глубоко, глубоко по пищеводу и далее. Спустя несколько дней считанные строчки о смерти Высоцкого сквозь зубы процедила «Советская культура». Коммунистическая «Юманите» и то на этот раз не стала подражать «заговору молчания»: «Умер Гамлет на Таганке». Не остались в стороне и англичане: «...с ним ушла частица русского духа».

Я слушал транзистор и вспоминал надрывные, такие всем понятные слова отчаяния из того спектакля: «...Я один, все тонет в фарисействе... какая-то в державе Датской гнил...»

Поймут ли потомки нашу боль тех дней и то, что знали его песни при казарменном режиме. Должны понять, если дойдет до них та масса листков, переписываемых, перепечатываемых – откликов, воспоминаний, стихов на смерть поэта.

Я получил письма от сыновей из Москвы. От старшего – репортерская деталь из посещения Ваганьковского кладбища. Над многими надгробьями сооружены каркасы, густо обвитые колючей проволокой. Вначале у него мелькнула догадка – может, это так специально отметили родные и близкие захоронения своих репрессированных эзков? Но все оказалось гораздо проще: таким образом защищали надгробья от воровства и надругательств. О времена, о нравы!

ЧТО ЗНАЧИЛА ЭТА ПОТЕРЯ

У младшего – своя попытка осознания смерти Высоцкого.

«Первое, что услышал в Москве – конечно, о Высоцком. Все улицы перед Таганкой в дни панихиды были запружены народом. Во время выноса тела люди висели на окнах окружающих зданий, в частности, высокого универмага, взбирались на киоски «Союзпечати». Нередко хулигански отсылали конную милицию, которая норовила призвать и привести всех к порядку.

Окна театра были оклеены стихами, которые писались на смерть поэта. Их довелось уже услышать на Ваганьковском кладбище. Читала одна женщина, видно, поклонница, переписав их в блокнот. Запомнились слова Юрия Любимова. О «безоглядной» жизни Высоцкого, и немного напыщенные – о том, что тот день 25 июля останется для всех «Днем св.Владимира».

Среди венков (от Всесоюзного Театрального Общества, Союза кинематографистов, Министерства культуры и личные подношения) несли его два портрета, один – с гитарой, к грифу которой поэт прижался щекой, как с женщиной, и грустно задумался... Рядом отскерокопированные буквы на бумаге, видные издалека: «Поэты ходят как по лезвию ножа и режут в кровь свои босые души».

Думаю, что более интересное о Высоцком будет 1-го сентября – на 40 дней. Будут выступать настоящие поэты.

Честь выносить гроб с Таганки удостоились И. Кобзон и В. Лановой, была мать с Мариной Влади.

...Когда я был у могилы, среди старух шли разговоры, что уже тогда сперли гитару. В числе поддерживающих порядок, была одна девушка в светло-сером платье с черными завязками, ниспадающими с видимостью тюремной решетки. У цветов горела лампадка.

Возвращался и задумался. С его смертью подведена первая черта под нашей молодостью, которая зрела, отходила от блатного налета, наполнялась смыслом и философским тоже, вместе с его песнями осозная жизнь (нередко критически). Трудно обвинить его в небрежности к себе, в бездумном растрачивании сил и здоровья на разрыв

аорты. На то и поэты. Они живут по другим законам. Но простых смертных их примеры отрезвляют и заставляют задуматься, жить более размеренно и осознанно.

«Ушли года как люди в черном списке...»

Пожалуй, действительно ни один современный поэт так не повлиял на своё поколение. Напишут о нем ещё много. И небезынтересны будут самые случайные детали и штрихи, пусть из народной молвы. Вроде этих.

...Вышел из метро. Киоскерша привычно-скучающим взглядом окидывала (оценивала?) толпу, текущую направо, в проулок. Цветы в целлофане, сбитые прически, торопливые дымки от сигарет. Все шагают быстро, почти в ногу. К нам пристроился мужчина с помятым, вероятно, только от подушки лицом, но в элегантном кримпленовом костюме.

– К Высоцкому, наверное?

– Куда же ещё!?

– И к Есенину идут, – глубокомысленно заметил мужчина, помолчал, стараясь приноровиться к нашему шагу, и добавил: Но к Высоцкому больше. Провести вас к нему? Нет, пожалуй, сами дорогу найдете. А то был у меня недавно случай...

Мужчина «стрельнул» у меня сигарету и продолжил:

– Попросили меня провести к Мандельштаму. Показал я им квартал, довел до самой могилы. Там тихое место, безлюдное. А они мне и говорят: «Снимай, папаша, часы и что там у тебя ещё есть». Пришлось снять, отдать – куда ж денешься. Трепыхаться – себе дорожке выйдет. Я потом помчался на рынок, рядом с кладбищем – друг там у меня Вася мясником работает. Их, конечно, и след простыл. Такие вот пироги...

Мужчина сощелкнул табачинку с лацкана и вздохнул:

– А Высоцкого жалко. Довели... Свой был кореш. Свой.

Юрий Супруненко. 2 августа 1980 г., Москва.

Ну, а моё обращение тогда после спектакля к Высоцкому окончилось неудачей... нежурналистской. Случай отказа в интервью для меня необычный, и огорчение, очевидно, было написано на лице. Высоцкий тоже вроде сочувственно входя в положение, искренне развел руками, сожалел, что не сможет помочь: репетиции, спектакли, съёмки в кино, концерты. Может, со временем гонка спадёт... Я что-то сказал о том, что потомки, мол, не простят нам того, что мы были недостаточно к нему внимательны. А он тоже в таком же полушутливом тоне – потомки, как правило, бывают более великодушными, чем современники. Вопреки слухам был он в хорошей форме, бодром состоянии даже после тяжелого спектакля. «Ну, что пообщался?» – иронизировал я над собой. Но ни осадка, ни обиды после, можно сказать, доброжелательного отказа не осталось. А другой возможности встречи уже не представилось: гонка не спадала, в гости к Богу не бывает опозданий...

ИЗ «ПРОКЛЯТОГО» ПРОШЛОГО

Небезынтересны даже десятилетия спустя листки, письма, которые я писал после вызовов меня в запорожскую «кэзэбушку» (управление КГБ с зарешеченными окнами не только на первом, но и втором и третьем этажах, нужно полагать не от внешних проникновений, а чтобы не выбросился кто изнутри; деталь эту я упоминаю в мемуарах «Жизнь под вопросами», но она настолько врезалась в память, что всплывает постоянно).

...Разбирательство моего «дела» велось с нарушением правовых и моральных норм. Из разговоров моих с людьми, которых вызывали в КГБ в отношении меня, выясни-

лись такие подробности. Женщинам, связанным со мной дружественными отношениями, говорили, что я отзывался о них самыми непотребными словами, что я аморальный тип. Или знакомым мне литераторам говорили, как я хаял их произведения. Эти провокационные вещи подавались, понятно, чтобы вызвать компрометирующие меня заявления. Цель была – подбить людей на ложные против меня показания. Тем более если прозрачно намекать им, что они, не осудив такого идейно вредного отщепенца, как я, могут потерять работу.

И, наконец, одно из самых страшных инкриминируемых мне злодеяний была переписка с Солженицыным. И дело даже не в том, что она велась в те времена, когда Солженицын считался выдающимся советским писателем, выдвигался на Ленинскую премию, оценивался партийной печатью, как значительное явление в литературе. Суть в том, что работниками КГБ в нарушение законности было поставлено требование представить им на просмотр мою личную переписку. Впрочем, они и без этого, ехидно улыбаясь, по памяти цитировали некоторые места из писем, давая понять, что им «все известно». И последнее. Этими же ведущими моё дело работниками в жесткой форме предъявлено требование – представить им все мои записки, даже если они носят дневниковый характер. Конкретно речь шла о рукописях, затрагивающих военную тематику. И если, мол, они идейно не выдержаны, то их здесь же в управлении КГБ сожгут, и автор будет милостиво прощен. Как ни печальны были для меня минуты, а у меня в это время возник для них шуточный ответ: «Может, лучше упечь автора, а рукописи не горят...»

Но с КГБ шутки плохи. В вестибюле я обратил внимание на такую деталь. На стене висело изображение значка «Почетный сотрудник госбезопасности». Я не знаю нагрудный ли он, за что его вручают и как носят – меня это не касается. Но вот символы меня заинтересовали: звезду заслоняет меч... Что сие знаменует? Не придем ли мы к рецидиву того произвола, тех преступлений, которые творились карающими органами уже по инерции под прикрытием идейной непримиримости и классовой борьбы? И дело, очевидно, не только в моей судьбе, хотя и она, возможно, чего-нибудь да стоит. Девятиклассника со школьной скамьи ушедшего на фронт. И если к члену партии, члену Союза писателей так легко применить произвол, нарушение правовых норм, то какие ещё открываются возможности для необоснованных репрессий. Надежда на какой-то отклик и подтолкнула меня написать письмо в ЦК КПСС. Ответа не последовало. Я не согласился на «сжигание рукописей» и выбрал исключение из партии и ССП (Союза советских писателей), лишение работы. Это не было легкомысленным геройством. Так я избавлялся от наивности, от веры в справедливость людоедов. (В те годы совпартзаправилы буквально принимали в свои ряды вождей канибальских африканских племен...)

КРУТАЯ СОПКА, СТОЛИЧНО-ЭЗОВСКАЯ

На рекламных щитах, в призывных плакатах, буклетах, листовках, в газетных строчках и радио-телепередачах в широко известном граде Магадане гостей непременно приглашали посетить сопку Крутую... Почему такое повышенное внимание уделялось именно ей, выяснится позже.

К концу XX столетия город торжественно и празднично у подножья этой сопки отметил своё 50-летие, а в последний год уходящего века – и 60-летие.

Как водится в таких случаях, даже с учетом «временных трудностей», не было недостатка в фестивалях, концертах, приветствиях, сувенирах, застольях. Среди набора печатной продукции на юбилейную тему были и новинки в духе научно-технического прогресса. В торговых палатках, а чаще на рынке, просто с рук продавались лазерные диски и компакт-кассеты с записью стихов и песен о Магадане, Колыме и Крутой сопке. Здесь и почти официальный гимн «Магадан, Магадан, ты на севере и на востоке!», и песни: очень распространенная «Я помню тот Ваннинский порт...» и блатная «Далеко из Колымского края шлю, маруха, тебе я привет!».

И, пожалуй, впервые указывая столичный статус песня «Вставал впереди Магадан, столица Колымского края...». Перечисления можно продолжать и продолжать – эзовский фольклор более чем богатый.

Не зря говорили, что известны только три «матерных» города: «Москва – всем городам мать», «Одесса – мама» и «Магадан – мать... его за ногу»...

В одном из красочных подарочных альбомов (даже на вес утяжеленных), кроме обилия всевозможной показухи и туфты (многое из эзовского сленга вошло в обыденную и литературную речь), есть и такие строчки по поводу магаданской «столичности»: «...Столицей Колымского края зовут Магадан порой и те, кто знает о нем понаслышке, и те, кто живет здесь давно, зовут с гордостью, горечью, а то и насмешкой. И, наверное, каждое из этих чувств применимо к поселению на берегу Охотского моря, носящее это странное, не объясненное до конца название. ...Ну, какая же это столица, согласимся мы со скептиком, если всего-то в Магадане вместе с пригородами лишь 160 тысяч горожан? Да и размеры у города, мягко говоря, не столичные, и архитектура тоже... Но, может быть, впервые он был назван так в той печальной песне...»

Да, чего-чего, а печали и скорби Колымы с её «столицей» и сопками навевала сверх всякой меры. Богатый край с его лесами, «мягким золотом» – пушниной и, главное, золотыми залежами, стал синонимом произвола, насилия, истязания, гибели бесчисленного количества людей. Здесь проходили все круги ада. О магаданско-колымских концлагерях много написано А. Солженицыным в «Архипелаге ГУЛАГ», Е. Гинзбург в «Крутом маршруте», Ю. Домбровским, А. Жигулиным, Н. Заболоцким, В. Португаловым и многими другими прозаиками и поэтами.

**Где-то в поле возле Магадана,
Посреди опасностей и бед,
В испареньях мерзлого тумана
Шли они за развалинами вслед.
...Не нагонит больше их охрана,
Не настигнет лагерный конвой,
Лишь одни созвездья Магадана
Засверкают, став над головой.**
(Н. Заболоцкий)

Но самым основательным и общепризнанным летописцем этого, одного из самых больших островов «гулаговского архипелага» стал Варлам Шаламов, юбилей которого прошел совсем недавно. Трижды арестовываемый, он побывал на приисках, в забоях, в таежных «командировках», на больничных койках, как «тачечник высокой квалификации» с избытком испытал голод, побои, холод, унижения и... гибель, гибель, гибель собратьев-эзов. Его исповедь и свидетельства надо, конечно, читать полностью. Но для общего представления о золото-колымской эпопеи можно привести хотя бы краткие абзацы.

«Тачка – символ эпохи, эмблема эпохи, арестантская тачка». «Машина ОСО – две ручки, одно колесо». ОСО – это особое совещание при министре, наркомне ОГПУ, чьей подписью без суда были отправлены миллионы людей, чтобы найти свою смерть на Дальнем Севере.

«...Золота много – но как его взять. Золотая лихорадка Клондайка, заморского соседа Чукотки, могла бы поднять к жизни безжизненных и в очень короткий срок. Но нельзя ли обуздать эту золотую лихорадку, сделать пульс старателя, добытчика золота, не лихорадочным, а, наоборот, замедленным, даже бьющимся чуть-чуть, чтобы только теплилась жизнь в умирающих людях. А результат был поярче клондайкского. Как колонизовать край? В 1936 г. решение было найдено».

«Откатка и подготовка грунта, взрыв и кайление, погрузка были связаны друг с другом намертво. Было рассчитано инженерами оптимальное движение тачки, время ее возвращения, время погрузки в тачку лопатами с помощью кайла, а иногда лома для разбора скалы с золотым содержанием». Советская власть организовала безостановочный эковский конвейер, какой и не снился Форду. В 56 градусов мороза не прекращалась работа обреченных «рабов КПСС» (такие татуировки делали себе некоторые эки на лбу и на других частях тела).

Замерзшие трупы складывались в штабеля для захоронения в «братских могилах» весной в грунте вечной мерзлоты. Впрочем, иногда эти трупы, плохо прикрытые снегом, растаскивали таежные волки. В этом «коренное» отличие сталинских лагерей от гитлеровских газовых камер – в тех бесхозности не наблюдалось, с немецкой педантичностью все были на учете. Да еще разница в масштабах: советские репрессии исчислялись десятками миллионов...

«...Все эти миллиарды кубометров взорванных скал, все эти дороги, подъезды, пути, установка промывочных приборов, возведение поселков и кладбищ – все это сделано от руки, от кайла и тачки». Запомним этот «тачный» символ эпохи...

Магадан замыслился у подножья Крутой сопки вовсе не по этому маяку. Топоним судят по всей окружающей местности, и по расшифровке названия, хотя название и странное, «не объясненное до конца», как предупреждают путеводители. Одна версия гласит, что еще в позапрошлом веке на этом месте было стойбище старого эвенка по прозвищу Трухлявый пенек, по-эвенкийски – Магда. А от него и речка получила наименование Магаданка, в устье которой тот обитал.

И если это так, то нужно отдать должное старому рыбаку и охотнику: он выбрал не самое плохое место на побережье уютной бухты Охотского моря. К этому удобному морскому заливу ведет и другое толкование: в эвенкийском языке есть слово «монгодан», означающее «морские наносы».

Да и название всего края, получившего такую широкую известность, связано с коренными жителями. Еще в 1643 году проходивший здесь отряд русского землепроходца Михаила Стадухина услышал от эвенков этот топоним Кулу, Кулума. Так они называли реку, далеко протянувшуюся от гор к морю, и передавало это словосочетание конкретное содержание – «склон берега реки, обращенной на север», проще говоря, «река, текущая на север». Кто мог предположить, сколько вместит в себя этот топоним в будущем, когда назовут Колыму и золотой, и проклятой, и богатой, и гибельной. А уж о мерзлоте и холоде и говорить

не приходится. Недаром поётся в песне: «Колыма, ты Колыма, другая планета – 12 месяцев зима, остальное лето»...

Да, область замороженная, суровая, хмурая и громадная – по площади равная Франции или Испании. Самая морская в стране и, пожалуй, на планете: на берега ее катятся волны четырех морей, двух океанов. Край, о котором говорят: 400 км – не расстояние, 40 градусов – не мороз, 70 лет – не старуха...

Край горный – четыре пятых его площади занимают хребты, плоскогорья, сопки. И хоть высотой они не поражают (высшая точка – вершина на Колымском хребте Абориген, 1962 м), но ветры с морозами на них такие, что деревья по-настоящему не приживаются, и поэтому называют их здесь гольцами. А если какие-то и выдерживают, выживают, то это – низкорослые, стелющиеся по земле стланики.

В этом ряду и столично-магаданская сопка Крутая. Ничем особенно не выделяющаяся среди своих соседок, ну, разве немного повыше да пообрывистей, покруче, за что и получила свое прозвание. С такой же редкой, как и везде, порослью кустарников, корни которых вползают лишь в трещины камней. Крученые, придавленные хлесткими ветродуями, обожженные холодом, стоят вопреки всему привычному смыслу, удивляя людей необычной выживаемостью, силой жизни. А может и, наталкивая на сравнения – таковы ведь и сами люди, чудом выжившие здесь и вынесшие невесть что.

Еще приметна Крутая сопка тем, что находится близко, почти рядом со знаменитой Колымской трассой, известной еще как «дорога жизни» с тех пор, как в 1929 г. начали прокладывать ее в глубь тайги от крохотного поселка – Культбаза, ставшего городом, большим портом, областным центром. На более чем тысячу километров прошла она через перевалы и болота, разветвляясь в другие притоки-дороги, зимники, протянувшись в Оймяконье, к полюсу холода Северного полушария, к горным цепям хребта Черского. От грузов, доставляемых из магаданского порта, зависела жизнь приисков, поселков, рудников, лагерей, «командировок».

В 70-е годы прошлого века Крутую обошли, не удостоили чести поместить на ней «глушилку» – такую радиовышку для «забивания» иностранных радиопередач поместили на соседней сопке. (Таким образом советские коммунисты вели идеологический спор со своими оппонентами. На холмах и горах по всей стране высились более 3 тыс. «глушилок».) Но для Крутой сопки судьбой была уготована более значительная роль. Всемирно известный скульптор Эрнст Неизвестный избрал ее пьедесталом для сооружения монумента в память о жертвах тоталитарных репрессий. (Кстати, этот выдающийся мастер родился в этой сибирской стороне – на Среднем Урале.)

Когда-то В. Шаламов воспел колымскую лиственницу. В этом суровевшем крае яркие, торопливые, грубые цветы почти не имеют запаха. В безжизненном воздухе, на сухой жаре и стынущем ночном холоде не пахнут ни розовый грубо вылепленный ландыш, ни огромные, с кулак, фиалки, ни худосочный можжевельник, ни вечнозеленый стланик. И только лиственница подает свой смутный скипидарный запах.

«Сначала кажется, что это запах тления, запах мертвецов. Но приглядишься, вдохнешь этот запах поглубже и поймешь, что это запах жизни, запах сопротивления северу, запах победы. Лиственница – дерево Колымы, дерево концлагерей». Посланная отсюда веточка лиственницы родным, близким, друзьям напоминала людям их человеческий долг – не забывать миллионы погибших на Колы-

ме. К зелени, к растениям у заключенных было свое трепетное отношение. Не только потому, что они спасали их от мучительно-гибельной цинги, но и потому, что напоминали о силе жизни.

В 1997 году к памятной деревцами сопке добавился и образ «Маски скорби», необычный, непохожий ни на какие памятники, доселе созданные ваятелями.

Можно не быть поклонником авангардизма в искусстве, но нельзя не признать большого таланта Эрнста Неизвестного. И в частности, в скульптурном памятнике на Крутой сопке. Издали он видится большим каменным клыком. А вблизи явно выделяются в этом исполинском 15-метровом изваянии покореженная скорбная голова с линиями носа и глаз, которые образуют своеобразный крест. Слезы стекают человеческими масками, по которым, в свою очередь, катятся каменные слезы. Скорбь и трагизм пронизывают весь образ, каждую его деталь. Вместо правого глаза – окно с решетками. На обратной стороне монумента – изображение плачущих женщин и обезглавленного мужчины на кресте. Внутри «Маски» находится копия типичной камеры сталинских времен. Скульптура, конечно, впечатляет. Не хватает здесь, пожалуй, только того символа эпохи – тачки...

Вся скульптурная группа видна издалека, и, прежде всего, из центра города. Подошедшие ближе могут подняться по лестнице к интересующей детали, в любом месте возложить цветы, почтить память тех, кто лег костями в этой заледенелой земле. Перед монументом – 11 блоков с названиями самых страшных колымских лагерей – Бутыгач, Эльген, Серпантинка, Мальдяк, Кинжал, Женекадж, Канеон и другие. Всего таких лагерей в этом крае было более ста. А Колыма не стала таким же синонимом ужаса как Аушвиц или Дахау только потому, что была окутана завесой секретности в этом Богом (но не НКВД!) забытом, заледенелом и застуженном крае, в 9 тысячах километров от Москвы.

Э. Неизвестный не отрицает неких мистических или метафизических глубин в таких скульптурных памятниках, как «Маска скорби» в Магадане или «Исход и возвращение» в Элисте. Но вместе с тем, он отмечает и их понятность, «народность». «Я похващаюсь...», – говорил он как-то в одном из своих интервью. – У моего магаданского памятника бывают 100-тысячные толпы... Самое удивительное, что люди, которые приходят туда с водкой, с пищей, чтобы помннуть, не оставляют разбитых бутылок или мусора. Вычищают, потому что испытывают уважение, если не ко мне, то к тем, ради кого это сделано».

И магаданцы считают своим долгом всякого гостя повести, прежде всего, на Крутую сопку, показать в первую очередь «Маску скорби». И особенно, если эти гости иностранцы. Тут, конечно, есть нотки своего местного патриотизма: дать понять значительность монумента Э.Неизвестного, вошедшего в каталоги мирового искусства. Но присутствуют тут и более прагматичные соображения. Пусть гости с высоты окинут взором окрестности столицы «золотого края», проникнутся чувством, в каких не простых географических условиях она обосновалась. И какие перспективные возможности у этого богатого региона.

Кроме золота, пресловутого «желтого дьявола», «царя металлов», в недрах здесь есть другие «валютные» металлы: олово, вольфрам, ртуть, свинец, цинк, молибден. Под мелководными озерами тундры – залежи нефти и каменного угля. В горах, в тайге много пушного зверя, в частности, «пушистой молнии тайги» – соболя. В изобилии рыба: горбуша, кета, кижуч, нерка, нельма, омуль, муксун, хари-

ус. Кто хоть раз пробовал корюшку или навагу, тот поймет тех многих горожан, кто выходит, несмотря на мороз, на зимнюю рыбалку в Ногаевскую бухту. Практикуется не только охота, но рыбоводство и звероводство.

В раскинувшейся панораме Магадана некоторые дома потянулись уже на склоны сопки. А ведь было время, полвека назад, когда газета «Нью-Йорк Таймс» кричаще прорицала: «Магадан повторит ошибку Доусона! Русские строят мертвый город!» (Доусон, золото-лихорадочная столица Юкона, воспетая Джеком Лондоном, действительно превратилась со временем в мертвый, музейный городок.) Но мы ходим своим путем! Причем ради справедливости необходимо отметить, что, кроме ГУЛАГовского пополнения Колымы, в 30-40-е годы приезжали сюда по «призыву партии» и много добровольцев, романтиков, молодых энтузиастов. И там, где раньше спасением от цинги был лишь хвойный настой кедрового стланика, развернулось интенсивное овощеводство и молочное животноводство.

А еще, может быть, зарубежным гостям небезынтересно будет сообщить вот какие сведения из истории края. Во время Гражданской войны и разрухи в «русский Клондайк» устремились американская кампания «Олаф Свенсон», канадская «Гудзон-Бей», японская «Арай-гумми» и другие. Они прибирали к рукам пушные и рыбные промыслы, на приисках намывали золотишко. Судно морской пограничной охраны США вошло в Провиденский залив и на берегу бухты Эммы установило знак – эта территория Чукотки находится под юрисдикцией США. Пришлось советским властям невежливо и даже с применением оружия восстанавливать правовые нормы.

И вот в конце века по прошествии ударных пятилеток и невиданных побед, после развала империи кремлевские чиновники самого высокого ранга у «Маски скорби» на Крутой дают согласие на установление в Магаданской области особой экономической зоны: ведь она оказалась среди тех «бедных» российских регионов, что состоят на дотации.

Зарубежным гостям мило улыбаются хозяева и обещают всяческое благоприятствование и заботу, если те станут инвесторами... Вот ведь какая «связь времен» и метаморфозы с участием все того же «желтого дьявола»...

Что ждет «золотой край», как и все человечество, после уходящего века атомного, энергетического, космического, века Бухенвальда, Хиросимы и концлагерей?

«Маска скорби» предостерегает...

Вот свидетельницей (да и участницей) каких событий стала Крутая сопка. Как сказано мудрыми людьми, пока жива память, живы и мы.

(В сокращенном виде опубликовано в статье Ю.П. Супруненко «Кулума – река, текущая на север (Как Крутая сопка стала самым главным топонимом Магадана)» – Независимая газета-Наука, 28 января 2009)

НЕОЖИДАННАЯ РЕЦЕНЗИЯ

Из моих общих воспоминаний была извлечена и издана Юрой хорошая, и я бы сказал ответственная тема «Исповедь читателя». Мне она так пришлась по душе, что захотелось продолжать её. И вот одна из дополнительных страниц. Начало её у меня связалось с детством. Я тогда начал печататься не только в местной городской газете, но и взобрался на республиканскую детскую. Но это были у меня школьные темы или описание посещения завода. И

тут в мою вскруженную голову взбрела задумка – почему бы не написать о... Циолковском. Предстояла какая-то юбилейная дата. А я как раз прочёл книгу о звезде КЭЦ (по инициалам Циолковского). Обложился книжками, начал сдирать, как для школьного сочинения, и положил на стол знакомого мне литраба статью. Он меня огорчил сразу: такие вещи пишутся специалистами, авторитетными учеными. Я хотя и расстроился, но сообразил, что зарвался. Однако разочарованный не скис, а переключился на практику – начал по книжному описанию мастерить свой телескоп... По моему заказу мне уже прислали даже стекла из Москвы. Я начал клеить трубу... Помешала война.

Может, с того времени у меня и сохранился интерес к астрономии. Впрочем, на прямой связи не настаиваю, но факт остаётся фактом – мимо астрономии и уфологии я не прошёл. Только вышедшая в конце 90-х годов книга Жака Вале «Великие загадки Земли» взволновала меня настолько, что я, не уфолог и не астролог, а только посетитель московского планетария и читатель-почитатель НЛОшных сообщений, но безо всяких подсказок со стороны астронавтов и контактеров сел писать рецензию.

Доверие вызывал сам автор книги. Он не только самый известный популяризатор и исследователь феномена НЛО, но и незаурядный учёный. Обладатель двух университетских дипломов (по математике и астрофизике), известный работами по информатике, искусственному интеллекту. Десятками лет собирал материалы в разных странах по НЛО, беседовал со свидетелями-контактерами. Ему как авторитету разрешили допуск к своим досье сверхбдительные американские военные. Словом, в мире он уфолог №1.

Понятны его экскурсы в прошлое с «небесными колесницами, пришельцами, богами, тайнами. В конечном счете, и магия, и религия, и наука – это всего лишь плоды теоретического мышления; но как наука вытеснила своих предшественниц, так и сама она в будущем может быть заменена некоторой более совершенной системой представлений».

По статистике за два десятилетия число визитов НЛО перевалило за 3 млн... Это похоже на какую-то «демонстрацию». Не хотят ли нас приучить, настроить на какие-то более ошеломляющие события? «Если феномен НЛО способен оказать влияние на наше будущее, то мы действительно стоим на пороге одного из крупнейших переходных периодов в истории человечества».

Валле, как и многие другие, был сторонником модной гипотезы инопланетных пришельцев, но у него хватило мужества сделать переоценку ценностей («...существует система духовного контроля человеческого сознания; очень может быть, что она обусловлена законами, к которым мы пока ещё не подступились»).

Короче говоря, я предложил рецензию в научно-популярный журнал «Энергия», и хотя там вначале раздумывали, но, в конце концов, напечатали доморощенного знатока. А ведь многие маститые ученые воздерживаются...

Потом я так же восторженно прочёл друга Вале нашего В. Ажажу с его философским анализом уфологии, исповедью, убедительными фактами («интим» с НЛОнавтами, психографии с Булгаковым, материальные следы НЛО и т.д. и т.п.). Ни слова на веру... Как можно убивать время на детективы, когда издаются такие потрясающие книги. Но рецензию на книги Ажажи не стал писать, хотя и очень хотелось... Нужно и меру знать, не витая в облаках, ограничился обменом информацией с друзьями приятелями, сбором юмора по НЛО.

ГОРОД ОСНОВАН ПИСАТЕЛЕМ

Подрастая, мальчишка, конечно, не мог не интересоваться историей. Как все сверстники, был не прочь раздобыть ржавую кольчугу, наконечник стрелы, оторвыш ядра, патрон, черепок с орнаментом. Ростову было чем интриговать любознательных. Где-то в этих местах потерял свой след античный Танаис. А в степи за пригородом маячил курган Тамерлана. Этими местами интересовался ещё сам Александр Македонский – он, якобы, хотел соединить каналом Волгу с Доном.

И может, один из первых вопросов и у приезжего гостя и у подрастающего горожанина – как появилось такое благозвучное, содержательное имя города. Молва и поэты не прочь были объяснить богатырским скороспелым ростом. Но если вникнуть да послушать сведущих людей, то окажется, что замешан тут человек писательского звания. В начале XVIII века в России стал заметным деятелем сын казачьего киевского сотника Даниила Туптало. Слыл он человеком просвещенным не токмо потому, что мог бы носить «значок» выпускника Киевской коллегии, но и потому, что написал немало книг стихов, драм, памфлетов, книг по истории. И хотя являлся лицом духовным, но осуществлял даже театральные действия. На все его хватало в то сложное петровское время. Обладал он и редким проповедническим даром, яро спорил со своими собратьями по вере, поддерживал Петра Великого, закрывая глаза на его крутость и жестокость. Без этой поддержки навряд бы он стал митрополитом в Ростове Великом, одном из древнейших городов на севере от Москвы. (Здесь постриженный ещё в молодости в монахи Туптало нарекался Дмитрием, а потом появился «псевдоним» – Ростовский.) Можно гадать и дискутировать – за деятельное просвещение или умение ладить с владыками удостоился он после кончины и звания «святого». Но факт остаётся фактом – мужик пересилил бабу, как могли шутить первые ростовчане – на смену «крепости святой Анны» была построена новая крепость здесь у устья Дона, названная в честь Дмитрия Ростовского.

Можно было возмущаться горожанами, не догадавшись поставить памятник такому просвещенному основателю. Или, наоборот, осудить его же за «приспособленчество» (ну, можно назвать это полегче – «конформизмом»). Но опять же, если вести спор, то объективности ради надо признать заслугу Туптало-Ростовского: около двадцати лет потратил он на основной труд своей жизни «Четье-Минее» – один из своеобразнейших источников по истории Руси.

Конечно, было больше оснований возмущаться тем, что столетие города ростовчане в своё время проспали... А если говорить поточнее, поконкретнее, всё произошло из-за того, что они, уподобившись пошехонцам, документы по истории края продали на обертки для селедок, а потом продолжали спорить, от чего вести ростовское летоисчисление – со времени основания Темерницкой таможни в 1749 г., с возникновения крепости Дмитрия Ростовского 1761 г., или с царского указа 1806 г., где впервые город был назван Ростовом.

Да разве только это могло занимать молодые крепнущие умы. А вопрос национального многоцветья и сосуществования различных вер и религий?.. В этом «русском Чикаго», в одном из самых оживленных портов империи уживались русские и армяне, украинцы и греки, татары и молдаване. Утрясались и уваривались, как во всяком большом городском космополитическом кипящем котле. Правда, «закладка» в этот котел производилась в определенной пропорции: при двух молельнях, одной мечети,

двух синагогах, одном костеле насчитывалось больше дюжины православных церквей.

Трудно сказать, как часто, и заходили ли вообще, юные ростовчане в местные божьи храмы. Но малышами туда они попадали с матерями нередко.

Но, пожалуй, самой большой достопримечательностью по тем временам были в этом «азовском Ливерпуле», «кабак-городе», как назвал его один путешествующий литератор, «малины», шалманы, притоны и всякие другие сборы и собрания воров, беспризорников, блатных, уркаганов и разного рода правонарушителей. Почти все так или иначе соприкасались с ними. Вот объявление, задержавшееся в одной из почтовых контор: «Просим публику следить за своими карманами!» Впрочем, и без предупреждения горожане держали ухо остро.

Шло знакомство и общение через блатной жаргон, фольклор и литературу. Бабель, Микитенко, Леонов и це-

лая плеяда писателей «специализировалась» на модной теме перековки урок и воров. Романтизировали своих отпетых земляков одесские барды во главе с Утёсовым и К°. Ростовчане метали покрупнее и метили повыше. (Начинающие здесь Фадеев и Ставский выбились в первые руководители Союза писателей в Москве, а вспоенный Доном Шолохов определился в классики.)

Но с литературой соприкасалось не так уж много. По всем законам истмата, прежде чем заниматься искусством, надо было прикрывать наготу и что-то есть. А наступившие тридцатые годы выдались не из лучших в истории. Опять, как в начале двадцатых, поджал голод, пошли пром- и продкарточки, невероятные очереди, блаты, комбинирования, ухищрения. Одним из популярнейших героев стал Остап Бендер (одесситы дали фору!).

VIII. СОЛЖЕНИЦЫН И ЕГО ВРЕМЯ

МНОГОЕ ШЛО ИЗ ЮНОСТИ

С девятилетнего возраста, по заверениям самого Солженицына, он твердо решил, что станет писателем. Окружавшие его близкие и знакомые, никто особого таланта за ним не замечал. Но писательство – это и не такое дарование, которое проявляется исключительно как божья искра, хотя и природные задатки определяют жизненную линию. Чтобы созрел писатель – как конструктор новой бумажной реальности – должны, как правило, пройти годы проб и ошибок, накопления литературного опыта. Редактирование стенгазеты и общепринятые зарифмованные строчки не вызывали серьёзных признаний для юношеского возраста Сани Солженицына. Литературные способности, наверное, так рано и не проявляются как музыкальные – у вундеркиндов. Отмечались, конечно, написание повестей-романов и семнадцатилетними, но это нетипичные исключения.

Словом голубая мечта юности, как и положено ей, оставалась неопределенной. Среди одноклассников, как водится, царил дух состязательности. Может, и задевало Санию, что учительница русской литературы отдавала предпочтение поэтическим опытам Кирилла Симоняна. Да и сама Наташа Решетовская, будущая Санина невеста, была такого же мнения. Но явно никто даже из преуспевающих приятелей не мог сравниться с целеустремленностью, настойчивостью Моржа. Даже в этой закалке: ходить до заморозков легко одетым, за что и получил такое прозвище. Впрочем, может, здесь примешивались и внешность: округлость его добродушного лица.

И ещё приметная деталь. Одна черта из рассказов о нём его одноклассницы Р.М. Кирпоносовой – это неунывающий весёлый нрав, врожденное, а может и больше приобретенное – чувство юмора. Для такого оживленного южного города как Ростов была характерна общительность людей, шутливость тона в разговоре. Очевидно, эта черта эмоциональных южан прививалась с детства. Саня записывал в блокнот услышанные меткие слова, рассказывал смешные истории и анекдоты с подходящим для рассказа национальным колоритом. Присущее молодости веселье осталось у него запечатленным и иллюстративно на одной фотографии с Кириллом Симоняном: они вдвоём актерски пытаются натянуть один платок. Но ещё более наглядное фото с приметной надписью – на нём Саня с

остриженными волосами под нулёвку. Оно помечено летом 1940 г. Очевидно, расстаться с чубом парня заставила тогдашняя ростовская жара. Необычный «гологоловый» лик и дал повод Сане на этой любительской фотографии сделать такую дарственную надпись на обратной стороне для своей невесты Наташи Решетовской: «...от каторжанина».

Кто думал, что эта шутка в таком недалеком будущем обернется трагическим пророчеством.

А пока что жизнь вокруг кипела, била ключом и не всегда и не каждого по голове, как отмечали остряки-самоучки. Мужая и не теряя чувства юмора, Саня нашел время, а он всё больше ценил его, передать своё мироощущение через анкету. Ту самую, что в свою пору заполнял основоположник по просьбе дочери. (В отличие от Карлы-Марлы Саня возвратился к этим вопросам и 22 года спустя в 1958 году и отметил перемену ориентации плюсами и минусами: они тоже не безынтересны.)

Итак. Что больше всего цените в человеке? Искренность (плюс).

Что больше всего цените в мужчине? Мужество (поправка 1958 г. – Верность).

Что больше всего цените в женщине? Женственность (поправка 1958 г. – Преданность).

Что порицаете? Себялюбие (плюс).

Представление о высшем счастье? Творчество.

А несчастье? Никого и ничего не любить и не быть любимым.

Какой недостаток недопустим? Эгоизм.

Наиболее отвратительное качество? Беспринципность.

К кому питаете антипатию? Адмирал Рождественский («Пусима» Новикова-Прибоя) и ему подобные скоты в образе человеческого.

Любимое занятие? Писать, спорить, декламировать, слушать музыку и путешествовать.

Любимый поэт? Лермонтов.

Любимые прозаики? Дюма, Диккенс, Лондон (поправка 1958 г.: Полная смена вкусов).

Любимый герой? Джек Лондон.

Любимая героиня? Нет, к сожалению.

Любимая опера? Евгений Онегин.

Любимые композиторы? Шопен, Бетховен, Чайковский (два плюса).

Любимые цветы? Роза, ландыш.

Любимый цвет? Ослепительный яркий цвет чистого неба в солнечный зимний день и цвет глаз возлюбленной, когда она есть.

Любимое мужское имя? Александр.

Женское? Виолетта.

Любимое блюдо? Жареный барашек, преимущественно ребрышко, лапша с потрохами, яйца всмятку, абрикосы, сухумские груши.

Любимое изречение? Лучше умереть стоя, чем жить на коленях (Ибаррури). Не стой за ценой, если вещь по сердцу. Всё равно, чем платить – деньгами ли, жизнью ли (Лондон).

Обилие впечатлений, увлечений, как бывает в юности, мешает сосредоточиться на чем-то главном. Шахматы, футбол, музыка, языки, даже кружок латинского (!), книги. Широта восприятия необъятная. И, понятно, дающая себя знать потребность самовыражения. Кроме общего увлечения театром, тяга к сцене. Ни одна школьная постановка Чехова, Ростана, Лавренёва не обходится без его участия. И была даже попытка поступить в театральное училище. Только на экзамене срыв с голосом помешал. Но ещё более определенно очерчивается интерес к поэзии и прозе. Появляются первые собственные стихи.

Выпускал рукописные журналы. Посещал литературные студии и редакции газет.

Первые отрезвляющие образы. Но никакого разочарования. Непокколебимая вера в себя и будущее, как и положено молодым. Нельзя в печать, но можно читать свои стихи со сцены. Можно делать заготовки к будущим романам. Это уже не просто какая-то розовая или голубая мечта, а конкретное начало.

УПРЕКИ И НЕДОПОНИМАНИЯ

Уважаемый Павел Павлович!

Я с изумлением узнал от Вероники Валентиновны о Ваших проектах, связанных со мной.

Вообще не понимаю, на каком основании Вы занялись выборкой моих записей на книжных полях. Но гораздо более того: как может прийти мысль опубликовать их, да теперь же? Это – стыдно, неприлично. Это возможно только после смерти автора – и через много лет, и только с разрешения его литературных наследников.

Второе – печатать какие-то «воспоминания». Какие ж «воспоминания», когда автор не только жив, но еще не напечатаны его главные книги? Воспоминания – раньше самих книг? Нелепость.

И каких кривотолков опасаться, если главный источник их сама Наталья Алексеевна, начиная с её позорной АПНовской книжки, и еще не раз впоследствии?

С уважением А. Солженицын 14.11.90

Вот такое нелцеприятное письмо получил автор после того как до мэтра дошли заметки П. Супруненко о книгах АИ и маргиналиях на книжных полях. Статья предварительно называлась «Солженицын как читатель» или «Из книг АИ...». Павлу Супруненко была предоставлена счастливая возможность познакомиться с частью ценной библиотеки писателя, которая осталась на родине при вынужденном отъезде ее владельца за рубеж. То было время небезопасное не только для инакомыслящих, но и для книг.

За ними следили, их изымали, сжигали (не прилюдно, конечно, избегая аналогий), проверяли, выколачивали, выдергивали «крамольные» страницы даже из журналов (это в библиотеках со статусом «научных»!). Нет, провидческие «рекомендации» Оруэлла соблюдались не полностью – тут была своя метода. И дело даже не только в рвении охранителей нашей идеологической невинности, а и в складывающейся совковой традиции – осуждать книги, не читая их. Здесь скорее подходят антиутопические предсказания Рэя Бредбери из «451 гр. по Фаренгейту».

Словом, не честолюбивые мотивы попасть в библиографию Солженицына двигали журналистом-поклонником, а желание сохранить для потомков внимательный, даже «придирчивый» взгляд знаменитого владельца этих книг на прославленных авторов. Ведь книги это тоже один из важных источников, из которого берут начало многие суждения самых самобытных писателей.

Может быть, после прочтения этих записок-выписок станет понятна тревога исследователя о том, что эти книжные полки может постигнуть судьба утраченной библиотеки М.А. Булгакова. Для краткости сохраним «шифр», который стоял на карточках-выписках литературоведа П.П. Супруненко, – «Из книг АИ» или просто «АИ» – Александр Исаевич Солженицын.

Это что касается библиотеки и анализа маргиналий.

А в отношении Наталии Алексеевны Решетовской уместно привести письмо П.П. Супруненко, посланное писателю в Вермонт. Речь шла все о тех же мемуарах Н.А.

«Уважаемый Александр Исаевич!

Не могу не ответить на Ваше письмо. Начну с моего читательского мнения о Н.А. Решетовской. Да, в ее АПНовской книжке есть несколько «выпадов», назовем их так. Но в целом, она принесла, вопреки замыслам КГБ, больше пользы, чем вреда. Не забудем, что вышла она в то время, когда Вас объявляли «власовцем и уголовником», и когда Залыгин и Быков, не говоря о прочих, определились к Вам довольно однозначно – «не может вызвать никаких других чувств, кроме глубокого презрения и осуждения» («Правда» 31 авг. 73 г.).

До такого «гнева» Наталья Алексеевна не опускалась. И не зря ее книжка распространялась читателями в ксерокопиях.

А потом с появлением гнуснейших пасквилей Ржезича и Яковлева акции даже неполноценной книжки Решетовской повышались. Она несла все-таки во многом правдивую информацию о Вашей жизни и творчестве. Существенно для читателей было и то, что за чтение этой книжки их не тянули в каталажку, не увольняли с работы. Не забудем и то, что Н.А. активно протестовала против гебистских клеветнических изданий Ржезича и Яковлева.

Я не могу судить о ее взаимоотношениях с КГБ. (Тогда я еще не беседовал на эту тему с ней – П.С.)

Насколько можно догадываться, при ее женской экспансивности, политической наивности, кегебешники пытались использовать ее, а она их, имея в виду сотрудничество в Агентстве печати «Новости». В ее затравленном «самоубийственном» состоянии она нашла в себе силы не переступить черту, не смалодушничать для постыдных подписей, как это сделали выдающиеся писатели, ученые, одним словом – артисты...

Более того, она много делала для сохранения Вашего архива, для написания мемуаров. Нужно надеяться, Вы не будете отрицать ее право на это. Как и того, что она играла в свое время и какую-то положительную роль в Вашей жизни... Или нужно бросать в нее камни, как это делают

некоторые экзальтированные Ваши поклонники? И уж не думаю, что Вы не допускаете великодушия к одинокой женщине с онкологическим недугом и почти слепой. Да Вы, кажется, и делали попытку по-христиански найти взаимопрощение» (28.12.90).

Ответа автор не получил. Но молчание тоже может сойти за ответ.

Судьба, драматизм личной жизни А.И. не был исключением. У вернувшихся из ГУЛАГа близких его сотоварищей Л. Копелева, Д. Панина, В. Шаламова и многих, многих политзэков жизнь со своими женами и возлюбленными не сложилась. Сказывалось не только расставание на долгие годы (а любовь многие испытания выдерживает, но менее всего длительную разлуку). Участь советских «декабристов» была намного ужаснее, трагичнее, чем у их дворянских предшественниц. Кровавая система, если не расстреливала, ссылала, травила жен и детей «врагов народа», то давила, добивала их пропиской, увольнением с работы, учебы. Этот садизм режима вынесла на себе сама Н.А. И можно ли осуждать ее, что не оказалась «железной», закаленной как сталь, что не до конца выдержала испытание – вышла замуж. (Даже не так уж важно, давал ли «свободу» муж из ГУЛАГа.) Кто поручится, у кого хватит фанатизма на отрешенность и подавление и духа, и плоти?

Судьба реальной Н.А. оказалась сложнее, трагичнее бедствий, перипетий Нади Нержиной (Надя и Глеб – прообразы Н.А. и А.И. в романе «В круге первом»). Жизнь богаче... И сурового матерого зэка на воле не раз прошибала слеза... Не зря по мировой статистике, читатели все больше и больше отдают предпочтение мемуарной исповедальной литературе перед беллетристикой. Личные судьбы выходят за пределы своего субъективного мира.

...Нынешние читатели более свободны в своем выборе, в том числе и в интересе к жизни и творчеству своего великого современника. В этом им определенно помогут книги (целая «серия»!) Н.А. Решетовской: «Александр Солженицын и читающая Россия», Москва, 1990 г.; «Солженицын. Обгоняя время», Омск, 1991 г.; «Разрыв», Иркутск, 1992 г.; «Отлучение», Москва, 1994 г. Это книги, в которых отразилось время.

P.S. Г. Ржезич, чешский эмигрант, «порученец» КГБ.

Н.Н. Яковлев, сын маршала, с уголовным прошлым, профессор, автор клеветнической книги (пять изданий!) «ЦРУ против СССР», получивший пощечину от А.Д. Сахарова...

...Конечно, были бы общие дети бывшие супруги, нужно полагать, вели бы полемику более сдержанно. Рано или поздно природа напоминает, если не сказать мстит за самовольный отказ от материнства или отцовства (его, кстати, настоятельно проповедовал в свои ранние годы А.И., как жертву ради большого творчества, потом пришла переоценка заблуждений).

Но что бы ни говорилось и не писалось, большое возрожденное чувство Н.А. Решетовской вне всяких сомнений. Вопреки советам и здравому смыслу, она вторично вышла замуж за его же оставленного мужа, когда он был не великим знаменитым писателем, а сельским учителем с онкологическим тяжелым недугом. На такой шаг не каждая, даже горячо любящая душа, решится. Он сам признавал, что она спасла его. Но жизнь так непредсказуема...

Продолжим авторское письмо с объяснениями.

«Уважаемый Александр Исаевич!

...Теперь о своем читательском «поклонении». Не буду рассыпаться в банальностях по поводу Вашего действи-

тельно беспримерно-подвижнической роли в разоблачении Зла и поисках Истины. Несомненно, Ваши книги и весь пример Вашей жизни способствовали как мне, так и очень многим читателям, в выборе гражданской позиции, в более глубоком прозрении. (Хотя никто лучше не учит, чем сама жизнь. У меня, в частности, по-настоящему глаза раскрылись – в руках каких подонков оказалась судьба миллионов людей – после прослушивания «закрытого письма» по «делу Берия». А в ряд с ним стала и вся свора...)

О том, как нелегко быть читателем в людоедской системе, тоже надо бы рассказать. Мне цитировали мои письма к Вам в управлении КГБ. И по всему видно было, намеревались не просто припугнуть, если вызывали по моему «делу» около трех десятков свидетелей. Исключали, увольняли, вновь вызывали и предупреждали. Я поступал, как мне подсказывала моя совесть. Да, может, чуть меньше других поддавался страху потому, что хлебнул фронтовых передраг (прошел солдатом и офицером от Кавказа до Праги, начиная сенадцатилетним). Не совершивши особых подвигов на фронте (кто же напишет, что на войне солдат меньше всего заботится о героизме), в мирные дни я тем более сохранил реальное представление о закрытии амбразур своим телом. Но когда ко мне поступила просьба взять на хранение копии Вашего архива (для подстраховки), я не испытывал никаких сомнений. Просто считал это своим читательским долгом.

Тогда же я познакомился и с Вашей оставленной библиотекой и сделал с разрешения Натальи Алексеевны выписки Ваших пометок на страницах книг. Ведь была явная опасность, что они могли исчезнуть, как и архив вовсе. Не Вам объяснять их общественную значимость. Так и были написаны мной заметки по этим маргиналиям. (Если бы у Вас было время с ними ознакомиться, я бы немедленно их выслал.)

Александр Исаевич! Может я по своей читательской наивности чего-то не понимаю, но мне кажется странным, что за границей уже вышло много книг по Вашему творчеству и биографии, и Вы не выражали своего неудовольствия. Для своих же соотечественников Вы то устанавливаете запрет на издание публицистики, то монопольно доверяете тому же Залыгину Ваши сочинения, то запрещаете мемуары Решетовской. «Огонек» напечатал «Матренин двор» – последовал окрик. Заединщики поднимают Вас как свое знамя – вроде так и надо. Вот и русские монархисты выдвинули Вас кандидатом на императорский трон... А заединщики в обнимку с полковниками... И дело не только в том, чтобы в этой смуте четко определиться – с кем Вы? И нейтральным молчаливым Вас в былые времена читатели вроде не считали. А теперь тем более значительно Ваше слово.

Вот еще ультра-патриоты провокационно затеяли публикацию пасквилей Самутина, а обещают еще и Виткевича, и Симоняна в «Военно-историческом журнале». Иногда мелькнет такая грешная мысль: а, может, это и к лучшему, ведь за этой гнусной возней явно видны уши провокаторов, следует их саморазоблачение. (И опять же информация для размышления читателей – что толкнуло упомянутых авторов – страх, зависть, шантаж, окружение или генные задатки?) И еще хотелось дать Вам знать, уважаемый Александр Исаевич. Для тех, кто хотел прочесть Ваши произведения, возможности сейчас не ограничены. Беда в том, что у винных магазинов в нашем славном отечестве очереди и очереди, а библиотеки почти пустые. На этом фоне Ваша публицистика, информация о Вас, а еще лучше

и Ваше присутствие здесь были бы совсем не лишними. Для выяснения вопроса – возрождение или вырождение?

С уважением П. Супруненко 28.12.90.

(Подготовка к печати и публикация Ю.П. Супруненко)

МАРГИНАЛИИ – «БОКОВКИ» НА КНИГАХ А. СОЛЖЕНИЦЫНА

О том, какое удовольствие испытывает человек, роясь в книгах, распространяться не стоит. А если это книги людей незаурядных, близких, интересных, замечательных, да еще иногда с пометками на страницах... Словом, мне пришлось разбирать оставшуюся от АИ библиотеку по просьбе Натальи Алексеевны. В 1986 году она уже плохо видела и просила помочь в этом занятии. Слепым методом печатала карточки, я говорил названия книг и расставлял по указанному полкам. Насколько возможно, была распределена классика русская, западноевропейская, советская, литература краеведческая и путеводители, подарочные издания.

У каждого свой порядок расположения книг. Но наиболее дорогие хочется поставить на самое почетное место. А тем более, если они связаны с юностью.

До войны у приехавшей в Москву Натальи Алексеевны впервые появилась книжка с автографом известного среди киношников автора: «Дорогой племяннице Наташе на долгую память. Валентин Туркин. 1940. 9 июня». Память действительно оказалась долгой. К «Драматургии кино» – так назывались эти очерки по теории и практике киносценария (М.: «Госкиноиздат», 1938) – через несколько десятилетий обратился АИ. Обратился не ради любопытства. Четверть века спустя нежданно появился замысел испытать себя в самом массовом виде искусства. Понятие о сценарии как о стенограмме эмоционального порыва, как «шифре, передаваемом одним темпераментом другому» вполне, видимо, импонировали внимательному читателю. Поэтому и отмечены коричневым карандашом эти слова С. Эйзенштейна в начале книги. Есть и другие пометки.

Начинать обзор, вероятно, надо с полки словарной – она на самом виду, с ней самое частое общение. Тут и без лишних слов ясно – словари первые помощники. Это приобретенный еще Н.А. «Энциклопедический трехтомник» издания 1953-1955 гг., «Словарь иностранных слов». И, конечно, во главе этого ряда – одготомник ожеговский «Толковый словарь (здесь надписано рукой АИ дополнение в наименовании – «затрепанного») русского языка». Не будем вдаваться в правомерность такого своеобразного определения. К Далю было другое внимание, даже почтительность. (Один из томов, как известно, находился даже в самых неподходящих для него экстремальных условиях, был предметом утешения, изучения и поклонения). Но далевский четырехтомник не попал на эту полку НА, он был «отторгнут» (словечко это НА пришлось повторять не один раз), уехал в эмиграцию вместе с его владельцем.

Здесь надо бы упомянуть и далевские пословицы и поговорки, которые, мало сказать, любил АИ – жил ими. Об этом пристрастии совладельца библиотеки говорят только встречающиеся по книгам и папкам карточки, а то и просто узкие полоски бумаги с образцами... К примеру. «Одно слово правды весь свет перетянет». «Отведаешь сам – поверишь и нам». «Одна забота – не стала б работа». «Никто сам себя не рассудит». «Намучится – научится». «К чему охота, к тому и смысл». «Кто малым недоволен,

тот большого не достоин!» «От большого ума сходят с ума».

«Он мечтал, – по ходу нашей работы рассказывала НА, – выписывать на карточках самые интересные для него пословицы и помещать их в подаренную ему большую деревянную вазу. В свободную минуту подходить и вытягивать наугад пословицы». Ваза осталась незаполненной.

Он вылавливал эти крупницы, где только они ни попадались ему на глаза, где только не залетали в уши. На одной из карточек записано: О. Зих «Книга о логике народных пословиц (чеш.)». Челаковский (1799-1852) «Философия славянского народа в пословицах». И на обороте: «Все имеет конец, кроме зависти», «Никто не знает, где башмак давит, кроме того, кто его носит». «Что вредит, то и учит».

И еще НА вспомнила, между прочим: об их совместном принципе, который нарекли свенинденизмом. Это от притчи. К городу подошел странник Свенинден. Но его туда не пустили. Мол, такой обычай – не общаться с чужестранцами. И тогда он объяснил, что его религия не позволяет ему идти тем же путем, каким он пришел. И его впустили, уважая обычай. НА с АИ во время прогулок вспоминали эту притчу, прокладывали лыжню, не повторяя пути. Это подразумевалось и на других дорогах – литературных.

Приверженность к фольклору – тема необъятная. Разговор заканчивается на том, что само это слово «фольклор» подвело НА. Не зная точно его значения, она приравнивала его к «опыту художественного исследования»... И получилось, мягко говоря, недоразумение – она как бы оспаривала документальность «Архипелага». При мне еще раз посмотрела в словарь («художественная коллективная творческая деятельность народа, отражающая жизнь, воззрения, идеалы») и согласилась, что это произведение отнюдь не фольклорного жанра, а документальные свидетельства, местами переплавленные в художественные, типизированные образы. А затем признала свою ошибку, что с ней случалось в наших нередких спорах не часто.

Итак, одна из основных, опорных, основополагающих, фундаментальных и еще как ее назвать – это полка родимой нашей словесности. Воздержимся от каких-либо замечаний по поводу собранного. Двадцатитомник Л. Толстого и другие собрания НА великодушно разрешила «отторгнуть». (А заглянуть в эти тома было особенно интересно, и не только потому, что в свое время проводились сравнения и аналогии, параллели, но и вполне естественно: Толстой и Достоевский были сродни АИ.)

Встречаются в основном книги, которые НА случайно могла приобрести в магазинах, будучи очень занятой на работе. «Доставать» хорошие издания, как это у нас теперь принято, было не у кого. Библиофильский ажиотаж тогда в 50-ые годы только еще назревал. Он разгорелся с возрождением Булгакова, Ахматовой, Зощенко, Платонова, Цветаевой, Пастернака, Мандельштама. Ну, и появлением новых имен Дудинцева, Некрасова, Аксенова. Словом, с книгами было еще труднее, чем с хлебом насущным. После того как в определенные хрущевские годы и рабочий гегемон, и интеллигентные профессора несли с мест работы муку в наволочках. Потом, правда, очереди у хлебных магазинов исчезли – мы все-таки грозились перебраться в Америку... Книжный бум рос неослабно. Вот что удалось «отхватить» поначалу, то и осталось на полках. Кстати, и НА, как послушная жена, вынуждена была согласиться с авторитетным мнением АИ – многое можно взять в библиотеках (школьной, городской, клубной, где состоял читателем АИ, да еще НА – в институтской). На одержимое собирательство не стоило тратить ни времени, ни средств. Гораздо важнее уметь выбрать, что читать, как читать.

Среди фундаментальной русской классики с наибольшими пометками томик Тютчева «Стихи и письма» (М., 1957). На титульном листе поставлена дата «начали 20.8.61». Н.А. откомментировала: читали вместе осенними вечерами... Обычно в других книгах нет отметок в предисловиях, но здесь сделано исключение и подчеркнуты слова об «изумлении и восторге», с каким Пушкин отзывался о стихах Тютчева и утверждение Л.Н. Толстого, что без книжки стихотворений Тютчева «нельзя жить». Еще подчеркнуты «двадцать два года», которые Тютчев провел на чужбине, из них 20 – в Мюнхене. Еще отмечено то, что поэт был монархистом.

**О жертвы мысли безрассудной,
Вы уповали, может быть,
Что станет вашей крови скудной,
Чтоб вечный полюс растопить! (с.50)**

Эти строчки выделены синей чертой (образ!) в известном стихотворении «14 декабря 1825 г.». Кстати, о том, каким цветом и штриховкой делались пометки, и что они обозначали. Красным – факты и даты, коричневым – мысль, синим – образ, метафоричность, зеленым – слово, язык, стиль, фиолетовым – несогласие, волнистая линия – сомнения.

К этому же ряду примечательных оценок и строчки, отмеченные зеленым.

**Сын Революции! Ты с матерью ужасной
Отважно в бой вступил – и изнемог в борьбе...
Бой невозможный! Труд ужасный!
Ты всю ее носил в самом себе!.. (с.157)**

Эта интересная характеристика Наполеона, очевидно, касалась не только знаменитого императора. Возможно, и любая другая революция такая же «ужасная мать»... Но не будем строить догадок. Обратим внимание на абзацы, отмеченные простым черным карандашом (рядом со вторым абзацем надпись «Ник I»).

«В истории человеческих обществ существует роковой закон, который почти никогда не изменял себе. Великие кризисы, великие кары наступали обычно не тогда, когда беззаконие доведено до предела, когда оно царствует и управляет во всеоружии силы и бесстыдства. Нет, взрыв разражается по большей части при первой робкой попытке возврата к добру, при первом искреннем, быть может, но неуверенном и несмелом поползновении к необходимому исправлению. Тогда-то Людовики XVI и расплачиваются за Людовиков XV и Людовиков XIV».

(Тютчев – Блудовой, 1857, с.433)

«Для того чтобы создать такое безвыходное положение, нужна была чудовищная тупость этого злосчастного человека, который в течение своего тридцатилетнего царствования, находясь постоянно в самых выгодных условиях, ничем не воспользовался и все упустил, умудрившись завязать борьбу при самых невозможных обстоятельствах. Если бы кто-нибудь, желая войти в дом, сначала заделал бы двери и окна, а затем стал пробивать стену головой (курсив Тютчева), он поступил бы не более безрассудно, чем это сделал два года тому назад незабвенный покойник».

(Э.Ф. Тютчевой, 1855, с.426)

Кроме этих, отмечены и другие строчки об «августейших» особах – «их действительное бессилие составляет нашу единственную гарантию против гибельных последствий их недомыслия, о том, что эти люди по счастью опоздали на поезд» (с.451). О разложении и движении к пропасти (с.458). О нашем мнимом праве, которое по большей части ни что иное, как открытый произвол. Есть еще целый ряд отметок. Причем в содержании они представлены в виде плюсов (к 14 стихам) и восклицательных знаков (одного знака – к 15 стихам, двух – к стихам «Душа моя – элизиум теней...», «Близнецы», «Как дымный столб светлеет». Причем в содержании они представлены в виде плюсов (к 14 стихам) и восклицательных знаков («Эти бедные селенья», «Чему бы жизнь нас не учила», а к «Silentium!» – и все три).

Внимание привлекла страница 173.

**О, как убийственно мы любим,
Как в буйной слепоте страстей,
Мы то всего вернее губим,
Что сердцу нашему милей!**

Напротив этих знаменитых начальных строк надписано легко, почти ажурно, острозаточенным черным карандашом («Денисьева») и в середине отмечены строчки.

**Судьбы ужасным приговором
Твоя любовь для ней была.**

Так и хочется спросить: «Не закрадывались ли тогда при чтении у НА какие-то предчувствия?» Нет, наверное.

Среди комментариев подчеркнут абзац (с.505) к стиху «Не знаю я, коснется ль благодать». Посвящено Э.Ф. Тютчевой, второй жене поэта, и написано в первый год его романа с Е.А. Денисьевой. Стихотворение было вложено Тютчевым в принадлежащий жене гербарий, но обнаружено ею только в мае 1875 году, почти через два года после смерти поэта.

В широко известном стихотворении «Silentium!» («Молчание») подчеркнуты «Мысль изреченная есть ложь» (1830 г.) (с.72).

В «Лебеди» зеленым подчеркнута «всезрящий» (к слову «сон»), в «Как дочь родную на закланье» – «чревобесие» (к слову «меч»). А в стихотворении «Смотри как на речном просторе» отмечено тем же цветом слово «неизбежно». Это уже о языке.

И, наконец, о замеченных АИ пятнах на солнце... В стихотворении «С горы скатившись...» у последних строчек «Никто еще не разрешил вопроса!» отметочка: «прозаизм». У второго четверостишия отмечено «образ плох?» (с.59). И на следующей стр.60 у второго четверостишия еще маргиналии: «Та же ошибка. Если месяц старый он не светит с вечера!». Ничто не скрывается от внимания наблюдательного читателя.

Пометки на книгах и журналах – так называемые маргиналии, – как давно замечено, жанр опасный. Они, мол, выдают с головой автора с его умом, характером, чувствами. Ну, что же, тем интересней проследить «опасности» дальше...

Сохранился томик Лермонтова дореволюционного издания. Он еще из детской библиотеки АИ (а может, и отцовской). Этот томик НА не отдала АИ для сына – думала сама вручит, когда тот подрастет...

Говоря о русской классике уместно, наверное, относительно ее помянуть книгу Ходасевича со многими «разметками», как назвала пометки НА.

В. Ходасевич «Литературные статьи и воспоминания», Нью-Йорк: Изд-во им.Чехова, 1954. Знаком + отмечены в содержании «Памяти Гоголя», «Уход Толстого», «Аблеуховы» (об Андрее Белом). Перед «О Маяковском» поставлено !!, перед «Белым коридором» – ! На стр.46 выделены слова «Без откровенья, без прорицания нет поэзии», и в конце пометка «А нет! Грибоедов просто жанра не угадал. Ему надо было писать Большую прозу – он был бы на долгое время нашим первым романтиком». Стр.130 – «Писатель прекрасен всегда – или никогда» (перед этим отмечено, что Чехов прекрасный для своего момента). Стр.267 – «Мы не в изгнании, мы в послании!» (Статья «Литература в изгнании»). В конце «Аблеуховых»: «Если разбор этот точен, то просто страшно: сумасшествие бесконтрольно выдается за гениальную литературу», с.218 (АИ). К «формуле» Ходасевича («Возрастает для нас и прелесть произведения, ибо оно всегда прямо пропорционально объему понимания») пометка АИ: «В пользу литературоведения о символизме», с.154.

А вот выделенные строчки, которые можно толковать как предчувствие... Интересно, когда читалась книга, тогда и делались пометки?

«Исторически беспримерная и в высшей степени учительная особенность польской литературы заключается в том, что ее золотой век приходится не на эпоху политического расцвета, а наоборот совпадает с годами национальной катастрофы. Творчество Мицкевича, Словацкого и Красинского окрепло и расцвело в эпоху, последовавшую за разгромом 1831 г. вдалеке от родной земли, в эмиграции (пометка АИ: «Так и должно быть») они доказали неопровержимо, что необходимая писателю «родная почва» может быть заменена глубокой, творческой памятью о родине» (пометка АИ – «NB») (с.95) (Статья «Иридиан»).

«Наконец на страдания, причиняемые ему Софьей Андреевной, Толстой смотрел как на испытание, посланное ему свыше и полезное ему самому для нравственного совершенствования» ((с.140).

В шеститомнике Куприна (М., 1957) около 10 пометок. В содержании восклицательными знаками отмечены «Куст сирени» и «Ночлег». В конце рассказа «Блаженный» комментарий АИ: «Задолго угадывается «Конец сказки» Д. Лондона!». В «Звезде Соломона» отмечено несколько слов, среди них – «шарашились». Правда, оно не от той позже появившейся «шарашки» – это всего-навсего шарашились на подоконнике колючие бородавчатые кактусы (т.5, с.433).

Судя даже по этой неполной библиотеке, внимание НА и АИ к мировой современной литературе было неослабевающим. У него на примете самые различные авторы – Г. Филдинг (2 т.), А. Франс (8 т.), Лопе де Вега (2 т.), Шолом-Алейхем (1 т.), С. Цвейг (2 т.), Ж. Б. Мольер, Ж. Ж. Руссо, Ч. Диккенс «Записки Пиквикского клуба», Ибсен (4 т.), О. Генри (2 т.), Г. Гейне (2 т.), П. Мериме (2 т.), Р. Брэдбери.

Г. Бёльль, сыгравший такую заметную роль в жизни АИ, впервые, очевидно, был представлен ему Львом Копелевым, обретшего так скоро права признанного литературоведа. Г. Бёльль «И не сказал ни единого слова... (М.: Изд-во иностр. лит., 1957) с предисловием Л. Копелева и его надписью: «Наташе и Сане малый знак большой любви (моей к Вам). Будьте здоровы и счастливы. Янв. 1958».

Повышенный интерес к Хемингуэю неслучаен. Не только потому, что великий американец больше чем кто-либо почитался у нас, хотя и с оговорками о его «глубоком пессимизме» и определением, что в «Старике и море» он

«рисует лишь борьбу человека с природой» (Энциклопедический словарь, трехтомник, М.: 1955). «Роман века» его «Колокол...» был скрыт от нас более чем на четверть века. АИ читал роман в машинописном виде, когда приезжал из Рязани в Москву гостить к своим лагерным друзьям.

Оставшийся в домашней библиотеке «Праздник, который всегда с тобой» (М.: 1966) дает основание предполагать, что если бы АИ писал «закрытую рецензию», как принято в наших издательствах, то эта вещь прославленного «дяди Хэма» света бы не увидела... Пометки «Какой развязный тон» (с.113), «Пошло!» (с.129), «Стандарт» (с.132), «Дешево», «Самовлюбленно» (с.135) разбросаны на многих страницах. «Уж слишком кокетничает», – комментирует он слова о Фицджеральде, и далее о том, что «речь можно было не слушать и разглядывать его» (с.94). А замечание АИ «Как раздражительно он пишет обо всех» (с.96) можно считать обобщающим. И уж не говоря о пометке «память чрева» (с.55), которую можно было отнести и к страницам 31, 37, 38, 43, 49, 64, 101, 102, 113, 130, на которых представлено более краткое «еда!» или «опять еда!», «А сколько рюмок?». К воспоминанию о том, как автор 30 лет тому назад посыпал салат черным перцем и обмакивал хлеб в оливковом масле, АИ иронизирует: «Надо же помнить». Словом, назойливые гастрономические изощрения пришлось не по вкусу АИ. Для него, читателя, «Праздник» явно не удался. Хотя в одном месте отмечено занятное сравнение – «козы... вертели головами как туристы (с.33), а в другом – строчки «Надо изображать, а не описывать» прокомментированы: «Вот главный тезис Хемингуэя, но...» (с.38). А еще в одном месте АИ расщедрился даже на похвалу «Здорово. Первая деловая вещь». Это по поводу метода: «Можно опускать что угодно при условии, если ты знаешь что опускаешь – тогда это лишь укрепляет сюжет и читатель чувствует, что за написанным есть что-то, еще не раскрытое».

Может быть, при этом привкусе читал он и «Кредо человека» (в самиздате – 3 страницы, перепечатанные на машинке, были вложены в книгу). Над заголовком – «приговор» АИ: «Не ждал такого чванства». Это, конечно, больше всего относилось к отмеченным синим строчкам: «Можно было не сомневаться, что я являюсь пионером новой эры, а потому в будущем каждый мой поступок будет вызывать большой интерес». Хотя в общем-то такой вещи нельзя было не заинтриговаться (не зря перепечатана!). Так же как не случайно многие строчки отмечены «коричневой» одобрительной оценкой:

«...нельзя начинать писать, пока не упорядочится замысел. Перед написанием я часто произношу вслух диалоги: ухо хороший цензор...»

«Только тот, кто сумел проникнуть в тайники и нащупать пружины, приводящие в движение человеческие поступки, может начать писать хорошо».

«Величайшими литературными дефектами современных писателей являются: их тенденция к чрезмерному украшательству и пристрастие к поверхностной шлифовке формы».

«Редко бывает человек, который в тот или иной момент своей жизни не испытывал большего мучения, чем то, которое обычно испытывают люди, умирая. Один известный врач сказал мне как-то, что боль, связанная со смертью, часто меньше боли зуба».

И вот выделенные строчки в очерченном абзаце: «...первой обязанностью человека является укрощение страха». А далее продолжение этой мысли с подчеркнутым последним словом: «Ничто не отбирает больше духа у человека, чем трусость и страх перед опасностью. Это чувст-

во осложняет вещи простые, а трудные делает не свершенными».

И, наконец, в разделе о «смысле жизни»:

«Я желал бы уметь оценивать вещи, которые не могу иметь, нежели иметь вещи, которых не сумею оценить».

Впрочем, перечитывая эту великолепную исповедь, еще и еще раз убеждаешься – не зря она перепечатана.

На одной из страниц шеститомника М.М. Пришвина (М., 1956) есть такое наблюдение АИ: «Вся молодость Пришвина – колебания под дуновением легчайших ветров. Нет своего стержня» (т. I, с. 417).

А у кого он, этот стержень в юности? Сам АИ, по рассказу НА, увлекался, как и большинство его сверстников, Д. Лондоном. (В ростовском доме его было полное собрание сочинений. Книги сохранила тетя Шура, хотя сама во время оккупации пухла от голода и питалась даже из помоек. В письме из лагеря АИ распорядился продать их.) Далее было тоже характерное для поколения увлечение Горьким. (НА вспоминает как АИ во время приезда к нему на фронт читал ей вслух и восхищался «Жизнью Кожемякина» и как ей было это скучно, но она не подавала виду...) «Стержень» приходит не сразу, у многих и вообще не появляется. А бывает, что при широте обзора и объективности взгляда он, возможно, и не нужен. Впрочем, это уже отвлечение...

Вернемся к томикам (кстати, они довольно увесистые) Пришвина. Это, пожалуй, единственный из советских писателей, к которому АИ был благорасположен и обошелся без строгих «выговоров». Более того, он определил его как «само дыхание земли». («Кого рядом с ним можно поставить за последние 20 лет?» – АИ говорил НА в 1957 г.) Он даже не поспешил на такие щедроты: «У Пришвина все время самобытность, своеобычность мышления» (т. I, с. 248). «Какая свежесть и какое у Пришвина богатое воображение!» (т. I, с. 484).

Автобиографический роман «Кошечья цепь» умудренного жизнью Пришвина читался, видимо, с удовольствием – так много в нем отмечено коричневой линией (иногда даже тройной как в первой цитате): «Великое родится в малом и незаметном, оно живет в массах, и великий человек выделяется только тем, что берет на себя от масс большое поручение» (т. I, с. 345). «Вот бы хоть раз взлететь самому на всю свою высоту!» (т. I, с. 287). «Почему стал народ мельче?» – спросил Алпатов. Мастерские объяснили по-своему: «Свиней продавать стали. Раньше все ели сами, а теперь продают. Чаевой народ пошел, мертвый» (т. I, с. 213). «Почему у нас, при всем этом героическом плаваньи на льдинах по океану, на киле лодки, в общем, не остается как-то соответственного этой стихийной жизни чувства уважения к человеку» (т. II, с. 354).

Конечно, тогда еще безвестному рязанскому учителю не могла не импонировать такая искренность, стремление понять эту «непонятную» родину и ее таких противоречивых обитателей. «Настоящая родина очень трудная, и без того что казалось ему теперь домом, она невозможна, родина с нищетой и тюрьмой – какая это родина» (т. I, с. 382). «Осталась позади эта страшная русская жизнь, где всю молодость отдают идее, где с презрением относятся к твоему телу и даже не украшают его красивой одеждой» (т. I, с. 399). «...эта способность к обновлению у русского интеллигента происходит от пожаров деревенской России, после которых возникают постройки гораздо лучшие, чем до пожара» (т. I, с. 378). «...удовлетворение от писания и часто даже радость: это выход на свободу сил, в себе заключенных» (т. I, с. 550). Как понятно и нам теперь, почему такое обостренное было восприятие именно этих абзацев,

почему так близка судьба Алпатова. И одна из пометок перед главой «Будто – путешественник» (по поводу пребывания Алпатова в тюремной камере): «Было ли это с Пришвиным? Или – домысел?» (т. I, с. 275). Так и остался вопрос без ответа – надо бы найти его, хотя бы с запозданием.

Не случайны и отмеченные слова Алпатова о том, что «беда у сильного человека – это вызов к борьбе» (т. I, с. 474), и пришвинский безобманный (слово подчеркнуто) закон обязательного выбора труднейшего: сделать трудное, а легкое само делается (т. I, с. 557).

«Мы только что пережили трагедию Северного полюса: еще несколько лет тому назад ученые говорили нам, что все-таки еще возможна жизнь на полюсе, что встретится там какой-то новый материал и какая-нибудь жизнь, даже люди. И вот оказалось, там нет ничего – одна математическая точка. И все-таки мы с новой энергией строим теперь ракету для полета в межпланетные пространства, с трепетом в сердце предвкушаем полет на Марс и Луну. Хотя там, по всей вероятности, найдется то же самое, что на Северном полюсе. Есть такая же безмерная реальная сила и в наших детских тайнах и, особенно, в нашей первой юношеской любви» (т. I, с. 390).

«Никаким трудом, никаким талантом не возьмешь свою возлюбленную, если только нет решения в природе, в этом от нас не зависимой» (...если не судьба) (т. I, с. 495). Ну, и как может быть не близка пришвинская «муза странствий»: «Путешествие не жизнь, не дело, это любовь» (т. II, с. 334). (Последние две цитаты выделены АИ коричневым цветом).

А разве не приметны в «оттепельные» послесталинские времена эти человеческие разумные слова (между прочим, старик, которого критики называли краеведом, а то и словами похуже за аполитичность, а потом, правда, он удосужился и «мыслителя», так кажется и не поддался – обошелся без подачек-дифирамбов Сталину, чего не избежал даже Булгаков).

Впрочем, вернемся к последним страницам романа.

«И вот скажу теперь, что был в лесу добрым медведь, и его полюбили, и когда он попал ногой в медвежий капкан и заревел, то вместе с ним и весь лес заревел».

Мало счастья было медведю, что попал он в капкан и заревел, но все-таки, правда же, много легче. Даже скажем и так: большое счастье досталось медведю, что, прощаясь с ним, как с другом, весь лес заревел.

Вот мне и кажется, будто я, как и весь русский человек, этим счастьем силен!»

После этого окончания «Кошечей цепи» приписка в конце страницы: «Чудесная тональность, теплота, мягкость, сильные образы. Но язык повести смутен, мысль трудно высвобождается из оков. Лучшее в романе: 1. Кум и побег в Англию. 2. Дядя Иван Астахов и черты сибирской жизни» (т. I, с. 462).

И конечно, бдительное внимание к слову. Отмечены голубым или подчеркнуты: «заяц вышел на светлинку»; «высокая некое»; «травя чепушняк»; «размонашивают»; «одумка» (название главы); «закат был в красных мечях» (т. I, с. 294); «над водой темень, а надо льдом бель» (т. II, с. 217). Не остались незамеченными: поговорка – «на море ходи по ветру; а на людях живи по людям» (т. II, с. 216), слова о грешных южных ночах и бестелесных северных грезах, о нездешнем мире (т. II, с. 179), размышления о судьбе, которая определяется как берега реки встречными препятствиями (т. I, с. 238). Как было при этом не согласиться АИ с Пришвиным (подчеркнуто коричневым): «Дивился этим чудесным коленцам русской речи, поворотам

ее от грусти к простодушно смешному и внезапному взлету на высоту человеческой мудрости» (т. I, с. 549).

В одном из томов осталась необычная закладка – листок отрывного календаря от 3.02.58. В нем пришивинский короткий рассказик «Бабочка». Под солнцем она лежала на ладони как мертвая. Но когда автор подбросил ее, полетела да еще как! «Сколько у нас тоже у людей, есть таких спящих, а толкнешь – откуда что возьмется!»

Не от подобных ли «бабочек» родилась потом идея «крохоток» (миниатюрных рассказов), только менее нейтральных?

Еще из пристрастного чтения – Паустовский (шестьдесятник 1957 года), точнее его «Повесть о жизни». По поводу ее, кажется, учитель из Рязани даже писал в какой-то журнал, выражал свое недоумение – как можно погружаться в подобное автобиографическое самолюбование. Но тем не менее в многоглавной повести отмечены: обстановка в России (т. III, с. 325), портрет Керенского (т. IV, с. 573), бегство из Одессы (т. IV, с. 787), портрет Махно (т. VI, с. 761), Москва 1917 года (т. IV, с. 646). Разными цветами выделены следующие места.

«Взрослые много говорили о Багрове и гадали был, ли он действительно революционером, или агентом охраны, устроившей убийство Столыпина в угоду царю. (Николай ненавидел Столыпина за то, что не мог сопротивляться его воле)» (т. III, с. 98).

«На сельской колокольне несколько раз торопливо ударили в колокол двойным ударом. Это был сигнал к тому, чтобы в избах заливали огонь в печах» (т. III, с. 288) (коричневым).

«В 1914 году Москва была глубоким тылом. Только обилие раненых, бродивших по городу в коричневых халатах, да траурные платья женщин напоминали о войне» (т. III, с. 326) (красным).

«Развязно, позванивая литаврами и бубенцами гремел механический орган – трактирная «машина» (т. III, с. 314) (красным).

«Москва дымилась от стужи. Пар вырывался из набухших дверей трактиров. Среди уютного московского снега, заиндевевших бульваров, заросших льдом окон и зеленых газовых фонарей...» (т. III, с. 140) (синим).

«Никогда я не видел Соколовского печальным. С тех пор я окончательно убедился, что способность ощущать печаль – одно из свойств настоящего человека. Тот, кто лишен чувства печали, так же жалок, как и человек, не знающий, что такое радость, или потерявший ощущение смешного» (т. III, с. 387) (коричневым).

«– Ни черта! – с удовольствием отвечал Володя. – И не желаю понимать. Люблю Россию – и баста» (т. III, с. 123). Здесь надпись простым карандашом: «В этом и Паустовский. И в этом он видит заслугу свою».

Вероятно, хоть и отретушированные, воспоминания очевидца революции были интересны для АИ. (Хотя бы для тех же давно задуманных узлов Р-17). Есть и такое замечание: «Булгаков был старше Паустовского и его памяти можно доверять. Старших в школе помнят лучше, к ним тянутся». Это к строчкам: «Я хорошо помню стремительную его живость, беспощадный язык, которого боялись все, и ощущение определенности и силы – оно чувствовалось в каждом его даже незначительном слове» (т. III, с. 197) (красным).

Были и другие комментарии, вроде – «название главы, как и всюду, совершенно не отражает содержание и не запоминается» (т. III, с. 143) (по поводу главы «Пустынная Таврида»). Или в связи с названием капельмейстера «капельдудкиным» – «эту избитость можно было и не приво-

дить». Словом, такое впечатление АИ можно считать более-менее благожелательным.

И вот среди малых и больших томов совсем тоненькая и как-то вроде поспешно изданная в правдинском издательстве (М., 1957) «Судьба человека». Да, Шолохов. С ним у АИ установились, ну, назовем так – неприязненные отношения. Но тогда еще в конце 50-ых вроде не было никаких оснований для предвзятости. А ее, предвзятости, очевидно и не было. Присмотримся конкретно. Начнем с пометок по языку и стилю. У большой воды для ребяташек всегда какая-нибудь добыча найдется» (с. 9) (длинно, не звучит – АИ). «Каким-то огромным усилием воли поборов волнение» (с. 13) (ужасный стандарт – АИ). «Стою и качаюсь – как тополь в бурю» (с. 15) (зачем так много сравнений в живой речи? Их не бывает – АИ). «Бои шли восточнее Полоцка в направлении Тросницы» (с. 28) (простой человек так не скажет, так не говорят – АИ). «Личико все в арбузном соку, покрытом пылью» (с. 34) (шофер разговаривает причастиями – АИ). «Неизбывной смертной тоской» (с. 9) (красивость – АИ). «Я весь превратился в слух» (с. 9) (стандарт – АИ). «Ну, брат табак моченый, что конь леченый (никуда не годится)» (с. 8) (лишнее – АИ). Зная Дон, университет, войну и другие «круги», АИ, наверное, имел право захваленного живого классика читать без коленопреклонения. Да оно, кажется, ему и вовсе было не свойственно. В прямой связи с языком и весь рассказ (как говорим – так и мыслим).

Зеленым подчеркнуты слова «стегнах» (с. 5), «небушко» (с. 7), «исказнила» (с. 9), «заладилось» (с. 10), «дурачья (сила)» (с. 13), «по легости (ранен)» (с. 14), «растелешенные» (с. 18), «на распыл» (с. 24), «играется (пистолетом)» (с. 25), «запохаживается» (с. 28). «Прошлое – вот как та дальняя степь в дымке» (с. 11) (и сравнение надумано и словесно не звучит – АИ). На странице 12 АИ замечает: «Ирина – трогательная. Но ведь это – Душечка. Или Христианна из Достоевского. Где тут соцреализм?». Здесь же выделено «губы от слез распухли», «дрожит, будто подрубленное дерево», «прижалась как лист к ветке» с комментариями – «не живой рассказ». Дальше оговорки на полях более определенные. «Клонится, будто хочет шагнуть против сильного ветра...» (с. 13) (одними образами говорит герой – АИ). «Зачем я ее тогда оттолкнул? Сердце до сих пор, как вспомню, будто тупым ножом режут...» (с. 13) (опять «образ». В «отталкивании» чего-то (падения?) не хватало. И не понятно, что уж он так себя упрекает. И все-таки это еще лучшая часть рассказа – АИ).

«Ну, про войну тебе нечего рассказывать сам видел? – АИ) и знаешь как оно было поначалу... Тошное время было, не до писаний было. Да и признаться, и сам я не охотник был на жалобных струнах играть и терпеть не мог таких слюнявых, какие каждый день, к делу и не к делу женам и милахам, сопли на бумаге размазывали. Трудно, дескать, ему тяжело, того и гляди, убьют. И вот он, сука в штанах, жалуется, сочувствия ищет, слюнявится... А такой хлюст, мокрая душенька, напишет жалостное письмо – и трудящую женщину, как рюхой под ноги. Она после этого письма, горемыка и руки опустит, и работа ей не в работу. Нет! На то ты и мушина, на то ты и солдат, чтобы все терпеть, все снести, если к этому нужда позвала. А если в тебе бабьей закваски больше чем мужской, то надевай юпку со сборками, чтоб свой тощий зад прикрыть попышнее, чтоб хоть сзади на бабу был похож, и ступай свеклу полоть или коров доить, а на фронте ты такой не нужен, там и без тебя вони много!» (с. 14) (1. грубо, 2. размазано, 3. что за мишень? Неужели так важно? – АИ).

«Потом пехота пошла, не густо, так (не больше одной битой роты)» (с.16) (зеленый карандаш – АИ). «Не легкое это дело понять, что ты не по своей воле в плену» (с.16) (только этот случай и в самом чистом виде – АИ). К третьему абзацу на стр.15 длинный комментарий АИ: «Единственное место, где мог описать реальное поле боя, но не описал его, потому что не видит, нет чувствительных конкретных деталей». И далее к этому же абзацу – когда проснулся Соколов: «Самый некриминальный случай плена – без памяти, т.е. снять всю остроту проблемы и сделать бесспорным случай». «Выругался страшным кучерявым, воронежским матом» (с.17) (сам про себя так не скажет – АИ). Двое попытались бежать» (там же) (так не скажет – АИ). «Опомнился я и спрашиваю: «Ты что же делаешь, фашист несчастный?..» (с.18) (неправдоподобно – АИ). Ко второй половине стр.18 комментарий АИ – обычный шолоховский несмешной грубый юмор. Ко второму абзацу, к словам «Если завтра...» и т.д. – он еще и знать такого порядка не может. Грубая работа – АИ. Ко второму и третьему абзацам на стр.21 – тоже какая-то малореальная картина, тоже не то, просто трудно идти по границе – АИ. «Ты хоть закуси перед смертью». Я ему на это отвечаю: «Я после первого стакана не закусываю» (с.26) (все это слишком анекдотический нетипичный случай (да и мог ли он выпить три стакана, не закусывая?) – АИ). «В заду плечистый, как справная баба» (с.27) (характерно ли это для инженера (немецкого офицера)? – АИ). К четвертому абзацу стр.28, когда Соколов раздел пьяного немецкого унтера – одни анекдоты, детективно подстроенный побег, никто не видит, никто не вооружен (АИ). К последнему абзацу стр.29 к словам «...накормили, и в баню сводили, и допросили, и обмундирование выдали» (у своих уже) (с этого начали? Умилно, не знает материала, о котором пишет. Побег не только «детективный» и малоестественный, но еще и задуманный «по лучшей форме» – чтобы отвести обвинения в плене, подозрения в СМЕРШе. Рассказ о плене, в котором нет проблемы плена – АИ). «Давай браток перекурим, а то меня что-то удушье давит» (с.31) (лишнее – АИ). «И полковник и все офицеры... душевно попрощались со мной (с. 30) (умильность задушевного слова – АИ). Кормили меня помалу, но часто, иначе если бы давали еды вволю, я бы мог загнуться» (последний абзац с.30) (Слышал звон... Да он шофером был не голоден. Нелепость! Полковника возил доходага? – АИ). К четвертому абзацу (с.31) со словами «в вышней синеве облака» – комментарий: пафоснее, чем надо по контексту – АИ. К последнему абзацу стр.31 – «Когда получен месячный отпуск...» (? т.е. свободу выполнять «здание»? – АИ). «Блеснула радость, как солнышко из-за тучи» (с.32) (сравнения продолжают – АИ). «Утром послал письмишко, а на другой день получил ответ» (с.32) (возможно ли? – АИ). К предпоследнему и последнему абзацу стр.34 в связи со встречей с мальчишкой (подчеркнуто синим) комментарий АИ: «Это хорошо (проблески у него бывают). Хорош еще этот трагичный колорит: жизни разрушаются и притом до конца. Вся же военная часть рассказа ужасно слабая». Синим выделены такие места: «Такая мелка птаха, а уже научился вздыхать» (с.34), «весь дрожит будто травинка под ветром» (с.35), «как воробей под застрехой» (с.37), «Так и у него память, вроде зарницы проблесками работает» (с.37). А здесь прошелся зеленый карандаш – «поршня менять надо» (с.37) – и здесь же одобрительный комментарий АИ: так говорят верно. «Русский человек несгибаемой воли выдюжит... если к этому позовет его Родина» (с.38). «Тут самое главное – не ранить сердце ребенка, чтоб он не увидел, как бежит по твоей щеке жгучая и скупая мужская

слеза» (с.38) (конец). (Автор плачет – но плачет ли читатель? Характерная особенность рассказа: он не волнует (кроме описаний жены и встречи с мальчишкой) – АИ).

Пометок кажется даже многовато. Но для меня они не были лишними. Речь собственно шла не только о рассказе, но и об отношении к войне. Эх, как же хотелось после этого знать его мнение о «Тихом Доне». Но в этой библиотеке, как ни странно, не было других книг Шолохова. Да и вообще НА мало что могла сказать об архипрославленном их земляке.

Книги по химии, учебники, музыкальная литература. Тут уже наглядное разделение интересов супругов. Хотя НА все больше вовлекалась в сферу влияния АИ, и многое с ее полков перекачало на дачу в Борзовку. Среди ее книг о музыке и композиторах только одна с отмеченными АИ строчками: «Целью в искусстве, как и во всей жизни, является свобода и прогресс» (Р. Роллан «Героические жизни», М., 1933, т.14, с.62-64, мысли Бетховена).

К музыке АИ тянулся, с юности любил слушать эту ды Шопена в великолепном исполнении жены, находил еще время посещать концерты в Ростове, а потом в Рязани (в частности, Ростроповича, после чего они и познакомились). Но появились новые мотивы и новые книги. Да такие, как вот этот весомый фолиант от самого Д. Шостаковича – «Катерина Измайлова (Опера)», 1965 – «Дорогому АИС в знак восхищения его творчеством, с самыми лучшими пожеланиями Д. Шостаковича 2 июля 1965 г. Москва». (В мае 1967 г., когда были у Ростроповича в гостях вместе с НА, Шостакович им обоим подарил пластинку.) Впрочем, это уже из того незабываемого времени, начавшегося с вершинного 1962 г. О том, какие пошли признания, частично дают представление и книги. Хотя большая часть осталась в Рязани у Н.Е. Радугиной, бывшей студентки НА, ставшей после окончания института как бы младшей ее подругой. Близкой настолько, что потом, когда обстоятельства осложнились, у Радугиной в квартире был обыск. Судьба книг с автографами осталась неизвестной. Из-за того, что Радугина держала сторону АИ, она оказалась для НА в стане «предателей»!

Тут перед НА была нелегкая задача – как расставить эти разноформатные, разнотемные и разноразмерные книги с автографами. Всех их объединяет, конечно, восторженная искренность – одних в словах, а других – в молчаливом свидетельстве.

Вот горячие единомышленники.

Ж.А. Медведев «Биосинтез белков и проблемы их онтогенеза», М., 1963 (с подклеенным письмом). «Дорогому Александру Исаевичу с чувством глубокого уважения, восхищения и благодарности, от автора, 15 декабря 1964 г.».

А рядом – очень примечательные два томика Якубовича «В мире отверженных», М., 1964. Они, понятно, без автографа – автор прошловековой, каторжанин. А привез этот свеженький двухтомник А.Т. Твардовский, когда приезжал к АИ в Рязань в том же году. Деликатный теска не стал навязываться со своими книжками, а удачно подобрал подарок, который потом пригодился АИ в работе.

И вот еще одна память от визита. М. Булгаков «Драмы и комедии», М., 1965. «Наталье Алексеевне и Александру Исаевичу Солженицыным с верной любовью. Елена Булгакова. 20.X.65 г.».

А жезеловская книга Л. Копелева о Брехте из квартиры НА каким-то образом исчезла: очевидно, причастны к этому немалочисленные гости. Самые ценные письма, документы и зарубежные издания АИ сохранялись в «бюбиках» – двух сейфах. Автограф Копелева у успел переписи-

сать: «Дорогим Наташе и Сане. Не докучал Вам своими письмами, а теперь вот прошу это все же прочесть. И право не потому, что втиснул сюда частицу своей души, а потому что уверен: трудный опыт и многие мысли Брехта необходимо знать каждому художнику сегодня. Очень Вас любящий Лев. 28 мая 1966 г.».

Но что сказать НА по поводу хищений? Как их предотвратить? Не советовать же не пускать гостей?... Достаточно того, что я настоятельно ей внушал передать в архив многочисленные письма и некоторые документы АИ.

Журналы... Их по принятому московскому да, наверное, и всесоюзному обычаю при вечной борьбе за квадратные метры жилплощади несут на сборные пункты макулатуры (слава Богу, хоть до этого додумались – раньше просто выбрасывали). И тут и досадовать не приходится – они того заслуживали – литература в своей основе была макулатурная.

Но вот эти экземпляры «Нового мира» сохранила, наверное, не одна НА – они больше, чем другая периодика характеризуют то самое время «нового ренессанса». После появления в «НМ» повести и рассказов АИ снизошел даже до того, что позволил себе сделать подписку на журнал, хотя и не был сторонником таких неразумных расходов. Были естественно надежды на улучшение климата... Словом, комплекты «НМ» стояли на полке и напоминали о целой, можно сказать, эпопее взаимоотношений АИ с журналом и редактором. По этому поводу у нас с НА было особенно много споров. В том числе и в связи с «эволюцией» Лакшина от боевого критика до «исполнителя романсов на ТВ»... Дополнение в наше разное понимание «Трифоныча» внесла и публикация летом 1986 г. воспоминаний о нем Трифонова, как об уже скатившемся алкоголике – буквально с лестницы и разбившем голову... И это абсолютно не отрицает его немаловажной роли редактора. Но, видимо, не такой нужен был трибун. Но что значит «нужен»? А если иной был преждевременным? А если иных и кандидатур не было? Вот Кочетовых, Грибачевых и т.д. было сколько угодно.

Опять я не сдерживаюсь и спорю с НА, которая собирается даже свои мемуары посвятить Александру Трифоновичу. Этак мы не закончим разбор книг и за месяц. Среди журналов, конечно, не только «НМ». Есть экземпляры «Знамени», «Звезды» с рецензиями АИ, вот довольно необычное для библиотеки периодическое издание – «Проблемы мира и социализма», №5, 1963. Да еще и с надписью от автора той разъясняющей статьи для партийных деятелей (и не одной нашей страны!), кто недопонимал значение и т.д. – «АИ в память бесед о «лучшем друге советских писателей», 18.XII.64. (НА уточняет – Сталине.) Автор – Ю. Карякин приезжал в Рязань. Его же статья об АИ в том же журнале №9 за 1964 г.

Не замедлили откликнуться даже академические издания. Вот «Вопросы культуры русской речи» №6 за 1965 г. с надписью автора статьи Т. Винтура – «С неизменным почтительным восхищением» 20.X.65. Вот бы посадить за парту многих воинствующих невежд и прочесть этот добросовестный строгий разбор языка АИ, и оказывается, с классическим уровнем.

А вот можно сказать случайные экземпляры «Юности» (тогда ее редактировал еще державший нос по ветру Катаев). В одном номере стихи А. Вознесенского с пометками АИ. (По ходу комментариев НА: «Встретив Вознесенского в театре на Таганке, АИ сказал ему: «Мало боли за нашу страну...». Очевидно, не только о тех стихах, но и вообще обо всем его тогдашнем творчестве.)

И еще «Юность» №9, 1966 со стр.14, ради которой и сохранен журнал. На ней: «Дорогим Наталье Алексеевне и Александру Исаевичу с любовью от автора. Москва. В. Шаламов». Подчеркнуты синим стихи:

**Не спеши увеличить запас
Занесенных в тетрадь впечатлений,
Не лови ускользящих фраз
И пустых не веди наблюдений.
Наша память способна сама
Привести в безупречный порядок,
Все доставит тебе для письма
Положить на страницы тетрадок.**

Неужели нет сборника с автографом Варлама Тихоновича, ведь в папках АИ есть машинописные тексты его стихов. (Давал на отзыв?) Так же как и перепечатанные на машинке целые сборники Цветаевой, Ахматовой, Гумилева, «Размышления» А.Д. Сахарова. Но это уже из «огнеопасного» для владельцев знаменитого «Самиздата». Сколько таких машинописных листков, ксерокопий было изъято, сожжено по стране? Какие были драмы и жертвы и бесстрашных, и малодушных читателей? Неужели не расскажут об этом бдящие «учетчики» из недремлющего ведомства?

А вот автографы, которые НА назвала позорными... На хорошей книге (Бредли «Записки солдата» – с пометками АИ – его постоянно интересовала литература о войне) такая краткая надпись: «Еще раз в знак восхищения... 7.8.58». Надписал ее Виктор Владимиров, когда случайно встретились с ним и его женой (двоюродной сестрой НА – Надеждой). Но все дело в том, что тогда он восхищался (хотя чем?), а потом после 1962 г., небось, гордился, а затем в 70-ые очень просил НА эту книгу отдать ему или хотя бы уничтожить. «Он, наверное, дал бы мне большие деньги, если бы я ему отдала этот «подарок», – шутила НА. Как он передрожал, перетрусил, что «в случае чего» эта надпись, родственные связи могут скомпрометировать его, преподавателя Военной Академии им. Ленина. Уволят со службы, дело отразится на его дочерях. Страх, кажется, передан наследственно: дочь Катя, секретарь комсомольской организации в Московском университете избегала встреч с НА, пряталась... Боже, да можно ли поверить, что этот Владимиров действительно был справедливо отмечен на фронте за смелость орденом Славы? Он и отчество сменил и национальность скрыл. Но времена-то были уже не сталинско-каннибальские. Или страх стал переходить генетическим путем?

В этот же ряд можно поставить книгу К. Симоняна с трогательными словами в адрес НА на своей монографии о перетоните. Да, тот самый Кира, один из трех «мушкетеров», некогда влюбленный в нее, тоже вроде и радовавшийся невиданному успеху АИ, но еще больше, очевидно, завидовавший... Словом, рядом с его монографией (он стал-таки довольно видным хирургом в Москве, доктором медицинских наук) нужно поставить и его тоненькую брошюрку – удивительный пасквиль на АИ, с попыткой «научно», психологически доказать «спираль измены»... (Впрочем, у Киры были «отягчающие» обстоятельства – он был, по замечанию НА, гомиком и его основательно шантажировали.) Кстати, «Спираль измены»... С таким названием книга тоже в этом ряду, хотя и без автографа. Автор ее Ржезич... Для него и эпитетов не подберешь. Так же как и для Яковлева... И кто из них более... Впрочем, к Яковлеву НА ходила домой, носила письмо, а он ей потом даже

букет цветов занес. Хотя он заслуживал то, что получил от Андрея Дмитриевича Сахарова – пощечину...

И на этом фоне Зина Пирогова выглядит, конечно, заблудшей овечкой. Это она обозвала хозяйку, будучи в гостях у НА в Борзовке, «политической проституткой» (за то, что та помогала АИ, а потом на него же «бочку катила»), а та проводила гостью словами: «Чтобы я больше ноги твоей не видела в моем доме. Если бы ты была здоровой, ты бы получила от меня пощечину»... А напонила об этом обмене «любезностями» Зинина надпись: «Милой Наташеньке в день ее рождения мою любимую книгу»...

Как не неприятны эти «позорные» экземпляры, но у НА хватает самообладания не выбросить их, не отправить на растопку в Борзовку. Хотя некоторые вовсе невинные издания она все-таки собиралась определить в макулатуру. И я попросил их себе «на память»... Среди них: «Незабываемый Ленин», сборник 1958 г.; «Ленин товарищ, человек» – доклады 1962 г.; учебники «Тригонометрия» и «История древнего мира», 1961 г.; «Кройка и шитье» (это уже явно книги НА); «Театральный календарь 1977 г.» (с биографией и портретом Ю. Любимова к 60-ти летию) (кстати, почему АИ тяготел не к нему, а к О. Ефремову?) и др. На некоторых изданиях есть небольшие пометки АИ. Так, в «Докладах Географического общества», Л., 1966 отмечен Г.М. Проханов, хотя там был и доклад Л.Н. Гумилева.

Несколько картосхем и путеводителей, которые оказались двойными. Вообще же, этих печатных «подтверждений» странствий АИ и НА наберется на отдельную полку. Сюда же поставим и краеведение, а также книги по городам и архитектуре, собрание открыток (к примеру, Рязани).

Вдвоем (за исключением поездки в Прибалтику и на Север, очевидно, со Светловой) АИ и НА изезжено на велосипедах, поездках, пароходах сотни и сотни (если не тысячи) километров. Тут бы можно было перечислить много книг с устными комментариями НА. К примеру. Пюлькянен А.Н., Лещенко В.С. «Спутник велосипедиста», Л., 1960 (с.10-13 терминология – подчеркнуто). Разумков Д. «Упражнения по правилам уличного движения автотранспорта», М., 1963 (сделано много выписок и вложены листы). Анохин В.И. «Отечественные автомобили», М., 1960 (НА: «Не имею привычки, но для него из нашей институтской библиотеки «похитила» – дала книгу взамен. А вообще, наш «Москвич» мы называли «Денисом»)). Назарова Г. Ф. «Насморк. Его предупреждение». Книга о Татрах – подарок от «бригадника»: «Многоуважаемому и дорогому АИС взамен знаменитого Ивана Денисовича на память от Ю. Венгерского. Гливицы 1963 г.».

Но наш разбор библиотеки и так, кажется, затянулся. На этих продолженных дальше странствиях НА, а еще больше непредвиденных путях по всему миру АИ, и закончим обзор.

(Отредактировал и подготовил к публикации в журнале «Философия и культура» Ю. П. Супруненко)

ВНЕШНЯЯ СУРОВОСТЬ – НЕ ПОКАЗАТЕЛЬ

Пережившего фронт, арест, лагеря, смертельный недуг, высылку из страны, А. И. Солженицына читатели, насколько помнится, не видели улыбающимся ни на фото, ни по ТВ (в телевизионных роликах, правда, иногда бывало). И, тем не менее, даже в тюрьме, по воспоминаниям Д. Панина, «мы получали истинное наслаждение от его шуток,

острот и выдумок... Он умел подметить тончайшие, ускользающие обычно от окружающих штрихи, жесты, интонации и артистически воспроизводил их комизм, так что слушатели буквально катились от хохота». Эту примечательную юморную черту отметил и сам писатель в стихах, сочиненных в лагере:

**Когда мне было годика три,
Принесла забавушку мне нянька.
Опрокинув, пустила: – Смотри,
Ванька-Встанька!..
Потолкав с тех пор меня жизнь, пошвыряла
Отняла, все, что было сначала
Мне, юнцу, нерасчетливо щедро дано,
Сколько раз гнула так, что казалось тошно
Даже выжить до вечера.
Но...
Как же мало надо для тела,
Чтоб от недуга к жизни взяться!
Кто ж мне душу такую сделал,
Что опять я могу смеяться?**

Юмор помогал даже в тех тяжелых лагерных условиях. Еще один пример по воспоминаниям однокашника по шарашке Льва Копелева. У каждой койки было много самодельных радиоточек, которые каждую ночь досаждали Солженицыну. Он соскакивал, разыскивал, отключал. Копелев по этому поводу даже сочинил шуточные куплеты:

**Тиха шарашечная ночь,
В решетках темных звезды блещут,
Своей дремоты превозмочь
Вертух не может. Кто ж зловеще
Надрывно хрипло матерится,
В кальянах по вагонкам рыщет?..
То гневный Саня Солженицын
Наушник неутихший ищет.**

Понятно, бывшие эзки стали больше улыбаться по освобождению. Особенно при встречах, не стягивая себя галстуками.

А Ванька-встанька у замечательного писателя дал знать себя и в больших романах и в мини-рассказах «Крохотках».

КОГДА ОБОСТРАЕТСЯ СОЗНАНИЕ

На войне, на фронте, в окопах оно обостряется. И не просто в какой-то безымянной местной операции, а в Большом наступлении, под тем же Орлом, где во вспаханной снарядами, минами, бомбами земле, приходилось искать при артоналазах ямку поглубже для укрытия. А для командира звукобатарей и смертельная угроза не только от вражеского артобстрела, но и от своего начальства за заминку в выполнении приказа – обещание штрафбата и «уголовной ответственности». Даже непрерывное курево, оглушение контузией не приносило прояснение головы, а надо было принимать решение в сложных расчетах по нахождению огневых точек врага при помощи приборов и поступающих сообщений по телефону со звукопостов.

Это общение с «богом войны», как называют артиллерию, богом с растопыренными ушами, со звуковой охотой и ловлей засечек по вражеской стрельбе, с нанесением ответного точного удара подробно описано в автобиографическом солженицынском рассказе «Желябугские Виселки». Характеристика такой обстановки, когда в сутках

не 24 часа, а 240, когда «будто отдельные части мозга и души – разорвались, сдвинулись и никак не станут на место».

И вполне понятно чувство горечи при взгляде на этот обезображенный войной участок Курской дуги, землю «обеспложенную, обезлюженную – еще щемливее любишь. Приходит отчетливо: вот за это-то Среднерусье не жалко и умереть...» А тут при всем уважении к великому писателю внимательные читатели вправе высказать сомнение. Даже в очень критические моменты и патриотические порывы никто из трезвомыслящих людей не торопится на тот свет. О прикрытии вражеских амбразур своим телом не зря появились анекдоты.

Более реальными предстали смерти в другой солженицынской военной повести «Адлиг Швенкиттен». Начинаясь она с того, что семеро шоферов скончалось в корчах от метилового спирта и несколько слепнувших отправили в госпиталь. Тяжелые последствия от безграмотных приказов, необдуманных решений начальства. В том числе и такое «несчастье, что разрешили из Германии посылки слать. Теперь у каждого солдата набухает вещмешок. Да не знает, на чем остановиться: одного наберет, потом выбрасывает, лучшее нашел... Было это все – хоть и понятно, но неприятно, потому что делу мешало».

Об этом и в сочиненной еще в лагере поэме «Прусские ночи»:

**Победители Европы
Всюду русские снуют;
В кузова себе суют:
Пылесосы, свечи, вина,
Юбки, тряпки и картины,
Брошки, пряжки, бляшки, блузки,
Пишмашинки не на русском.
...Где-то тут же, из-за стенки
Крик девичий слышен только:
«Я не немка! Я не немка!
Я же полька, я же полька...»
Шебаршат единовѣрцы,
Кто что схватит, где поспѣет.**

Да, войну надо было заканчивать и по причине русского разгула, русской широты души. В частности в собирании трофеев, а попросту грабежах победителей руководствовались ленинским принципом материальной заинтересованности: солдатам разрешались посылки до 5 кг, офицерам – до 10 кг, а генералам грузили «студебекеры» и вагоны. По военной тематике АИ написан в 1994 г. очень примечательный правдивый рассказ из серии так называемых двучастных, где дан достоверный психологический портрет маршала Жукова «На краях». Вполне переключаясь с характеристикой маршала А. Твардовским.

ОТКУДА СИЛА

Пройти фронт, выйти из окружения и вывести солдат, избежать плена, не погибнуть за восемь лет в тюрьме и лагере, пережить онкологию, уже ощутив приближение смерти, избежать нового ареста, перетерпеть травлю, изгнание из страны – вынести такие испытания дано не каждому, даже выдающемуся и талантливейшему. И написать при этом десятки томов художественных произведений и публицистики, отбиваясь от недоброжелательной доносительной критики и тайной полиции, иезуитов, госаппарата. «Бодался теленок с дубом»... Но откуда такая сила?

Понятно, решающим было то, что дается Природой, Богом, передается предками. Дед Захар по материнской линии из таврического пастуха выбился в заметного богатого землевладельца. Которого, кстати, при советской власти укрывали, спасали на Кубани его же бывшие работники. Отец и мать жизнелюбивые, жаждущие знаний студенты. Отец – отличный офицер в первую мировую войну. Мать, оставшись вдовой, с клеймом жены белогвардейца, выбиваясь из сил, сумела вырастить отличного сына, студента физмата Ростовского госуниверситета, получающего повышенную сталинскую стипендию. Дважды студента: он заочно учился ещё и в московском престижном гуманитарном вузе.

Сам Морж (такое прозвище дали Сане Солженицыну друзья за его ладную, коренастую фигуру и легкую одежду зимой для закалки) без напоминания со стороны понимал завет предков: без труда не достанешь и рыбку из пруда. Он собирал, любил пословицы и поговорки – в будущем даже книги свои ими озаглавливал. Товарищи вспоминали: не терпел ни минуты безделья. Ожидая трамвай, по записной книжке и карточкам повторял фразы иностранных языков, латыни, исторические даты – т.е. все то, что требует запоминания.

И вера, крепнущая, неослабевающая с возрастом вера в своё предназначение, в Божий промысел, выводивший из казалось бы полного безнадёжья. Вера, которая, по молве, движет горами.

И ещё одна грань, возможно, существенная деталь в попытке ответить на вначале поставленный вопрос. Но преддверии ответа мнение и откровение одной примечательной солженицынской читательницы Дины Кирнарской, доктора наук, проректора Российской академии музыки. По её познаниям, искусство – это прародина мозга... Оказывается, мозговые механизмы, которые заняты в математических науках, используются и в музыкальных упражнениях. Предрасположение к музыке многое чего может сказать о человеке в целом.

При исследованиях в группах, изучающих музыку, в три раза подскочила и успеваемость по математике. И это отнюдь не случайно. Есть определенная связь музыки с техническим прогрессом. Так, в суперразвитых США имеется две тысячи музыкальных факультетов. В ставшей конкурентоспособной Финляндии налоги от шоу-бизнеса идут на развитие музыкального образования и просвещения. Культ культуры наблюдается и в преуспевающей Японии. Умные корпорации организуют прослушивание концертов или выезды всей фирмой на склоны Фудзи для уроков рисования. А вот у россиян в массовом сознании засели законы зоны: «Каждый умирает в одиночку», «Умри ты сегодня, а я завтра», пресловутое «Не верь, не бойся, не проси». Опасна тенденция развлекаловки, с последствием инфантилизма.

Несомненная связь культуры и экономики. Издавна мудрецы считали мировой язык – разумом в звуках.

Александр Исаевич был благодарен друзьям юности, приобщившим его к классической музыке. Когда позволяли условия, она помогала выживанию в лагере. Жена исполнением Бетховена, Шопена, Моцарта поддерживала творческое настроение. На концерте в Рязани он познакомился с Р. Ростроповичем, ставшим надежным другом в трудные годы. Не случайна, очевидно, была встреча и взаимопонимание с Д. Шостаковичем. Как определенно не случайно, один из сыновей АИ был воспитан в музыкальной традиции и стал всемирно известным музыкантом.

ПОЧЕМУ РАССЕРДИЛСЯ ГЛАЗУНОВ

Этот дом в тихом переулке как пограничная веха меж старым Арбатом и недавно вымахавшими ввысь зданиями. Когда-то нарекли его «первым московским небоскребом» (семь этажей в 20-е годы прошлого века). И еще этот дом многие называли «глазуновским». Вероятно, такое наименование в будущем еще более за ним закрепится. В его верхних этажах находится квартира и музейно-знаменитая мастерская известного художника И.С. Глазунова.

Впрочем, сказать, что только здесь он работает, было бы не совсем точно. Он изъездил полмира и отовсюду привозил свои полотна. Одну из последних очень значительных картин писал в холле западно-европейской гостиницы. Вот и сейчас собирается в Париж. По договоренности с ООН должен сделать росписи в здании ЮНЕСКО. В голове работа давно созрела. Во время недавней поездки уточнены детали.

– Надеюсь, последние осложнения в международной обстановке временны и не помешают необратимому процессу – общению людей друг с другом. Обмену мыслями, культурой, наукой, красотой...

На вопрос, считает ли он изобразительное искусство способным решать большие политические задачи, или его назначение более скромное, Илья Сергеевич, не колеблясь, утверждал: «Искусство переплетается с политикой, нередко само становится политикой». Возможно, лучше всего это видно на примере русской живописи: как часто в те или иные периоды она становилась предтечей, провозвестницей оживления общественной жизни. И мало кто сомневается сейчас в особой роли искусства для укрепления межнациональных связей, дружбы между народами.

Мы в гостях у Ильи Сергеевича вместе с работниками Центрального телевидения. У них своя задача – создать фильм о выдающемся мастере. Миллионы людей знают И. Глазунова по иллюстрациям, выставкам и даже по тем легендам, которые, как водится, начинают окружать популярнейшее имя. Киношники стараются собрать материал и дать представление зрителю о жизни, творчестве и общественной значимости большого художника, которому народом и правительством определено высокое звание – Заслуженного деятеля искусств.

Илья Сергеевич делится своими впечатлениями от своей недавней выставки в Ленинграде (очерк писался в 70-е годы). При обсуждении было много споров. Хорошо, когда это творческие несогласия. Плохо, когда пытаются наклеивать ярлыки... Естественно, художник благодарен тем, кто устно, и в письмах, и в печати сумел объективно разобратся в замыслах автора, удачах и промахах. Между прочим, такая поддержка была оказана ему ещё в самом начале пути. Недавно его доброжелатели разыскали и прислали заметку из «Ленинградской правды» за 1948 год, где впервые отметили рисунки юного художника на общегородской выставке детского творчества.

При этом разговоре о печати обратила на себя внимание вроде и малозначительная деталь. Одна из больших картин обрамлена широкой рамой и на ней коллажно наклеены фрагменты газет всего мира – в них пульс времени. Получилось очень своеобразное, даже символическое оформление большого значительного полотна.

Как ни огорчительно, но хозяину часто приходится оставлять гостей на попечение своих близких: телефонные звонки, чьи-то визиты, неотложные дела. «Сложная жизнь»... Благодаря заботам неутомимой и всепонимающей Нины Александровны вносится порядок и гармония. Иногда ей приходится брать на себя обязанности экскурсовода, редактора, арбитра, секретаря... Военные называли

бы её роль – «начальник штаба», а газетчики – «ответ-секретарь». И неудивительно, закономерно поэтому, что образ обаятельнейшей жены и помощницы так ярко и часто представлен на полотнах Ильи Глазунова.

Здесь же в одном из отсеков мансардово-чердачной мастерской можно увидеть некоторые эскизы для театра. Те, кто присутствовал в Москве на гастрольных спектаклях Биробиджанского театра, стали зрителями не только игры артистов, но и глазуновских декораций к пьесе И. Резника «Черная уздечка белой кобылицы». И здесь, как на выставках, публика разделилась на горячих сторонников и оппонентов. Насколько удачно и точно передана обстановка еврейского быта, местечкового образа жизни? Как мог художник, казалось, вовсе далекий от этой темы, проникнуться ею, не только помочь передать замысел автора, но и дополнить его своим виденьем? Чем вызвано обращение И. Глазунова к театральной работе, что стало поводом, причиной?

На эти и многие другие вопросы Ильи Сергеевича отвечал лаконично: «Я не сторонник национальной ограниченности».

А чем вызвано обращение к Биробиджанскому театру? Оказывается, из театра пришло письмо с просьбой и предложением, и Илья Сергеевич откликнулся: работа и тема представились ему новыми, интересными. Творческим содружеством остался доволен не только театр, а судя по успеху, и зритель, и художник. И в подтверждение этому – среди новых работ – портрет режиссера Ю. Б. Шерлинга с той характерной глазуновской попыткой через пристальный глубокий взгляд человека проникнуть в его самые сокровенные думы.

...Кроме икон, колоколов, самоваров, свертков ватмана, везде – книги. Многие из них путешествуют вместе с хозяином. Постоянно и неотступно внимание художника захватывает литература. Общеизвестно его пристрастие к Достоевскому. Но и здесь широта его натуры. Л. Толстой, М. Горький, В. Маяковский, Э. Хемингуэй и другие, определяющие наш век выразители совести человечества, не просто сопровождали художника в его размышлениях, но и представлены на его полотнах: и тех, что были уже на выставках, и тех, что ждут ещё своих зрителей.

– А кого из современников в советской литературе предпочитаете?..

Таких не так уж много. Илья Сергеевич называет, прежде всего, Валентина Распутина. Он, как и многие читатели, очевидно, возлагает на него большие надежды. Распутинские герои сродни тем решительным и серьёзным сибирским характерам, которые приходилось встречать самому художнику во время поездки на Байкало-Амурскую магистраль. При этом замечании собеседника невольно напрашивается мысль о родстве И. Глазунова и В. Распутина по их значимости в нашей культуре.

Есть ещё один писатель, общий Глазунову по темам, взглядам и увлечениям – В. Солоухин. Он же сотоварищ художнику по борьбе за сохранность наших памятников культуры. Между прочим, сейчас выходит его книга о И. Глазунове, о взаимопроникновении литературы и живописи.

Книг и статей о большом мастере написано уже немало. И, конечно, они помогают и зрителю и художнику углубить взаимопонимание. Я спросил Илью Сергеевича, скоро ли читатели получат его книгу? Он отшучивался: жизнь сочиняет всё новые и новые главы. Дело в том, что отрывки из его книги «Дорога к тебе» были опубликованы давно в журналах. Читатели ждали выхода книги, напоминали о ней в письмах и при встречах. Не забывая о том, что

многие мастера кисти – Репин, Рерих, Петров-Водкин и другие являли собой талант многогранный, в том числе и литературный.

Все вышеизложенное я и внес в подготовленное интервью с Глазуновым. В Агентстве печати «Новости», куда я его предложил, мне сказали, что интервью нужно обязательно завизировать у художника. Он, мол, человек капризный, непредсказуемый, может от чего-то отказаться, лучше подстраховаться его визой.

У меня к тому времени через АПН прошло несколько материалов. Мне нравилась эта фирма, не ангажированная прямо на политику, а с явным познавательным, просветительским уклоном. Я мечтал определиться в ней штатным корреспондентом. Интервью с Глазуновым было как бы подготовкой к этому.

Но когда я вновь пришел к Илье Сергеевичу и спросил его согласия на публикацию в Агентстве печати «Новости», его словно подменили. Он мало сказать рассердился, а просто взорвался. И начал говорить такое, что я оторопел. Он раздражался, негодовал: пусть они там, мол, не думают, что он сможет защитить себя. С ним ходят молодые люди, которые охраняют его, могут стать свидетелями...

Мне о визировании интервью нечего было и думать. В недоумении, извинившись, я ретировался. Впервые в моей журналистской практике случился такой конфуз. Только позже я узнал, что среди московской публики АПН считалось «филиалом» КГБ, что Агентство служило прикрытием журналистов, работающих на эту «контору». Не знаю, насколько реальны были основания у Ильи Сергеевича предполагать о подготовке нападения на него. Но и спустя десятилетия строились догадки и версии о преждевременном уходе из жизни Александра Галича, Анатолия Кузнецова и других неугодных власти лиц.

Для интервью я выбрал Глазунова не случайно. По Москве ходили слухи о его потрясающей крамольной картине. Даже связанной с Солженицыным, имя которого при слухах опасались произносить...

У каждого свое восприятие (Художники тоже сопротивлялись: М. Шемякин и И. Глазунов)

Обычно у художников складывается содружество с писателями при иллюстрациях их произведений. Не так сложилась связь с Солженицыным у И. С. Глазунова. С началом своей известности Илья Сергеевич стал нетипичной фигурой для своих коллег, да и для партийно-советских властей тоже. Он иллюстрировал произведения сомнительного для коммунистов Достоевского, предсказавшего политических «бесов» в России. Талантливый художник стал писать не портреты советских вождей, а забугорных королей и премьеров. А когда обратились к нему подписать коллективное письмо с осуждением «литературного власовца» Солженицына, он отказался. Дайте, мол, мне возможность прочесть его произведения, и я решу, как мне поступать...

Такой «наглости» партайгеносы не ожидали, коллеги по живописному цеху были ошеломлены неслыханным поступком. А далее и вовсе назревал невиданный скандал. Глазунов готовил свою долгожданную выставку, намеревался представить на ней своё уже получившее известность огромное не только по размеру, но и по звучанию, по охвату лиц и событий, полотно, названное «Мистерией XX века». На картине развевалась духовная драма кровавого столетия и были помещены погибший Столыпин, расстрелянная царская семья, ее конкретные и закулисные убийцы, вознесенный под облака Ленин, кро-

вавый Сталин, бесноватый Гитлер, Рузвельт, «битлз»... и т.д. и т.п. Словом, то еще сборище и зрелище! Поместил там и себя автор с мольбертом. Нашел место и для недавнего зэка с лагерным номером – Александра свет Исаевича, да не одного, а рядом с типичной русской несчастной женщиной Матрёной – героиней прославленного солженицынского рассказа.

Какой поднялся гвалт! Назначенный куратор художник Налбандян верещал: «За такие картины, понимаешь, расстреливать надо. Сталин в море крови! А эта Голда Мейр – что за сионизм? А почему Христос выше всех?» «Перепиши Солженицына на Брежнева, тогда разрешим выставку». В МОСХе (Московском отделении Союза художников) председатель изрек: «Вот так, главный герой – Солженицын... Глазунов спекся!» Там голосовали за выселение Глазунова из Советского Союза. Художник стоял на своем: Солженицын представляет определенное социальное явление и его феномен – это симптом времени, симптом XX века; он показал его объективно.

Выставка Глазунова состоялась. Власти одумались? Вряд ли, если учесть «бульдозерную» выставку в Измайловском парке, определение в психушки художников И. Каменева и М. Шемякина. Кстати, первый со временем поместил Солженицына на «икону». Мученик? Страдал за правду? Изгнан? Чем не житие? Но преждевременное канонизирование чревато...

Второй, М. Шемякин на вопрос об отношении к писателю ответил: «В 75-м году я сделал иллюстрации – памятник моим родственникам, погибшим от сталинского террора. И я Солженицыным восхищаюсь. Он первым внес свой вклад в опрокидывание коммунистического строя. Но я его и побаиваюсь».

Солженицын совершенно не принимает нового искусства. Для него все остановилось на репинских «Бурлаках». Один известный писатель попросил у него помощи для художников-нонконформистов. Солженицын впал в раздражение и сказал (как мне передано), что к стенке их надо ставить.

После этого я слышал его суровые выступления в Америке, Париже, где он настроил против себя публику тем, что учил жить. Моё мнение: если бы Солженицын пришел к власти, мне бы при этой власти, как и при коммунистах, нечего было бы делать».

У каждого свое восприятие: мой Пушкин, мой Горький, мой Солженицын...

О МОНАХЕ И ВИТЯЗЕ

Сколько бы ни говорили и не наговаривали на Е.А. Евтушенко, о его приспособленчестве, эгоцентризме, наивности и т.д. и т.п., а он был и остается одним из самых выдающихся поэтов второй половины XX века. И как он сам определил, поэт в России больше, чем поэт.

Не случайно его внимание и в стихах, и в публицистике к Солженицыну.

**В час, когда резвимся мы, чиркая,
чье перо на укрепленный дот,
истекая под огнем чернилами,
как по полю снежному ползет?
Держит оборону, не отчаявшись,
Хоть у горла комом этот мир,
Солженицын Александр Исаевич,
батареи бывший командир.
И его романы окруженные –
верные сыны своей земли,**

от призывов сдаться отрешенные
до поры в окопах залегли.
Ничего, что не поддержан ротами,
что над головами воронье.
Это тоже оборона Родины –
оборона совести её.
Но ломать волною скалы хочется,
а не просто «попадать в струю».
Мужество сражаться в одиночестве
много выше мужества в строю.

Но Евгений Александрович не только восхищался великим современником, а старался и понять его непоследовательность и отсутствие логики. «Противоречие заключается в том, что Солженицын при всей своей саркастической неприязни к либеральной интеллигенции, например, в «В круге первом», тем не менее сам интеллигент»

**А вот по крохам Сталин в
глубине
сидит в нас всех –
и чистых, и нечистых.
Он в Ельцине.
Он в антисталинистах.
Он в Эрнсте,
Солженицыне и мне.
О, Господи, Россию научи,
Чтоб мы терпеть друг друга
Научились...**

Евтушенко как-то вспомнил рассказанный ему забавный эпизод. В дни получения Нобелевской премии Александра Исаевича пригласил шведский издатель домой. Но уже на пороге гость резко сказал: «Нет, нет, пожалуйста, никаких гостей и родственников. Жизнь так коротка... Давайте говорить по делу... Где ваш кабинет?» Растерянный хозяин пытался что-то объяснить, но нобелевский лауреат неумолимо повторил: «Где ваш кабинет?»

Далее Евтушенко отмечает, как в этом эпизоде Солженицын проявился как Иван Денисович, человек, не желающий тратить время на «пустяки».

«Солженицын, видимо, думает, что правила вежливости и простая человеческая теплота во взаимоотношениях – это так мелко и несущественно по сравнению с задачей спасения России. Да, он такой – монах и витязь – и, может быть, если бы не умел отказываться от «пустяков», не сумел бы осуществить нечеловеческий подвиг – создание памятника Архипелагу ГУЛАГ. Такое самоограничение, наверное, и помогли ему стать великим негибимым борцом». У кого отняли программу на ТВ, сочинители бульварщины отняли у его книг потенциальных молодых читателей. «Но у него не могли отнять бессмертия, на которое он обречен, даже если бы захотел быть навсегда забытым».

ОТКРЫТИЕ КЛАССИКИ

Каждый читатель по-своему открывал Солженицына. Одни по отзывам, по рецензиям, другие – по библиотечным очередям за журналом. И самое радостное для себя, когда это произошло безо всякой «подсказки»... И каждый по-своему делал признания.

Прославленный режиссер Андрей Тарковский записал в своем дневнике в 1970 году: «Очень хочется показать «Рублева» Солженицыну. Поговорить с Шостаковичем?» И затем на вопрос, что бы можно было поставить в кино, среди других ответов и тем, – о Достоевском, о летающем

человеке (по Беляеву), о «Чуме» по Камю – назван и «Матренин двор» по Солженицыну.

Примечательный писатель, но, к сожалению, мало известный Петр Паламарчук одним из первых своеобразно отметил возвращение на Родину Александра Исаевича. Он опубликовал вначале в журнале, а затем в книге «Москва или Третий Рим» замечательный обзор творчества АИ, назвав этот очерк «Путешествием» с эпиграфом к нему А. С. Пушкина: «...Вот верный брат его, герой Архипелага...» А начал его с такого абзаца: «Лет за 15-20 до наших дней получила широкое хождение такая байка: человек 2000 года берет в руки энциклопедический словарь и в статье под титулом «Брежнев» читает следующее определение: «Мелкий политический деятель эпохи Солженицына». Еще лет пять тому рассказ сей продолжал числиться по разряду побасенок. Три года назад в части, относящейся к Брежневу, предсказание осуществилось. Нужно надеяться, приходит, наконец, час и полного его воплощения».

Еще составитель «Путеводителя» во избежание недоразумений счел необходимым оговорить, что все толкования в данной работе принадлежат ему лично и он никоим образом не посягает на то, чтобы выступать от лица самого Солженицына... Еще в главе, посвященной «Архипелагу ГУЛАГу» последовало признание в том, что будучи студентом первого курса правового факультета Института международных отношений, он плакал... «Это был единственный в его недетских годах случай, когда он плакал над книгой». А она в ответ из вполне вероятного международного хлыща извлекла понятие о долге в первую голову стать гражданином своего Отечества.

ДАНЬ КЛАССИКУ

Почти каждый пишущий литератор и публицист в солженицынское время считал нужным в те или иные годы отозваться об Александре Исаевиче. Это была своеобразная дань общепризнанному классiku. У одних это было искренним признанием, у других – завистливым брюзжанием, у третьих – и злобным нападением. (Как у Бушина – и второе, и третье. Как оставшийся верным «подручный партии» и прежней КПСС и вылупившейся из нее КПРФ, он прямо-таки захлебывался в желчи, изливаемой в книгах «Неизвестный Солженицын».

Заслуживает внимания «дань» В.Г. Бунича в его большом обзоре – интересной книге «Пятисотлетняя война в России», изданной в Санкт-Петербурге в 1997 г. Вот несколько примечательных абзацев из неё: «Андропов помнил, какой общественный резонанс вызвало неожиданное появление книг А. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» и «Архипелаг ГУЛАГ», где впервые было открыто заявлено, что на каждого убитого партсекретаря насчитывались миллионы и миллионы убитых и замученных в тюрьмах и лагерях простых людей. Что надо помнить не 1937 г., когда Сталин сводил счеты с номенклатурой, а все десятилетия коммунистического режима, последовательно и беспощадно истреблявшего собственный народ.

За чтение «Архипелага» давали срок – до 7 лет лагерей и 5 лет ссылки вплоть до 1985 года. Это общеизвестно. Интересно другое: книга была впервые издана на Западе на средства... КГБ (даже без ведома автора). Взрыв общественного мнения в мире был страшным, как успех самой книги, мгновенно переведенной на все существующие языки. Название СССР исчезло и было заменено на «Архипелаг ГУЛАГ».

Один советский журналист как-то «проголосовал» на пустынном аргентинском шоссе перед грузовиком, на ко-

тором собирався добраться до соседнего городка. Шофёр грузовика, индеец средних лет, поняв, что везет иностранца, поинтересовался, откуда тот. «Из России», – был ответ. «А-а, – протянул шофёр, – я знаю. Я читал «Архипелаг ГУЛАГ».

Циники говорят, а Андропов мог бы подтвердить, что КГБ сделал это специально, чтобы обеспечить себя работой на долгие годы, чтобы всегда было кого и за что сажать» (с.447)

Впечатляющая, назовём её так, книга М. Веллера была одобрительно встречена СМИ. («Великий последний шанс», М., 2005) В ней он только упомянул фамилию Солженицына (а кто его не упоминает?!). Но в книге так откровенно написано о бедах-проблемах и о евреях, что её можно было бы посчитать как бы продолжением исследования АИ «Двести лет вместе» и присудить Веллеру Солженицынскую премию...

ДВОЙНОЕ БРАТСТВО

Не зря почитается фронтовое братство: оно памятей, чувствительней, многих других союзов и объединений. Даже для тех, кто не был ранен на войне, не кормил вшей в окопах, не ходил в атаку. Но гибель сотоварищей, с которыми пережил голод и холод, постоянная близость смерти не забывается десятилетиями. Хотя у каждого, понятно, своя война.

Для сына красnodеревщика из германского городишка Генриха Бёлля она началась с памятного 1939 года, когда ему недавнему гимназисту всучали призывную повестку с уведомлением явиться «на несколько недель для участия в военных учениях...» А они продолжились для него участием в пресловутом позорном «Дранг нах Остен» на Восточном фронте и закончились дезертирством из армии в разгромном для вермахта 1945 году. Участников того страшнейшего умопомрачительного побоища стали называть потерянным поколением. Но вернувшийся из ада солдат не потерял голову, сумел осознать происходящее и найти своё место в новой жизни. Да ещё какое место – его имя стало известно всему миру.

Для другого солдата в противостоящей вермахту Советской Армии Александра Солженицына, выпускника университета, война началась в трагическом для Советского Союза 1941 году тыловым солдатом-ездовым, затем военным училищем и пребыванием на передовой офицером, командиром батареи артразведки. И заканчивалась вроде бы славно с орденами на груди в Восточной Пруссии, где в первую мировую воевал его отец. Но трагизм был не меньший, чем у Генриха Бёлля в 1945 году, – арест и трибунал за неодобрительные размышления в письмах о Главнокомандующем, Генералиссимусе Сталине.

Им, бывшим фронтовикам, было о чем поговорить при встрече и о крутых поворотах в личных судьбах, и в государствах. В «фюрерстве» и «сталинизме» немало общего. Концлагеря появились раньше, чем в Германии. В судьбоносном 1942 году Сталин издал приказ с призывом учиться у врага, так как учились наши предки, о создании в тылу неустойчивых частей заградительных отрядов по типу немецких...

Встреча их, пожалуй, была неслучайной. При высылки Солженицына из СССР он до последней минуты посадки самолёта не знал, где его высадят. Советские руководители могли направить его в какое-нибудь каннибальское племя, с вождями которого они заводили дружбу ради построения коммунизма. Вожди-каннибалы откармливали своих придворных для людоедских пиршеств (почти по

сталинскому принципу!). Брежнев и Андропов проявили «гуманность» – специальный самолёт с Солженицыным приземлился в ФРГ во Франкфурте-на-Майне. По традициям фронтового братства антифашист Генрих Бёлль принял в гости антисоветчика Солженицына.

Было ещё у них и литературное братство. Бёлль написал несколько замечательных романов и в 1972 году получил Нобелевскую премию за выдающийся вклад в развитие мировой литературы. За нравственное противостояние злу, отвержение нацизма, милитаризма, социальной несправедливости. И все это облекалось в ясный стиль, сопровождалось тонким психологическим анализом и окрашивалось католическим мирозерцанием. Но за этим последовала лавина негодования реакционных кругов боннских «интеллектуалов». Западберлинский епископ сравнил роман Бёлля «Глазами клоуна» со скорпионом, обвинил автора в отступничестве, предательстве и прочих ересьях. А ватиканский кардинал угрожал Бёллю тайным судилищем. Так что немецкому собрату нетрудно было понять преследуемого и травимого властями Александра Исаевича. И еще за несколько лет до присуждения Солженицыну Нобелевской премии он писал о нем:

«Настанет день, когда ненависть, ослепление, клевета, травля и гнусные преследования сменятся пониманием того, что этот человек страдает и борется не только за себя самого, нет речь идет о большем, гораздо большем, а именно о том, что, в конечном счете, послужит авторитету и престижу самого же Советского Союза» («Иностранная литература», №8, 1989, с.228).

Это задолго до встречи. А в 1974 году Генрих Бёлль добавил: «Даже самых рьяных противников Солженицына должно удивлять его бесстрашие...»

ШОЛОХОВ НЕ ДАЁТ ПОКОЯ

Выход романа «Тихий Дон» на литературном небосклоне можно было сравнить с извержением вулкана или цунами... Да и кто автор – желторотый донской казак Михаил Шолохов. Пошли недоумения, зависть, молва о том, что роман написан не им, что использовал он рукописи известного донского писателя Фёдора Крюкова, выпускника Петербургского университета, депутата дореволюционной Государственной думы, писателя, хвалимого Короленко. В гражданскую войну был редактором «Белоказачьей» газеты, бежал с отступавшими деникинцами, заболел по пути тифом и перед смертью передал сундучок с рукописями своему денщику, а им оказался станичный атаман и тесть М.А. Шолохова.

Сторонником этой версии стал и Солженицын. Крюков явился прототипом одного из героев в «Красном Колесе». О заимствовании, неблагополучии с авторством «Тихого Дона» им написана статья «По донскому разбору». При содействии А.И., с его предисловием и послесловием в Париже в 80-х гг. вышла работа академика Томашевского и его вдовы И. Медведевой-Томашевской «Стремя «Тихого Дона» о разоблачении авторства.

Спор вспыхнул с новой силой в постсоветское время. На эту же тему плагиата-не-плагиата пошли публикации Роя Медведева, А.Н. и С.Н. Макаровых, В. Самарина, Л. Аксенова, Л. Колодного и др. Шуму наделала версия Зеева Бар-Селла. Не лишены интереса его изыскания о том, как «помогали» Шолохову В. Краснушкин/В. Севский, К.И. Каргин и даже А. Платонов. Все это, мол, был «проект» чекистов из Объединенного государственного политического управления ОГПУ, предшественника КГБ.

И, наконец, еще одна версия таинственной шолоховианы. Да такая, что претендует на объяснения многих загадок в биографии выдающегося автора и его великого романа. Совсем, наверное, не случайно, что эпохальным большим произведениям сопутствуют и необычные драматические судьбы их авторов. Сервантес, Байрон, Гете, Толстой, Достоевский, Солженицын... Нужно было, как говорится, выстрадать своих героев, пройти такой путь, который как бы вмещал несколько жизней.

И вот, оказывается, какой примечательной, ошеломляющей, соответствующей переломно-взрывному времени была биография М.А. Шолохова. Его родственник Виталий Анохин нашел нужным только сейчас (журнал «Чудеса и приключения», №9, 2000) поведать факты, которые могут шокировать не только спорящих специалистов, но и многих читателей. Выясняется, под именем Михаила Шолохова скрывается его старший брат Александр Попов... Анохиным приведено генеалогическое древо рода Поповых и даны подробные, не лишенные логики, объяснения. Даже краткий перечень жизненных вех и поворотов говорит о необычной судьбе А.Д. Попова. Внук епископа, сын офицера и дворянки родился в 1891 году, окончил кадетский корпус и кавалерийскую школу, имел боевые награды за участие в Первой мировой войне. До революции опубликовал несколько рассказов и повесть. В октябре 1917 года хорунжим со своим полком в составе войск генерала Краснова наступал на Петроград. Избежал плена. Командовал отрядом, которому поручили охранять революционный штаб в Смольном и переезд советского правительства в Москву. Участвовал в левоэсеровском мятеже, был заочно приговорен к расстрелу. В 1918 году командиром отряда красных казаков сражался за советскую власть на Северном Дону. После ранения и излечения в Воронеже был назначен уполномоченным ВЧК по Тамбовской губернии и прифронтовой полосе.

Во время приезда в Москву в 1920 году встречался с высшими советскими руководителями, попал в личную картотеку Сталина с положительной пометкой. В этот приезд жил у земляка, известного писателя Серафимовича и тот посоветовал взять псевдоним, ссылаясь на личный опыт с такой же «поповской» фамилией. Тем более в советских условиях.

«Эти разговоры заставили Попова всерьез задуматься о том, чем заняться в наступающей мирной жизни. Тогда этот вопрос остро стоял для большой группы чекистов, судьба которых под давлением суровых обстоятельств гражданской войны складывалась весьма драматично. Идя им навстречу, секретариат ВЧК стал выдавать им документы на новые имена...

Летом 1923 года, гостя в Ясеновке, он узнал, что его сводный брат погиб и что у матери Михаила, бывшей няньки Александра, остались документы погибшего сына. Договориться с ней не составило труда. Чекист А. Попов бесследно исчез, вместо него появился писатель Михаил Шолохов родом из донских казаков».

Ну, а теперь о вопросах, которые могут возникнуть у литературоведов и читателей. Даже у тех, кто только проходил «Тихий Дон» по школьной программе. Почему раньше не сказали своего слова и мать «истинного» Шолохова, и другие родственники? Много было неясного, доходило отголосками. А главное, кому хотелось рисковать, если даже за случайное слово люди попадали в лагеря и тюрьмы. Да кто бы напечатал тогда подобные признания. Жаль, конечно, не дожили до гласности другие свидетели. Но, возможно, всё-таки, что кому-то передалось что-то из этой тайны века.

Известный этнограф, историк Генрих Анохин (однофамилец родственника) как-то поведал, что ему было все это известно от земляка из Таганрога, сотрудника краеведческого музея Петра Карпуна. Тот был близко знаком с Поповым-Шолоховым и его названной матерью, которые жили в станице Вёшенской, но общались друг с другом редко.

По этой версии становятся более понятными и такие вопросы: почему в ОГПУ-НКВД считали «Тихий Дон» белогвардейским романом? Почему так отзывчиво поддерживали Попова-Шолохова Сталин и Серафимович? Почему намеревались арестовать Шолохова ростовские чекисты? Почему защищал Шолохова Сталин? И другие «почему»... Наконец, как становятся приверженцами «зеленого змия»? Болезнь-то болезнь, но не от радости она и спокойной совести.

Когда ростовские энкведешники арестовали всех друзей и соратников Шолохова, он добился встречи со Сталиным. Шолохов рассказывал Фадееву: «Вождь игриво спросил: «А Вы не боитесь с нами поссориться?» – и даже пошутил: «Ну что, Николай Иванович (это к палачу Ежову – авт.), будем снимать с него кавказский поясок?...». Однако, попугав, решил иначе: «Великому русскому писателю должны быть созданы хорошие условия для работы».

Не зря вождя называли мудрым: он принимал нужные решения – кровавого наркома-алкоголика отправил в расстрельную камеру, а писателю даровал волю для создания новых произведений. Но тот надежд не оправдал. На Политбюро Сталин спросил: «Говорят, много пьете, товарищ Шолохов?». На что писатель объяснил: «От такой жизни запьешь, товарищ Сталин». Понятно, почему у Солженицына был такой повышенный интерес и свое отношение к засекреченному автору тайны века – автору «Тихого Дона».

Есть ещё интересные факты из жизни Шолохова, говорящие о нём не как о молодом неотесанном сверхталантливом станишнике, пробующем свои взыгравшие способности в бурлящей послереволюционной Москве. Очевидно, больше похож он был на опытного, матёрого, прожженного событиями офицера, не боявшегося столичной кутерьмы. Да ещё и не лишенного авантюрных задатков. Здесь уместно обратиться к архивным поискам писателя Виталия Шенталинского, опубликованным в таком серьёзном журнале как «Новый мир» («Охота в ревзаповеднике», №6, 1998).

Непорядочно влезать в постельно-интимные отношения, но для партии и её органов всё было дозволено в борьбе за власть и идеологическую целесообразность. «Шолохов – любовный соперник кровавого наркома Ежова? – сам удивляется В.Шенталинский. – Что за бред! Если бы такое написал какой-нибудь сочинитель, мы бы только усмехнулись: мели Емеля!.. Но жизнь фантастичней любой выдумки».

«Весной 1938 г. Шолохов приезжал в Москву и по какому-то делам был на приеме у Ежова, и тот пригласил его к себе на дачу. Хаютина-Ежова (Евгения Соломоновна Хаютина, жена наркома, экс-жена расстрелянного писателя И.Бабеля, не раз выходившая замуж и замеченная в связях с мужчинами, была агентом чекистов – авт.) впервые познакомилась с Шолоховым... вызвала у него особый интерес».

Летом 1938 г. Шолохов, будучи снова в Москве, посетил Хаютину-Ежову в редакции журнала «СССР на стройке», где та работала.

В августе 1938 г. молодой писатель опять прибыл в столицу и обедал с женой всеильного наркома в гостинице «Националь».

Арестованная близкая подруга Хаютиной-Ежовой в своих показаниях признавалась, что знала о существовании у чекистов спецаппарата для подслушивания разговоров и их стенографирования. В частности ей случилось читать «документ» с такими подробностями:

«Тяжелая у нас с тобой любовь, Женья», «уходит в ванную», «целуются», «ложатся в постель» и женский вопрос: «Я боюсь...» Это подслушивание было организовано по указанию Ежова.

Поединок между кровавыми наркомом, сталинским любимцем, и знаменитым писателем пришёл к примечательному завершению. Ростовские энкаведешники (не без ведома Москвы) арестовали всех ближайших друзей и соратников писателя на Дону. На очереди был Шолохов. Но он проявил бесстрашие не только в постели с чекисткой, но и в отношениях с товарищем Сталиным. Вождю Шолохов написал несколько писем о бесчинствах чекистов и добился встречи...

ЛИТЕРАТУРНО-ЛЮБОВНОЕ ПРИЗНАНИЕ

Она была основательно подготовлена к явлению этого великого писателя. «Счастливая духовная встреча» – так определила Лидия Корнеевна Чуковская восхищенное изучение творчества и личное знакомство с Александром Исаевичем Солженицыным. Ее отец, знаменитый литературовед, писатель приютил у себя на переделкинской даче и в московской квартире автора «Архипелага ГУЛАГ» в самые трудные для него времена травли, преследования перед высылкой «за бугор». Лидия Корнеевна оказалась достойной дочерью своего прославленного отца. Кроме своих книг, она всю жизнь вела дневник – мужественное свидетельство современницы.

...Поначалу он не произвел на нее такого покоряющего впечатления, хотя... «Это удивительный человек, гигантской воли и силы, строящий свою жизнь, как он хочет, непреклонно – и в этом, разумеется, тяжелый трудный человек для всех окружающих. Восхищаешься им, завидуешь ему – но я, старый человек, не могу не заметить, что он, осуществляя свою великую миссию, не глядит на людей, стоящих рядом, не хочет видеть их миссий, их бед, потому что живет по расписанию. Когда все расписано в дне до минуты – откуда же взять мгновение, чтоб взглянуть на соседа». И все же он нашел не один час и не один день, чтобы уделить их импонирующей ему семье Чуковских.

«Второй день у нас Солженицын. Веселый, ясный молодой, кипучий, счастливый. Когда он торопился – мил, доброжелателен, весел. Мы рассказывали все о пленуме. (А там читали против него письмо нобелевского лауреата. В самом деле, две России: Шолохов и Солженицын.)».

Особо покорял своим заразительным смехом. «Красота его именно в движениях, в быстрых переменах лица: то сосредоточенность, сжатый рот, глаза сверкнули, шрам на лбу виднее – то вдруг совсем распустил лицо в пленительной, открытой улыбке, глаза исчезли, сощурившись, одни зубы сверкают, молодой хохот».

«Прямое, простое, сильное, единственное лицо. Лицо правды».

«Сверкает. Рассказал анекдот о себе. Слухи: будто шведский король заявил – если Солженицына не выпустят, я сам поеду в Москву вручать ему премию».

«...Как я люблю его почерк!.. Из-за его болезни кольнуло в сердце... Боже, сколько было вложено нашей общей и моей любви в этого человека! Какое было счастье – шаги его за дверью, его шапка на вешалке, его редкая мне похвала. ...Кажется, никого я так не любила... Море его, океан его русского слова в каждой его вещи. Чем было для всех нас чудо, счастье его слова. Испытываешь радость погружения в родной язык».

«А.И. для них всех (Самойлов и др. – П.С.) загадка и заноза – главное в том, что он не принял правил игры. (Боюсь, со Львом (Копелевым) мне придется поспорить; он всюду оскорбляет А.И. – я Льва люблю и ему обязана многим, но есть же предел)». «...Как мелки и ничтожны все дразги по сравнению с этой судьбой – дантовской».

«Сбываются мрачнейшие пророчества А.И.: о непрочности разрядки, гибельности коммунизма, о том, какие тяжкие испытания предстоят Америке, но странная вещь: чем явственнее, тютелька в тютельку, сбываются его пророчества, – тем меньше верят ему люди, на чьих глазах все сбывается, и тем острее его ненавидят – и здесь и там».

Но Чуковская давно приучена не столько к поклонению, сколько к размышлению.

«Думала о Сахарове и Солженицыне. Очень странные у нас представители нации. Сахаров объявляет себя западником. Между тем по характеру он – русский Иванушка Дурачок, Иван Царевич. Одно благородство, одни несчастья и абсолютная неспособность чего-нибудь добиться, при изумительной правоте. Он – западник (это весьма порусски, между прочим). Солженицын – наш славянофил. Между тем с головы до ног – немец, Штольц среди Обломовых. Распорядок по минутам, работа, работа, цель, цель, расчёт – в этом ничего русского... На самом деле все его славянофильство – ничего русского... На самом деле все его славянофильство – любовь художника к своему художническому материалу, т.е. к языку. (В этом смысле и я славянофил.)»

По прошествии времени стали заметны и пятна на солнце.

«...Ощущение его правды покидает меня чуть он говорит о Средних веках и Возрождении, или что Израиль хорошее государство, потому религиозное. (Именно поэтому оно невыносимо) Он утверждает будто Февральская революция была не нужна. Она была слаба, оказалась слаба, но падение самодержавия (охранки, черты оседлости, мещанства, поповщины, распутищины, бездарности) было – счастьем.

Он уже явился с нелюбовью к интеллигенции (уже в «Иване Денисовиче»), а потом она окрепла (Нелюбовь)... Сколько я ему не объясняла – я в отличие от него пережившая 37-38, что в эти годы не только партийцев сажали, но и наилучшую интеллигенцию, – он не верил. А я же в очередях видела, как мало там было жен обкома – мало по сравнению с нами. Нелюбовь к интеллигенции – это у него собственное, исконное, посконное».

«Ух, дорого обходится ему православие».

«У такого огромного, как он, и заблуждения огромны. Огромный человек, талант огромный. Для того чтобы стать гением, ему не хватает только интеллигентности!»

«Вообще к интеллигенции он жесток, а главное – он не понимает ее. Образованщина! И все тут. «Интеллигенция перестала быть интеллигенцией, когда не заступилась за крестьян во время коллективизации». (А перечел бы «Мужиков», «В овраге» и «Новую дачу» Чехова.) Когда крестьяне заступались за интеллигенцию – даже за земцев, врачей и учителей? Гениальной литературы русской и живописи они и совсем не знали, не подозревали о том, что у

них есть Пушкин и Блок. Не из крестьян ли выходили городовые, погромщики, а потом и следователи КГБ и охранники. ...Конечно, среди интеллигентов много сволочи, и при царе было, и при советской власти, и теперь. Тем ценнее каждое интеллигентное лицо, которое не сволочь. Ценнее для всего народа».

Но солнце остается солнцем...

«Копелев поносит А.И. Он, дескать, достоин жалости, ибо и писать стал плохо, и окружен плохо. Может быть и так, а все-таки даже если роман окажется неудачей (была же у Достоевского «Неточка Незванова», у Герцена «Кто виноват?») и хуже – «Сорока-воровка»), он все равно остается великим человеком и великим писателем. Окружение же всегда ничтожно у всех знаменитых людей».

«...Хорош ли этот человек или плох, он – Гулливер среди лилипутов».

«...Он могучее создание природы, памяти и человеческой воли, перед которым я склоняюсь, как когда-то перед Ахматовой, несмотря ни на что».

Это примечательное литературно-духовное, душевное признание было опубликовано в месяц кончины Александра Исаевича и, к сожалению, он не смог с ним ознакомиться. Оно стало забываемым Реквиемом.

КТО БЕЗ ГРЕХА

Моя благоверная Таня взяла эту книгу почитать в дорогу, но на второй день заявила, что будет читать её только дома, что в электричке на неё смотрели как на идиотку. И всё потому, что она над книгой плакала. При этом Таня – не сентиментальная дамочка, не поклонница детективов, знает цену добротной прозе и стихам. Удивительно, что есть сейчас книги, удостоенные женских слёз. И об этом чуть позже, а сейчас небольшое лирическое отступление на тему «что читаем?».

У меня выбор нетипичный и даже, наверное, претенциозный. Маринины, Донцовы и прочие Сорокины не стоят ни времени, ни интереса. И даже буковские и прочие лауреаты почему-то не привлекают внимания. Худлитература, по общему признанию, стала худосочной, утратила былое значение. Я по-прежнему слежу в печати за Солженицыным. Его «Двести лет вместе» воспринял как книгу нужную, интересную, «животрепещущую». (Мнения о ней моих приятелей евреев разделились напрочь – от здравомыслящих до поносимых.)

Я считаю, что подобные книги о взаимоотношениях русских с украинцами, грузинами, татарами, армянами и другими были бы очень своевременными, полезными именно теперь, когда начала проявляться межнациональная дурь. Кстати, необходимым у меня на полке стоит увесистый том «Энциклопедии афоризмов» Борохова с интересными подборками об англичанах, американцах, русских французах и прочих «ведущих» нациях. К сожалению, не удостоены подобных подборок не только «сэнэгэшные» народы, но и китайцы, индийцы, канадцы, австралийцы. А такому бы расширенному трехтомнику цены бы не было. Эх, не я книгоиздатель!

Впрочем, впрочем... нельзя не упомянуть о таком явлении на библиофильском горизонте. В «зажравшейся» Москве выбрасывают на помойки не только булки, но и много литературы. Сплошь и рядом классика, не говоря уже о трехтомниках Кетлинской, Панаевой, четырехтомниках Вересаева и Набокова(!), девятитомниках Макаренко, Серафимовича. Не пощажены были Булгаков, Шаламов и Солженицын (правда, только с «Одним днём...»). Впрочем, и «Библия» тоже. И это книги, которые в советское

время на чернокнижном рынке ценились в месячную зарплату! Таков стал московский читатель. Правда, кто из них поумней и посовестливей, посознательней приносят свой библио-скарб и сваливают в ближайшей библиотеке. Я записан в трех библиотеках, и для меня, как для Маркса, любимое занятие – рыться в книгах. Среди «выловленных» и оставленных для себя, кроме Булгакова и Солженицына, «Иная жизнь» популярного некогда Ажажи, целый набор книг на тему «жизнь после смерти»... Интересуюсь космо-сом и прочими непознанными тайнами. Но не забывается и война. Обрел не только веру, но и убеждение – смерть не несет полного исчезновения и пустоту. Ведь есть многие тысячи свидетельств побывавших временно «там»...

Оказалось, собирает такую ведическую литературу и Николай Васильевич Ледовских. Он один из последних могики-книголюбов: у него не только комнаты, но и коридор переполнены журналами и книгами. Ему я презентовал один из первых своих авторских экземпляров совместной с сыном Юрием книги с надписью: «Лорд-хранителю наследия Натальи Алексеевны и Александра Исаевича». В этой недавно вышедшей хорошо изданной в серии «Популярная энциклопедия» (издательство «Терра-Книжный Клуб») книжке среди полторы сотни примечательных вершин мира есть и «Хернли, вершина спасительная» – о том, как эта гора в Альпах помогла Солженицыну восстановить душевное равновесие в очень тяжелое для него время высылки из Союза. Между прочим, этот томик на Международном фестивале экстремальных проектов на конкурсе «Лучшие книги о путешествиях» занял одно из первых мест. Материальных поощрений никаких, но, как говорится, доброе слово и кошке приятно.

И может нескромно, тщеславно признаться, но я с удовольствием перечитывал своё творение. Кроме солженицынского пика, отмечены вершины, посвященные Пушкину, Высоцкому, Солоухину. Думается, что писатели не случайные и достойные больших высот.

Понятно, не осталась забытой для меня война (я попал на фронт 17-летним и прошел, прополз от Кавказа до Праги солдатом и комвзвода). Среди хвалебной трескотни и героизации только сейчас она начинает хоть немного осмысливаться. Для меня осознание войны пошло с книги Ремарка «На западном фронте без перемен». Сейчас приметны стали: «Тень Победы» Резуна-Суворова и «Два лица генерала» (о Власове) Коняева, но особенно потрясающие дневники комвзвода Никонова. Моя военная исповедь находится уже в печати под названием «Война убивает правду». Давно пора осознать идиотизм войны, а она продолжается пафосом, воспеванием (исключение С. Алексиевич с её «Цинковыми мальчиками» и В. Астафьев).

И о книге, орошенной женскими слезами. Это «АПН-я-Солженицын» Н.А. Решетовской. Кое-кто не желал издания её воспоминаний, и оно очень задержалось и состоялось в Рязани лишь сравнительно недавно благодаря Н.В. Ледовских и В.И. Крылову. В обозримом будущем, нужно полагать, появится всеохватный том с объединением прежних книг НА. И он будет подраматичней меморий Софьи Андреевны. Биография и литературный портрет АИ станут более полноценными... («И на солнце есть пятна») Хотя НА тоже не все досказывает, что и дало повод АИ в своё время назвать её «женой кэгэбиста», а развод – «кишкотатательством. Слишком уж всё происходящее, даже умолчание о своей роли первой жены АИ, она воспринимала сверхэмоционально, болезненно. И её тоже понять можно: одиночество – страшная вещь. Я и Таня старались отвлекать её от недоброжелательства АИ. Я посоветовал передать часть архива в ЦГАЛИ (не исключен был захват

его кэзбистами), прорегистрировать библиотеку, учесть маргиналии-«боковки» АИ, принес и порекомендовал прочесть «Мастера и Маргариту» Булгакова, подал идею написать её большой портрет маслом. Вместе с Таней помогали на дачных грядках, просмотрели нашумевшие тогда фильмы «Гараж» и «Покаяние» и т.д. и т.п. НА подарила нам с Таней на новоселье замечательный этюд (его когда-то похвалил АИ) «Борис-Годунов» Ивашова-Мусатова. Лик царя разделен по диагонали на темноватую и золотистую части. Подобная пропорция светлого и темного присуща, очевидно, не только великим. НА, как добрейшая душа, помогала материально своим подругам, супругам-художникам Ивашовым-Мусатовым, сыну редактора Семенова. Хочется надеяться, что книга НА с субъективным портретом АИ и моя – с вершиной АИ, да и другие подобные, не окажутся на мусорке, а если окажутся, то найдутся «спасатели», которые отнесут их на стол под объявление «Библиотека дарит книги»... Такова невеселая шутка нашего анекдотично-смутного времени.

Что скрывать, приятно было вспоминать первые визиты к НА. Благодаря знакомству с ней, накопленному материалу как-то сама собой, при поддержке редактора газеты в Пятигорске, где я отдыхал несколько лет подряд, навещал милых стариков, бывших эзков, и родилась неожиданно для меня самого книжка об АИ. Итак, что вспомнилось по мемуарам НА, что уже и мной было забыто: «Павел Павлович сначала написал мне по рязанскому адресу. Письмо какое-то время проблуждало, но дошло. В авторе письма я узнала одного из корреспондентов своего мужа. Цитаты из его писем дважды приводились мною в мемуарах. Приехав в Москву, Павел Павлович навестил меня. Узнала о его непростой судьбе. Его неблагополучие было отчасти связано с перепиской с Солженицыным. Это тем более располагало меня к нему. ПП, узнав что-либо касающееся АИ, спешил уведомить об этом и меня. Так, как-то он принёс мне привезенный кем-то из Голландии проспект амстердамского музея восковых фигур. В Амстердаме находится филиал знаменитого музея восковых фигур мадам Тюссо. Среди других изображений увидела АИ, сидящего в кресле и склонившегося над картой Архипелага ГУЛАГ. По-моему, фигура мужа передана очень хорошо: его поза, его плечи, даже кисти рук – его!»

ПП прочел две моих книги: «Из небытия» и «В споре с сильными». Начал чтение у меня дома и, прочтя всего несколько страниц, стал делать мне замечания по знакам препинания – моим многочисленным тире и многоточиям. Оказалось, что он был редактором... Мои разъяснения его не удовлетворили. Однако вскоре содержание так увлекло его, что ему стало не до замечаний. «Вы совершаете подвиг!» – сказал он, закончив чтение.

Следующее, что принес мне ПП, и что имело прямое касательство к Александру Исаевичу, была книга Н.Н. Яковлева «ЦРУ против СССР». Он обратил внимание на главу «ЦРУ: на полях сражений «психологической войны»». Больше половины этой главы было посвящено Солженицыну. Посмотрела. То, что прочла, вызвало у меня гадливое чувство к написанному: Солженицын, оказывается, ставленник ЦРУ! ПП знал о моей борьбе с Ржезачем и ждал, что я не пройду мимо нового выпада против АИ. Но я не согласилась: «Не буду больше за него заступаться! Чем он меня отблагодарил? Своим «Чадом»? Новыми нападками на меня? Книгу всё же оставила».

НА бывала и наивна и непоследовательна, с ней приходилось нередко спорить. К этому хмырю Яковлеву, профессору Московского университета, сыну маршала (и он и отец «сидели») НА ходила с букетом цветов... Хотя он

получил заслуженную пощечину от Сахарова. Словом, она, как сама признавалась, «заводилась». То ли казацко-донские гены, то ли воспитание балованной дочки, выросшей без отца. Что же касается меня, то вот был неожиданно-негаданно помянут даже в мемориях. А «мы живем, пока нас помнят»...

ЖЕНА, КАК ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ

Выпускница мехмата МГУ она была не только «физиком», но и «лириком» (по тогдашнему шутливому делению интеллигенции), основательно интересовалась литературой. С АИ познакомилась на одном из его выступлений перед читателями. Ближе сошлись во время общего путешествия в северные края России (ещё одно подтверждение пользы путешествий). Выйдя замуж за АИ, стала его неутомимой помощницей. Особенно тяжелые испытания выпали на её долю во время ареста и высылки АИ из страны. Находясь уже за границей, со временем АИ отмечал в «Зернышке»: «Аля (так признательно-нежно АИ стал называть Наталью Дмитриевну не только в быту, но и в печати – прим. П.С.) разослала важную часть моего архива по надежным местам. Нет и теперь уверенности, что с обыском ещё не придут. Но все близкие держатся хорошо, в квартиру к нам безбоязно приходят. Аля ведет себя твердо, молодцом, главнокомандующим».

Стараниями и заботами НД были перевезены десятки ящиков архива, рукописей, книг, воссоединилась семья. Здесь в Цюрихе решали, где выбрать место постоянного жительства. Как и другие важные вопросы.

«...В прозрачной ранней весенности мы с Алей все и решили. Называться будет Русский Общественный Фонд, отдадим ему все мировые гонорары с «Архипелага». Сперва – помощь энкам, преследуемым, но не упускать и русскую культуру, и русское издательское дело».

Председателем Фонда стала Наталья Дмитриевна.

Далее случилось самое печальное, трагичное – смерть Димы, сына от первого брака. Очень помогала НД приехавшая с ней мать – Екатерина Фердинандовна. В большом доме в Вермонте обходились без прислуги.

В вермонтском уединении потекли два десятилетия напряженнейшей работы над эпопеей «Красное колесо». Картотека, сотни конвертов занимали ящики и столы большой библиотечной комнаты. По её словам, он смог справиться «при его четком складе ума и математическом образовании. А это помогает в любой профессии».

Позже она вспоминала: «Жизненные противостояния Солженицына публично известные, оставляют впечатление человека стального. Бескомпромиссного. Лишенного сомнений. Об этом не раз писали. Он кажется таким. На самом же деле всё совершенно по-иному! И дневник, сопровождавший 25 лет его работы над «Красным колесом» это раскрывает. Там много сомнений, даже терзаний».

Она советовала, редактировала, набирала текст. Ей помогали даже подрастающие трое сыновей. Кстати, по воспитанию у них причастности к родине у неё была своя метода – каждому в день выучить по одному русскому стихотворению. «Аля вела и ночами вычитывала корректуры».

По «грандиозному» возвращению в Россию забот не убавилось. Одна из бойких московских газет поместила заметку «Жене великого писателя нужны крепкие нервы». Её госпитализировали в городскую больницу с небольшим приступом невралгии. «В клинике Наталья Солженицына провела неделю и за это время успела прославиться как

одна из самых требовательных пациенток. Её поместили в двух местную палату. Любопытно, что даже там, несмотря на интенсивный курс лечения, Наталья Дмитриевна продолжала работать». Между прочим, когда первая жена АИ Решетовская заболела и оказалась прикованной к постели, Наталья Дмитриевна навещала больную и помогала ей.

На каждом сказывается пережитое. АИ в свои 87 перенес инфаркт, ограничил общение, но нашел в себе силы подступить к новой работе, к Большому Итогу. Наталье Дмитриевне добавились заботы по Солженицынскому Фонду, Солженицынским премиям, издательствам и другим неотложным делам. А главное – это событие, этот Большой Итог – издание 30-томного собрания сочинений АИ, при подготовке которого она явилась редактором-составителем. В связи с этим в большом интервью в «Новой газете» (15-17.01.2007) она, подобно заправскому критику, рассказала о том, как «Красное Колесо сменилось Желтым».

«Красное Колесо» – суровая книга. Именно благодаря систематике автора. Солженицын точно расплетает по ниточкам наш любимой плач: «Тяжелей всех судьба казнит Россию». «Гибель империи» сложилась из тысяч поступков. Из лениности, тщеславия, страха перед «общественностью» конкретных людей. Самая сильная нота книги: так и мы не знаем, что творим здесь и сейчас. Как много перекрестков, на которых один в поле воин. И его выбор решит дело. Ленин был человеком огромных возможностей. Отчасти и поплавок на волне, и пузырь земли. И держался на этих волнах, где никто, даже сильнейшие не могли ничего сделать. Парвус был ярче. И Троцкий тоже. Ну и что? Да, они лидировали на каких-то отрезках. Но и только. Тем не менее, не прошли всей дистанции. Они просверкнули и проиграла. Ленин не проиграл. Он всё перевернул. И мы все ещё живем в ленинской России. Эта книга предлагает читающему вынести свой суд».

О вечной розни между властью и «общественностью». Наталья Дмитриевна коснулась и наших дней. Можно ли нам в 2007-м «признать правительство»? «вообще-то правительство неяркое... Но вот что: правительство пора признать участником диалога. Пора с ним спорить, пора его сечь, пора его хвалить, ежели заслужит! ...Народ точно учит новый язык разговора с властью. ...Мы так привыкли, что были цари, потом большевики, при которых лучше не вылезать... Сознание людей должно измениться, а меняется страшно медленно».

Наталью Дмитриевну в московских газетах называли «великой женщиной великого писателя», а АИ присвоил ей в свое время звание «главнокомандующего». Ну, что же, сознавая большую ответственность и не теряя чувства юмора, высокое звание она старается оправдывать.

После ухода Александра Исаевича в мир иной возрастает интерес к его творчеству, как классика, к его сверхнасыщенной жизни, к воспоминаниям о нем. В частности, читатели будут естественно ожидать записок, мемуаров жены, которая столько лет находилась рядом, оберегала, помогала, вдохновляла, разделяла его судьбу. С ней, как с «главнокомандующим», решались многие и многие вопросы. Очень небезынтересен, к примеру, такой. Александр Исаевич несколько раз упоминал о том, что он не боялся смерти, что он уверен в каком-то продолжении, убежден, что не все исчезает после земного рубежа. И за год-два до своей кончины он решил с Натальей Дмитриевной поехать для беседы с провидцем, предсказателем, экстрасенсом, известном в московских кругах священником, прославившимся своими оправдавшимися пророчествами. Что инте-

ресовало глубоко верующего Александра Исаевича? Почему он пришел к такому выводу?

ЛОГИЧНОЕ ПРИОБЩЕНИЕ

Отношение читателей к А.И. Солженицыну, вполне понятно, разное. Одни безоговорочно восторженны, другие – сдержанно почтительны, третьи – увлечены общим интересом, четвертые – встряхнуты литературным вихрем, пятые – возмущены поднятым шумом и поклонением и т.д.

Николай Ледовских выделяется в этом разноцветье («пусть расцветают все цветы!», как любят говорить на Востоке) и становится особенным, говоря новоязом, суперчитателем. А началось все это еще когда он старшеклассником на Алтае, пописывающий стишата, влюбленный в великий и могучий, чувствующий язык сердцем, оказался в рядах прогрессивной общественности, воспринявшей первую журнальную прозу АИ в «Новом мире», как явление классика... И кто бы мог подумать тогда, что юношеское впечатление отзовется со временем логичным приобщением к творчеству великого писателя. Но это со временем. А пока что, начав печататься в алтайской газете, осознал необходимость основательного образования.

И преуспел ни много ни мало: три года на факультете журналистики МГУ, затем не менее престижное МГИМО, стажировка в Будапештском университете, научная работа в Москве в Академии наук и арест... За распространение произведений уже преследуемого Александра Исаевича – 8 лет лагерей, познание ГУЛАГа на практике. После освобождения уже в перестроечные годы редактировал в газете, активничал в первой в СССР Демократической партии. И новый поиск, интерес к ведам, памятникам древнеиндийской литературы. Православие показалось слишком демонстративным, государственным, не учитывающим неполноту Библии (Ватиканом были изъяты некоторые главы, к примеру, о реинкарнации.)

Но Александр Исаевич остался не забыт. Понадобился его портрет журналу. Пришлось обратиться к его первой жене Н.А. Решетовской. Знакомство привело к тому, что он стал ее литературным секретарем. Тяжелым недугом она была прикована к постели, почти слеpla. Николай Васильевич помог ей в завершении мемуаров о Солженицыне, при его содействии было издано еще несколько книг. Александр Исаевич высказал недовольство такой активностью бывшей супруги, возможно, ее «чрезмерной» откровенностью. И вот тут первое расхождение у Николая Васильевича с автором «Архипелага ГУЛАГ». Потомки одержимо раскапывают все, что касается великих. И, очевидно, чем больше будет свидетельств, тем более они окажутся объективными при их разборе. Н. В. Ледовских и сам решился в 2003 г. опубликовать свою первую книжку «Возвращение в Матренин двор, или один день Александра Исаевича». Дело в том, что Николай Васильевич, как журналист, сопровождал писателя после его возвращения на родину в поездках в Ростов, Рязань, поселки на Владимирщине, где тот жил и работал. Волнение гостя передавались встречающим и сопровождающим. Александр Исаевич при встрече просил обойтись без приветственных речей. И женщины, сгрудившись в импровизированный хор, спели гостю несколько песен.

**Деревня моя, деревянная, дальняя,
Смотрю на тебя я, прикрывшись рукой.
Ты в легком платочке июльского облака
В веснушках черемух стоишь над рекой...**

Среди этих женщин немало бывших учениц Солженицына. Здесь в Мильцево первый год на воле после лагерей и ссылки он преподавал в местной школе, жил на квартире у героини своего знаменитого рассказа, не меньшего шедевра, чем «Один день Ивана Денисовича» – «Матрёнин двор».

Приезд почетного гостя пришелся на 1 сентября. Вместе с другими учителями приветствовал первоклашек. А со старшеклассниками, объединенными для общего, уникального урока остался наедине для беседы. Разговор пошел о литературе, о жизни.

«Берегите себя. Не считайте песчинками. Если вы будете иметь жизненный вектор, то не пропадете. Нужно сделать так, чтобы знания остались у вас прочными. Какое чудесное создание – каждый из вас! Нет заранее написанной судьбы. От вас зависит ваш выбор. Очень важно закончить жизнь на более высоком нравственном и интеллектуальном уровне, чем это было при рождении...»

Разве можно было не запомнить эти напутствия. Их сумела законспектировать учительница Т. М. Яшина, а по этим конспектам сохранил Николай Васильевич.

«...Вы новое поколение. У вас другая эпоха. Она, эта эпоха, легче, опаснее, тревожнее. Она полна лживыми и лживыми соблазнами. И вас пытаются взрослые и телевидение, которое ныне стало национальным бедствием. Телевидение сегодня пропагандирует ложный путь: труд, мол, и знания, как и честность, не нужны. Но Россия создавалась трудом, знаниями и честностью. Все это отражено в народных пословицах. Запомните три из них: «неправедно нажитое ребром выходит», «легкие деньги легко уходят», «за что не доплатишь – то не донесешь». Без труда нет добра. Трудитесь. И постарайтесь хоть раз в неделю, а желательно два, жить без телевизора, чтобы читать и думать...»

Николай Васильевич счел нужным заметить свой комментарий: «Его слова были обращены преимущественно к учащимся, но и все остальные, вплоть до учителей и родителей, примеряли эти слова к себе».

Еще Александр Исаевич, касаясь сегодняшнего трудного времени, сказал: «...Я не боюсь смерти. Смерти боятся молодые дельцы, которые наживают миллионы за неделю, а другие их потом отстреливают в подъездах или сжигают в инмарках».

Чтобы не заканчивать на мрачной ноте, был помянут и курьез. Местный мужичек, не умеющий сочинять стихов и писать картин, чем-то напоминая Ивана Денисовича, принес гостю две большие корзины отборных грибов. АИ так же весело сослался на то, что не хватает места в машине, и посоветовал оставить грибы для закуски за общим столом по его отъезду.

(Написанное частично вошло в статью П.П. Супруненко «С временем в сердце», подготовленную для печати Ю.П. Супруненко, – «Свет: Природа и человек», №1, 2001, с.36-37; а также в статью «Солженицын: время и современники» – «Философия и культура», №8, с.164-196, №10, с.194-197)

СРЕДИ ЗДРАВОМЫСЛЯЩИХ

Речь о здравомыслящих в Украине, потому как там находится много охотников многие свои неудачи, слабости объяснять происками москалей... Недальновидные и просто очумелые от самостийности политики и их сторонники не прочь разжигать национальную рознь, выискивают для этого поводы в древней и более близкой истории, в литературе, языке. То оправдывают измену Мазепы, сотруди-

чество Бандеры и бандеровцев с гитлеровцами, то извращаются факты по голодомору. Сокращается количество русских школ, перекраиваются российские телепередачи. Игнорируются русские писатели, только Украине «присваивается» Гоголь и т.д. и т.п.

В этом ряду и неприязнь к Солженицыну за его позицию сближения, союзничества России и Украины. Обновление клеветы о его «стукачестве» в лагере.

Но среди украинцев очень и очень много читателей, которые сохраняют и пропагандируют его книги, высказывают мнение о создании на юге Украины музея, посвященного Александру Исаевичу. Ведь он считал себя «почти украинцем». Так, мать Таисия Захаровна – украинка, а дед его Захар Федорович Щербак первую половину своей жизни провел пастухом в Таврии (Северный Крым и юг Украины), затем перебрался на Кубань, Ставрополье, стал предприимчивым землевладельцем. С детства Саня, по его словам, впитывал украинский язык деда.

Примечательный факт из юности писателя. За успехи в учебе школа подарила ему велосипед, и одно из первых своих путешествий на нем он совершил из Ростова на родину предков, оставив интересные письма. Так что есть все основания для создания в Таврии музея, посвященного автору «ГУЛАГа», представителю мировой литературы.

И такой музей рано или поздно будет создан, будет символизировать единение народов. Среди здравомыслящих читателей есть немало людей, ваш покорный слуга в их числе, готовых передать автографы, переписку с Александром Исаевичем, многие интересные материалы и книги, фото. Среди них и такое признание запорожского рабочего-такелажника Леонида Пономаренко, приуроченное к возвращению АИ на родину (оно не было опубликовано в Украине, так как написано на русском языке).

**Да, это имя легендарно...
ГУЛАГа главный старожил,
К империи тоталитарной
Он крепко руку приложил.
Он схож и внешне с Достоевским,
И тот на каторге горбил.
А больше и сравниться не с кем:
Такая мощь – и буйный пыл.
И мог ли быть такой раздавлен
Гремящим «красным колесом»?!
Вернулся он, велик и славен
На свой российский горизонт
И счастлив он. А я – что дожил,
Стал современником его;
Что здесь матерый тот художник,
Явленье духа, торжество...**

Ещё заронилась такая мысль. АИ написал двухтомник «Двести лет вместе» о взаимоотношениях евреев и русских. Была бы полезной и интересной подобная книга о русских и украинцах...

СОЛЖЕНИЦЫНСКИМИ МАРШРУТАМИ

Из Александра Исаевича давно уже перестали создавать кумира. Но только слепой или предубежденный не хотел видеть его пройденных многозначных рубежей: юношеских и зрелых, страннических, учебных, фронтовых, лагерных, онкологических, подвижнических, творческих, педагогических, зарубежно-познавательных, лекционных и пр. и пр.

Экологический туризм ныне понятие широкое [1, 2] – это и экскурсии по информационно насыщенным местам, и благоустройство мест интереса для посетителей (опять-таки работа для местных трудовых ресурсов, поддержание через рекреацию стабильности развития региона), и культурное образование региона. Достаточно вспомнить для примера оформленные экскурсионные маршруты Цветаевой, Мандельштама, Булгакова и многих других по московским переулкам. Безусловно, в скором времени будут отработаны и появятся хорошо проиллюстрированные места, связанные с именем последнего отечественного нобелевского лауреата. И в столице, и в других местах российских городов и весей. Появляются уже и улицы имени великого писателя (указом Ю.М. Лужкова от 12 августа 2008 г. ул. Большая Коммунистическая, расположенная недалеко от Центра Солженицына, переименована в имя писателя). И тот рекреационно-экскурсионный ореол, который начинает складываться вокруг имени нашего знаменитого соотечественника заслуживает уже сейчас подробного анализа и перспективных начинаний.

А с путешествиями переплеталось творчество. И как ни у кого у целеустремленного Александра Исаевича каждая поездка обогащала образами, чертами, штрихами к исследуемому явлению. Или возбуждала новые творческие помыслы... Одним словом, без путешествий не было бы великого писателя Солженицына.

ЧТО СКАЗАТЬ НА ПРЕЗЕНТАЦИИ

В книге «А.И. Солженицын: Материалы к библиографии» (Санкт-Петербург: Российская национальная библиотека, 2007) указаны ссылки на П.П. Супруненко: 621. Письмо П.П. Супруненко, 7 марта 1967 // Супруненко П. Признание... Забвение. Судьба... Пятигорск, 1994, с.15; 2722. Супруненко П. Писатель принадлежит народу: О читат. конф., посвящ. Солженицыну, в Пятигор. гор. б-ке // Неделя. 1989. 10-16 июля, с.2; 3441. Супруненко П. Морская капля не боится океана // Молодой ленинец. Ставрополь, 1991. 27 февр., с.8-9: ил., 6 марта; 5441. Супруненко П. Признание... Забвение. Судьба... / Предисл. Р. Гаврилова; Ред и послесл. А. Красникова. – Пятигорск: Б-ка рос. курорт. газ. «Кавказ. здравница», 1994, 86 с.: ил.; 6757. Супруненко П. И тут вдруг обращение на «Вы»; Медников А. В 1966-м обсуждали «Раковый корпус» / Прим. ред. // Моск. правда, 1998, 11 декабря, с.2: ил. (Звезда Солженицына).

ЗА ЧТЕНИЕМ – ОСМЫСЛЕНИЕ

Многие читатели толстых журналов начинают их чтение с последней страницы, что называется, просматривают. Там помещают библиографию. В самом журнале может ничего интересного, мелкота. А так в библиографии с удовольствием ориентируешься, что издано, чему отдано предпочтение. А в «Новом мире» так и цитируются отрывки, раскрывается содержание представляемого произведения. Вот №3 за 2009 г. указаны аж пять новых публикаций, посвященных А.И. Солженицыну. Больше чем кому другому. Прошло полгода после его кончины, а его не забывают. За чтением идёт осмысление.

Начнём с тех, кто так и не понял, что произошло и в литературе, и в жизни. Некий разумник с примечательной фамилией М. Делягин высказался в «Независимой газете»: «Тоталитарный гуманист. Два подвига Солженицына, о которых мы забыли. Он ведь совершил подвиг в Советском Союзе и для советского народа – а они исчезли, по-

гибли. Бурьяну же нового, пробивающемуся на руинах его страны, собирающей себя по кусочкам России, и складывающемуся российскому народу – он оказался чужд и, в общем, не нужен». Вот так безапелляционно!

Небезызвестный Э. Лимонов воспользовался случаем, чтобы рядом с АИ себя выпятить. «Если Солженицын не близок мне по идеологии, то близок по нравоучительству. Он – учитель жизни. Если Солженицын и Сахаров были кумирами для интеллигенции 60-70 гг., то я – гуру для их детей и внуков». Вот так без лишней скромности.

В «Литгазете» Ю. Кублановский – «О Солженицыне – не по лжи» – миссия же его была – сказать соотечественникам и миру во всю мощь дарования правду о русской катастрофе: революции и её последствиях. И до последнего АИ не верил, не хотел верить, что это – необратимая катастрофа, что это – окончательная гибель русской цивилизации.

Завершим библио-обзор мартовского номера «Нового мира набросками статьи «Беглецы из Семьи» в «Российской газете»:

«Что есть народ (или по-западному, нация)? Исконными связями (кровной и душевной) единая Семья, весьма обширная по численности и длительная по существованию». «На сегодня та же память «мы – русские» снова стала раздражать слух в Обществе. Впрочем запретность легла не на нас одних: и всякое упоминание о национальной принадлежности считается ныне позорным. А история нашей планеты показывает нам, напротив, как и после трехтысячелетнего рассеяния по Земле – духовно стойкий еврейский народ – ощущает, хранит и защищает свое национальное сознание ещё страстней, чем религиозное единомыслие». «Или, может, «мы – рас-сияне»? – то есть растерявшие сияние душевного света? По нашему сегодняшнему реальному состоянию – да, именно так».

Здесь же интервью Н.Д. Солженицыной. Один из вопросов, какую последнюю книгу читал Александр Исаевич. У А.И. был обычай читать не одну, а две книги в разное время дня. Кроме того, до конца жизни он следил за толстыми журналами, любил журнальное чтение и сокрушался, что журналы становятся всё хуже. И последнюю книгу он внимательно с карандашом и цветными ручками, читал в журнальном варианте. Это была биография Михаила Булгакова, написанная Алексеем Варламовым. Булгакова он любил больше всех из русских писателей XX века.

КАНДИДАТЫ В ЭНЦИКЛОПЕДИЮ

Это уже стало традицией в литературоведении. В мире издания «Шекспировская энциклопедия», «Дантовская», «Байроновская» и др. В России уже есть возможность ознакомиться с «Лермонтовской энциклопедией» и «Булгаковской», получивших похвальные отзывы среди критиков.

В школах и университетах изучается творчество А.И. Солженицына. Интерес читателей к его книгам, его жизни войдет в ту норму, которая проявляется к другим классикам русской литературы. А возможен и повышенный интерес, поскольку он ближе к современности по времени и по темам. Поэтому не случайно возникла идея издания «Солженицынской энциклопедии». Рано или поздно замысел этот предстанет более конкретно.

И тогда возникнет вопрос, что и кого включать в эту нужную и примечательную книгу. Понятно, прежде всего, сведения, библиографию о произведениях писателя, данные о событийных вехах его жизни, местах, где он жил и

творил. Непростым будет вопрос о включении персоналий, людей, с которыми он близко соприкасался, кто имел влияние на его судьбу и творчество, лауреатов Солженицынской премии, критиков...

А вот критика, отзывы были разные. Тут могут возникнуть разночтения и споры составителей. К примеру, есть такой модный, если не сказать скандальный автор Михаил Веллер. Возникла даже присказка: дерзкий Веллер вновь создал бестселлер. Это относится, прежде всего, к его книге «Перпендикуляр», – как оценили ее в печати, озорной, спорной, провокационной... В ней автор занялся обнажением, очернением и оплевыванием классиков. Лермонтов у него, мало того, что «абсолютно непереносим в личном общении, так еще и внешне «невелик ростом, какой-то немного скособоченный, туловище имел плоское и широкое, ноги короткие и кривые, лысеть стал лет с двадцати пяти». Гоголь у него кокетничал с тяжеловесным языком и юмор его тупой и сам он не адекватный. «Возможно, тупой я сам, даже вероятно тупой я сам, но помоему этот юмор все-таки тупой. Никогда не мог заставить себя улыбнуться над Гоголем» (с.37). Достоевский же, хоть и гениальный психолог, но готовый проиграть последние штаны в казино, проявлявший равнодушие к мальчикам. Так еще и с «чудовищным языком, изломанным, антимелодичным, каким-то невкусным, с очень бедным словарным запасом, с неуклюжими повторами, от которых просто делается физически плохо». Не меньше досталось Льву Николаевичу Толстому, боевому офицеру – «с усами и бакенбардами, со шпорами на сапогах, которыми он рвал редакционные диваны, валяясь на них, с его грубыми шуточками, с его трубкой, воняющей крепчайшим табаком»... «...он доводил до слез Тургенева, издеваясь над его, как он выражался, «демократическими ляжками»...» (с.44). Словом, тоже «психически не совсем адекватный». Некрасов, нечистый на руку, «задолго до эпохи сексуальной революции... стал помогать Панаевой» (сотрудницы и жены сотоварища) (с.50). «... В русской литературе у Чехова появился такой, я бы сказал, весьма циничный и даже черный юмор» (с.53).

И вплоть до советских писателей-ударников. «Читать их было невозможно. Сейчас это своего рода музей графомании. Из всех ударников наиболее остался в литературе человек под псевдонимом Укресов, а от всего, что написал, его знаменитая когда-то фраза: «Коза кричала нечеловеческим голосом». И в заключении. «Поскольку мы живем в начале XXI века, в эпоху безусловного упадка нашей великой цивилизации, упадка культуры и современной литературы. Поскольку нам задвигают разнообразное фуфло, называя его постмодерн, хотя, – простите... за собственную остроту: «называть иногда что-то постлитературой, это все равно, что фекалии называть пост-едой»... Понятно, что в нашу эпоху честные мемуары приобретают наибольшее значение».

Несколько раз Веллер упоминает автора «Архипелага ГУЛАГ». «Ну, Александр Исаевич Солженицын – это был просто гигант, утес, глыба, матерый человецище: кого рядом поставить? Он бы и не позволил никого рядом поставить». Но нельзя же было едкому обозревателю Веллеру ограничиться только иронией, и он съязвил: «Солженицын написал великую книгу – «Архипелаг ГУЛАГ». Все прочее им написанное не стоит выеденного яйца... Шаламов был лучшим писателем, чем автор «Одного дня Ивана Денисовича». Из того, что «Архипелаг» не соответствует канону художественной литературы, явствует условность и ограниченность канона. Читателю, искусству и истории плевать на каноны. Они меняются».

Дано было и объяснение кумиротворчества: «Раз мы люди, мы должны образовать из себя общество, и один из аспектов того, что мы из себя образуем общество – это мы договариваемся, кто из нас кумир и все визжим и подпрыгиваем...» Это, можно сказать, была щадящая критика. Со своим опытом разоблачения Веллер мог вникнуть и в семейные дела Александра Исаевича, тем более что тот, как и большинство мужиков был не безгрешным. С одной из настырных поклонниц его таланта, ученой дамой, которая приезжала из Ленинграда на поклон в Рязань, у него даже завязался роман...

Тут сделал свое дополнение другой кандидат в энциклопедию, более авторитетный, с академическим званием. Игорь Шафаревич причисляет себя к друзьям Солженицына и на этом основании определяет вторую жену Александра Исаевича, как энергичного и делового лидера в семье. А вот с первой женой Решетовской он, прекрасно разбиравшийся в людях, мол, ошибся. Не переоценил ли академик свои психологические познания? Решетовская – кандидат химических наук, преподаватель, прекрасная музыкантша, оставила обретенную семью и вторично вышла замуж за большого вернувшегося из лагеря Александра Исаевича, помогала ему в творчестве, печатала «Архипелаг ГУЛАГ». Они счастливо прожили около десяти лет, путешествовали вместе. Причина разрыва, вероятнее всего, отсутствие детей.

Знарок семейных дел, мемуарист Шафаревич счел нужным параллельно вспомнить еще одну знаменитую супружескую пару. «О чем говорили с Исаичем? Честно? О национальности жены Брежнева. Тогда ходили упорные слухи в народе, что ее девичья фамилия Гольдберг. Александр Исаевич считал, что она украинка... Еще много говорили о социализме. Он и сподвиг меня написать книжку о социализме».

Причина или даже повод для такого разговора, очевидно, были, о них академик с русофильскими перегибами не упоминает.

Словом, с подбором и подачей персоналий для будущей Солженицынской энциклопедии вопросов возникает немало.

...И вот уже сделан первый шаг на пути к такому труду. Издана примечательная книга, которая очень пригодится для будущей энциклопедии. Это увесистый том в надежном переплете на 790 страницах называется «А.И. Солженицын. Материалы к библиографии». Это, можно сказать, своеобразный прообраз энциклопедии. В книге в алфавитном порядке перечислено около 600 авторов, которые в той или иной мере имели отношение к богатому творчеству великого писателя.

Указаны их статьи, интервью, выступления, беседы. Обращает на себя внимание количество ссылок на каждого. Начнем с поэтов, как наиболее отзывчиво и эмоционально воспринимающих действительность. «Поэт в России больше, чем поэт». Первенство закономерно принадлежит А.Т. Твардовскому, не только как поэту, но и как редактору «Нового мира», в котором был крещен Александр Исаевич, 100 ссылок. Кублановский – 90, Бродский – 40, Евтушенко – около 30... Нужно учитывать, к примеру, что Евтушенко был связан советской цензурой, а Бродский находился в это время «за бугром». Да и существенно, кто с чем и когда появлялся в печати – одобрением или поношением. Шолохов катил бочку – 40 раз. Всех прозаиков переплюнул по части оплевывания раннее почитаемого «кумира» Войнович – 70 отсылок. За ретивым сатириком не угнаться было и словоохотливым критикам – Бондаренко (более 50), Латынина (45)...

И в заключение о тех, кто заказывал музыку («тот то-го и танцевал», как утверждала народная молва). Хрущев – 30, Брежнев – 35, Андропов – 45, Горбачев – 35, Ельцин – 45... «Социализм – это учёт...»

«Библиографический указатель» (Санкт-Петербург: издательство «Российская национальная библиотека», 2007) вполне может заинтересовать не только специалистов филологов, историков, литераторов, но также и любознательных читателей.

ПОСЛЕДНИЙ РУБЕЖ

Проходят дни, а кончина Александра Исаевича не выходит из головы. В день прощания скорбела и природа, беспрерывно лил дождь и мы с Вовчарой (сыном. – Прим. ред.) промокли до нитки. Да еще небывалая для всего лета холодрыга (лишь +8 тепла). Вовчара как раз был у меня в гостях и к моему удовольствию тоже изъявил желание пойти в Академию наук. Разумно, что не в ЦДЛ, где всякие Сурковы и прочие верховоды писательские вели дознание, трепали нервы АИ.

Может из-за непогоды очередь была небольшая, не как к гробу Сахарова – на несколько кварталов. Вид у покойника – тоже не сахаровский подрумяненный, а очень бледный, лицо высушенное, заостренное. Непривычный для АИ галстук, пестрый, тогда как он носил привычно застегнутый на все пуговицы полувоенный френч. Почему вспоминался Сахаров? Мне больше импонировала его конвергенция (взаимопроникновение социализма и капитализма), его интернационализм и даже космополитизм. А у АИ я не мог понять его пристрастия к русскому православию с его показушностью, великодержавностью, дородностью (с накопленными животиками). Бог ведь един...

Так что я не создавал из АИ кумира. Но только слепой или тупо предубежденный не хотел видеть его пройденных многозначных рубежей: страннических, учебных, фронтовых, лагерных, онкологических, подвижнических, творческих, педагогических и пр. и пр. И вот последний... Черта, из-за которой он уже не напомним властям о сбережении народа, необходимости самоуправления, абсурдности олигархии, слабости власти по отношению к бандитизму, маньякам, суперпреступникам. И хотя долго и долго он еще будет напоминать своими книгами, архивом. Но уже не ответит на письма читателей. В том числе и на мое, посланное ему месяц назад в связи с выходом обстоятельной (как и он сам!) биографии его, написанной умной женщиной (казалось, мужику такое не под силу!) Людмилы Сараскиной. В своем письме я указал на одну незначительную ошибку, между прочим, спросил его мнение о психографии, одном из самых таинственных явлений – надиктовке-«подсказке» произведений отсюда «сверху»... Обратил его внимание и на чудо массовой передачи энергетики, пожелал, в частности ему, благополучно и удачно – творчески и физически – пережить свое 90-летие... Чуда не случилось – их и так в его жизни было много – не дожил.

В тот день я зашел в библиотеку, и библиотекарьша спросила, почему я такой грустный. Объяснил, кончина АИ, как потеря очень и очень близкого человека, довела до этого. Она, старая женщина, вроде и совсем не дура, но глуповато улыбнулась, мол, мне бы ваши печали.

Читатели посещают библиотеки все реже и реже. Некоторые сами приносят книги, чтобы не сваливать их на мусорку. Оттуда я как-то «спас» и пару книг АИ, что не вписались в евроремонтный интерьер современных образованцев и обывателей. И добыл я в мусорной макулатур-

ной куче и близкого друга АИ Л. Копелева «Хранить вечно». Стал перечитывать, и был вновь потрясен разложением нашей армии в победно 45 году. Интересно, найду ли мнение об этом у АИ в его 30-томнике. Он правил его корректуру в тот последний свой вечер.

Каким-то утешением является легкость его смерти. Отказал «мотор». (У одних более чувствительно серое вещество, у других – сердце.) Интересно, в 30-томнике среди писем и отзывов читателей помянет ли он мой адрес!.. Впрочем, это уже мое тщеславие: не верю, что есть люди абсолютно лишенные его.

После горячего душа, сухой одежды, за чаем мы с сыном продолжали обсуждение – как велика скорбь? Народная печаль по Высоцкому проявлялась заметнее. Между прочим, по поводу народного певца АИ не обмолвился ни словом. ТВ в эти дни не прекращало попсы и веселья. Среди пришедших на прощание была одна треть молодежи. Мужчин и женщин, пожалуй, поровну, но большинство уже в годах, не забывшие «временные трудности» – очереди, коммуналки и... анекдоты сталинских и хрущевских времен. И для миллионов эта скорбь, как говорится, до лампочки.

Проявился только парадокс этой земной круговерти истории. Представитель страх нагоняющей конторы, экс-президент и нынешний премьер – бывший сотрудник тех органов, что следили за каждым шагом и пытались отравить неугодного писателя, – теперь дал указание сверху да не просто увековечить память автора «Архипелага», но и более глубоко внедрить изучение его произведений в школах. Таковы метаморфозы...

И вполне естественная мысль в таких случаях – по ком звонит колокол? Среди заметок собираемой мной «Энциклопедии юмора» есть и «Смерть с улыбкой»... Ведь она так загадочно «улыбается» на изображаемом черепе! Очень многие и в том числе АИ откровенничали при жизни, что не боялись ее... Помогала вера?

И все-таки на свидание с ней мало кто торопился... Мне, в частности, очень бы хотелось дожить до правнуков. Как мудро и замысловато закручена «формула жизни» в познании родной крови, в передаче генов и пр.

Словом, тот дождливый, холодный августовский, скорбный день останется в памяти. В ближайшие дни посетую могилу АИ вместе с женой (она как раз закончила читать объемистую биографию АИ и по ее предложению была куплена эта дорогаватая по цене книга).

Пошли солнечные приветливые, теплые дни. Жизнь не задерживается на отдельных даже очень скорбных эпизодах.

ОСМЫСЛЕНИЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Понятно, к юбилеям, круглым датам приурочиваются статьи, воспоминания, сборники, научные труды. Но проходит время и внимание ослабевает. Так было и с Солженицыным, но с существенными коррективами. Прошло несколько месяцев со дня его кончины, а позже и его 90-летия, а в печати, в книгах продолжается его частое цитирование, встречаются размышления и осмысления его творчества.

Вот «будничный» первый номер журнала «Новый мир» за 2009 год (того самого журнала, в котором впервые был напечатан громоподобный «Один день Ивана Денисовича», и за номером которого записывались длинные очереди в библиотеках – будет ли еще нечто подобное в литературной жизни?!). Так вот в этом номере в обычном библиографическом обзоре очень приметный перечень изда-

ний с примечательными рассуждениями о творчестве Александра Исаевича.

«В Солженицыне было что-то очень западное: индивидуализм, способность выбрать определенный путь, сформировать для себя определенную программу, цель, и потом, никуда не сворачивая, не обращая внимания на то, что говорят другие, десятилетиями идти к поставленной цели посредством огромного труда. Очень мало таких примеров в новой русской истории – примеров такой невероятной верности своему личному проекту и такой абсолютной независимости. Причем именно трудовой независимости, а не болтовни...» (философ Б. Гройс).

«Я ничего не имею против писателя-учителя, философа жизни. Слава Богу, что у нас был Солженицын, как бы я не относился к тому, что он делал. А отношусь я к этому очень плохо, потому что Солженицын стал одним из тиранов, которые били в спину государства, которое, в том числе благодаря его усилиям, распалось на 15 кусков, до сих пор кровоточащих. Идеологически он мне чужд абсолютно. Но как фигура противника он вызывает уважение и трепет, примерно такой же, как испытывали декабристы перед Наполеоном» (З. Прилепин).

«Ленин в Цюрихе» – безусловно в художественном отношении самая сильная вещь Солженицына. Это ещё и приговор внецерковному и внеимперскому морализму. Это не только о Ленине, но и о Толстом. Это своего рода суицид. Написав «Ленин в Цюрихе», Солженицын как бы убил «дракона». А убивший дракона пьет его кровь, причащается этой кровью» (В. Карпец «В курсе русской литературы он точно будет»).

«То, что в XX веке над церковью проходил Суд Божий, знаменуя завершение «Константиновской» эпохи в истории Церкви, многим еще не понятно. Исследование жизни и творчества А.И. Солженицына дает возможность сделать дополнительные акценты в осмыслении этого» (А. Дударев «Экзорцист русской души»).

«Возможно ключ к пониманию Солженицына – в обуздании внутреннего максимализма. В нем кипит страсть с самого начала до самого конца, кипит, как у анархиста, как у пророка, который ради спасения своей страны жестоко ей выговаривает. Он яростный полемист, но отвечает лишь в выбранное им самим время, чем ещё больше раздражает своих врагов. Он научился сдерживать себя, ограничивать. И занимается самоограничением со своего рода страстью.

...Это означало бы позабыть его диалог-полемику с Сахаровым о способах спасения страны: больше от Запада – или больше русского, деятели эпохи Просвещения или русское смирение? А речь ведь идет о настоящем диалоге и по-прежнему острой для России проблеме выбора, сейчас быть может, даже более насущной, потому что нынешняя Россия куда лучше знает Запад, видит его достоинства и недостатки, и не может больше укрываться за предвзятыми идеями. В творчестве Солженицына есть ответ на этот великий вопрос. И не один. Таково свойство всех великих творений» (Жорж Нива, французский писатель).

«Литература – это то, благодаря чему Россия является сверхдержавой: сверхдержавность – это обязанность, если хотите усложнять мир, выбрасывая в него новые идеи или вопросы. Формировать духовную повестку дня. Достоевский и Толстой – в XIX веке, Чехов и Горький – в начале XX-го, Солженицын – во второй половине XX века. Не будет литературы – не будет России» (А. Архангельский).

IX. ИЗ СПОРОВ С РОДИТЕЛЯМИ И НАСТАВЛЕНИЙ СЫНОВЬЯМ

БУДЬТЕ КАК ДЕТИ

Издавна утвердилась справедливость этого библейского призыва и неслучайность его введения в «священное писание». Как неслучайно не только патриарх литературы К. Чуковский, но и многие мамы записывают словечки, считалки, дразнилки малышей.

Все детишки, несмотря ни на какие неприятности, остаются оптимистами. Ещё с пеленок они (все!) отвечают улыбкой на улыбку даже без щекотки.

А их поразительные рисунки, желание рисовать – ещё одно подтверждение старой истины о том, что вся детвора с ранней поры талантлива. Кстати, этим рисункам психологи уделяют особое внимание.

Дети не способны излагать словами сложные чувства, эмоции, но дайте им в руки нелинованный лист бумаги и простые или цветные карандаши и попросите нарисовать что-то на тему «Моя семья», как это станет предметом для примечательных размышлений и расшифровок.

Размер фигурок и расположение может указывать на самооценку. Если рисунок мелкий, члены семьи похожи на таракашек, это может свидетельствовать о низкой самооценке, неуверенности в себе. Если ребенок на рисунке оказывается отгороженным от других каким-то предметом

или стеной, возможно, имеет место непонимание, отчуждение во взаимоотношениях. Автор рисунка не нарисовал себя, значит он не чувствует себя нужным и любимым. Мама на рисунке готовит еду или гладит одежду – значит, есть желание ребенка передать, что у него с ней теплые отношения. А если папа что-то пилит, рубит, режет, то не исключено, что дитя побаивается его. А распространенный образ папы у телевизора – упрек не только со стороны мамы...

Могут толковаться и цвета. Превалирует синий – признак грусти, возможно, ребенок скучает по ком-то. Красный цвет может свидетельствовать об активности, может, даже агрессивности. Изобилие черного, – понятно, сигнал тревожный, признак подавленности.

Словом, детские рисунки при внимательном отношении к ним становятся воспитательными тестами не только для психологов, но и для родителей. Дети рисуют то, что видят вокруг, что любят, о чем мечтают...

Особый вопрос о смехе – детском и взрослом. Кто кого больше воспитывает – улыбкой, весельем, юмором? Обратимся по этому вопросу к авторитету Ф.М. Достоевского: «Чрезвычайное множество людей не умеют совсем смеяться... Взгляните на ребенка: одни дети умеют сме-

яться в совершенстве хорошо – оттого они и обольстительны. Смеющийся и веселящийся ребенок, это – луч из рая, это откровение из будущего, когда человек станет, наконец, так же чист и простодушен, как дитя» («Подорок»).

КАК УБЕДИТЬ ОТЦА

Неизмерима благодарность отцу с мамой. Отец-батько и расширил нашу фамилию – от Супруна до Супруненко. Так его называли в селе, так оканчиваются многие фамилии на Украине (как в России – на «ов»). Отцу, нужно полагать, было по душе, что он являлся сыном Супруна Сильвестра Андреевича, очень и очень уважаемого человека в славном селе Шульговка.

Я часто навещал родителей, беседовал с ними, в том числе на политические и умеренно-литературные темы. И всегда видел довольными, радостными, отчасти и от того, что на столе был белый хлеб... Но наученные голодовками при советской власти они держали про запас и большую сумку сухарей... Тем интересней проследить их эволюцию, веру во все эти рассказы социалистические и газетную ложь – в том числе о, якобы, антисоветчиках. Царство вам небесное, мои незабываемые!

Дорогой батько, это письмо адресуется тебе персонально. Хотя я не только не против того, чтоб и мама сказала своё мнение по этой затронутой теме. Ты в своём ответе обязательно приведи и её высказывания. У неё, между прочим, очень реалистические бывают рассуждения в отличие от твоих внушаемых газетами эмоций.

Итак, о «деле Солженицына». Рая передала немного ваш разговор, и я легко себе представляю по прошлым твоим отзывам как ты повторяешь всю ту ерунду и пачкотню, которую льют на него с экрана и печатных страниц. И мне очень обидно, что ты не сумел сам задуматься, попытаться хотя бы кое в чем разобраться. Начать хотя бы с того, что как можно поносить то, чего не читал, чего не доверяют тебе знать, считая тебя недоразвитым простачком или внушаемым болваном. Впрочем, поносить только и можно. Вот вчера в «Правде» его клеймили и «предателем», и «провокатором», отмечали «мерзостность и ничтожество этой фигуры»... А на конкретный аргументированный разбор улики не хватает. Привыкли к жандармскому запугиванию, конвойным окрикам, оскорбительным ярлыкам и вообще узколобой ненависти ко всему интеллигентному, думающему. («Дюже грамотные – мы вам покажем Кузькину мать!») А пора отбросить от этого. Уже хотя бы потому, что подрастающие дети в общей своей сложности – становясь умнее, не могут смириться ни с конкретными парашами-солдафонами, ни с унтер-пришибеевской системой. Есть особенности, есть отличия и даже свои противоречия в сменяющих друг друга поколениях. Но умные отцы поймут умных детей (как и наоборот). Вот давай и мы с тобой постараемся хотя бы кое в чем разобраться.

Попробуем, не касаясь Солженицына, вспомнить недавнее прошлое. После того как подох Сталин, нельзя было гноить дальше остаток тех невинно пострадавших людей, которых морили, истязали, истребляли в советских концлагерях. Оставались их дети и внуки, сохранилась у кое-кого совесть и сострадание. Справедливость, хоть и запоздавшая, хоть частичная, должна была придти. Иначе это противоречило жизни, обрекало на самоуничтожение нацию (да и не одну!). Прикрыть преступление, как того желали «мудрецы с рыльцем в пушку» на верхах или забытые, затурканные оболваненные «трудовики» на низах бы-

ло уже просто невозможно. Пробуждение (совести) было настолько приметным, что у руководства страны даже прорвалось обещание расследовать сталинские злодеяния и привлечь к ответственности виновных в преступлениях. Не ради мести, даже не ради памяти затоптанных, удушенных, заморенных – им то уже все равно. А ради детей. Они должны расти не под руководством подонков, извергов и кретинов. И вот вопрос – кто из виновных был привлечен к ответственности (как решал XX и XXII съезды партии). Если бы привлекались к суду, хотя бы к моральному (литературному в том числе) осуждению, то было бы известно... А так...

Вот почему стало возможным, и более того естественным, появление произведений Солженицына и других праведников.

На каких малограмотных простачков рассчитаны изрыгаемые помой и ругань?! «Отпрыск крупного землевладельца, жаждущего привилегий и богатства». Почему же он не едет за границу, где на счету у него миллионы (добытые, кстати, своим литературным трудом), а вместо этого терпит унижения, травлю, угрозы присытившихся, развращенных произволом, чинопочитанием наших родителей.

Или он оправдывает и сожалеет о предателях-власовцах?! Это он капитан-артиллерист, прошедший войну почти до Берлина? Не вспомнишь ли ты, сколько оставалось простых мужиков и работяг на оккупированной немцами территории и почему они не хотели уходить с Красной Армией? Или как случайно я решительно взял рюкзак на плечи и намерен был (не по уму, а по юношескому порыву) драпать со всеми на восток?

Власов – авантюрист, каких много, но вот сотни тысяч заблудших (да только ли заблудших?) под его началом. Не трагедия ли это для народа? Да вопросов десятки и сотни. В том числе и такой – почему это твой сын, прошедший солдатом и офицером от Кавказа до Праги, окончивший университет, ставший журналистом, теперь не хочет, как попугай, повторять кому-то временно выгодную чушь и ложь о большом мужественном писателе? Кстати, и совпадает его мнение с заявлениями десятков лауреатов Нобелевской премии, видными писателями, учеными, которых можно по праву назвать гуманистами и совестью народов. Об этом стоит подумать – и просьба обязательно написать мне. Ты знаешь как мне приятно хранить то твоё письмо в котором ты говорил об «Одном дне Ивана Денисовича», как о весомой книге. «Один день» приняли восторженно, а когда дни сложились в месяцы и годы, кое-кому не по себе, страшновато стало. «Хотелось бы большего, т.е. узнать подлинную жизнь репрессированных 1937-38 гг. Но, наверное, это не удастся никому...» Это из твоего, батько, письма.

Как видишь, в истории не так-то просто прятать концы в воду и таить шило в мешке. И пусть не торжествуют преждевременно те, кто укрылся от возмездия под персональными пенсиями и железобетонными плитами заборов и дачных крыш. Их будут стыдиться, проклянут их дети и внуки, если они не станут подонками и не настигнет их кара за уголовные и другие преступления. Исход закономерен, примеры уже есть.

Тебе, батько, как честному доброму, много вынесшему на плечах человеку желаю прожить очень долго и увидеть как правнуки и праправнуки твои будут изучать Александра Исаевича за партой в школах. И не по хрестоматии, а по собранию сочинений – по отрывкам не поймаешь всего нашего сложного и нелегкого времени. (И это не только моё мнение. Один мой знакомый как-то выска-

зался, что лет через 15-20 будут свободно читать произведения Солженицына; так было и с Есениным...)

Написал и думаю – насколько это убедительно для отца. Где найти те слова и аргументы. Лучше бы всего, конечно, прочел бы он самого Солженицына. Но ведь даже по радио идет такое глушение (вернее, «оглушение»), что, кажется, подключается энергия со всех ГЭС, ТЭЦ, атомных и других электростанций. Ведь эфир заполняется таким визгом, шипением, скрежетом, кваканьем (далее звуки можно определять до бесконечности), что порой слышен только шумовой фон. Плохо дело таких контрпропагандистов! Россия, Россия – только в её фольклоре, вероятно, бытуют такие образы и поговорки, как страна пирогов с грибами и держание языков за зубами; на каждый роток не накинешь платок; загнать туда, куда Макар телят не гонял, и показывать кузькину мать.

Неприятно стало после статьи в «Правде» от того, что таким образом загадят мозги многим. Но потом узнал, что текст «Архипелага» начала передавать «Немецкая волна», что выступил с защитой Солженицына или вернее с обвинением «глушильщиков» Генрих Бёлль, многое другое написал отцу, и как бы стало легче на душе. Вот только нужно бы в письме побольше каких-то убедительных строк. Может ссылок на авторитеты – мы так привыкли доверяться цитатам, прославленным авторам. Вычитал у «мудрых старцев» – как они предвидели современную деградацию, видели её в зародыше. Толстой в революционных усмотрел опасное оружие нового фанатизма, насилия: «...социализм имеет целью удовлетворение самой низменной стороны человеческой природы – её материального благосостояния». И далее: «Социализм его отпугивал отсутствием любви и наличием только ненависти к угнетателям и черная зависть к сытой и сладкой жизни... Какая-то болезненная жажда богатства, напоминающая жажду мух, слетающих к кучке блевотин».

«Терпение. Предоставим времени действовать. С социалистическими теориями произойдет тоже, что с женскими модами, которые очень скоро переходят из гостиной в прихожую». (Тип революционера в «Воскресенье» – Новодворов: чрезмерное тщеславие и эгоизм парализуют незаурядный ум, отсутствие свойств в нравственности и эстетических, с душой холодной и высокомерной, которому дороги не люди, а идеи.)

Или вот Р. Тагор при всем восхищении нами предрек: «Если говорить коротко, основная ошибка заключается в том, что их система просвещения шаблонна, а людей нельзя воспитывать по шаблону. Если теория игнорирует свойства живого ума, неизбежно приходит время, когда либо шаблон начинает трещать по всем швам, либо человеческий ум мертвеет и человек превращается в заводную куклу» (1930, т.12, с.237).

Между прочим, Толстой видел просвещение не в школе, а посредством газет, музеев, библиотек. «...Школой является улица, сама жизнь, которую он называл бессознательной и добровольной школой».

Можно иронизировать, но и без мысли тоже не обойдешься. Разве не здорово сказал А. Эйнштейн, перед умом которого волей-неволей... или, вернее, нужно быть дураком, чтобы не преклоняться. «Я убежден, что вырождение следует за каждой автократической системой насилия, так как насилие неизбежно привлекает морально неполноценных».

Может для отца это будет слишком интеллигентски мудреным?

Может привести бы ему хорошие, памятные мальчикам (я любил их повторять Вовке и Юрцу) слова Л. Толстого о

том, что если бы он был царем, то издал указ, по которому каждому, кто употребляет слово, не зная его значение, всыпал бы по сто палок ниже спины...

А сколько же «всыпать» тем, кто поносит книгу, не читая её, и гордится ролью оглушенного долболоба.

КОГДА ПРИХОДИТ ЗРЕЛОСТЬ

Юности свойственно нетерпеливое устремление в будущее. Переходный возраст к возмужанию называют трудным. Нелегко реально оценить свои возможности, свои силы. Появляются или сомнения в себе, даже отчаяние, или какое-то головокружительное ощущение уверенности, готовность горы ворожать, вплоть до самоуверенности, ухарства, зазнайства.

Такая возрастная неуравновешенность, вероятно, и стала причиной появления различных испытаний для юношей. У разных народов «посвящение в мужчины» было связано с местными условиями и национальными особенностями.

Испытание и даже истязание были самыми разнообразными: прижигание огнем, выщипывание волос, выбивание зубов, нанесение порезов...

Со временем варварский характер обрядов и посвящений терял свою жестокость и грубость, обретал ритуальный смысл. Остатки таких символических испытаний сохранились в танцах. Впрочем, у некоторых современных народов такие обряды оставили далеко не абстрактный след. Африканские юноши при достижении определенного возраста прыгают с большой высоты в водопады или «перелетают с дерева на дерево, привязываясь к лианам».

Подобные обряды – посвящение подростков в воины, охотники, достижение ими мужской зрелости известны издавна. Своеобразными были состязания юношей на играх в Древней Греции. Как известно, на такие соревнования как олимпиады женщины не допускались.

Интересный обычай существовал в Шотландии. Нужно было поднять с земли камень весом не менее 100 килограммов и положить его на другой камень, высотой не менее 120 сантиметров. Юноша, который выполнял это упражнение, считался взрослым и получал право носить шапку.

Своя тщательная продуманная подготовка предшествовала вступлению в рыцари в Средневековье. Не зря, вероятно, сейчас это слово стало синонимом самоотверженного, великодушного и благородного человека. Конечно, такой славе немало способствовали рыцарские романы, повествующие о любви и подвигах, зачастую с легендарно-фантастическими приключениями.

Получить право состоять воином тяжеловооруженной конницы даже дворянину было не так-то просто и легко. Юноша, предназначавшийся в это сословие, в доме своих родителей не воспитывался. Отец с матерью для суровой педагогики не годились. Они отсылали сына на учебу к знакомому рыцарю. С четырнадцати лет оруженосец ухаживал за лошадьми и собаками, облачал своего господина в доспехи, выполнял его поручения. Но главное он должен был подготовиться сам, со временем носить эти металлические одежды без посторонней помощи. И при таком одеянии требовалось овладеть тяжелым оружием. Без тренировок не мудрено было и задохнуться.

Вот почему оруженосец обязан был сдать «зачет» по пройденным упражнениям, вроде: перепрыгнуть через лошадь, держась одной рукой за гриву, другой – седло, одним ударом молота разбить тяжелый камень, с помощью

одних только рук влезть на высокую лестницу или танцевать целый вечер, не снимая кольчуги...

Только после успешного экзамена совершалось посвящение – проводшего целую ночь в церкви юношу со своим оружием троекратно ударили плащом по плечу мечом. Во время торжества ему еще раз не забывали напомнить о рыцарских законах, наподобие того, что жажда прибыли или любовь к почестям, гордость и мщение не должны руководить его поступками.

Суть была не только в самой внешне эффектной, посвоему праздничной церемонии. С детства человек знал об обряде и готовился к нему долго и настойчиво. Необходимо было, говоря современным спортивным языком, регулярная тренировка.

Интересным был подобный обычай посвящения в казачи. По преданию, парубок считался сечевиком, если он переплывал пороги, объезжал норовистого, полудикого коня и т.д. Но самым необходимым было вот какое требование.

«У нас на Сечи был такой обычай, – рассказывал один из запорожцев, дед Корж. – Дратуют человека, пока сам з себя не стане кепкувать, от тоди вже розумный. Це вже така у нас, запорожцев, натура, не кепкувать з человека, а тільки дратувать его» (Стороженко, с.235).

Речь шла о своеобразной критике и о ее восприятии. Тому, кто не хотел признавать замечания, ерепенился при подначках, говорили: «Свою досаду причеши ззаду».

Хлесткое меткое словцо, острота, как известно, ценились среди запорожцев, наверное, не меньше, чем умение владеть саблей. Смех был тоже оружием против врагов, и против недостатков в своей среде. Он признак силы и здоровья, не только физического, но и морального.

Подобные обряды взрослости имели громадное значение в разрешении противоречий между самомнением и мнением окружающих, молодым и старшим поколением.

В наш просвещенный век с экзаменами на взрослость дело обстоит намного сложнее. Попробуй определи мерило! Какой критерий выбрать? Материальную независимость? Успешное окончание учебы? Спортивные показатели? Или умение курить, выпивать, как считают некоторые подростки, а возможно, зрелость интеллекта, успешное окончание школы? Или вручение паспорта? Рановато? Тогда, может, женитьбу, замужество или даже появление своих детей?

В современных условиях понятие «зрелости» сложно и неоднозначно. Психологи и педагоги говорят о «комплексе взрослости». Тут и учеба, и отсутствие инфантильных убеждений, и хозяйственные какие-то навыки, и степень заботы о стариках и младших, и многое другое. Требования растут...

А новую обрядовую церемонию, праздничную, веселую, запоминающуюся на всю жизнь, будем надеяться, подскажет само время.

САМАЯ ИНТЕРЕСНАЯ КНИГА – ЭТО ЖИЗНЬ

Вова и Юра! Мирной беседы не получилось. Но понять нам друг друга необходимо. Речь, прежде всего, о выборе профессии. Не буду ничего навязывать, принуждать. Разберитесь сами. Я вам рекомендовал географический профиль только потому, что видел в вас больше задатков к гуманитарным наукам, в частности к литературе, а также тягу к романтике и страсть к путешествиям. Хотя география проходит по разряду естественных наук и все более математизируется. Но что сейчас не впитывает точ-

ные науки; и все же в географии достаточно простора для гуманитарной свободы. А ваши лингвистические задатки отмечали и многие учителя в школе. Я понимаю ваши метания, сомнения. Определить себя не так то легко. Разберитесь серьезно и разумно, не поддаваясь только поверхностным эмоциям.

Ну, а если вы не поступите на геофак, чем будете заниматься? Думали ли об этом, ведь о будущем нельзя не задумываться? Да и поступив на этот факультет, вы должны быть готовы к учительской, преподавательской работе. Именно к этому труду готовит большинство своих выпускников не только пединституты, но и университеты. Да и откуда у вас пренебрежение к учительству. Гимназиями и школами занимались сотни и тысячи великих людей, и географов, и писателей, и врачей. В каждом из нас живет педагог, независимо от наших профессий.

Мне понравился Вовин приятель Саша Поликарпов своими зрелыми рассуждениями: «Можно окончить МГУ и остаться ограниченным человеком, не способным ни к учительству, ни к другому труду». Он заходил, принес рюкзак и произвел на меня самое благоприятное впечатление, как и раньше. А вот Новиков проигрывает в сравнении с ним. Он пообещал прийти ко мне и почему-то струсил, соврал. Он и раньше подобным влиянием, кажется, отличался. Или его надпись на фото: «...от будущего инженера Эйнштейна». Самомнение уж ладно. Но ведь он смешон. Или ты сам, Вова, разучился понимать юмор?.. Дети, учитесь выбирать умных приятелей. По ним будут судить и о вас самих.

Я часто задумываюсь над причиной ваших срывов. Наследственные гены? Вы же нормальные способные ребята. Да и наследственность можно в какой-то мере поправлять, и характер воспитывать. Кстати, Вова, он у тебя довольно неровный – нужно обрести выдержку, подавлять вспыльчивость и не уподобляться самовару – внутри кипит, а наружу не брызгает... Недостаток воспитания? Я начинал с того, что сам делал вам маленьким игрушки и подбирал необходимые вам в жизни книги. Кстати, это тоже немало важно, потому, как предостерегают умные великие люди, некоторые книги надо предавать суду, как преступников: отнимая драгоценное время у читателей, они не дают возможности читать хорошие вещи. А у вас, особенно у Вовы, была и осталась тяга к «дюдюктивам», которые ни черта не дают ни уму, ни сердцу. Среда? Да сейчас не время копаться в прошлом, важно определить себя в будущем.

Беду еще и в том, что вы не приучили себя к систематическому кропотливому труду (неужели вам мало горького опыта изучения некоторых предметов в школе, занятий спортом). Только настойчивость в достижении цели (а с ней обязательно придет и увлеченность) принесут достойные плоды. Между прочим, мне нравится определение таланта американцами – это работа в одном направлении.

Жизнь – это не только развлечения (вы их иногда называете романтикой), это и ответственность, и долг, и обязанности, и материальные заботы. Вы же, насколько я понял, сейчас настроены срывать цветы удовольствия. Дай бог, чтобы я ошибался. Отдых, в том числе и туризм и путешествия, должны следовать за напряженным трудом. Иначе можно уподобиться трутни. К сожалению, приходится повторять эти прописные истины для вашего усвоения. Зарубите себе крепко на носу, между прочим, на сигареты и вино мать и отец вам зарабатывать не будут. В дури потачки не ждите. Более того, вы теперь должны в какой-то мере заботиться об одежде, обуви, карманных деньгах, т.е. стипендии, каком-то гонораре, заработке летом. С эко-

номики и начинает проявляться испытание вашей самостоятельности.

Но главное сейчас для вас приобрести надежные знания, профессию. Все зависит от вас. Меня немного тревожит ваша не очень тесная дружба с книгой. Литература – это необыкновенная область творчества, исследования, предвидения. Это совесть и память людей. Если дано вам поумнеть, то скоро поймете, что судьба благоволит к вам, если определяет литературные наклонности. Участь литератора в наше заидеологизированное время нелегка. Для начала я бы помог вам написать интересные книги, может быть такие, которые не успею написать сам. Дети идут дальше отцов. Мне бы хотелось передать вам все лучшее, что я накопил из духовных ценностей за всю жизнь.

Свою семейную хронику написал ваш дедушка. Это интереснейший документ. Мои записки лишены той точности и непосредственности. Возможно, вам, Вовчара и Юрец, все это пригодится. Не выбрасывайте и это «программное» письмо. Самая интересная книга – это ваша жизнь.

ВЕРА НЕОБХОДИМА

Не ломлюсь ли я этим вопросом в открытую дверь? По авторитетному опросу социологов среди 60% верующих в России только 10% посещают храмы. Так что вопрос, вероятно, не только для меня одного.

Без моего участия сын Юра издал мою книжку «Исповедь читателя». И даже название дано не мною, и, нужно сказать, ко многому обязывает, как любая исповедь. Признаться я рад изданию, хотя и сознаюсь, что название звучит амбициозно: уж не такой я эрудированный и начитанный, чтобы претендовать на внимание читателей. Хотя... Во-первых, тираж получился сверхскромный – сотня экземпляров. Во-вторых, не исключена и некоторая польза от моего опыта и выбора, начиная от Пришвина в детстве и завершая Солженицыным. Книжки, нужно полагать, в немалой степени определяют нашу жизнь. И коль уж мне суждено исповедоваться как книгочею, то завершить эту тему мне хотелось бы вопросом о вере. Так уж повелось, что дается она не с рождения, а больше приходит с горьким опытом, да отчасти черпается из книг.

Я никогда не забуду, как мой дедушка при трудной жизни на селе в тяжелые часы при не шибкой грамотности садился за чтение Библии. И вспомнил я об этом, когда лежал в реанимации с большой потерей крови после операции и решался вопрос: задержусь ли я ещё на этом белом свете. Воспитанный в советской школе, молитв я не знал и сочинил своё напряженно-сосредоточенное обращение к Всевышнему, к Высшим Силам.

Признаться, до конца полностью я не был уверен, что благодаря своему обращению я не попал в морг. Но след, очевидно, остался. Хорошо было бы поговорить с умным, знающим человеком, духовником. Но к православию у меня недоверие из-за амбициозной пышности, повышенной обрядности, декоративности, не хуже советской показухи. Я несколько раз подступался к Библии, но или не хватало соображения, терпения, или сам стиль, менторство не вызывали тяги к познанию. К тому же, я сторонник английской школы, где в изучении истории рядом с официальной версией помещается критика. Перелистывая Ренана, Косидовского, Фрезера («Фольклор в Библии»), Ролана (о Ведах), ироничного Таксиля, серьезнейшего Меня, сталкиваешься постоянно с зыбкой историей Христа... Легенда, легенда, легенда. Эх, посоветоваться бы с дедушкой, был бы он жив. Но говорят, что многое, если не все от пе-

режитого, от прочитанного остается если не в сознании, то в подсознании.

А ещё я приверженец тех взглядов, что прообразом богов стали посещавшие Землю инопланетяне, что Библия возникла из соперничающих религиозных общин, из потребности утешительных чудес и фантазий. Не зря апостолов называют и «писателями». Как хочется верить в правдивость сообщений о том, что проведены (и не в одном месте!) эксперименты (повторяемые!) по связи при помощи антенн, ретрансляторов, трансформаторов, конденсаторов, компьютеров и прочей электроники, с потусторонним миром, родственниками-покойниками. Но не забыть и то, что на востоке выражено в поговорке «Вера часто переходит в сомнение». Но проходят тысячелетия, а вера движет горами, облегчает душу, вселяет надежду, спасает, уводит от пагубного уныния, уменьшает страх перед неизбежной смертью. Слепая вера не нужна, но ведь сколько у нее оттенков, разновидностей: живая, чистая, неугасимая, светлая, отрадная, искренняя, тысячелетняя. Блажен, кто верует...

Как ни парадоксально, сами святые отцы ослабляют веру, и верующие не находят разумного взаимопонимания с наукой уфологией, а главное между самыми разными конфессиями. То не могут разделить сферы влияния, не разберутся с грехами прошлого, не могут укротить властолюбие, вздутое тщеславие, до конца не сознавая, что Бог един, что глобализация уже наступает различными кризисами, экологией.

Но не будем поддаваться унынию и терять надежды – ведь это и по Библии грех.

В составленной мною «Энциклопедии юмора» я счел нужным ввести заметку «Священники воспринимают юмор?» (или «Святые улыбки», не знаю, как лучше назвать). Вот некоторые примеры от здравомыслящей народной молвы. Как дополнение к легендам...

Бог вызвал к себе трех священнослужителей – православного, мутлу и раввина, и говорит им: «Я собрал вас, чтобы предупредить: через три дня наступит конец света, будет потоп. Вы уж там, на земле как-нибудь подготовьте к этому своих верующих». Православный священник собрал прихожан: «Через три дня будет конец света. Если кто нагрешил, не успел покаяться – покайтесь. Доделайте ваши земные дела». Мутла собрал мусульман: «Через три дня будет конец света. Молитесь Аллаху, делайте благие дела, и да откроются врата рая». Раввин собрал евреев: «У меня для вас две хорошие новости! Во-первых, Бог есть. Во-вторых, у нас целых три дня, чтобы научиться жить под водой!»

Откуда все пошло? Авраам воздаст руки к небу: «Всё от Бога». Соломон прикладывает ладонь к голове: «И мудрость, и горе – от ума». Иисус Христос приложил руку к сердцу: «Всё от любви». К. Маркс потер живот: «Бытие определяет сознание...» З. Фрейд опустил руку ниже пояса к ширинке: «Секс всему голова...» А. Эйнштейн махнул рукой: «Э-э, всё относительно...»

«Новый русский» в церкви спрашивает у священника: «Батюшка, как ты думаешь, простит мне Господь все мои грехи, если я сейчас пожертвую тебе миллион баксов?» – «Я тебе не могу гарантировать этого на все сто процентов, сын мой, но мне кажется, что это как раз тот случай, когда надо рискнуть!»

Мы верим в то, что нам внушает доверие. Даже в анекдоты.

Кто во что... По опросам в НЛЮ с иномирянами на борту верят 34% опрошенных, в общение с душами умерших – 42%. Хотелось бы, конечно, чтобы веру вытеснило знание, но пока что остается верить и в познание тоже...

О ТОМ ВРЕМЕНИ

Время, которое нашло отражение в моих мемуарах, хорошо передаётся поэтической народной мудростью.

Все мы маленькие были,
Слушать сказочки любили
Про Кашея, про Додона,
Про царевича Гвидона.
В этих сказках, как ни как,
Побеждал Иван-дурак.
Ныне всё переменилось,
Царство наше обновилось,
Чудо-зеркало у нас
Под названием телеглаз.
И ковры давно летают –
Самолётом называют.
Ну, короче век XX –
Очень техникой богатый.
Да чего там говорить,
Научились люди жить.
И скажу я без прикрас
Нынче жизнь у нас, как сказ.
И почти, как было встарь,
Есть у нас Никита-царь.
Если Пушкина прочтёте,
Там царя легко найдёте.
Только тот был подурней
И имел лишь дочерей.
Друг на друга все похожи,
Но на ихнюю беду
Бог не создал им красу...
Я, читатель, лучше вижу,
Подойду-ка я поближе.
Век XX опишу, сказку новую скажу.

Жил Никита очень скромно,
Не высоко, не богато.
За моря он не летал,
И подарков не давал.
А имел, подобно принцу,
Киев-град своей столицей.
В ней он жил и поживал,
И о будущем мечтал...
А в Москве на главном троне
Жил Кашей, но не в короне,
А одел на китель он,
Высший воинский погон...
В сказках был Кашей бессмертный,
Был он страшный и приметный,
Но давно уж знает свет,
Что людей без смерти нет.
Вот пришел конец Кашея,
Смерть взяла к себе злодея.
Для Никиты это сласть,
Захватил Никита власть.
Не промчалось и полгода,
Оправдал «врагов народа».

Посудили, сострадали,
И Никите власть отдали.
Но в Кремле не утихали и друг друга пожирали,
Маленкова отстранили, Булганина посадили.
А Никита, словно птица, стал летать по заграницам.
И куда бы не летал, всем подарки раздавал.
Там дворец, тому заводик, здесь пшеницы пароходик.
Так он грабил свой народ, что другой крепись хоть год.
Вот однажды царь Никита пригласил в Россию Тито,
И сказал: «Прости, наш брат, ты ни в чем не виноват,
В том, что долго враждовали, что собакой называли.
То Кашей был виноват, чтоб ему поганцу в ад.
Потерпи-ка, Тито милый, дай-ка нам набраться силы,
И увидишь, как злодея уберу я с мавзолея.
А пока пускай лежит – он от нас не убежит».
Улыбнулся маршал Тито, обнял тут его Никита,
Самолётник подарил и деньжонок посулил...
Развернулся с кукурузой...
Дескать, кушайте, друзья, всё о вас забочусь я...
Царь Никита был богатым, и речистым и пузатым,
Кукурузу сам не ел, а других кормить велел.
Вот мы вспомним, для примеру,
Как ездил Никита к Неру,
С ним Булганин полетел, улизнул от разных дел.
Долго в Азии гостили, ели плов, мускаты пили,
И куда ни заходили, обещали и дарили.
Так с России уплывал, трудовой наш капитал.
А как только царь Никита нагулялся там досыта,
Неру дал ему слона, мол, не жалко нам г...на.
Чтоб кормить нам всех китайцев, царь подумал,
Как тут быть, где нам денег раздобыть?
И нашел, мы это знаем, – прекратил огромный заем.
То есть в долг с народа брал, а обратно не давал.
И сказал: вы потерпите, облигации храните,
К коммунизму подойдем, снова розыгрыш вернем.
Дальше будет нам видней: 20 лет не 20 дней...
Правда, люди пошумели, но перечить не посмели.
Царь с трибуны льстиво «льёт»:
«Вот сознательный народ».
Тут заметил царь Никита, что ему мешает свита,
И командовать ему захотелось одному.
Он подумал, бровь нахмурил,
Как бы не случилось бури.
Сразу всех нельзя прогнать, могут люди зароптать.
И решил он без отсрочки, всех прогнать поодиночке...
Царь Никита в свой удел, звать Булганина велел.
Ты, Булганин Николай, как прикажут, так и лай.
Дескать, царь у нас хорош, Каганович – это вошь.
В общем, пыли не жалей, всякой грязью их облей.
Но Булганин возражает: что же это означает?
Царь с улыбкою в ответ: «Это мой тебе совет,
А не то получишь бучу, попадешь ты в эту кучу.
А на них подольше лай, будешь Третий (III) Николай».
Лжи Булганин не заметил и с поклоном тут ответил:
«Ладно, службу услужу, все на Пленуме скажу».
Царь собрал скорее Пленум и промолвил:
«Я измену замечая, разрешите докажу.
Маленков с дороги сбился, Каганович заблудился,
Влево Молотов свернул, а Шипилов к ним примкнул.
Чтобы не было раздору, нужно выгнать эту свору,
Уничтожить как пиявку, удалить как бородавку».
Снова люди зашумели, и по-прежнему галдели.
Похвалили, поругали, в большинстве не понимали.
Месяц месяцем сменялся, царь Никита окопался.
И кричит: «Опять напасть,
маршал Жуков прёт во власть».

Этот кажется хитрей и, конечно, поумней.
 Но и тут схитрил Никита, отослал героя к Тито.
 И без лишней канители Малиновскому портфели
 Дал с улыбкою умильной...
 Жуков тоже стал бессильный.
 И на пленуме опять стал Никита выступать:
 «Мы министру доверяли и в президиум избрали
 Управлять народным строем,
 Стал четырежды героем,
 И зазнался, наконец, наш удалый военспец.
 Николай Булганин снова за Никиту молвил слово.
 В подкрепление царских слов
 с речью выступил Козлов.
 Назван был авантюристом и военным карьеристом,
 Выгнан Жуков из ЦК, из кремлевского дворца.
 Снова люди пошумели, только сил уж не имели.
 На губах у всех печать – приучил людей молчать.
 Царь Никита не боялся, снял с поста и Николая,
 Выбил трон из-под него, растоптал и выгнал вон.
 И отправил на навоз в Ставропольский совнархоз.
 Стал хозяин тут и там, все теперь решает сам.
 Сам придумал семилетку, приказал пустить ракету
 На далекую Луну, разбудить там сатану.
 Стаж имел он за плечами, выступал всегда с речами,
 Жизнь хорошую сулил и, конечно, говорил:
 «Мы Америку догоним и по мясу перегоним,
 По одежде, по руде – только всё это во сне...»
 Сам счастливо поживал, коммунизм почти не ждал,
 А потом он заблудился и с вершины покатился.
 Ты скорби, народ-творец, тут и сказочке конец.
 Но скажу вам по секрету, я продолжу сказку эту,
 Потому что сам народ совершил переворот...
 Был ли – не был царь у нас, я продолжу свой рассказ.

Примечательно, что Время от эпох оставляет памятники и в словесном выражении. Вот пример еще одного из 20-го века:

ЗАВЕЩАНИЕ ХРУЩЕВА

Як умру, то похуйте, мене в кукурузи,
 Про химию не забудьте написать на пузи,
 А Фиделю сообщите, что меня не стало,
 Пусть не ждет от мене ни мяса, ни сала...
 И Фиделю передайте, пусть не очень плачет,
 Ведь я его научил как людей дурачить.
 Все друзьям моим, прошу я, письма напишите,
 Что Хрущева уже нету, и помощи не ждите...
 А могилу обложите горохом, бобами,
 Чтоб люди приходили, топтали ногами...

(Публикация представлена в авторском изложении П.П. и Ю.П. Супруненко.)

РОДОВАЯ ЧЕСТЬ ПРОЯВЛЯЕТСЯ

У каждого своё генеалогическое древо: у кого с ветвистый дуб, а у другого и на хилый куст не наберется. Между прочим, полинезийские, казалось бы, недоразвитые народы помнят своих предков до 30-го колена. Эти самые родовые корни, судьбы, родоплеменная честь проходят через непредсказуемые испытания, но сохраняют какой-то вектор, генезис, тенденцию, традицию и прочие мудреные понятия, придуманные грамотеями. А если рассуждать попроще, то вспоминались при случае такие предваряющие рассказ слова «как говорил мой отец, маманя, дед, бабуся...» А ещё более убедительно звучали описания пе-

режитых тягот, неприятностей, ошибок, провалов, взлётов. Словом, через тернии к звёздам, пусть эти звёздочки далеко и не первой величины.

Но хватит преамбул. Как проявлялась эта линия, эта честь в нашем супруненковском роду?

В добротном, вольном приднепровском селе Шульговка (оно не знало крепостного права) Протовчанской паланки (казачьей области) наш прадед Мирон был писарем, но за какие-то провинности попал под арест. Дед Сильверст оставил добрую память, как превосходный в селе портной, да и пасечник тоже. Завести хоть два-три улья пчёл считалось обычным для сообразительного хозяина. Но ни портняжество, ни пчёлы не спасли успешного деда в страшный общероссийский голод 1921 года. После его смерти старший сын Павло уберёт восьмерых своих младших братьев и сестёр. Учужал спасение в городе, начал с чернорабочего. Сестёр пристроил няньками, братьев – на учёбу. Но по наветам ещё сельским его шесть раз (!) арестовывали, он объявлял голодовку (она ещё имела значение), освободился, благодаря хорошему почерку и находчивости – подавал рацпредложения, «устроился», как говорили, в контору. В трудное время 30-х годов, нового голодомора сумел спасти, забрать из села деда Овсея Васильевича (по маминой линии), уже опухшего. После мытарств с жильём на окраине города сумел построить большой дом, посадить сад. Но сопутствовали и беды: заболел туберкулёзом, отказали ноги, без маминых забот не выкарабкался бы. С началом войны тут уж и я, восьмиклассник, настоял на эвакуации.

Удивила мама. Оставаясь в оккупации, до этого ни одного дня нигде не работая, как только домохозяйка, сообразила наладить частное «производство» мыла. Покупала у селян старых петухов на городском базаре и от кого-то, очевидно, надоумилась варить мыло и затем ходить по деревням и обменивать свой товар на продукты. «Так бы ты со временем и мыловаренную фабрику открыла», – шутил я, когда узнал о её затее.

Отец на фронте с трехклассным образованием церковно-приходской школы в звании старшины при наличии того же «красивого» почерка, ну и не без помощи земляков вторую половину войны провоевал начальником штаба военно-строительного отряда. Я, будучи комвзвода, разыскал его в Будапеште и съездил туда, находясь в то время недалеко. А ещё раньше, в 42-ом под Ростовом девятиклассником приезжал к нему на передовую. Оба остались живы в военной мясорубке. Разве это не награда маме, да и нам самим?

Меня, литраба заводской газетёнки взяли корреспондентом «Комсомолки». Но недолго музыка играла... Меня начали вызывать в Запорожское КГБ, грозились, увольняли с работы, исключили из Союза писателей СССР. Да забыл, как меня судил невиновного трибунал армии, а более высокая инстанция – трибунал фронта оправдал. Не тот казак, что на коне, а тот, что под конём. Я выжил, стал писать и издавать книжки. Дождался, порадовался за детей. У Юры во время его докторантуры выходило по три книжки в год. Безднадёжным холостяком он сублимировался в творчестве. Володя не раз награждаемый «золотым пером» за свои опусы, со своими великолепными книжками развелся с женой.

Так с потерями мы выкарабкивались, помня о родовой чести. Даже внук Ваня учудил своей «симметрией» на I курсе: получил премию за рацию по компьютерным делам и схлопотал «хвост» по математике. Что от судьбы, от предков, что от себя – не так просто и разобрать, но в том, что мы «кузнецы» своих удач, сомневаться не приходится.

Совершишь поступок – пожнешь характер, посеешь характер – пожнешь судьбу. Это осознали ещё древние. Не забыта и мистика. Но дошло и до заморочки: мол, судьба зависит и от имени. Нравнодушны остаёмся к однофамильцам. Между прочим, Супрун по Далю – «смурной», угрюмый... Но это на Новгородчине. На Сечи, в Украине опровергли толкование. По крайней мере, в нашем роду. Помещать ли это эссе в мои мемории. Вопрос к Юре и Володе.

Дорогой Юра! Поздравления и самые наилучшие пожелания к вашему с Володей дню! (День рождения у Юры и Володи – в один день, 4 мая, с разницей в два года. – Авт.) И самое главное, важное пожелание – чтобы у вас с

ним было доброжелательное братское взаимопонимание. Согласись, ведь сколько общего, родного! А без этого человек – ущербный сирота. Даже внимание к малознакомым людям, а тем более к родственникам – это в духе нашей родовой чести. Об этой чести я и написал под настроение к майским (вашим, с Володи!) дням, таким многозначительным для нашей семьи, да и, наверное, и для очень многих людей, когда буйно возрождается Великая Природа. В мае я в один день сдавал досрочно по два экзамена перед поездкой в альплагерь. Боже, какое счастливое было время в солнечные победно-майские дни. Спасибо за книги! Я так сдерживаю себя от широко надуваемых щек гордящегося отца. Удач Вам и здоровья! Будем надеяться... **Твой П.**

ФОТОГАЛЕРЕЯ

ДВЕ СУДЬБЫ: отец Павел Сильверстович и сын Павел Павлович Эти Фото просятся на плакаты

Отец первым отправляется на фронт

Памятная встреча на фронте под Будапештом 1944 г.

Ну что, сынку, облобызаемся за нашу победу! 1944 г.

Теперь уж никуда

РЕЦЕНЗИИ НА КНИГИ П.П. СУПРУНЕНКО

«ВРЕМЯ МОЛЧАНИЯ» ПОМОГЛО АВТОРУ

И.А. Зотиков, член-корреспондент РАН, член Союза писателей России, всемирно известный ученый-гляциолог, именем которого назван ледник в Антарктиде, полярник, путешественник, писатель и художник

Имя Павла Павловича Супруненко известно в журналистских кругах и мемуарной литературе уже несколько десятилетий.

Но вот вышла его новая книга «Исповедь читателя (Литературные воспоминания)», написанная в соавторстве с сыном Юрием (т.е. отредактированная и подготовленная им к печати), когда её автору уже за 80. Вышла, правда, небольшим тиражом в журнале «Троицк литературный» (местное изд-во «Тривант») №8-9, октябрь 2008. И оказалось, что именно она – его главная книга. Он копил материалы для нее всю жизнь. Почти мальчиком, девятиклассником, автор ушёл из дома – от немцев, «отступать» с армией. Потом почти пять лет в армии, на фронте «от звонка до звонка». Дальше – учёба «на журналиста», много лет работы в разных издательствах и газетно-журнальных изданиях, переписка с Солженицыным.

Но ведь всё это – подобные истории – встречалось в литературе много раз. И всё же рассказ Супруненко, особенно его «военная» часть, – это нечто уникальное. Я читал такие истории всю жизнь, казалось, что ничего нового из них не узнать. И вдруг, не могу оторваться, читаю взахлёб каждую страницу, узнавая о войне и человеке на войне, а далее журналистские мытарства совсем необычные.

То, что Супруненко не смог издать это раньше, а ждал десятилетия, сохранив свежесть своего восприятия, сделало эти воспоминания современными. «Время молчания» превратило его «вино» не в кислый уксус, а в выдержанный марочный продукт.

И правильно сделала редакция, сообщив читателю, что именно о таких книгах, как эта, сказал в своё время Лев Толстой: «Мне кажется, со временем вообще перестанут выдумывать художественные произведения. Писатели, если они будут, будут не сочинять, а только рассказывать то значительное или интересное, что им случилось наблюдать в жизни».

Помощь в издании оказал сын автора Юрий, тоже писатель. Но хочется читать продолжение, а в дальнейшем и полноценного, в смысле полновесного тиража, издания. Поэтому отзыв мой, одновременно, крик о том, что её надо издать вновь и многотысячным тиражом.

ОТДЕЛЬНО ВЗЯТАЯ ПРАВДА ЖИЗНИ

Игорь Болгарин, писатель, сценарист фильмов «На графских развалинах», «Испытательный срок», «Адьютант его превосходительства», «Дума о Ковпаке», «Девять жизней Нестора Махно» и др., режиссер

С интересом прочитал книги П.П. Супруненко «Исповедь читателя» и «Жизнь под вопросами». При некоторых вполне и легко исправимых недостатках, произведения, как факт общественного интереса, на мой взгляд, состоялись. А иначе зачем бы автор собирал и отбирал многое, написанное на протяжении, по меньшей мере сорока-пятидесяти лет жизни под одну крышу, я имею в виду, под одну обложку.

К мемуарной литературе я отношусь более чем положительно, естественно в том случае, если пишущему свои воспоминания есть что рассказать идущему на смену поколению. Ведь воспоминания и пишутся для некоторого непедалируемого, деликатного назидания.

Книги П. Супруненко я тоже отнес бы к мемуарам, хотя природа у них иная. Автор – журналист. Жизнь и служба бросали его в самую гущу представляющих определенный интерес, хотя и не главных, не поворотных в истории страны событий. И, как я понимаю, он отобрал из всего им увиденного, пережитого и описанного лишь то, что, как ему показалось, может заинтересовать будущих читателей. Быть может, им руководила мысль: прочтите и не повторяйте наших ошибок. Намерение благородное, хотя, к сожалению, каждое поколение добывает жизненный опыт своим собственным трудом и своими собственными ошибками.

И, тем не менее, авторский посыл, даже если я не очень точно его для себя определил, бесспорно, благороден. И важен. Правдиво описанный опыт каждого человека о его прожитой жизни дает читателям некое представление о том времени. А в совокупности множество таких свидетельств создают объемную картину, которую называют правдой жизни.

Во всяком случае, так я понял авторское желание издать свои журналистские труды. Ибо если бы его намерения были иными: рассказать о своей жизни внукам и правнукам, достаточно было бы пяти-шести переплетенных машинописных рукописей.

Что касается самих книг. П. Супруненко – не первый, но все же один из не очень многих, кто искренне и честно рассказал свою, окопную правду о прошедшей Великой войне, свидетелем и участником которой он был; о тех

журналистских перипетиях, в которых пришлось участвовать.

Пусть генералы (и от литературы тоже) воспевают красоту стратегических замыслов и их тактическое воплощение. Они в меньшей степени испытывают на себе все тяготы войны, реже напрямую соприкасаются с её грязью и кровью, одним словом непричесанной прозой жизни.

Воспоминания П. Супруненко о войне и литературно-журналистской жизни для меня во сто крат ценнее и дороже, поскольку он войну видел не через подзорную трубу, не из штабных кабинетов, а сам своими ногами месил грязь военных дорог, кормил вшей, выносил из боя погибших товарищей. Не привлекая литрабов, сам корпел с ручкой в руках или за печатной машинкой. О такой войне воспоминаний не так уж и много. К сожалению, тех рядовых войны, кто выжил в этой мясорубке и спустя годы смог доверить все, что сохранила память, бумаге, осталось совсем уж мало. Время неумолимо. Пройдет еще немного лет, и наши внуки будут представлять нашу войну, как мы представляем войну 1812 года. Сплошная романтика: кивера, ментики, веселый звон сабель и шпор...

Большой общественный интерес, как мне представляется, имеют страницы авторских длительных соприкосновений с судьбой А. И. Солженицына. Это, опять же, повествование о рядовом того непростого времени, который бескорыстно, по собственным убеждениям, пытался помочь Солженицыну сохранить драгоценные страницы им написанного. Рисковал? Да. Ведал страх? И это было. Может, страницы с этими признаниями и представляют для читателя самую большую ценность? Лично я в этом убежден. Примечательно, что литературно-публицистические воспоминания из этих книг, с существенными дополнениями отобрал и подготовил к печати в виде нового произведения под характерным названием «Исповедь читателя» сын Павла Супруненко – Юрий.

И еще. Мне нравится дегероизация авторских поступков. Благодаря этому, читая книгу, веришь всему, сказанному автором.

Можно было ещё много писать о том хорошем, что я увидел в книге. Вероятно, есть там и некоторые недостатки (право, не очень существенные). Не стану их перечислять, чтобы не отбивать хлеб у будущих редакторов и издателей. А о том, что книги в слегка доработанном виде, следует продолжить и, главное – переиздать значительно бóльшим тиражом, в этом у меня нет никаких сомнений.

уже давно. Будучи редактором одного из популярных журналов, его статьи я неоднократно редактировал и в нём же и печатал. Да и с редактором и публикатором этой книги, с его младшим сыном Юрием Супруненко меня связывает многолетняя творческая дружба, и со старшим сыном был когда-то знаком. И признаюсь, первые десятки страниц было читать тяжеловато. Автор, хотя и старый журналист, но книжный формат обязывает к несколько более живому стилю повествования, чтобы интерес читателя не ослабевал. Но постепенно, глава шла за главой, и я поймал себя на желании не закрывать книгу как можно дольше, порой и глубоко за полночь. И вот теперь, закрыв последнюю страницу, у меня созрело и мнение об этом удивительно ценном издании.

Вначале я хочу сказать, что название книги найдено не совсем удачно. Жизнь под вопросами могла быть у Павла Павловича, когда он делал свои дневниковые записи, систематизировал их, осмысливал – как это он умудрился прожить такую насыщенную жизнь, вместившую в себя так много настолько значимого не только для одного человека, но и в масштабах всей страны. Теперь же, когда книга вышла к мыслящему читателю, ей гораздо более подошло бы более фундаментальное название. Что-то типа – «История становления человека советско-российского». Или – «Кто мы, современные россияне?». Или – «Так что же это за житель 1/6 части планеты – российский homo soveticus?».

В чём основная ценность этого тома? Да в том, что он нацелен в будущее. Это сегодня, покуда ещё автор находится в добром здравии, пока ещё в стране у нас проживает не одна тысяча таких вот живых и относительно здоровых свидетелей становления нашего государства – да и не просто свидетелей, а активных его строителей! – сегодня мы можем ещё с некоторой вальяжностью листать страницы этой книги. Отыскивая в ней эпизоды по своему вкусу: хорошо известные, мало известные и совсем не знакомые. Но пройдет несколько десятков, сто лет – и ценность этой книги станут определять совсем не специалисты по антиквариату, а серьёзные исследователи истории современной России. Я предрекаю этой книге значимость пусть не «Истории государства российского» Карамзина, историографов того периода становления страны было всё-таки считанные единицы, но для исследователей данной эпохи книга будет ценнейшим подспорьем ничуть не меньшим, чем для эпохи исследования Руси Карамзиным. И вот, почему я это утверждаю.

Вначале меня несколько раздражал своеобразный язык автора, его стиль подачи текста. Скажу больше – он мне не нравился. Интересно, но... не хватало литературной обработки, «красивостей». И лишь постепенно до меня дошло, что эта «корявость» – это же гениальный ход, пусть он и не продуман сознательно! Павел Павлович в книге не один раз сетует, что ему, как журналисту, никогда не удавались очерки, но какую же великолепную службу на сей раз сослужило это «не умение»! Эпизод за эпизодом вчитываясь в жизнь обыкновенного советского приднепровского паренька, ставшего в 17 лет (!) и героем Великой Отечественной, и журналистом популярнейшей московской газеты, и диссидентом, и... – невозможно эти этапы вместить в одну фразу – вдруг ловишь себя на мысли, что читаешь не дневниковые записи, а смотришь кадры документального кино, причём в чёрно-белом варианте. Именно отсутствие в тексте неизбежных литературных «прилизываний», когда хочется выразиться красивее, даже в

ЖИЗНЬ СТАВИТ СВОИ ВОПРОСЫ

А.Г. Антонов, журналист
(В сокращенном виде опубликовано в газете «День литературы», №1 (149), январь, 2009, рубрика «Наши книги»)

Вспоминаю, как с опасениями впервые взял в руки книгу П.П. Супруненко «Жизнь под вопросами»: 519 страниц текста – это совсем не пустячный объём внимательного чтения, если иметь задачу дать этой книге грамотное профессиональное заключение. Тем более, текста с таким содержанием – мемуаров, исповеди о прожитой жизни. Правда, с творчеством Павла Супруненко я был знаком

ущерб точности и правдивости описания, позволило тексту идеально передать не только атмосферу того времени, но и сохранить для потомков ДОКУМЕНТАЛЬНУЮ точность происходящего. Этот сочный язык народа, прямые и прямодушные высказывания автора и героев его эпизодов, оценка происходящего без оглядки на «как бы чего не вышло» — это как археологический культурный слой: фальши быть не может просто по определению. И вот он, срез: и 30-х годов, и военного лихолетья, и «развитого социализма» — он весь на виду. Не в «киношном», цветном изображении, а истинном виде, с натуральной достоверностью. Значение этого труда П. Супруненко, повторяю, сейчас трудно осмыслить. Но пройдет не так много времени, и книга эта займёт своё достойное место на полках российских исследователей и любознательных людей. Конечно — в переизданном виде. Возможно и с изменённым названием, скорее всего в более красочном оформлении и твёрдой обложке, но главное — она будет востребована. Наиболее — нашими любознательными потомками. Они же дадут ей и достойную оценку.

Не думаю, что в таком коротком тексте стоит давать выдержки из книги, как подтверждение моих выводов. Однако хочется заметить одну особенность в изложении этой книги. Павел Супруненко не искал «истории», не лез из кожи, дабы оказаться поближе к значимым событиям или людям. Но он эту «историю» сам и творил, делая свою работу — что на фронте фактически мальчишкой, что уже зрелым, в прикосновении к глубинам творчества Булгакова, что в личных контактах с цветом советской творческой интеллигенции, что в письмах к Солженицыну — он всегда делал свою работу честно и добросовестно. За что ему поклон, и не только от потомков.

ЧИТАТЕЛЬ ОТКЛИКАЕТСЯ И ПРЕДЛАГАЕТ

В.Я. Кerpель, полковник в отставке, инженер-строитель

Известен шуточный афоризм об историках, как способных рассказать о том, чего не видели на основании того, в чем сами сомневаются. Понятно, почему в познании времени отдается предпочтение документам и мемуарам.

Воспоминания П.П. Супруненко я читал еще в машинописном виде, и они мне напомнили лучшие образцы этого жанра. Моя поддержка, как он сказал, помогла ему продолжить работу. (Прав, прав Козьма Прутков: похвала таланту необходима, как канифоль смычку скрипача...)

Вместе с тем, я, знающий войну не понаслышке, сделал некоторые замечания. К примеру, не набалдашник орудия, а дульный тормоз, обмотки — не русское изобретение, а английское и т.д. Неверными мне показались и рассуждения о тех, кто воевал «сзади». Без комбатов, комполков, тыловиков воевать невозможно. А начальство бывало разное, часто несправедливое, жестокое. На то и война — явление страшное, жестокое, неразумное, не зря проклятая людьми. (Ведь есть примеры, когда у матери погибло на фронте все ее девять сыновей.) В военных могилах оста-

лись десятки миллионов в большинстве своем молодых людей. Мы вернулись из ада.

Говорят, у каждого солдата своя война. Своя-то своя, но все-таки поток крови и дерьма, в котором барахтался каждый — общий. П.П. Супруненко старался, кроме своего опыта, запоминать и чужой. И замолкнут последние участники той небывалой невиданной мясорубки, заглухнет последнее «эхо» войны и будет опасность, что обрстет она вымыслами и домыслами, всяческими интерпретациями и манипуляциями. И забудется идиотизм, крестинизм взаимоотношений, и потянет людей на новые страдания, смерти, увечья. Подобные откровенные воспоминания, несомненно, напомнят о пережитом.

И забывать об этом нельзя. И важно, что среди псевдо-патриотической героизации войны пробивается «окопная правда».

Автор сумел соразмерно вспомнить фронтовой быт, неприглядные эпизоды, непомерную тяжесть, незаметные подвиги товарищей по оружию. У каждого из нас фронтовиков была своя война.

Интересно было бы узнать, оправдывается ли «прогноз» Л.Н. Толстого: «Мне кажется, со временем вообще перестанут выдумывать художественные произведения. Писатели, если они будут, будут не сочинять, а только рассказывать то значительное или интересное, что им случилось наблюдать в жизни». (Эта цитата великого классика приведена Супруненко как эпитафия к его книге.) Ну, а пока что немало авторов облачают чисто художественный вымысел в форму мемуаров для усиления достоверности, искренности. Вот откровения одного из популярных прозаиков наших дней В. Маканина: «В основном я пишу книги от первого лица. Это гораздо сильнее. Это гораздо достовернее. Вот и спрашивают: это вы о себе писали? Странный вопрос. Это то же самое, что спросить у актера: вы играете самого себя? Прием от «первого лица» очень помогает...»

Нет, видимо, не случайно, не зря слово «мемуары» произошло от латинского «память». При чтении такой литературы приходит на память то время, когда мы с нетерпением ожидали в очередных задерживаемых номерах «Нового мира» воспоминаний Эренбурга «Люди, годы, жизнь», Паустовского «Повесть о жизни». Особо запомнились необычные книги С. Алексиевич, построенные на воспоминаниях простых людей.

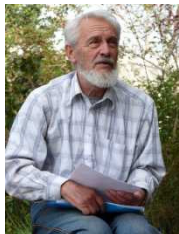
Мемуарный жанр известен еще с античности. Но если Ксенофонт, Цезарь, Руссо и другие мировые авторитеты необходимы были для образования, то наши соотечественники — протопоп Аввакум со своим «житием», Герцен с «Былым и думами», Достоевского с записками из «мертвого дома», Короленко с историей современника и вплоть до нашего современника Солженицына с бодающимся теленком с дубом и зернышком меж двух жерновов, — что называется, брали за душу, волновали до щемящего сердца. Словом, традиция в русской литературе устойчивая и возрастающая.

Я не литератор, а технар, но осмелюсь высказать такое предложение. Сейчас как никогда возникло и присуждается много литературных премий, но нет премии за такой примечательный, популярнейший жанр, как мемуары. Такое поощрение не помешало бы авторам для поддержки штанов и читателям для ориентации в современном книжном море.

Я не удивился, если бы Павел Супруненко со своей «Жизнью под вопросами» и «Исповедью читателя» оказался среди номинантов такой необходимой премии.

НЕ ТЕАТРАЛЬНЫЙ ЗАДНИК, А СРЕДА ОБИТАНИЯ

В.К. Исаев, член Союза художников России

Второй год читаю книгу П.П. Супруненко «Жизнь под вопросами». Давно не находился под впечатлением столь близкого по идеологии и ощущениям чтива. Читаю урывками — в электричке, в метро по причине жуткой загруженности своими делами. И прочёл уже две трети! И чем дальше, тем интереснее! Огромная жизнь, с первого взгляда, рядового человека, изображённая в упор, с фотографической точностью, понемногу разрастается в эпопею всей страны с её гигантскими катаклизмами и взлётами, пропущенными через сердце одного человека. Одна песчинка мчится в общем потоке, сумасшедшем водовороте событий, попадает в могучие тектонические изломы, бьётся о скалы и плывёт, плывёт в будущее. И оказывается, что это не песчинка, что в ней самой — вселенная своих мыслей и эмоций. Своя память, своя оценка событий. Конечно, к такой книге подойдёт мнение Льва Николаевича о том, что проза со временем будет уходить

от вымысла, потому что реальная жизнь даёт достаточно материала, достойного изображения в книгах.

Но, думаю, никогда проза не ограничится этими рамками. В том и ценность книги П.П. Супруненко, что автор останется в одиночках, сумевших поднять этот гигантский труд, а литература в целом пойдёт дальше своими тропами, куда обязательно войдут и фантастика, и сатира с юмором, и даже серьёзная проза, но с элементами гиперболы, гротеска и метафоры. И ведь все эти жанры держатся на фантазии авторов.

Точность и сочность в изображении характеров и ситуаций восхищает. Солдатский юмор на фоне артобстрела и бомбежки с «мессершмитов», весь гигантский фон Великой войны для автора был не театральным задником, а средой обитания. А послевоенные годы я уже сверяю со своей памятью и вижу, насколько П. Супруненко глубже и дальше видел. Немало книг советских авторов я прочёл о тех временах и не хочу их принижать, но у Супруненко правда жизни значительно резче и беспощаднее. Конечно, теперь само Время разрешило, но попробуй — вспомни, воскреси из памяти и не соври! Не перегни палку в другую сторону. Здесь тоже хождение по лезвию ножа. И, кажется, автор справился.

Есть и ещё соображение. Жизнь раскручивается всё круче и круче. Вопросов всё больше. У читателей всё меньше времени для беллетристики. Я, наверное, закончу читать эту книгу не раньше начала следующего года, но, что поделаешь — зато она меня захватила! И хорошо, что таких книг будет единицы в массе удобоваримого чтива — тем они ценнее. Всё ценнее становится краткость — сестра таланта, но большой талант может обойтись и без сестры.

ПЕРСОНАЛИИ

СУПРУНЕНКО ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ родился 13 декабря 1924 г. в селе Шульговка Петриковского района Днепропетровской области. Войну начал на Кавказе 17-летним добровольцем, прошел с боями Украину, Венгрию, Румынию, Австрию, день Победы встретил в Праге. От рядового дослужился до офицера, комвзвода саперов. Отмечен многими медалями, награжден тремя орденами – "Красной Звезды" и двумя "Отечественной войны". После войны закончил исторический факультет Днепропетровского государственного университета. Но, имея диплом историка, стал журналистом. Работал во многих газетах, в том числе в "Комсомольской правде" собкором по югу Украины. Издал несколько книжек путевых очерков по Днепру, три книжки авторизованных запорожских казацких легенд, подготовил несколько изданий с сыном-географом Юрием Супруненко. В 1975 г. им занималось украинское КГБ – за переписку с А.И. Солженицыным и "антисоветскую пропаганду". В

г.Запорожье привлекалось около 30 "свидетелей", но порядочные люди не пошли на клевету и провокацию. Процесс не состоялся. В 1994 г. вышла книга о А.И. Солженицыне "Признание... Забвение... Судьба..." (Пятигорск: Библиотека российской курортной газеты "Кавказская здравница"). В 2008 г. сыном Юрием подготовлены к печати и изданы мемуары П. Супруненко "Жизнь под вопросом" (М.: Тривант, 520 стр.). Проживает в г. Москве.

ФОТОГАЛЕРЕЯ

ФОТОГАЛЕРЕЯ

ЖУРНАЛИСТИКА – МОЯ СУДЬБА

Мой товарищ – командировочный чемоданчик с редакционными материалами. Которого «свистнули» в одну из поездок

Раздумья на пару после вызовов в КГБ

Совместно с первой женой Солженицына
Н.А. Решетовской была написана книга о нем

Собкором «Комсомольской правды» на
стройках народного хозяйства

ФОТОГАЛЕРЕЯ

МОЯ СЕМЬЯ – МОЯ ОПОРА

Клан Супруненко в сборе

И у сыновей детство – как приключенческая литература

Я и сыновья Вова и Юра на сборе шиповника

Первая машина «Москвич»

ФОТОГАЛЕРЕЯ

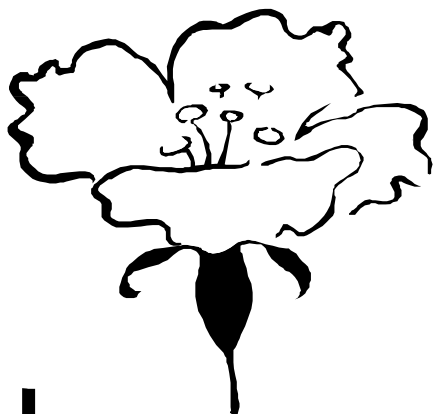
МОЯ СЕМЬЯ – МОЯ ОПОРА

Я и сыновья Вова и Юра. Редкие встречи вместе

Встреча с Юрой после его экспедиции в горы

Знак города Троицка на Калужском шоссе. Установлен в 2007 году.

Автор Максим Пушков со своим творением.

